

Философский журнал

Контекст и рефлексия:
философия о мире и
человеке

Том 10, № 6А, 2021.

С. 1-212.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Philosophical journal

Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being

December 2021, Volume 10, Issue 6A.

Pages 1-212.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке» Том 10, № 6А, 2021

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 6 номеров в год. Периодичность части В – 6 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Лисина Елена Александровна, кандидат философских наук (09.00.11), член Ассоциации международного права, генеральный директор, издательский дом «АНАЛИТИКА РОДИС», преподаватель, *Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах* – главный редактор журнала.

Нечипуренко Виктор Николаевич, доктор философских наук (09.00.11), профессор, профессор кафедры исторической культурологии, *Южный федеральный университет* – заместитель главного редактора.

В журнале представлены философские дискуссии и результаты современного научно-философского миропонимания, имеющие важное мировоззренческое значение для развития общества, науки и культуры, преподавания философии в высших учебных заведениях, а также для исследовательских траекторий философов и заинтересованной публики. Авторами статей являются философы, ведущие специалисты современного научного знания, а также исследователи, работающие над диссертациями.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке» включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий**», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	Е.А. Лисина, кандидат философских наук (09.00.11)
Зам. главного редактора	В.Н. Нечипуренко, доктор философских наук (09.00.11)
Научный редактор и переводчик	К.И. Кропачева
Корректоры	Л.Л. Куприяничик, И.А. Шейхетова
Переводчики	В.Н. Ермаков, Р.Э. Бокова, В.И. Лукьянчикова
Дизайн и верстка	М.А. Пучков, М.Л. Песчаная
Адрес редакции и издателя	142400, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с января 2012 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-43675 от 24.01.2011.

ISSN 2223-5485

Учредитель и издатель: «АНАЛИТИКА РОДИС»

Индекс по Объединенному каталогу «Пресса России»:

42973 «Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке»

Цена договорная. Подписано к печати 15.12.2021. Печ. л. 34,5. Формат 60x90/8.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 6 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7146.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, Москва, Сушевский вал, 49.

"Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being" December 2021, Volume 10, Issue 6A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 6 times a year. The frequency of part B is 6 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Lisina Elena Aleksandrovna, PhD in Philosophy, member of the International Law Association, CEO of LLC ANALITIKA RODIS, lecturer, *Institute of Psychology and Psychoanalysis at Chistye Prudy* (Russia) – editor-in-chief.

Nechipurenko Viktor Nikolaevich, Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of the History of cultural studies, *Southern Federal University* (Russia) – deputy editor-in-chief.

The journal initiates philosophical discussions and presents the results of the modern scientific and philosophical world outlook that are of great philosophical significance for the development of society, science and culture, for teaching philosophy in higher educational establishments as well as for research trajectories of philosophers and an interested audience. Philosophers, leading specialists in the field of modern knowledge and researchers working on dissertations are among the authors of articles published in the journal.

The views and opinions of the publisher may not necessarily coincide with those of the authors. The journal "Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being" ("*Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*") was included in the "List of the peer-reviewed scientific journals, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	E.A. Lisina, PhD in Philosophy
Deputy editor-in-chief	V.N. Nechipurenko, Doctor of Philosophy
Science editor and translator	K.I. Kropacheva
Proof-readers	L.L. Kupriyanchik, I.A. Sheikhetova
Translators	V.N. Ermakov, R.E. Bokova, V.I. Luk'yanchikova
Styling and make-up	M.A. Puchkov, M.L. Peschanaya
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142400, 7 Rogozhskaya st., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since January 2012.

The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Mass media registration certificate:

PI No. FS77-43675 of 24.01.2011.

ISSN 2223-5485.

Founder and Publisher: "ANALITIKA RODIS"

Subscription index of the union catalogue "The Press of Russia":

42973 "Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being".

Contract price. Passed for printing on 15.12.2021. 34.5 printed sheets. Format 60x90/8.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 6 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 7146.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.

P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 09.00.01 – Онтология и теория познания

Вишев Игорь Владимирович – доктор философских наук, профессор, исторический факультет, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет).

Волков Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-философских наук, Московский государственный институт культуры.

Копцева Наталья Петровна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии, Сибирский федеральный университет.

Лойко Ольга Тимофеевна – доктор философских наук, профессор, профессор отделения социально-гуманитарных наук, Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

Никольский Сергей Анатольевич – доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук.

по направлению: 09.00.03 – История философии

Ивлев Виталий Юрьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет).

Осипов Игорь Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Панибратцев Андрей Викторович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук, Московский государственный университет гражданской авиации.

по направлению: 09.00.04 – Эстетика

Бурлина Елена Яковлевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и культурологии, Самарский государственный медицинский университет.

Клюев Александр Сергеевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры музыкального воспитания и образования, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Черникова Валентина Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет.

по направлению: 09.00.05 – Этика

Абакарова Райганат Магомедовна – доктор философских наук, профессор, Дагестанский государственный университет.

Варава Владимир Владимирович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Хильгендорф Эрик – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, Вюрцбургский университет Юлия Максимилиана (Германия).

по направлению: 09.00.08 – Философия науки и техники

Дмитриев Анатолий Васильевич – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, руководитель группы конфликтогенности миграции, Почетный доктор, Институт социологии Российской академии наук.

Ивлева Марина Левенбертовна – доктор философских наук, профессор, кафедра социальной философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов.

Масалова Светлана Ивановна – доктор философских наук, профессор, председатель оргкомитета пресс-центра, Южный федеральный университет.

Пусько Виталий Станиславович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Информационная аналитика и политические технологии», Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет).

Шиповалова Лада Владимировна – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии науки и техники, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет.

по направлению: 09.00.11 – Социальная философия

Василенко Инна Викторовна – доктор философских наук, профессор, кафедра социологии, Волгоградский государственный университет.

Везиров Тимур Гаджиевич – доктор педагогических наук, профессор, академик Международной академии информатизации, академик Российской академии естествознания, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики, Дагестанский государственный педагогический университет.

Желтов Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор, декан факультета политических наук, завкафедрой политических наук, Кемеровский государственный университет.

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор, профессор центра научных исследований, Всероссийский государственный университет юстиции.

Лисина Елена Александровна – главный редактор журнала, кандидат философских наук, член Ассоциации международного права, генеральный директор, издательский дом «АНАЛИТИКА РОДИС», преподаватель, Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах.

Нечипуренко Виктор Николаевич – заместитель главного редактора журнала, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры исторической культурологии, Южный федеральный университет.

Скорик Александр Павлович – доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и отечественной истории, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова.

по направлению: 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры

Аксюмов Борис Владимирович – доктор философских наук, доцент, профессор, кафедра социальной философии и этнологии, Северо-Кавказский федеральный университет.

Аргановский Сергей Николаевич – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств.

Брейтман Александр Семенович – доктор философских наук, профессор, кафедра международных коммуникаций, сервиса и туризма, Дальневосточный государственный университет путей сообщения.

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Международный банковский институт.

Дорофеев Даниил Юрьевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Санкт-Петербургский горный университет.

Кортунов Вадим Вадимович – академик Российской академии естественных наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных знаний, Российский государственный университет туризма и сервиса.

Костина Анна Владимировна – доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет.

Мордовцева Татьяна Васильевна – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Таганрогский институт управления и экономики.

Орлова Надежда Хаджимерзановна – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики, Санкт-Петербургский государственный университет.

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, доцент, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

по направлению: 09.00.14 – Философия религии и религиоведение

Астахова Лариса Сергеевна – доктор философских наук, заведующая кафедрой религиоведения, Казанский федеральный университет.

Жуков Артем Вадимович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Забайкальский государственный университет.

Нестеркин Сергей Петрович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, отдел философии, культурологии и религиоведения, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Орлов Андрей Александрович – доктор философии по религиоведению, магистр богословия, кандидат социологических наук, факультет богословия, Университет Маркетта (США).

Пронина Татьяна Сергеевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина.

Редакционная коллегия

Бенин Владислав Львович – доктор педагогических наук, кандидат философских наук, профессор, завкафедрой культурологии и социально-экономических дисциплин, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы.

Бондаренко Григорий Владимирович – магистр философии (Оксфорд), кандидат исторических наук.

Шешукова Галина Викторовна – доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры общегуманитарных, социально-экономических дисциплин и управления, Оренбургский институт (филиал), Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

Editorial Board

Abakarova Raiganat Magomedovna – Doctor of Philosophy, Professor, Dagestan State University (Russia).

Aksyumov Boris Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor at the Department of social philosophy and ethnology, Stavropol State University (Russia).

Artanovskii Sergei Nikolaevich – Doctor of Philosophy, PhD in Philology, Professor at the Department of the Russian language and teaching methodology, Saint Petersburg State University of Culture and Arts (Russia).

Astakhova Larisa Sergeevna – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Religious Studies, Kazan Federal University (Russia).

Breitman Aleksandr Semenovich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of social cultural service and tourism, Far Eastern State Transport University (Russia).

Burlina Elena Yakovlevna – Doctor of Philosophy, PhD in History of Arts, Professor, Head of the Department of philosophy and cultural studies, Samara State Medical University (Russia).

Chernikova Valentina Evgen'evna – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of philosophy, Stavropol State University (Russia).

Dmitriev Anatolii Vasil'evich – Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Conflict Migration Group, Honorary Doctor, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Dokuchaev Il'ya Igorevich – Doctor of Philosophy, PhD in Culturology, Professor at the Department of philosophy, Far Eastern Federal University (Russia).

Dorofeev Daniil Yur'evich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Saint Petersburg Mining University (Russia).

Hilgendorf Eric – Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Dean and Head of the Department of criminal law, criminal procedure, legal theory, data protection law and computer science law, Julius-Maximillian University, Wurzburg (Germany).

Ivlev Vitalii Yur'evich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University (Russia).

Ileva Marina Levenbertovna – Doctor of Philosophy, PhD of Psychology, Professor, Head of the Department of Social Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia (Russia).

Klyuev Aleksandr Sergeevich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of music education, Herzen State Pedagogical University (Russia).

Koptseva Natal'ya Petrovna – Doctor of Philosophy, Professor at the faculty of art criticism and culturology, Siberian Federal University (Russia).

Kortunov Vadim Vadimovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of philosophy, humanities and social sciences, Russian State University of Tourism and Service, Moscow (Russia).

Kostina Anna Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Doctor of Culturology, Docent, Head of the Department of philosophy, culturology, political sciences, Moscow University for the Humanities (Russia).

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of philosophy, Kemerovo State University (Russia).

Lisina Elena Aleksandrovna – Editor-in-chief, PhD in Philosophy, member of the International Law Association, CEO of LLC ANALITIKA RODIS, lecturer, Institute of Psychology and Psychoanalysis at Chistye Prudy (Russia).

Loiko Ol'ga Timofeevna – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of culturology and social communication, Tomsk Polytechnic University (Russia).

Masalova Svetlana Ivanovna – Doctor of Philosophy, Docent, Associate Professor, Rostov Institute of Training and Retraining of Educators (Russia).

Mordovtseva Tat'yana Vasil'evna – Doctor of Culturology, PhD in Philosophy, Professor, Head of the Department of humanities, Taganrog Institute of Management and Economics (Russia).

Nechipurenko Viktor Nikolaevich – Deputy editor-in-chief, Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of the History of cultural studies, Southern Federal University (Russia).

Nesterkin Sergei Petrovich – Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Department of Philosophy, Culturology and Religious Studies, Institute of Mongology, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Nikol'skii Sergei Anatol'evich – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Orlov Andrei Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Professor at the theological faculty, Marquette University, Milwaukee (USA).

Orlova Nadezhda Khadzhimerzanovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Saint Petersburg State University (Russia).

Osipov Igor' Dmitrievich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of History of Philosophy, Saint Petersburg State University (Russia).

Panibrattsev Andrei Viktorovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Political Sciences, Moscow State Technical University of Civil Aviation (Russia).

Prilutskii Aleksandr Mikhailovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Religious Studies, Herzen State Pedagogical University (Russia).

Pronina Tat'iana Sergeevna – Doctor of Philosophy, Leading Researcher of the Research Center for Religious and Ethnopolitical Studies, Leningrad Pushkin State University (Russia).

Pus'ko Vitalii Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of information analytics and political technologies, Bauman Moscow State Technical University (Russia).

Shipovalova Lada Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology, Saint Petersburg State University (Russia).

Skorik Aleksandr Pavlovich – Doctor of History, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of theory of state and law, Novocherkassk Polytechnic Institute, South Russian State Technical University (Russia).

Varava Vladimir Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, Vice-Rector for Research, Dean of the Religious Studies department, Russian Orthodox Institute of Saint John the Divine (Russia).

Vasilenko Inna Viktorovna – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of sociology, Volgograd State University (Russia).

Vezirov Timur Gadzhievich – Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of International Academy of Informatization, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor at the Department of methods of teaching mathematics and computer science, Dagestan State Pedagogical University (Russia).

Vishev Igor' Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of philosophy, South Ural State University (Russia).

Volkov Vladimir Nikolaevich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of humanities, Academy of Retraining of Workers of Art, Culture and Tourism, Moscow (Russia).

Zheltoy Viktor Vasil'evich – Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the faculty of political sciences, Head of the Department of political sciences, Kemerovo State University (Russia).

Zhukov Artem Vadimovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Transbaikalian State University (Russia).

Advisory Board

Benin Vladislav L'vovich – Doctor of Pedagogy, PhD in Philosophy, Professor, Head of the Department of culturology and socio-economic disciplines, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (Russia).

Bondarenko Grigorii Vladimirovich – Master of Philosophy (Oxford), PhD in History.

Sheshukova Galina Viktorovna – Doctor of Political Sciences, PhD in Philosophy, Professor at the Department of humanities, socio-economic disciplines and management, Orenburg Institute (branch), Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Содержание

Онтология и теория познания

- Камалеева Айсылу Мударисовна**
Акторно-сетевая теория Б. Латура: проблема субъект-объектной дихотомии5
- Грошев Андрей Михайлович**
Кооперационная модель процессов коммуникации: базовые элементы и технологии.....14
- Агафонова Ольга Васильевна**
Конструктивная взаимосвязь материального и духовного в художественном творчестве30

История философии

- Фивейская Людмила Владимировна**
Нравственная эволюция государства в философии права Владимира Соловьева.....38
- Кабылова Айна Сагатбековна**
Современная трактовка совершенного общества: от «добродетельного города» (аль-Мадины аль-Фадилы) казахского мыслителя аль-Фараби до «умного города» (smart city).....46

Этика

- Горбунов Святослав Сергеевич**
«Благоговение перед жизнью» Альберта Швейцера: Объективность, универсальность и рациональность концепции61

Социальная философия

- Нагорная Любовь Александровна**
Нагорный Николай Николаевич
Телесность человека с нарушениями опорно-двигательного аппарата в социокультурном пространстве современного российского общества69
- Просеков Сергей Анатольевич**
Хуан Гуанго и Сяоин Ци о китайском «лице»90
- Просеков Сергей Анатольевич**
Европейский постмодернизм и китайский менталитет99
- Полякова Ольга Олеговна**
Эволюционные ступени познания в материально-идеалистическом выражении107
- Арсенина Ольга Владимировна**
Теоретико-аналитическое осмысление трансляции гедонистической ориентации современной молодежи в контексте глобализационных процессов119
- Ху Цзяжуй**
Исследование восточной философии и культурных элементов в романе «Чапаев и Пустота»126
- Гринева Ольга Александровна**
Ответственность человека в условиях современного информационно-технического прогресса135
- Стычинский Максим Сергеевич**
Феномен новых медиа в контексте процессов глобализации культуры143
- Дроганов Виктор Иванович**
Философский анализ научных концепций жизненного цикла зиготы человека152
- Сирин Сергей Анатольевич**
Экология социальной среды и правовой нигилизм157

Попова Татьяна Владимировна Тищенко Александр Викторович Опыт осмысления проблемы профилактики и противодействия деструктивному влиянию телевизионной коммуникации	164
Килясханов Магомед Хизриевич Гришай Елена Васильевна Медведева Наталья Евгеньевна Скворцов Дмитрий Владиславович Корсаков Александр Николаевич Современное общество и либерализм	169
Зенин Константин Анатольевич Тисовский Роман Романович Ишунин Владимир Андреевич Лункашу Юрий Виорелович Гребенюк Диана Валерьевна Политическая власть: теоретический анализ сущности и содержания понятия	175
Гришай Владимир Николаевич Сыпачев Сергей Владимирович Зенин Константин Анатольевич Попова Татьяна Владимировна Вопросы актуальности сущностных характеристик философии власти	182
<i>Философия и история религии, философская антропология, философия культуры</i>	
Королева Ксения Аркадьевна Игра как принцип мышления в литературе Борхеса	189
Бирюков Игорь Леонидович Социокультурные модели проявления духовного здоровья в аспекте спортивной деятельности	196
Гильманов Владимир Хамитович Прихожая Лилия Ивановна Кант и проблема Covid в контексте антропологии критического идеализма	203

Contents

Ontology and theory of cognition

Aisylu M. Kamaleeva

B. Latour's actor-network theory: the problem of subject-object dichotomy.....5

Political institutions, processes, technology

Andrei M. Groshev

The cooperation model of communication processes: basic elements and technologies14

Ol'ga V. Agafonova

The constructive interrelation between the material and the spiritual in artistic creation.....30

History of philosophy

Lyudmila V. Fiveiskaya

Moral evolution of the state in the philosophy of law of Vladimir Solovyov38

Aina S. Kabylova

Modern interpretation of the perfect society: from the "virtuous city" (al-Madina al-Fadila) of the Kazakh thinker al-Farabi to the "smart city"46

Ethics

Svyatoslav S. Gorbunov

"Reverence for Life" by Albert Schweitzer: Objectivity, universality, and rationality of the concept61

Social philosophy

Lyubov' A. Nagornaya

Nikolai N. Nagorny

The corporeality of a person with musculoskeletal disorders in the socio-cultural space of modern Russian society.....69

Sergei A. Prosekov

Hwang K.-K. and Xiaoying Qi on the Chinese "face"90

Sergei A. Prosekov

European postmodernism and Chinese mentality99

Ol'ga O. Polyakova

Evolutionary stages of cognition in material-idealistic expression.....107

Ol'ga V. Arsenina

Theoretical and analytical comprehension of the translation of the hedonistic orientation of modern youth in the context of globalization processes119

Hu Jiarui

Study of eastern philosophy and cultural elements in the novel "Chapaev and Pustota"126

Ol'ga A. Grineva

Person's responsibility in terms of modern information technology progress135

Maksim S. Stychinskii

The phenomenon of new media in the context of cultural globalization processes143

Viktor I. Droganov

Philosophical analysis of scientific concepts of the human zygote life cycle152

Sergei A. Sirin

Ecology of social environment and legal nihilism157

Tatiana V. Popova
Viktor A. Tishchenko
Experience in understanding the problem of prevention and counteraction to the destructive influence of television communication164

Magomed Kh. Kilyaskhanov
Elena V. Grishai
Natalia E. Medvedeva
Dmitry V. Skvortsov
Alexander N. Korsakov
Modern Society and Liberalism169

Konstantin A. Zenin
Roman R. Tisovsky
Vladimir A. Ishunin
Yuri V. Lunkashu
Diana V. Grebenyuk
Political power: theoretical analysis of the essence and content of the concept175

Vladimir N. Grishai
Sergey V. Sypachev
Konstantin A. Zenin
Tatiana V. Popova
Questions of relevance of essential characteristics of the philosophy of power182

Philosophy of religion and religious studies; philosophical anthropology, philosophy of culture

Kseniya A. Koroleva
Play as a thinking principle in Borges' literature189

Igor L. Biryukov
Socio-cultural models manifestation of spiritual health in the aspect of sports activities196

Vladimir Kh. Gil'manov
Liliya I. Prikhozhaya
Kant and the Covid problem in the context of the anthropology of critical idealism203

УДК 11

DOI: 10.34670/AR.2021.60.18.001

Акторно-сетевая теория Б. Латура: проблема субъект-объектной дихотомии

Камалеева Айсылу Мударисовна

Аспирантка,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: alslkazan@mail.ru

Аннотация

Цель исследования – проследить логику преодоления субъект-объектной дихотомии, лежащей в основании классического миропонимания, в рамках акторно-сетевой теории Бруно Латура. Актуальность темы обусловлена логикой развития современного общества и проблемы его исследования современной наукой. Постоянно усложняющаяся структура современного мира неразрывно связана со стремительным прогрессом науки и техники. Цифровая революция влияет не только на материальную составляющую нашей жизни, но и на само наше понимание реальности. Изменение этого понимания произошло в русле осознания того факта, что сегодня отношения человека с миром и с другими людьми находятся почти в полной зависимости от материальных искусственных посредников. Все, созданное в лаборатории, рано или поздно покидает ее стены, населяя тем самым планету разного рода гибридами. Очевидно, что такая глобальная тенденция не может оставаться без последствий. В статье описываются актуальность и культурно-исторический фон возникновения главной исследовательской интенции Латура, обозначаются основные методологические принципы акторно-сетевой теории, а также основания для ее критики. Научная новизна исследования заключается в интерпретации акторно-сетевой теории Латура как интенции преодоления субъект-объектной дихотомии. В результате нами обозначены достоинства и недостатки теории Латура, а также дальнейшая логика продолжения ученым исследований в русле актуальной сейчас политической экологии.

Для цитирования в научных исследованиях

Камалеева А.М. Акторно-сетевая теория Б. Латура: проблема субъект-объектной дихотомии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 6А. С. 5-13. DOI: 10.34670/AR.2021.60.18.001

Ключевые слова и фразы

Б. Латур, акторно-сетевая теория, субъект-объектная дихотомия, философия науки, политическая экология.

Введение

Актуальность темы обусловлена логикой развития современного общества и проблемы его исследования современной наукой. Постоянно усложняющаяся структура современного мира неразрывно связана со стремительным прогрессом науки и техники. Цифровая революция влияет не только на материальную составляющую нашей жизни, но и на само наше понимание реальности. Изменение этого понимания произошло в русле осознания того факта, что сегодня отношения человека с миром и с другими людьми находятся почти в полной зависимости от материальных искусственных посредников. Все, созданное в лаборатории, рано или поздно покидает ее стены, населяя тем самым планету разного рода гибридами. Очевидно, что такая глобальная тенденция не может оставаться без последствий.

Человечество традиционно склонно воспринимать любые гибридные формы как некое отклонение от нормы. В связи с этим аналитическая работа с разного рода аномалиями, возникшими в результате вмешательства гибридов в нашу жизнь, происходит по одной и той же логике: сложные ситуации трактуются как нарушение в функционировании техники, науки, морали, права, социума или чего-то нам еще неизвестного [Кузнецов, 2010]. Такая редукция обусловлена тем, что человек хотел бы иметь дело с несмешанными процессами, только с чисто социальными или с чисто техническими проблемами. Однако такое упрощение недопустимо. Парадокс заключается в том, что само наше существование возможно только как пересечение и смешение множества человеческих и нечеловеческих феноменов. Невозможно даже представить, что стало бы с человечеством, если бы оно не вступило во взаимодействие, например, с такими сущностями нечеловеческого происхождения как зерновые, металлы, дрожжи и так далее.

Несмотря на тот факт, что история человечества без сомнений является частью истории всего мироздания, современный человек зачастую, следуя «нововременной Конституции», упрямо делит все существующее на Природу и Культуру, на природные объекты и социальные субъекты, которые якобы подчиняются разным законам и не зависят друг от друга [Латур, 2006]. Именно эти классические установки, соответствующие традиционным формам социального взаимодействия и привычным способам познания мира, лишают нас подходящего инструментария для интеллектуальной работы с гибридной современностью. Одной из основных предпосылок классической эпистемологии, требующей на данный момент переосмысления, является субъект-объектная дихотомия.

Фундаментальную задачу преодоления субъект-объектной дихотомии и традиционного деления мира на природу и культуру в конце 70-ых годов XX века ставит перед собой французский социолог и философ науки Бруно Латур, в результате чего появилась его акторно-сетевая теория.

Для достижения обозначенной выше цели необходимо решить следующие задачи: 1) проследить логику переосмысления классических эпистемологических оснований в рамках акторно-сетевой теории Б. Латура; 2) обозначить основные методологические положения философии Б. Латура, вытекающие из его неклассического подхода к эпистемологии; 3) продемонстрировать слабые стороны акторно-сетевой теории посредством изучения работ ее оппонентов и критиков.

Основные методологические принципы и эпистемологические решения данной теории были исследованы нами с применением герменевтического метода. Теоретической базой исследования послужили работы самого Бруно Латура, его коллег М. Каллона, С. Вульгара, а

также научные работы об акторно-сетевой теории таких исследователей, как С.С. Астахов, А. Кузнецов и др. Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы для подготовки лекций по дисциплинам «Современная зарубежная философия» и «Гносеология».

Переосмысление классических эпистемологических оснований в рамках акторно-сетевой теории Б. Латура

Переосмысление противопоставления субъекта и объекта познания Б. Латуром разворачивается через критику оснований социального конструктивизма. Причем в данном феномене мыслителя более всего беспокоит не столько сам конструктивизм, сколько примыкающее к нему прилагательное «социальный». «Социальное» – одна из главных объяснительных категорий в ряде современных направлений философии и социологии – появляется в результате попытки решения проблемы, поставленной еще Р. Декартом. Он, обозначив дуалистическое разделение *res cogitans* и *res extensa*, стал ключевой фигурой в создании наследия Нового времени и его «Конституции», до сих пор не преодоленной человечеством. «Нововременная конституция», как и любая другая форма законного декларирования, имеет свои предпосылки и основания. Во-первых, она игнорирует факт конструирования природы людьми и утверждает ее существование независимо от человека. Во-вторых, «конституция Нового времени» воспринимает общество только конструктивистски, упуская его автономные проявления. И, наконец, в-третьих, в рамках данного мировоззрения природа и общество признаются совершенно различными (вещь-в-себе и люди-между-собой).

Сам Б. Латур, возможно, свой интеллектуальный путь также начинал с этих классических положений. Более того, первая книга мыслителя по праву может считаться манифестом социального конструктивизма. Однако, уже ко второму ее изданию Латур убирает из названия книги слово «социальный» [Latour, Woolgar, 1986], а затем и вовсе начинает активную работу в области критики бывших коллег. Философ приходит к выводу, что для конструктивистов «социальная интерпретация» подразумевает не более, чем «способность заместить некоторый объект, относящийся к природе другим, принадлежащим обществу, и показать, что именно он является истинной сущностью первого» [Латур, 2003]. Подобное стремление «перенаправить внимание с ложного объекта на истинный, выводимый из общества» [Латур, 2003], как считает Латур, вполне можно обозначить как социальный редукционизм, который на самом деле также достоин критики, как и небезызвестный редукционизм физикалистский.

Проблема этой позиции для философа состоит в ее недостаточной обоснованности. Во-первых, совершенно не понятно, почему общественные отношения, культура, моральные нормы и ценности подходят для основания редукции лучше, чем, например, теория Дарвина или закон всемирного тяготения? Во-вторых, открытым остается вопрос о том, как, используя лишь однородный материал «общества», возможно объяснить существующее разнообразие науки и техники?

Конечно, у конструктивистов все же существует ряд интересных тезисов. В рамках данной теории объекты познания ограничены тремя основными ролями. Первая роль выводится из концепции «творения *ex nihilo*», которая переворачивается с ног на голову: вещи наделены способностями своего создателя и предстают перед человеком в виде абсолютной, «напористой, безудержной слепой силы», которая подчиняет себе все [Латур, 2006]. Вторая роль объекта познания, напротив, отбрасывает всякую возможность «агентности» объектов: вещи

существуют лишь для того, чтобы обладающий свободой воли и способный к созиданию человек придавал им различные формы; они не более, чем «опора для прихотливой человеческой изобретательности». И, наконец, третья роль отличается от предыдущей лишь добавлением толики «сопротивления, оказываемого действиям людей» [там же]: вещь все же признается способной преподнести сюрприз полновластному хозяину материи – человеку. В этот «грустный» список Латур также добавляет – в виде иронического выпада – комическую роль вещей, которые существуют только для того, чтобы философы могли показать, что они не идеалисты.

Основные методологические положения акторно-сетевой теории Б. Латура

Альтернативой описанной нами классификации является акторно-сетевая теория Б. Латура, и состоит она в предложении рассматривать вещи как способные к действию. Важно понимать, что это утверждение не представляет собой просто смещение акцентов в рамках концепции конструктивизма. Латур мог бы пойти по пути наименьшего сопротивления: ослабить позиции коллективного субъекта и, исходя из этого, наделить большей значимостью сами объекты. Однако такое решение было бы иллюзорным: философ также остался бы в рамках субъект-объектной дихотомии, что привело бы его к уже известному эпистемологическому клише в виде утверждения, что субъект и объект познания существуют во взаимодействии. А ведь принятие тезиса о взаимодействии отнюдь не исключает редукционизма, а напротив, – все многообразие мира сводит к уже знакомым нами объектной и субъектной сторонам.

Подобный трюизм для Латура неприемлем, так как он настойчиво ищет способ обосновать объективное существование вещи, которая меняется, растет, исчезает и действует. В ином случае все теоретические построения, открытия и изобретения представляют собой не более, чем бесполезный конструкт. В связи с этим акторно-сетевая теория идет на ряд важных методолого-эпистемологических «шагов», которые можно обозначить как ирредукционизм, антиэссенциализм и реляционизм.

Отказ Латура от редукционистского мышления оборачивается утверждением принципа ирредукции: «Никакая вещь сама по себе не может быть сводима или несводима к другой» [Латур, 2015]. В акторно-сетевой концепции ирредукционизм тесно связан с понятиями актанта и испытания сил.

Понятие «актант» было заимствовано Латуром у П. Греймаса: «актанты – это существа или предметы, участвующие в процессе в любом виде и в любой роли, пусть даже в качестве простых фигурантов или самым пассивным образом» [Греймас, 1983]. Как мы видим, в лингвистическом отношении в рамках такого представления об «актантах» между «я лежу» и «камень лежит» нет никакой разницы. Среди множества смежных терминов, таких как «монады», «силы» или «энтелехии», Латур посчитал «актант» наиболее подходящим для своей концепции, так как данное понятие способно лучше всего нивелировать разницу между субъектом и объектом. Если применить эту понятийную «сетку» к процессу познания в науке, становится очевидно, что во время эксперимента и сам ученый, и его инструменты, и объект исследования – все они являются онтологически равноправными актантами.

Другим методологическим принципом акторно-сетевой теории является антиэссенциализм. Он состоит в тезисе, что ни один актант сам по себе не наделен сущностными свойствами, так как сами свойства формируются только при испытании сил (trials of strength). До испытания сил, считает Латур, невозможно предсказать, чем в итоге окажется актант. Ярким примером этого

«механизма» является деятельность Л. Пастера: ученый не знал о способностях сибирской язвы при взаимодействии с питательной средой, пока не был проведен соответствующий эксперимент. Из этого сравнения очевидно, что «субъект» и «объект» – это результат испытания сил, а не категории с заранее заданными характеристиками.

В связи с этим Латур решается на замену категорий «природа» и «культура» на «людей» и «нечеловеков». Эта лингвистическая операция, как кажется на первый взгляд, совершенно не преодолевает дуализм, а просто ослабляет субъектную сторону классических субъектно-объектных отношений. Однако, такой вывод поспешен, ведь в рамках антиэссенциализма акторно-сетевой теории предполагается агностическая установка в вопросе о сущности актантов: «Сущности не имеют свойств сами по себе, и все наши предположения о свойствах действующих сил до начала их взаимодействия бессмысленны» [Астахов, 2016].

Другими словами, нет никакого смысла говорить о четком разделении между субъектами и объектами, ведь оно всегда создается заново в зависимости от обстоятельств дискуссии. В качестве разъясняющего примера сторонники акторно-сетевой теории часто приводят дебаты о стадиях развития эмбриона [Morgan, 1999]: грань между биологическим материалом и будущим человеком оказывается очень тонкой, так как всегда подчиняется интересам вовлеченных лиц, а также зависит от возможностей медицинской техники и технологий.

Еще одним опорным пунктом Б. Латура становится реляционизм. Философ считает, что сущности существуют только в отношениях с другими сущностями. В уже обозначенном нами испытании сил актанты способны проявлять себя самыми разными способами, в том числе они способны создавать друг с другом связи.

Из этого утверждения есть соблазн вывести онтологическое неравенство актантов, что было бы в корне неверным. Для пояснения Латур обращается к метафоре представительства: после проведения переговоров один актант становится тождественен нескольким и наделяется способностью представлять их «интересы». Уже упомянутый нами Пастер в таком случае является не просто главной «звездой» французских гигиенистов, но и представителем бизнесменов, правительственных чиновников и даже микробов, вовлеченных в эксперимент.

Как мы можем понять, главной задачей подобного представителя является установление между актантами и их интересами связи, которая, согласно Латуре, является не столько эквивалентом, сколько переводом. Концепция перевода заимствована Латуром у М. Серра [Латур, 2017], утверждавшего, что процессы установления тождества и различия существуют как процессы перевода, но никак не сами по себе.

Сам феномен редукции объясняется в таком случае особой устойчивостью некоторых таких «союзов» по сравнению с другими образовавшимися связями-переводами. В рамках латуровской концепции мир активных субъектов и пассивных объектов заменяется на мир человеческих и нечеловеческих актантов, которые до их вступления в какое-либо взаимодействие друг с другом обладают равной семиотической агентностью и онтологическим статусом. Этот мир неопределенных актантов, где редукции как неравенства возникают только в процессе испытания сил изначально равных актантов.

Таким образом, в целях преодоления субъект-объектной парадигмы автору акторно-сетевой теории было недостаточно предоставить вещам возможность сопротивляться действиям людей, как это делали многие исследователи до Латура; ему важно было показать, что сама оппозиция субъект-объект является лишь результатом испытания сил между разнородными неопределенными сущностями.

Критика акторно-сетевой теории Б. Латура

Акторно-сетевая теория Б. Латура, как и всякая новаторская концепция, была внимательно исследована научным сообществом на предмет недостатков и «слепых зон». Критиками были поставлены разные вопросы. Как вещи вообще могут действовать? Откуда у вещей интересы (особенно когда речь идет о неодушевленных предметах)? Можем ли мы говорить о том, что в данной теории небесным телам и программам приписывается интенциональность? Ответы на каждый из этих вопрошаний можно найти при ознакомлении со взглядами Латура на «внутренний мир» человека: внутреннего мира не существует, «мотивация личности существует постольку, поскольку она разворачивается и проявляется во внешних отношениях» [Астахов, 2016]; данная логика верна и для вещей.

Эти общие вопросы, конечно, важны, но ими критика акторно-сетевой теории не исчерпывается. Теория была проанализирована такими учеными, как Д. Блур, Г. Коллинз, С. Йерли, которые раскритиковали положения акторно-сетевой теории с точки зрения социального конструктивизма.

Дэвид Блур обвиняет создателя акторно-сетевой теории в так называемом «прямом реализме», при котором научные термины буквально соответствуют реальности: исходя из латуровской концепции получается, что «если речь идет об электронах и микробах, то должны существовать электроны и микробы; если речь идет о теплороде и линиях магнитного поля, должны существовать такие вещи, как теплород и магнитное поле» [Блур, 2017]. Абсурдность таких утверждений очевидна; и как считает Блур, избежать подобной несуразицы помогает именно субъект-объектная парадигма. Ее отсутствие же неизбежно ведет к невозможности проблематизации научного описания.

Представители Батской школы социологии научного знания Гарри Коллинз и Стивен Йерли в свою очередь критиковали Латура за то, что его теория не предложила науке ничего нового. Ученые утверждают, что у всякого исследователя науки есть лишь два сценария поведения: первый – верить словам ученых о нечеловеках, для чего определенно надо владеть языком естественных наук; второй – воспринимать их как результат коллективной человеческой деятельности, для чего надо владеть языком и методологией социологии научного знания. Как мы видим, исследователь науки оказывается в сложном положении, так как прямого выхода на объекты в обход самой науки у него нет [Pickering, 1995].

Общим ответом каждому из оппонентов можно считать следующее замечание Б. Латура: было бы странно ввязываться в разделение природы и культуры, чтобы потом их заново соединить [Callon, Latour, 1992]. Если же быть более детальным – не имея при этом цели раскрыть полемику между представителями акторно-сетевой теории и их критиками, – следует обозначить несколько моментов: во-первых, против обвинения Блура в «прямом реализме» говорит сам факт высказывания Латуром онтологических суждений о сущности своих объектов; во-вторых, аргументация Коллинза и Йерли несовершенна, ведь нельзя одновременно и считать ученых единственными проводниками в мир вещей, и критиковать их язык высказывания об объектах

Заключение

В процессе теоретического движения к обозначенной в данной работе цели мы пришли к следующим выводам.

Переосмысление классических эпистемологических оснований в рамках философии Б. Латура начинается с осознания сложности гибридной современности. Она сопротивляется понятийному инструментарию социальных конструктивистов, а значит, требует новой концептуальной сетки. Основным отличием этого нового подхода, по мнению Латура, должен быть окончательный отказ от субъект-объектной дихотомии, ведь ее доведение до предела ведет к научно несостоятельной социальной редукции и функциональной интерпретации вещей только в их соотношении с человеком.

Выступая таким образом против конструктивизма при изучении общества, Б. Латур выстраивает собственную акторно-сетевую теорию, методологически опираясь на ирредукционизм, антиэссенциализм и реляционизм. Мыслитель настаивает на объективном и автономном существовании вещи, развивающейся и деятельной, осмысляя ее с помощью понятий «актант», «испытание сил», «люди» / «нечеловеки».

Новаторство подобных идей спровоцировало бурную реакцию ученого сообщества, а особенно таких мыслителей-конструктивистов, как Д. Блур, Г. Коллинз, С. Йерли. Они выступили против прямого реализма мыслителя, отметили отсутствие у него новизны, а также концептуальную недостаточность в вопросе осознания дискурсивной логики научного сообщества и его отдаленности от непосредственного изучения объектов. Несмотря на то что каждый из этих аргументов может быть оспорен изнутри концепции Латура посредством внимательного изучения его онтологических суждений, акторно-сетевая теория все же требует доработки.

Открытым для нее остается вопрос об агентности вещей. На самом деле никто не обладает прямым доступом к вещам, так как путь к ним всегда проходит через ученых, инженеров и других исследователей мира. Следовательно, нечеловеки всегда будут выражать свои интересы через человеческих посредников, и ни о какой агентности в этом случае говорить уже не приходится.

Другой проблемной «зоной» латуровской теории остается осмысление понятия «испытание сил». Описание вещей без людей или вещей среди других вещей часто таит в себе опасность эссенциализма: оно может обернуться приписыванием нечеловекам свойств до всякого испытания сил, что приводит к необходимости нового решения парадокса отсутствия.

Сам Б. Латур как создатель и главный представитель акторно-сетевой теории, на данный момент сосредоточился не столько на доработке в плане устранения недостатков своей концепции, сколько на ее движении вопреки недочетам в сторону политической экологии и концепции Антропоцена. Ученый разрабатывает новую модель взаимодействия человека и нечеловеков под названием «Парламент вещей», в которой не ставилась бы под сомнение способность животных, растений, небесных тел и орудий к действию.

Библиография

1. Астахов С.С. Способны ли объекты к действию? Версия акторно-сетевой теории // *Философия и культура*. 2016. № 8. С. 1091-1098. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.8.20069
2. Блур Д. Анти-Латур // *Логос*. 2017. Т. 27. № 1. С. 85-134.
3. Греймас А.-Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь // *Семиотика*. М., 1983. С. 483-550.
4. Кузнецов А. Медиации и бытие в философии Бруно Латура // *Медиафилософия*. СПб., 2010. С. 244-256.
5. Латур Б. Биография одного исследования: к работе о модусах существования // *Логос*. 2017. № 1. С. 217-244.
6. Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // *Вестник МГУ. Сер. «Философия»*. 2003. № 3. С. 20-39.
7. Латур Б. Надежды конструктивизма // *Социология вещей*. М.: Территория будущего, 2006. С. 365-390.

8. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб., 2006. 296 с.
9. Латур Б. Пастер. Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб., 2015. 316 с.
10. Callon M., Latour B. Don't throw the baby out with the Bath school! // Science as practice and culture. Chicago, 1992. P. 343-368.
11. Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. Princeton, 1986. 294 p.
12. Morgan M.L. (ed.) Fetal Subjects, Feminist Positions. Philadelphia, 1999. 352 p.
13. Pickering A. The Mangle of Practice: Time, Agency and Science. Chicago, 1995. 296 p.

B. Latour's actor-network theory: the problem of subject-object dichotomy

Aisylu M. Kamaleeva

Postgraduate,
Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: alslkazan@mail.ru

Abstract

The purpose of the study is to trace the logic of overcoming the subject-object dichotomy underlying the classical worldview in the framework of the actor-network theory of Bruno Latour. The relevance of the topic is due to the logic of the development of modern society and the problems of its study by modern science. The ever more complex structure of the modern world is inextricably linked with the rapid progress of science and technology. The digital revolution affects not only the material component of our lives, but also our very understanding of reality. The change in this understanding took place in line with the realization of the fact that today man's relations with the world and with other people are almost completely dependent on material artificial mediators. Everything created in the laboratory sooner or later leaves its walls, thus populating the planet with all sorts of hybrids. Obviously, such a global trend cannot remain without consequences. The article describes the relevance and cultural and historical background of the emergence of the main research intention of Latour, identifies the main methodological principles of the actor-network theory, as well as the grounds for its criticism. The scientific novelty of the study lies in the interpretation of Latour's actor-network theory as an intention to overcome the subject-object dichotomy. As a result, we have outlined the advantages and disadvantages of Latour's theory, as well as the further logic of the scientists' continuation of research in line with the current political ecology.

For citation

Kamaleeva A.M. (2021) Aktorno-setevaya teoriya B. Latura: problema sub"ekt-ob"ektnoi dikhotomii [B. Latour's actor-network theory: the problem of subject-object dichotomy]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (6A), pp. 5-13. DOI: 10.34670/AR.2021.60.18.001

Keywords

B. Latour, actor-network theory, subject-object dichotomy, philosophy of science, political ecology.

References

1. Astakhov S.S. (2016) Sposobny li ob"ekty k deistviyu? Versiya aktorno-setevoi teorii [Are objects capable of action? Version of the actor-network theory]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture]. 2016. № 8. S. 1091-1098. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.8.20069
2. Bloor D. (2017) Anti-Latur [Anti-Latour]. *Logos*, 27, 1, pp. 85-134.
3. Callon M., Latour B. (1992) Don't throw the baby out with the Bath school! In: *Science as practice and culture*. Chicago.
4. Greimas A.-J., Courtés J. (1983) Semiotika. Ob"yasnitel'nyi slovar' [Semiotics. Explanatory Dictionary]. In: *Semiotika* [Semiotics]. Moscow.
5. Kuznetsov A. (2010) Mediatsii i bytie v filosofii Bruno Latura [Mediation and being in the philosophy of Bruno Latour]. In: *Mediafilosofiya* [Mediaphilosophy]. St. Petersburg.
6. Latour B. (2017) Biografiya odnogo issledovaniya: k rabote o modusakh sushchestvovaniya [Biography of one study: to work on modes of existence]. *Logos*, 1, pp. 217-244.
7. Latour B. (2003) Kogda veshchi dayut sdachi: vozmozhnyi vklad «issledovaniy nauki» v obshchestvennye nauki [When things hit back: the possible contribution of “science research” to social sciences]. *Vestnik MGU. Ser. «Filosofiya»* [Bulletin of Moscow State University. Ser.: Philosophy], 3, pp. 20-39.
8. Latour B. (2006) Nadezhdy konstruktivizma [Hopes of constructivism]. In: *Sotsiologiya veshchei* [Sociology of things]. Moscow: Territoriya budushchego Publ.
9. Latour B. (2006) *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii* [There was no new time. Essay on symmetrical anthropology]. St. Petersburg.
10. Latour B. (2015) *Paster. Voina i mir mikrobov, s prilozheniem «Nesvodimogo»* [Pasteur. War and the world of microbes, with the application of Irreducible]. St. Petersburg.
11. Latour B., Woolgar S. (1986) *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. Princeton.
12. Morgan M.L. (ed.) (1999) *Fetal Subjects, Feminist Positions*. Philadelphia.
13. Pickering A. (1995) *The Mangle of Practice: Time, Agency and Science*. Chicago.

УДК 32+316.77

DOI: 10.34670/AR.2021.67.59.002

Кооперационная модель процессов коммуникации: базовые элементы и технологии

Грошев Андрей Михайлович

Соискатель кафедры политологии,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
603022, Российская Федерация, Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23;
e-mail: beingofpoint@yandex.ru

Аннотация

В статье представлена и описана модель коммуникации бытия через призму анализа точки и кластеров-схем существования точек в рамках коммуникации как основы или смысла бытия в пространственно-временном континууме. Предлагаемая автором трактовка понимания бытия как коммуникационного круговорота определяется как система, в которой центр («смысл») формируется и заключается в «точке» как основе бытия. «Точка» включает в себя такие понятия, как шум и искажение, которые являются ее производными. Саму по себе точку можно трактовать как «точку одушевленную» и «точку неодушевленную». Базовыми категориями формирования и существования точки одушевленной являются воспитание и обучение. Смыслообразующими категориями формирования и существования точки неодушевленной являются явления природы. Данные выводы представлены в тексте статьи в виде кластеров-схем. Автором определены базовые составляющие системы коммуникации бытия и их основные свойства и характеристики, обозначены параметры «точки» как смысла коммуникации, выявлены каналы взаимодействия «точки» в коммуникационном поле, а также разобрана на примерах оптимальная кооперация авторской модели коммуникации бытия с коммуникационной средой с последующим ее осмыслением.

Для цитирования в научных исследованиях

Грошев А.М. Кооперационная модель процессов коммуникации: базовые элементы и технологии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 6А. С. 14-29. DOI: 10.34670/AR.2021.67.59.002

Ключевые слова

Процесс коммуникации, коммуникационное поле, бытие, точка, одушевленная точка, неодушевленная точка, кооперационная модель, кластер-схема, характеристики коммуникации, факторы-способы коммуникации.

Введение

Бытие абстрактно, и каждый раз возникает многовариантность его восприятия, чувства и осмысления. Глагол «быть» есть почти во всех языках мира. Производное от него слово «бытие» означает существование. М.К. Мамардашвили, к примеру, понимал **бытие как актуальную полноту и жизнь того, что возможно, реальность или существующее в его полноте**, скажем, человек в его полноте [Мамардашвили, www]. М. Хайдеггер трактовал бытие как *Dasein*, что принято переводить как «вот-бытие», т. е. «здесь и сейчас», осмысляя бытие в ключе времени [Хайдеггер, www].

Постижение мотивов размышлений человека в исторической ретроспективе о бытии – один из залогов осмысления самого бытия. Мотивом могут быть коммуникативное поле и его изменение. Меняется коммуникация, меняется и восприятие бытия, формируются новые смыслы, следовательно, видоизменяется само бытие. Об этом, к слову, говорил еще М. Хайдеггер, упоминая, что «способы явленности бытия в сущем изменялись во времени» [«Теории»..., www]. Он прослеживал бытие с осознанием того, что происходит все большее и большее забвение бытия (к примеру, от Древней Греции до современности).

Говоря о Бытии и о «забвении бытия», мы говорим о системе коммуникаций Бытия, что позволяет нам предложить авторскую модель коммуникаций Бытия, сохраняя память, которая без сомнений включает в себя воспитание и знания, где модель является диалогом и продолжением Бытия.

С античных времен и по сей день вопросы изучения бытия интересуют человечество. Менялись человечество, эпохи, мышление – менялись бытие и, следовательно, представления о нем. В античные времена вопросы бытия интересовали Демокрита, Парменида, Аристотеля, Платона, философов пифагорейской школы и многих других. Понимание бытия менялось с течением времени. Например, досократики понимали бытие как фюзис (вещественно-природное начало), Платон – как сущность (идею вещей), Аристотель – как энергию (переход от возможности к действительности) [Там же] и т. д.

В Средние века античную триаду понимания бытия как «Единое – Ум – Душа» [Платон, 1986] воспринимали как конвергенцию понятий бытия и Бога. Такие авторы, как Августин Блаженный, Ф. Аквинский, Н. Кузанский, Ф. Суарес, считали бытие единственно возможным неизблемым предикатом Бога.

В эпоху Нового времени проблему изучения бытия можно охарактеризовать декартовским тезисом «мыслю, следовательно, существую» [Декарт, 1989, т. 1], согласно которому бытие является точкой пересечения мыслимого и существующего. Подобного мнения придерживались Г.В. Лейбниц, Н. Мальбранш, Б. Спиноза и др. В немецком классическом идеализме бытие трактовалось И. Кантом как «не реальный предикат, а лишь полагание того или иного содержания» [Кант, 1994, т. 5]. Подобные воззрения также были характерны для Г.В.Ф. Гегеля, И.Г. Фихте, Ф.В. Шеллинга и др.

В XIX-XX вв. существовал ряд направлений, критикующих и трактующих бытие и его интенции, иногда диаметрально противоположно. Среди философов той эпохи можно выделить Л. Витгенштейна, С. Кьеркегора, Ф. Ницше, Б. Рассела, Л. Фейербаха, М. Хайдеггера, А. Шопенгауэра, К. Ясперса и др.

Цель работы – описать модель коммуникации бытия через призму анализа точки и кластеров-схем существования точек в рамках коммуникации как основы или смысла бытия.

Объект исследования – бытие и система бытия. Предмет исследования – авторская модель коммуникации бытия и взаимодействие внутри системы бытия.

Методология

В качестве методологии предлагается использовать системный подход, поскольку представленная к рассмотрению авторская модель коммуникации бытия также является системой, содержащей бесконечное множество точек, качественное и количественное изменение которых изучается в контексте взаимодействия и взаимовлияния в коммуникационном поле в пространственно-временном континууме. Также в качестве методологического конструкта к авторской модели коммуникации бытия может послужить теория М. Хайдеггера о смысле бытия, согласно которой экзистенция является основой осмысления человеком бытия в пространственно-временном его понимании.

Экспериментальная часть

Бытие в данном конкретном случае предлагается понимать как существование в общем «смысле» этого слова. Система бытия состоит из конструкции «бытия множества» в «бытие общем».

По мнению Аристотеля, «смысл» бытия находится в каждой вещи: «если нет ничего помимо бытия, то ни его нельзя приписать чему-либо, ни ему нельзя что-либо приписать, и тем самым оно есть ничто» [Гурина, 1998, 190]. Подобная трактовка в целом является совокупностью бытия вещей и приводит к системе общего бытия по Пармениду. Парменид трактовал бытие неделимо, не выделяя бытия предметов и вещей. В его трактовке бытие вечно, а потому неподвижно и неизменно. Бытие не подвержено порче и гибели, иначе оно превратилось бы в небытие, но небытия не существует. У бытия нет ни прошлого, ни будущего. Бытие есть чистое настоящее. Оно неподвижно, однородно, совершенно и ограничено и имеет форму шара [Парменид, www].

Авторскую модель бытия также можно представить в форме сферы, в рамках которой бытие множества – это бытие точек как одушевленных, так и неодушевленных, создающих общую систему бытия как общего, неделимого существования, в котором все элементы взаимозависимы и взаимосвязаны. Все происходит в точке и коммуникации между точками.

Вопрос «смысла» бытия довольно непросто для анализа. Любое взаимодействие элементов в системе бытия происходит в пространственно-временном континууме. Об этом говорил, в частности, М. Хайдеггер. Так, по его мнению, человек является элементом бытийного. Таким образом, бытие не становится более понятным для человека, поскольку невозможно четко определить понятие бытия, что, в свою очередь, приводит в замешательство о его «смысле» [Хайдеггер, www]. Лишь тот видит целиком всю картину, кто выходит за ее рамки [Рушди, 2008]. Бытие может становиться понятным только во временном горизонте, когда человек, оглядываясь, может увидеть картину бытия целиком, приоткрыв тем самым завесу тайны его смысла. Бытие – это всегда бытие сущего (*Dasein*). Смыслом понятия *Dasein* является временность. Другими словами, лишь человек, по мнению М. Хайдеггера, способен осознавать свою смертность, временность существования, именно поэтому он может осознавать свое бытие [Хайдеггер, www].

Кроме того, говоря о коммуникативном поле бытия, необходимо затронуть вопрос не только о его «смысле», но и о трактовке или интерпретации смысла. Ведь то, как именно человек как часть сущего коммуницирует, во многом определяет то, что человек в итоге хочет сказать.

В подтверждение наших слов можно привести концепцию интериоризации Л.С. Выготского. По его мнению, интериоризация – это процесс преобразования внешних действий во внутренние психические функции. Л.С. Выготский, равно как и Э. Дюркгейм, считал, что сознание предстает в виде интериоризированных социальных межличностных отношений, где ключевую роль в объяснении механизмов мышления играют значения произнесенных слов. Таким образом, интериоризация языка ведет к выражению мыслей во внутренней речи. Внутренняя речь, в свою очередь, представляет собой обобщенные семантические комплексы, состоящие из фрагментов слов и фраз, с которыми группируются различные наглядные образы и условные знаки. Она основана на скрытой вербализации, сопровождающей процесс мышления человека, где осуществляются логическое упорядочивание воспринимаемых данных, включение их в определенную систему понятий, самоинструирование, анализ своих действий и переживаний [Выготский, 1999].

Итак, отталкиваясь от базового понимания «точки» как первичности и «смысла» бытия. Точка, по нашему мнению, есть набор характеристик, параметров, способностей, возможностей, особенностей, основным свойством которых является изменение. Это присутствует и в человеке, и в окружающей среде. Таким образом, точка может быть одушевленной (точка-человек, точка-животное) и неодушевленной (точка-предмет, точка – окружающая среда).

Почему именно точка является смыслом бытия, а не многоточие или тире, к примеру?! Если исходить из теории М. Хайдеггера о пространственно-временном континууме бытия, то тире можно представить как присутствие (наличие) интерпретации смысла бытия во временном отрезке, многоточие – как фиксацию интерпретации смысла бытия, а вот точку принять за смысл бытия как сочетание в одном моменте и мгновении пространства и времени. Подтверждает нашу идею и интерпретация бытия в категориях воплощения Единицы (монады) и Двоицы (диады), которые при соединении создают плоскость, при дополнении образуют пространство, где Единица (монада) – точка, а Двоица (диада) – линия [Лейбниц, 1982, т. 1, 413-429]. Точка и линия присутствия (как пространственно-временной континуум) раскрывают конструкцию бытия и определяют точку как его смысл.

В процессе рассмотрения нами «точки» каждый раз возникает вопрос об ее одушевленности и неодушевленности. Безусловно, это процесс взаимодействия, формирующий интерпретацию, от которого, как следствие, зависит «смысл». Происходит создание коммуникации бытия точек одушевленных и бытия точек неодушевленных.

Но так ли явно для человеческого Разума деление на одушевленные и неодушевленные точки?! Каким же тогда образом вписываются в эту конструкцию представления древних о перерождении человеческой души не только в человеческое тело, но и в камень, к примеру, или о наделении душевными свойствами сил и явлений природы (огонь, вода, дерево и т. д.)?!

У Фалеса Милетского, к примеру, материальное начало – вода – лежит в основании мира (сущего), образуя круговорот: все в воде рождается и ей же становится в итоге. Вода – это «логос» или, другими словами, «смысл». Фалес не делит мир на живое и неживое; по его мнению, все имеет душу [Фрагменты..., 1989, ч. I, 447-459]. Таким образом, смысл первичен. О душе также говорил и Демокрит. По его мнению, человек обладает душой, которая является малым миром [Большая советская энциклопедия, www]. Наличие ее и позволяет человеку видеть окружающую действительность таким образом, наделяя, как кажется Разуму человека, неодушевленные точки качествами одушевленной и наоборот.

У каждой точки, согласно авторской модели коммуникации бытия, есть свои *параметры*: – *состояние* (одушевленная или неодушевленная точка; органы чувств, физиология, химические, физические и другие свойства и т. д.);

- *восприятие* (возможность восприятия одушевленной или неодушевленной точкой с учетом следующих факторов: психологического состояния, опыта, стечения обстоятельств, физических, химических свойств и т. д.);
- *трансляция* (возможность трансляции одушевленной или неодушевленной точкой с учетом следующих факторов: психологического состояния, опыта, стечения обстоятельств, физических, химических свойств и т. д.);
- *осознание* (возможность осознания одушевленной или неодушевленной точкой процессов, принятия и оценки информации и т. д.).

Согласно исследованиям того же Демокрита, атом как неделимая сущность разной формы, движущаяся в пустоте, имеет свои характеристики, формы (выпуклые, шарообразные, квадратные, вогнутые и т. д.) и свойства (испарение, хаотичное перемещение, вихрь) [Солопова, 2011]. Это дает возможность рассматривать атом как точку и говорить о точках и параметрах точки, определенных нами выше. При столкновении атомы образуют предметы, создавая новые точки, а с учетом параметров определяется их смысл. Траектория точки бесконечна, в пути она может видоизменяться. Таким образом, каждая вещь или явление (земля, деревья, животные, растения, камни, вода, огонь, воздух), взаимодействуя, дополняя друг друга, образует единое целое, формируя при этом различия. По нашему мнению, бытие точки формирует бытие мироустройства. В процессе познания Разумом ли, органами чувств ли происходит формирование мышления как познавательного акта. А вот то, что установилось в виде мышления, может проясниться с помощью языка – как оно проясняется путем изобретения языка. Первое и второе не обязательно должны совпадать [Пущаев, www].

Мышление и язык определяются параметрами (характеристиками) точки, которые мы привели ранее. Мышление и язык, таким образом, представляются как состояние, восприятие, трансляция и осознание, от которых зависит наполнение – смысл бытия. Мышление и язык устанавливают особый способ взаимодействия, коммуникационную модель – схему точек. По мнению милетских философов, то, что мы видим, и то, что существует, отличаются. Эти два момента будут всегда как в точках и их существовании, так и в коммуникации и передаче информации.

Итак, столетия бытия приводят к формированию точек, которые, в свою очередь, создают и приводят к новым смыслам. История человечества рассказывает нам о появлении письменности, печатных изданий, создании радио, возникновении телевидения и Интернета. Перечисленные ресурсы являются информационно-смысловыми носителями, так называемыми «распространителями бытия». В бытии появляются новые модели взаимодействия, способы передачи сигналов. Возникают новые разработки, формы, способы доставки сигналов, дополнительные возможности. Всевозможные гаджеты, мобильные телефоны, возможности, которые они предлагают, формируют у индивида коммуникационную зависимость.

Появляется желание постоянно находиться на связи, быть везде одновременно, знать обо всем сразу. В этом акте существования обязательно должны присутствовать слово «смысл» как определяющее понятие и то, чем мы наполняем себя, принимая сигнал, транслируемый от «одушевленной точки» посредством «точки неодушевленной».

Интернет-среда и как часть этой среды присутствующие в ней социальные группы и их смыслы весьма разнообразны. Онлайн мы можем готовить, рисовать, работать, даже вместе с кем-то за компанию обедать. Есть возможность читать новости или книги. Можно изучать сегменты коммуникации, где происходит анализ событий или явлений (причем не всегда положительный, иногда формируется негативный контент). И в нем формируются свой смысл

для индивида, свое наполнение. Потом этот смысл снова по тем или иным каналам выносится на повестку дня и вновь обсуждается, создавая новый смысл, новое наполнение. И этот процесс бесконечен. Таким образом, слово «смысл» является для нас определяющим критерием для создания «состояния одушевленной точки».

В контексте «точечности» бытия в рамках современного коммуникативного поля и формирования новых смыслов особенно явно проступает ориентированность реальности на постепенное вытеснение человека за границы рисуемых «картинок» или даже на замену его более эффективными или эффектными объектами посредством таких технологий, как телевидение и Интернет [Фортунатов, 2018, 29]. Происходят формальное копирование реальности и ее искажение посредством технологий в процессе ускорения «доставки сигнала», превращение ее в новые смыслы, неимманентные истинной природе одушевленных точек «бытия». Даже сам образ человека как одушевленной точки бытия становится очень пластичным: из него можно сделать все что угодно [Там же, 30]. Границы реальности стираются, имманентные смыслы замещаются «стереотипизированными образами», которые постепенно становятся социальными нормами [Там же, 32, 34], а сам человек посредством новых технологичных видов коммуникации теряет свою телесную оболочку, превращаясь в «симулякр» [Бодрийяр, 2015].

Применительно к нашему исследованию уместно было бы вспомнить теорию коммуникативного действия Юргена Хабермаса, объясняющую новые веяния в коммуникационном взаимодействии.

Начиная с эпохи Нового времени в философской мысли Европы доминировала универсальная парадигма «субъект – объект». В качестве субъекта предлагался либо индивид, либо организованное сообщество индивидов. В качестве объекта же была подлежащая познанию, преобразованию и использованию на благо индивидов реальность природного характера. Ю. Хабермас в своих исследованиях описал «субъект-субъектную» парадигму оценки бытия. Точкой отчета подобного утверждения стала мысль о том, что Разум, привыкший смотреть на природу как на неиссякаемый источник удовлетворения своих потребностей, стал точно так же воспринимать и любое другое отдельно взятое живое существо, в том числе и мыслящее, т. е. человека [Хабермас, 1993].

Общество, согласно Ю. Хабермасу, представляет собой сеть коммуникации опосредованных коопераций, связывающих социализированных индивидов друг с другом на фоне культурных традиций. Посредством этих связей индивид не только включается в систему социальных зависимостей, но и реализует себя, обретая и сохраняя одновременно свою самость. Чем больше усложняется общество, тем больше сужается пространство, в котором индивиды могут свободно распоряжаться собой. Коммуникативное поле принуждает адаптироваться и приспособливаться к формально организованным структурам, а системные императивы в целом истощают жизненный мир и придают жизненным взаимосвязям так называемый «вещный» характер» [Хабермас, 2000].

Таким образом, «субъект-субъектная» теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса превращается в теорию коммуникативного взаимодействия, как нельзя лучше подтверждает нашу модель коммуникации бытия, определяющую точку (одушевленную и неодушевленную) как смысл, и более подробно раскрывает основу коммуникативного взаимодействия одушевленных и неодушевленных точек в пространственно-временном континууме.

По своей сути коммуникация существует как система, составные элементы которой при выделении и рассмотрении образуют соответствующие предметы ее изучения. В связи с этим

уместно высказывание известного философа-методолога Г.П. Щедровицкого о том, что в коммуникационном процессе «должна идти постоянная игра между этими двумя формами работы (предметной и онтологической) и их постоянное обогащение» [Терентьева, 2016]. Как справедливо отмечает Г.Г. Почепцов, «современное общество стало более зависимым от коммуникации» [Почепцов, 2009, 13].

Учеными Ф. Дэнсом и К. Ларсоном было выделено 126 дефиниций понятия «коммуникация», которые структурно можно определить в три емкие группы [Шарков, 2006, 11]. Первая группа трактует коммуникацию как средство связи любых объектов материального и духовного мира, т. е. как определенную структуру. Вторая группа воспринимает коммуникацию как некий вариант общения, в процессе которого люди обмениваются информацией. Третья группа под коммуникацией понимает передачу и массовый обмен информацией с целью воздействия на общество и его составные компоненты.

Если рассматривать коммуникацию как форму организации, то коммуникация будет представлять собой создание смыслов, через которые можно объединить между собой и действие, и понимание, и мышление и обеспечить организационный современный подход ко всем этим явлениям. Смена форм коммуникации влечет за собой изменение отношений между мышлением и деятельностью и изменение самого процесса мыследеятельности [Борцова, 2015, www].

Чтобы наиболее полно раскрыть смысл авторской модели коммуникации бытия, обратимся теперь к модели коммуникаций Шеннона – Уивера [Shannon, Weaver, www].

Модель Шеннона-Уивера включает в себя следующие компоненты и представлена в работе в виде рис. 1:

- *отправитель (источник информации)* – это человек, который составляет сообщение, выбирает канал для доставки этой информации и посылает ее;
- *кодировщик (передатчик)* – человек, использующий аппарат, перекодирующий информацию в последовательность сигналов или знаков (также передатчиком можно назвать сам аппарат);
- *канал* – среда, через которую посылается сообщение;
- *раскодировщик (приемник)* – аппарат, который преобразует сигналы или символы в первоначальное сообщение, или получатель, самостоятельно дешифрующий сообщение;
- *адресат (пункт назначения)* – человек, получающий информацию, или место, куда эта информация должна прибыть (адресат должен задействовать обратную связь, если так предписывалось в сообщении);
- *помехи* – физический шум, такой как окружающая среда, люди, т. е. все, что мешает адресату получить информацию такой, какой она была послана.

Рисунок 1 - Модель коммуникаций Шеннона – Уивера

Выбор модели Шеннона – Уивера в качестве примера не случаен. Он наглядно демонстрирует тот факт, что в условия коммуникации встроены точки одушевленные и точки неодушевленные. На рис. 1 процесс коммуникации состоит из точек – как одушевленных, отдающих сигнал, так и неодушевленных, транслирующих сигнал.

Теперь обратимся к авторской системе анализа точек в контексте рассмотрения модели коммуникации бытия.

В авторской системе анализа точек присутствуют два больших кластера-схемы: кластер-схема неодушевленных точек и кластер-схема одушевленных точек.

Принимаем за аксиому постулат о том, что точка – это и есть смысл (рис. 2).

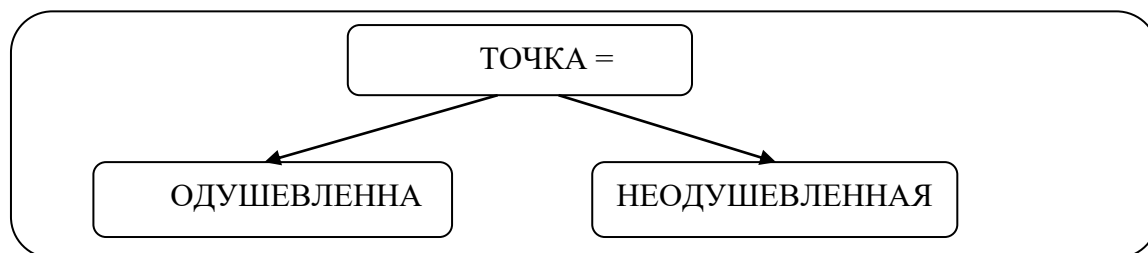

Рисунок 2 - Сущностная характеристика точки

Определяем, что у каждой точки есть свои параметры (рис. 3).

У каждой точки, согласно авторской модели коммуникации бытия, есть свои параметры:

- *состояние* (одушевленная или неодушевленная точка; органы чувств, физиология, химические, физические и другие свойства и т. д.);
- *восприятие* (возможность восприятия одушевленной или неодушевленной точкой с учетом следующих факторов: психологического состояния, опыта, стечения обстоятельств, физических, химических свойств и т. д.);
- *трансляция* (возможность трансляции одушевленной или неодушевленной точкой с учетом следующих факторов: психологического состояния, опыта, стечения обстоятельств, физических, химических свойств и т. д.);
- *осознание* (возможность осознания одушевленной или неодушевленной точкой процессов, принятия и оценки информации и т. д.).

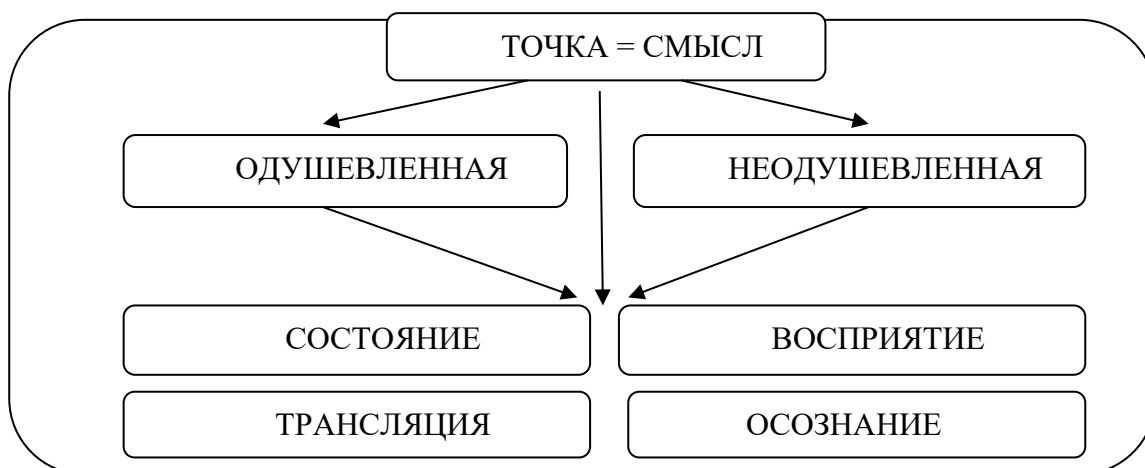

Рисунок 3 - Параметры точки

Кластер-схема неодушевленных точек состоит из следующих компонентов (рис. 4).

1. Коммуникации. Вода. Земля. Воздух. Огонь. Эфир.

2. Характеристики коммуникации.

2.1. Качество (технические характеристики).

2.2. Количество.

2.3. Уровень, громкость.

3. Наполнение коммуникаций. Факторы-способы. Факторы-способы, оказывающие влияние на процесс наполнения коммуникации. Физические, химические свойства. Те самые параметры (характеристики) точки, описанные нами выше. Факторы-способы влияния на процесс наполнения коммуникации:

3.1. Природные (естественные: река – камень – русло = изменение).

3.2. Искусственные (созданные человеком: электричество, водопровод, теплоснабжение и т. д.).

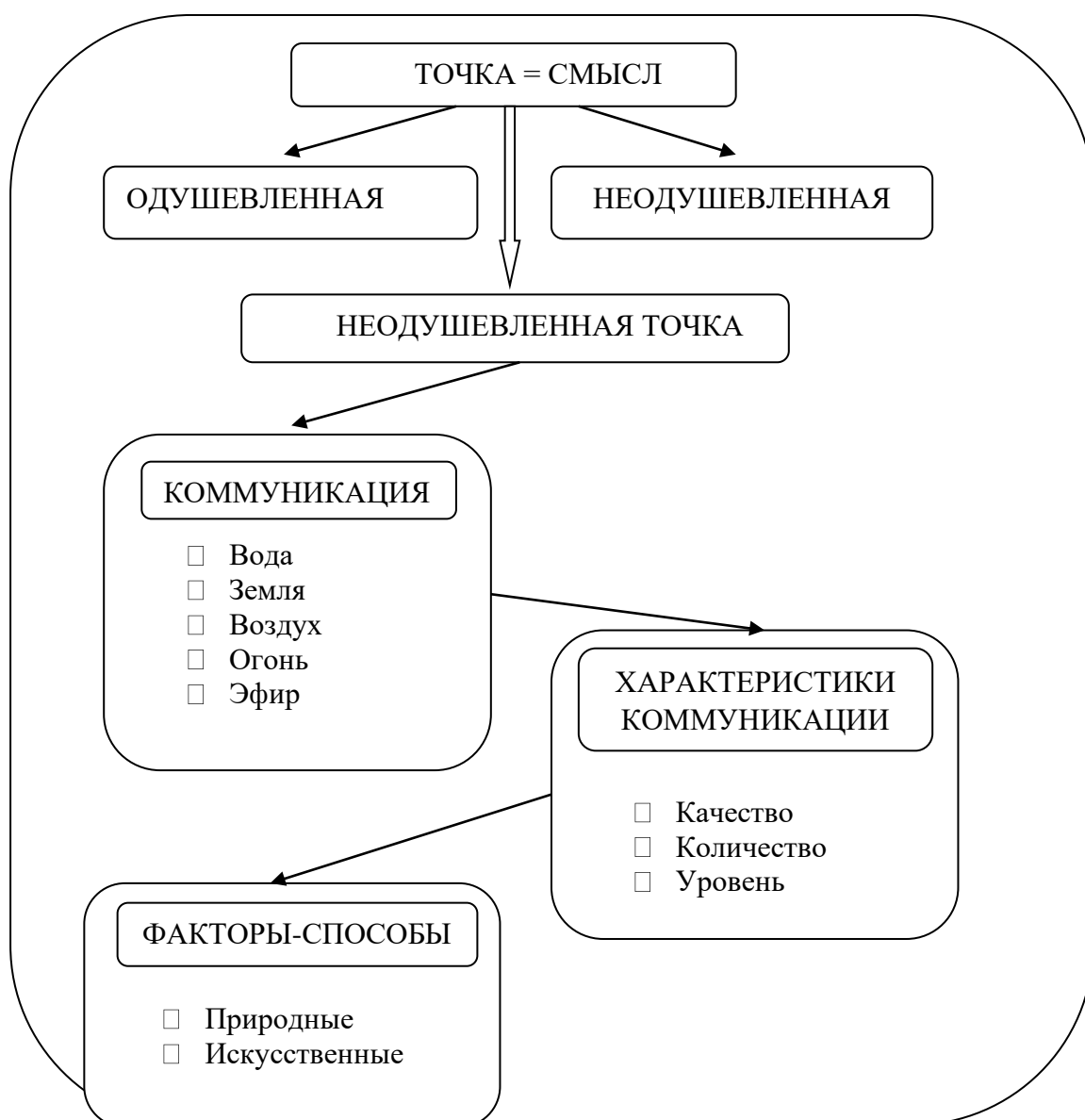

Рисунок 4 - Неодушевленная точка и ее компоненты

В случае анализа «неодушевленных точек» процесс коммуникации предусматривает взаимодействие предметов и влияние их друг на друга, что влечет за собой создание «смысла». Одушевленная точка может вступать в процесс коммуникации как с одушевленными точками, так и неодушевленными. Таким образом, происходит процесс коммуникации и наполнения одушевленных и неодушевленных точек.

Кластер-схема одушевленных точек состоит из следующих компонентов (рис. 5).

1. *Коммуникации.* Органы чувств. Выбор посредством органов чувств восприятия: глаза (зрение), уши (слух), язык (вкус), нос (обоняние), кожа (осязание, ощущение боли, температуры), вестибулярный аппарат (чувство равновесия и положения в пространстве).

2. *Характеристики коммуникации.*

2.1. Качество (технические характеристики).

2.2. Количество.

2.3. Уровень, громкость.

3. *Наполнение коммуникаций. Факторы-способы.* В определении коммуникации органов чувств проявляются *инструменты передачи* (слух, язык, выбор языка, русский). Инструменты определяют *форму* (выбор формы: новости, фильмы (художественные, документальные), музыка, звуки окружающей среды и т. д.). Выбор коммуникации органов чувств, выбор инструментов передачи, выбор формы образуют *наполнение-сигнал (информация), который транслируется* с учетом факторов и способов.

3.1. Факторы. Фактор-способ. Примеры: институты гражданского общества, религия, погода, здоровье, опыт, стечение обстоятельств.

3.2. Способ-фактор. Специфика и особенности способов-факторов. Выбор сегмента распространения сигнала в СМИ (СМК): ТВ, РВ, печать, Интернет. Иные трансляторы (например, наружная информация: вывески, баннеры, щиты, информационные доски, мониторы). При трансляции происходит выбор канала распространения – это выбор радиостанции, затем выбор формы – программы, итог – трансляция (как пример в сегменте РВ).

Данная схема показывает, что в точке, учитывая ее параметры и характеристики, происходит выбор коммуникации посредством органов чувств и действия. Подобная коммуникация, к примеру, может проходить через следующие каналы: органы чувств – слух – язык – русский – новости – громкость. Наполнение коммуникации будет тогда состоять из следующего: сигнал – факторы – институты гражданского общества – способы – РВ.

Примером коммуникации может служить, например, радио. Сигнал (сообщение) исходит из точки А (точка А = человек) посредством точки Б (точка Б = воспроизводящий носитель) и передается через точку В (точка В = канал – линии передач) до точки Г (точка Г = приемник), где конечный получатель – точка Д (точка Д = человек – слушатель).

Учитывая, что точка (в нашей интерпретации) – это смысл, соответственно, точка А имеет смысл исходя из своих параметров (характеристик), запускает сигнал, определив наполнение, саму коммуникацию, и доводит его до точки Д. Таким образом, происходит коммуникация, в которой присутствует взаимодействие неодушевленных и одушевленных точек.

В основном коммуникация СМИ осуществляется в одностороннем порядке, за исключением обратных каналов связи, онлайн- или офлайн-проектов, предусматривающих и включающих в себя эту возможность. Новости, документальные фильмы, художественные фильмы – все это примеры односторонней коммуникаций.

Коммуникационный процесс данных из точки А через точки Б, В, Г с точкой Д создает, рождает, определяет новые смыслы, основываясь на параметрах, характеристиках каждой

точки. Таким образом, продолжение коммуникации от точки Д будет осуществляться лишь при желании точки Д и пока существует возможность связи или коммуникации с другими точками. М.К. Мамардашвили говорил по этому поводу следующее: «Проблема не в том, чтобы прочитать и потом помнить текст, а в том, чтобы суметь высказать мысль, содержащуюся в нем как возможность актуального, теперешнего мышления людей XX в.» [Бытие и сущее..., www]. В этих словах хорошо прослеживается предложенная и приведенная выше модель, где в категории «наполнение» факторы и способы играют большую роль при формировании смысла сигнала.

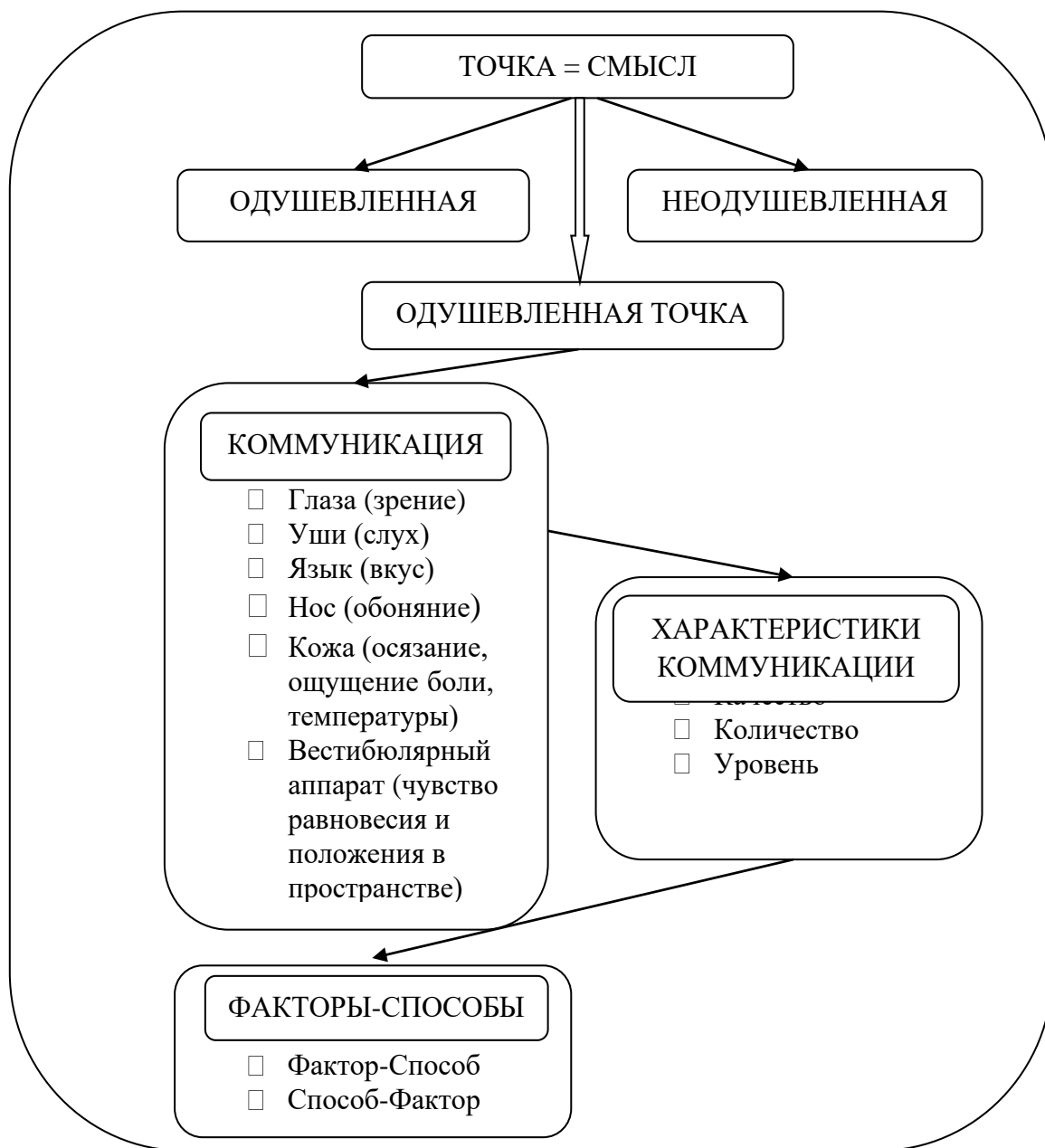

Рисунок 5 - Одушевленная точка и ее компоненты

Хочется более подробно остановиться на категории «состояние» в нашем кластере-схеме, в котором находится точка – теплая или холодная, радостная или грустная, одушевленная или

неодушевленная. Из чего складывается это состояние (учетом параметров (характеристик) точки), длительность нахождения в нем – все это имеет значение и формирует последствия. Таким образом, состояние «точечности» в современном одушевленном коммуникативном пространстве есть, вероятно, состояние потенциальности и эффективности. Ж. Бодрийяр говорил об этом, анализируя социальное: «социальное растворяется, разжижается в массе, сформированной кодами сигнификации... Классическое понимание социального отмирает» [Бодрийяр, 2000, 63]. Сходные процессы, по его мнению, происходят и в сфере коммуникации. Медиа, с точки зрения Ж. Бодрийяра, становятся распространителем кодов сигнификации: «Медиа устанавливают определенное социальное отношение вовсе не в качестве переносчика некоего содержания, а посредством самой своей формы и своего действия, причем это отношение... абстракции, отделения, уничтожения и обмена» [Бодрийяр, 2003, 184]. «Действию медиа подвергается не то, что проходит через прессу, телевидение или радио, а то, что схватывается формой/знаком, что артикулируется в соответствии с моделью, что управляется кодом» [Там же, 193].

В способности осмысления и осознания при определении смысла коммуникации и смысла бытия возникает важный фактор *ответственности за сигнал*, посланный в процессе коммуникативного обмена, поскольку человеческий Разум способен задать вопрос: для чего сигнал? И в состоянии ответить и определить, что мы этим хотим сказать! Возможности же Разума и Чувственного в контексте *изменения состояния точки одушевленной и неодушевленной* – это часть бытия.

Неодушевленные точки и их примеры мы видим в истории: разрушение городов, памятников, исторических ценностей; немало стихийных бедствий и стечений обстоятельств. Неодушевленная точка и ее коммуникация видны из параметров, определенных и объясняемых с помощью науки.

Если речь идет о точке одушевленной, например о человеке, то мы знаем случаи, когда люди «силой мысли» излечиваются от заболеваний без применения лекарств и вмешательства врачей. Также известны случаи лечения точки (человека) другой точкой (человеком) без лекарственных препаратов, или же с их помощью.

Получается, что процесс бытия происходит как череда коммуникаций, меняющих в том числе и состояние. В таком бытии присутствует множество бытия, где все точки, исходя из параметров, взаимосвязаны, а нахождение в состоянии, трансляция на другие точки, коммуникация представляются как постоянные процессы, как круговорот Фалеса Милетского (воды = логоса = смысла).

Таким образом, изменения состояния схематично можно изобразить так: наполнение – факторы и способы, точки (как часть сигнала). Специфика факторов и способов (РВ, ТВ, печати, Интернета) является ключевым моментом при трансляции, ретрансляции либо создании сигнала в нашем кластере-схеме коммуникации.

Для одушевленной точки, а именно для человека, наиболее важным аспектом ее коммуникации является «содержание», которые состоит из воспитания и обучения (рис. 6).

Воспитание человека, индивида с детского возраста, наполнение его содержанием – это самое основное, что заботило и заботит общество испокон веков. Так, Демокрит считал, что воспитание есть украшение в счастье и прибежище в несчастье [Асмус, 1960]. Аристотель отмечал, что законодатель должен отнестись с исключительным вниманием к воспитанию молодежи, так как в тех государствах, где этого нет, *и самый* государственный строй терпит ущерб [Доватур, www]. Воспитание в значительной степени обеспечивает преемственность в

развитии общества, передачу от поколения к поколению исходных ментальных и нравственных конструкций, без которых общество было бы неуправляемым сообществом. Именно в процессе воспитания осуществляется духовное воспроизводство человека. Кроме того, по мнению того же Демокрита, воспитание и обучение человека являются базовыми категориями при анализе основ разумного удовлетворения потребностей человека, а удовлетворение потребностей представляют собой основу такого понятия, как земное счастье [Асмус, 1960].

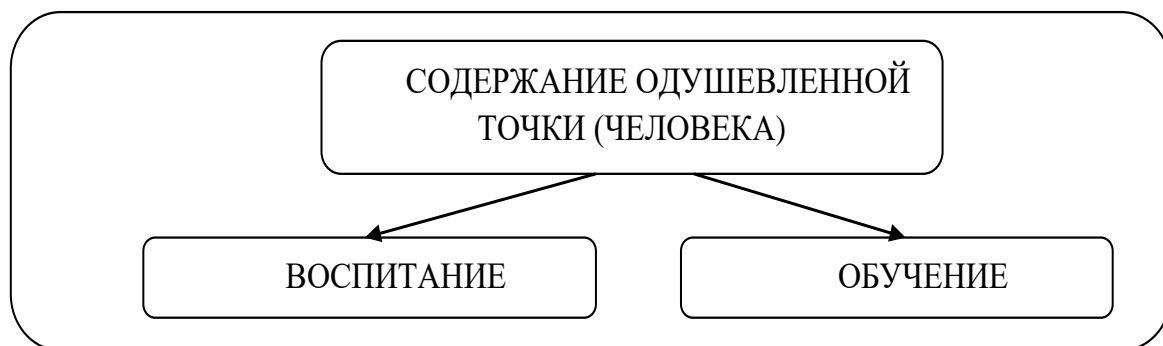

Рисунок 6 - Содержание одушевленной точки (человека)

Заключение

Бытие и разум человека (одушевленной точки), бытие и органы чувств как каналы коммуникации одушевленной точки, истинный мир и чувственный мир представляют собой две составляющие сигнала в системе коммуникации. Формирование сигнала коммуникации во взаимодействии точек в системе коммуникации бытия может осуществляться с помощью сообщения, выбора информации, осознанности трансляции, восприятия событий или явлений. Однако более подробно на сигнале и его отражении мы остановимся в следующей части нашей работы.

Подводя промежуточные итоги данной работы, необходимо отметить следующее.

1. В части 1 нами представлена и описана модель коммуникации бытия через призму анализа точки и кластеров-схем существования точек в рамках коммуникации как основы или смысла бытия в пространственно-временном континууме. Предлагаемая автором трактовка понимания бытия как коммуникационного круговорота определяется как система, в которой центр («смысл») формируется и заключается в «точке» как основе бытия. «Точка» включает в себя такие понятия, как шум и искажение, которые являются ее производными. Саму по себе точку можно трактовать как «точку одушевленную» и «точку неодушевленную». Базовыми категориями формирования и существования точки одушевленной являются воспитание и обучение. Смыслообразующими категориями формирования и существования точки неодушевленной являются явления природы. Данные выводы представлены в тексте статьи в виде кластеров-схем.
2. Автором определены базовые составляющие системы коммуникации бытия и их основные свойства и характеристики. Также обозначены параметры «точки» как смысла коммуникации.
3. Нами выявлены каналы взаимодействия «точки» в коммуникационном поле, а также разобрана на примерах оптимальная кооперация авторской модели коммуникации бытия с коммуникационной средой с последующим ее осмыслением.

Библиография

1. «Теории»: Философия Мартина Хайдеггера. Почему нельзя сказать, что время и бытие есть? URL: <https://concepture.club/post/obrazovanie/hajdegger>
2. Асмус В.Ф. Демокрит. М.: МГУ, 1960. 77 с.
3. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2003. 258 с.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 389 с.
5. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М., 2015. 238 с.
6. Большая советская энциклопедия. URL: <https://gufo.me/dict/bse>
7. Борцова Е.С. История понятия «коммуникация» в науке, философии, методологии и социальном управлении // Вестник Московского государственного университета печати. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-ponyatiya-kommunikatsiya-v-nauke-filosofii-metodologii-i-sotsialnom-upravlenii/viewer>
8. Бытие и сущее по Мамардашвили. URL: <http://philosophystorm.org/bytie-i-sushchee-po-mamardashvili>
9. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
10. Гурина М. Философия. М., 1998. 540 с.
11. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. М., 1989. Т. 1. 654 с.
12. Доватур А.И. «Политика» Аристотеля. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000344/>
13. Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 5. 413 с.
14. Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. М., 1982. Т. 1. 636 с.
15. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. URL: https://bookscafe.net/read/mamardashvili_merab-kak_ya_ponimayu_filosofiyu-45074.html#p1
16. Парменид. URL: <https://www.plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/Academia/004-01.pdf>
17. Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. 605 с.
18. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М., 2009. 651 с.
19. Пуцаев Ю.В. М.К. Мамардашвили. Опыт физической метафизики (Вильнюсские лекции по социальной философии). URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=112
20. Рушди С. Земля под ее ногами. СПб., 2008. 717 с.
21. Солопова М.А. Античный атомизм: к вопросу о типологии учений и истоках генезиса // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 157-168.
22. Терентьева И.Н. Коммуникативное прочтение организационно-управленческой концепции Г.П. Щедровицкого (конструктивистская составляющая методологии) // Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. 2016. № 1. С. 37-43.
23. Фортунатов А.Н. Галактика Зворыкина. Угасание телевизионной эпохи // The digital scholar: philosopher's lab. 2018. Т. 1. № 4. С. 25-36.
24. Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. Ч. I. 576 с.
25. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. 377 с.
26. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 1993. № 4. С. 36-63.
27. Хайдеггер М. Бытие и время. URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/haydegger-butie_i_vremya-8l.pdf
28. Шарков Ф.И. Основы теории коммуникации. М., 2006.
29. Shannon C.E., Weaver W. The mathematical theory of communication. URL: https://monoskop.org/images/b/be/Shannon_Claude_E_Weaver_Warren_The_Mathematical_Theory_of_Communication_1963.pdf

The cooperation model of communication processes: basic elements and technologies

Andrei M. Groshev

Postgraduate at the Department of political science,
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
603022, 23 Gagarina ave., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: beingofpoint@yandex.ru

Abstract

The article presents the model of communication of being through the prism of the analysis of points and clusters-schemes of the existence of points within communication as the basis or meaning of being in the space-time continuum. The interpretation of the understanding of being as a communication cycle proposed by the author is defined as a system in which the center ("meaning") is formed and consists in a "point" as the basis of being. The "point" includes concepts such as noise and distortion, which are its derivatives. The point itself can be interpreted as an "animate point" and an "inanimate point". The basic categories of the formation and existence of an animate point are upbringing and training. The meaning-forming categories of the formation and existence of an inanimate point are natural phenomena. These conclusions are presented in the article in the form of clusters-schemes. The author of the article defines the basic components of the communication system of being and their main properties and characteristics, identifies the parameters of the "point" as the meaning of communication, describes the channels of interaction of the "point" in the communication field, and also analyzes the optimal cooperation of the author's model of communication of being with the communication environment with its subsequent comprehension.

For citation

Groshev A.M. (2021) Kooperatsionnaya model' protsessov kommunikatsii: bazovye elementy i tekhnologii [The cooperation model of communication processes: basic elements and technologies]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (6A), pp. 14-29. DOI: 10.34670/AR.2021.67.59.002

Keywords

Communication process, communication field, being, point, animate point, inanimate point, cooperation model, cluster-scheme, characteristics of communication, factors-methods of communication.

References

1. "Teorii": *Filosofiya Martina Khaideggera. Pochemu nel'zya skazat', chto vremya i bytie est'?* ["Theories": Martin Heidegger's philosophy. Why can't we say that time and being exist?]. Available at: <https://concepture.club/post/obrazovanie/hajdegger> [Accessed 06/11/21].
2. Asmus V.F. (1960) *Demokrit* [Democritus]. Moscow: Moscow State University.
3. Baudrillard J. (1976) *L'échange symbolique et la mort*. Paris: Gallimard. (Russ. ed.: Baudrillard J. (2000) *Simvolicheskie obmen i smert'*. Moscow: Dobrosvet Publ.)
4. Baudrillard J. (1972) *Pour une critique de l'économie politique du signe*. Paris: Gallimard. (Russ. ed.: Baudrillard J. (2003) *K kritike politicheskoi ekonomii znaka*. Moscow.)
5. Baudrillard J. (1981) *Simulacres et simulation*. Paris: Galilée. (Russ. ed.: Baudrillard J. (2015) *Simulyakry i simulyatsii*. Moscow.)
6. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet encyclopedia]. Available at: <https://gufo.me/dict/bse> [Accessed 06/11/21].
7. Bortsova E.S. (2015) Istoriya ponyatiya "kommunikatsiya" v nauke, filosofii, metodologii i sotsial'nom upravlenii [The history of the concept "communication" in science, philosophy, methodology and social management]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta pečati* [Bulletin of Moscow State University of Printing Arts], 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-ponyatiya-kommunikatsiya-v-nauke-filosofii-metodologii-i-sotsialnom-upravlenii/viewer> [Accessed 06/11/21].
8. *Bytie i sushchee po Mamardashvili* [Being and existence in Mamardashvili's works]. Available at: <http://philosophystorm.org/bytie-i-sushchee-po-mamardashvili> [Accessed 06/11/21].
9. Descartes R. (1989) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.], Vol. 1. Moscow.
10. Dovatur A.I. "Politika" Aristotelya [Aristotle's *Politics*]. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000344/> [Accessed 06/11/21].

11. Fortunatov A.N. (2018) Galaktika Zvorykina. Ugasanie televizionnoi epokhi [The galaxy of Zworykin. The fading of the television era]. *The digital scholar: philosopher's lab*, 1 (4), pp. 25-36.
12. *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov* [Fragments of the works by early Greek philosophers] (1989), Part 1. Moscow: Nauka Publ.
13. Gourinat M. (1994) *De la philosophie*. (Russ. ed.: Gourinat M. (1998) *Filosofiya*. Moscow.)
14. Habermas J. (1983) *Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln*. Suhrkamp. (Russ. ed.: Habermas J. (2000) *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie*. St. Petersburg.)
15. Habermas J. (1981) *Theorie des kommunikativen Handelns*. (Russ. ed.: Habermas J. (1993) *Teoriya kommunikativnogo deistviya*. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Bulletin of Moscow University. Series 7: Philosophy], 4, pp. 36-63.)
16. Heidegger M. (1927) *Sein und Zeit*. (Russ. ed.: Heidegger M. *Bytie i vremya*. Available at: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/haydegger-butie_i_vremya-8l.pdf [Accessed 06/11/21].)
17. Kant I. (1994) *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected works: in 8 vols.], Vol. 5. Moscow: Choro Publ.
18. Leibniz G.W. (1982) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols.], Vol. 1. Moscow.
19. Mamardashvili M.K. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How I understand philosophy]. Available at: https://bookscafe.net/read/mamardashvili_merab-kak_ya_ponimayu_filosofiyu-45074.html#p1 [Accessed 06/11/21].
20. *Parmenid* [Parmenides]. Available at: <https://www.plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/Academia/004-01.pdf> [Accessed 06/11/21].
21. Plato (1986) *Dialogi* [Dialogues]. Moscow: Mysl' Publ.
22. Pocheptsov G.G. (2009) *Teoriya kommunikatsii* [Communication theory]. Moscow.
23. Pushchaev Yu.V. M.K. Mamardashvili. *Opyt fizicheskoi metafiziki (Vil'nyusskie leksii po sotsial'noi filosofii)* [M.K. Mamardashvili. The experience of physical metaphysics (Vilnius lectures on social philosophy)]. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=112 [Accessed 06/11/21].
24. Rushdie S. (2000) *The ground beneath her feet*. Picador. (Russ. ed.: Rushdie S. (2008) *Zemlya pod ee nogami*. St. Petersburg.)
25. Shannon C.E., Weaver W. *The mathematical theory of communication*. Available at: https://monoskop.org/images/b/be/Shannon_Claude_E_Weaver_Warren_The_Mathematical_Theory_of_Communication_1963.pdf [Accessed 06/11/21].
26. Sharkov F.I. (2006) *Osnovy teorii kommunikatsii* [The fundamentals of communication theory]. Moscow.
27. Solopova M.A. (2011) Antichnyi atomizm: k voprosu o tipologii uchenii i istokakh genezisa [Ancient atomism: on the typology of teachings and the origins of genesis]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 8, pp. 157-168.
28. Terent'eva I.N. (2016) Kommunikativnoe prochtenie organizatsionno-upravlencheskoi kontseptsii G.P. Shchedrovitskogo (konstruktivistskaya sostavlyayushchaya metodologii) [Communicative reading of G.P. Shchedrovitsky's organizational and managerial concept (the constructivist component of methodology)]. *Trudy Nizhegorodskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. R.E. Alekseeva* [Proceedings of Nizhny Novgorod State Technical University], 1, pp. 37-43.
29. Vygotskii L.S. (1999) *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. Moscow: Labirint Publ.

УДК 165.0

DOI: 10.34670/AR.2021.46.14.003

Конструктивная взаимосвязь материального и духовного в художественном творчестве

Агафонова Ольга Васильевна

Кандидат философских наук, доцент,
начальник кафедры философии и истории,
Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
160002, Российская Федерация, Вологда, ул. Щетинина, 2;
e-mail: evgenagafonov@inbox.ru

Аннотация

В статье дан анализ взаимосвязи материального и духовного в художественном творчестве как особом конструктивном способе эстетического познания человеком мира. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления проблемы соотношения материального и духовного в художественной культуре в контексте методологии конструктивного реализма. На основе идей неклассической эпистемологии определено отличие обыденной вещи от художественного произведения, целью которого является не точное воспроизведение наличного, а выявление истины сущего. Поэтому материал искусства не должен быть тождественен изображаемому предмету. Утверждается, что содержание следует рассматривать как конститутивную основу эстетического познания, без корреляции с которой художественная форма лишена смысла. Показано, что в истории искусства неоднократно делались попытки в конструктивном акте художественного познания раскрыть недоступное чувственному восприятию содержание через трансформацию формальных черт. Применение новых технологий в современном обществе рассматривается как специфическая форма акцентирования смысла при построении художественного образа, в том числе в видах искусства, имеющих прикладное значение.

Для цитирования в научных исследованиях

Агафонова О.В. Конструктивная взаимосвязь материального и духовного в художественном творчестве // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 6А. С. 30-37. DOI: 10.34670/AR.2021.46.14.003

Ключевые слова

Материальное, духовное, форма, содержание, идея, искусство, творчество, познание, художественный образ, эпистемологический конструктивизм.

Введение

Проблема соотношения материального и духовного бытия как один из основополагающих, традиционных вопросов философского знания носит всеобщий характер и является актуальной методологической основой для решения частных, прикладных задач в различных областях современной науки. Так, одним из принципов морфологии культуры является ее деление на материальную и духовную. Известно, что к духовной культуре относятся вся совокупность духовных ценностей, накопленных человечеством, и творческая деятельность по их созданию и освоению. Мораль, религия, философия, наука, право и искусство как основные разновидности духовной культуры определяют специфику осознанной человеческой деятельности, целенаправленно преобразующей окружающий мир. Неслучайно в узком, обыденном значении культуру часто отождествляют с ее духовной составляющей. Но стоит напомнить, что с древнейших времен в философии под культурой понимали все, что связано с деятельностью людей. Значит, культуру необходимо рассматривать как совокупность искусственно созданных человеком материальных и духовных объектов.

Материальная культура предполагает освоение природы и производство материальных ценностей, позволяет человеку не только приспособиться к среде обитания, но и удовлетворить материальные потребности. Подчеркнем при этом общеизвестное положение о том, что все материальные вещи имеют идеальный проект, а творения духовной культуры объективированы на материальных носителях. В схематичном выражении духовная культура представляется как идея, а материальная становится средством ее воплощения, «опредмечивания».

Поэтому можно утверждать, что деление культуры на материальную и духовную во многом условно и относительно, в реальной жизни человека и общества они нераздельны. Так, издавна возникает вопрос, к какой из двух обозначенных областей отнести высокохудожественные, но утилитарные предметы, используемые человеком в быту. Сегодня эта проблема актуализируется в связи с появлением таких новых видов искусства, имеющих широкое прикладное значение, как, например, дизайн. Все это, несомненно, определяет особую практическую значимость философского анализа соотношения материального и духовного в процессе художественного познания действительности как особого вида конструктивно-творческой деятельности человека.

Диалектика формы и содержания в искусстве

Как известно, начало осмысления сущности эстетического познания было положено Аристотелем. В своей знаменитой «Поэтике», пытаясь впервые дать классификации видов искусств, он утверждает, что различия между ними лежат в материалах и средствах познания. Подражание действительности, в котором мыслитель видит сущность искусства, возможно в красках, ритме, слове, гармонии. Так, танцовщики «посредством выразительных ритмических движений воспроизводят характеры, душевные состояния и действия» [Аристотель, 1957, 40]. Отмечая, что отдельные искусства могут использовать как средство познания только один материальный носитель образности или комбинировать, смешивать их, Аристотель предвосхищает современное деление видов эстетического творчества на простые и синтетические.

Покидая мир субъективного авторского сознания, опредмечиваясь в словах, красках, движениях, звуках художественное творение становится вещью, т. е. чем-то доступным нашему

восприятию через многообразие ощущений. Вещное присуще творению как «поле художественного формования» [Хайдеггер, 2008, 103]. Основой любой вещи, будь то творение природы или человека, является единство вещества и формы. Именно «сформованность вещества» определяет тождество, устойчивость вещи как постоянство, неизменность ее внутренней структуры. При этом, обретая материальную форму, художественное творение коренным образом отличается от обыденных, утилитарных вещей, сущность бытия которых М. Хайдеггер видит в их «служебности», «дельности», т. е. функциональности. Содержанием художественного образа становится не точное воспроизведение наличного, а раскрытие всеобщей сущности вещей. Поэтому целью искусства философ называет выявление истины сущего, полагающейся в творении [Там же, 123].

В рамках эстетического познания может быть использована любая материальная среда. Но, по мнению Ю.М. Лотмана, ошибочно отождествлять материальность с вещественностью. Определенная система отношений материального мира также может рассматриваться как материал художественного произведения. Так, материалом архитектуры становятся не только природные вещества: дерево, камень, стекло, бетон. Сама «система геометрических отношений выступает в качестве материала, из которого художник конструирует высшее единство» [Лотман, 1994, 42]. Рассматривая художественное творчество как моделирующую систему, философ подчеркивает, что уже сам материал искусства не должен быть тождественен изображаемому предмету. Превращая «непохожее в похожее», эстетическое познание раскрывает перед нами сущность изображаемого явления, которая не дана в обычном наблюдении. Поэтому аппликация или фотография зачастую не воспринимаются нами с художественной точки зрения. Для того чтобы превратить их в произведение искусства, необходимо подвергнуть их особой обработке. Неслучайно в современной культуре так популярны спецэффекты и использование «фотошопа».

Ярким примером эстетического творчества является музыка, которая создается из звуков, не имеющих самостоятельного значения, но показывает различные эмоционально-психические состояния человека. Вполне достоверным представляется предположение о том, что гениальные композиторы от рождения обладают особым видом эмоционального творческого воображения, основой которого служат душевные переживания или воспоминания о настроениях, чувствах, желаниях, стремлениях. В процессе создания музыкального произведения автором выстраивается единая система звуковых образов, в которой мелодия, ритм, интервалы и аккорды наделяются определенным значением. Сочетания этих элементов можно рассматривать как слова особого эмоционального языка, ясного для одних людей и непонятного для других, так как он не обладает отчетливостью интеллектуального языка. Но «музыка, как и всякий другой язык, может и не быть понятной всем и каждому» [Рибо, 1901, 176]. Таким образом, в искусстве форма как материальное, вещественное бытие становится способом выражения духовного, идеального содержания. Но не материя определяет сущность творения, а внутреннее содержание помогает автору раскрыть истину сущего. «Произведение искусства дарует нам этот волнующий опыт проникновения в сущность вещей» [Статкевич, 2012, 127], срывающий покров обыденного знания и обнажающий их экзистенциальную природу.

Итак, искусство как значимая часть культуры не может существовать без материального воплощения, так как чувства и мысли в процессе восприятия художественного произведения возникают на основе зрительных и слуховых ощущений. Материал лежит в основе разделения искусств на определенные виды. Поэтому «материальная» эстетика и опирающийся на нее формалистический метод рассматривают художественную форму как комбинацию материала в

его природной или языковой определенности. С этой точки зрения предметом творческой деятельности художника является только сам материал, который как эмпирически доступная база научного обсуждения зачастую и становится объектом анализа в искусствознании.

По мнению М.М. Бахтина, подобная позиция методически продуктивна для изучения техники художественного творчества, но не может стать основой общей теории эстетики, стремящейся с точки зрения философского подхода выявить специфику и сущность художественного творчества как особого вида познания бытия. Художественное произведение, воспринимаемое как вещь или организованный материал, имеет только психофизическое, утилитарное значение и лишено иной ценностной направленности. Помимо материала, неразрывно связанного с художественной формой, «необходимо... допустить момент содержания, который позволил бы осмыслить форму» [Бахтин, 1975, 15]. Содержание следует рассматривать как конститутивную основу эстетического познания, без корреляции с которой художественная форма лишена смысла. Таким всеобщим эстетически значимым содержанием произведения искусства является действительность. При этом, творя все новые художественные формы и образы, эстетическое познание не удваивает мир, не создает новую действительность, а воспекает, украшает, оценивает природный и социальный мир как «преднаходимую» реальность человеческого бытия.

Современные формы и материалы как новые эстетические возможности

Следует признать, что уже сама объективная ограниченность формы не позволяет искусству стать копией действительности, в которой образное восприятие всегда основано на комплексе ощущений. Большинство из видов искусства опираются на один из способов чувственного познания окружающего мира. Так, живопись, обращаясь к зрению, воспроизводит композицию, цвета и формы окружающего мира. Но, глядя на пейзаж, мы не чувствуем запахов или дуновения ветра, не ощущаем тепла или холода. В истории искусства неоднократно делались попытки передать полноту восприятия реальности, в конструктивном акте художественного познания раскрыть целостную картину мира и сущность явлений через усиление формальных черт [Керженова, 2008, 112]. Художники могли прибегать к деформациям пространственных, цветовых, световых и тональных соотношений для сгущения смысла и актуализации содержания, выраженных через форму.

Соотношение видимого и невидимого в художественном образе стало одной из концептуальных дилемм изобразительного искусства XX в. Так, художники-импрессионисты, утратив интерес к предметности, стремились передать сиюминутные чувства, ощущения, субъективные впечатления от увиденного. Эта тенденция усиливается в живописи «постимпрессионистов, примитивистов, фовистов, кубистов, экспрессионистов, которые, казалось бы, делали акцент не на содержании, а на форме» [Воронцова, 2021, 118], которая и стала для них способом выражения недоступного зрению содержания, возможностью открыть истину сущего. Отметим, что такие приемы мы наблюдаем не только в «формализме», но и в таком традиционном виде изобразительного искусства, как иконопись, где «обратная» перспектива становится материальным знаком иной реальности, неземного, божественного мира.

Можно сказать, что на протяжении своей истории живопись через поиски выразительных средств и визуальных форм «осваивала все новые уровни реальности – видимую реальность, реальность впечатлений, реальность внутреннего мира человека, реальность подсознательного»

[Малинина, 2010, 175]. Категория «реальность» как все действительно существующее наполняется в современной науке и философии разными смыслами, поэтому и понятие реализма как одного из основополагающих направлений художественного творчества трактуется искусствоведами неоднозначно. Сегодня кроме классического реализма, для которого традиционно характерны отказ от условности, стремление к «жизнеподобию», тождественности между действительностью и формами ее изображения, исследователи выделяют метафизический, магический, социалистический реализм и сюрреализм. Реализм сегодня рассматривают как метод, в котором разнообразие стилей обусловлено своеобразием мировосприятия автора или определенной эпохи. Так, живопись сюрреализма, мировоззренческой основой которой стали идеи неклассической философии, шокировала культуру попыткой наглядного изображения комплексов, архетипов, инстинктивных стремлений как элементов психической реальности, скрытой за порогом сознания.

В современном мире основой развития искусства, поиска новых форм эстетического познания во многом становится технологический прогресс. Так, появление кино позволило реализовать «живой синтез выразительных средств, обобщающих жизнь в разных планах» [Рзаева, 2013, 53]. Подобное объемное видение мира необходимо рассматривать как особый способ художественного мышления, где для реализации авторского замысла используются не только изображение, цвет, звук, слово, драматургия, но и монтаж, крупный план, ускоренная или замедленная съемка, новые пространственно-временные возможности. Сегодня применение компьютерной графики и новых форматов изображения раздвигает многомерность кинематографического образа, все больше вовлекая зрителя в процесс эстетического восприятия действительности, осмысленной художественными средствами.

Известно, что на основе возможностей и приемов, которые дает человеку техника, в современной культуре появляются новые виды художественного творчества: голография, световая живопись, видео-арт, оптическое, кинетическое и интерактивное искусство. В пространственном дизайне и фотографии широко применяются различного рода светотехнические устройства. Например, вещества, способные излучать световую энергию под определенным внешним воздействием, позволяют «создать некоторое эксклюзивное пространство» [Казакевич, Трофимов, 2001, 155], в котором нарушаются привычные для зрителя законы взаимоотношения объектов окружающего мира. Таким образом, в процессе конструирования художественных образов использование люминофоров становится специфической формой акцентирования смысла при построении пространственной композиции.

Одним из наиболее востребованных и динамически развивающихся видов искусства в современной культуре является дизайн, который сегодня «ориентирован на художественно-образное осмысление предметного мира» [Терещенко, 2016, 50], его духовное освоение, имеющее ценностно-эстетическую значимость для человека и общества. Если формально-функциональная сторона эстетического конструирования в дизайне во многом зависит от использования новых технологий, то идейное содержание отражает личностные, временные, социальные, психологические смыслы. Поэтому актуальными средствами художественной выразительности в произведениях современного дизайна являются метафоричность, ассоциативность, а иногда и парадоксальность. В дизайне интерьера единство материального и духовного направлено прежде всего на создание эмоциональных условий, комфортных для жизнедеятельности людей.

Заключение

Воплощаясь в материальной форме, эстетическое творение имеет принципиальное отличие от обыденных, утилитарных вещей. Задачей художественного образа, основанного не только на взаимосвязи единичного и общего, эмоционального и рационального, субъективного и объективного, но и на единстве материального и духовного, становится не воспроизведение наличного бытия, а раскрытие всеобщей сущности вещей. В искусстве форма как материальное вещественное бытие является способом выражения духовного, идеального содержания. Но не материя определяет сущность художественного произведения, а внутреннее содержание помогает автору раскрыть в ней истину сущего. В истории искусства неоднократно предпринимались попытки выразить сущность явлений через усиление формальных черт, сегодня на основе развития техники появляются новые эстетические приемы художественного познания человеком действительности.

Библиография

1. Аристотель. Об искусстве поэзии. М., 1957. 183 с.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 502 с.
3. Воронцова С.И. Проблема «насыщенности» художественного образа в современной живописи // Вестник культуры и искусств. 2021. № 3. С. 115-123.
4. Казакевич М.С., Трофимов В.А. Люминофоры в пространственном конструировании художественных образов // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2001. Т. 1. № 4. С. 155-156.
5. Керженова А.А. Принцип «избыточности» в структуре художественного образа // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 77. С. 110-113.
6. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 17-263.
7. Малинина Н.Л. Реалистический художественный образ в живописи: прошлое и настоящее // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 9. С. 175-181.
8. Рзаева Н.С. О кинематографическом образе // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 9-3. С. 52-54.
9. Рибо Т. Творческое воображение. СПб., 1901. 318 с.
10. Статкевич И.А. Произведение искусства и природа художественного образа М. Хайдеггера // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 126-128.
11. Терещенко Г.Ф. Эволюция художественного образа в дизайне интерьера // Теория и история искусства. 2016. № 3. С. 49-52.
12. Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Академический Проект, 2008. 528 с.

The constructive interrelation between the material and the spiritual in artistic creation

Ol'ga V. Agafonova

PhD in Philosophy, Docent,
Head of the Department of philosophy and history,
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal
Penitentiary Service of the Russian Federation,
160002, 2 Shchetinina st., Vologda, Russian Federation;
e-mail: evgenagafonov@inbox.ru

Abstract

The article analyzes the interrelation between the material and the spiritual in artistic creation as a special constructive way of man's aesthetic cognition of the world. The study is relevant due to the need to rethink the problem of the interrelation between the material and the spiritual in artistic culture in the context of the methodology of constructive realism. Taking into account the ideas of non-classical epistemology, the author of the article reveals the difference between an ordinary thing and a work of art, the purpose of which is not an exact reproduction of the present, but the identification of the truth of existence. Therefore, the material of art should not be identical to the depicted object. The content should be viewed as a constitutive basis for aesthetic cognition, without correlation with which the art form is meaningless. The author shows that in the history of art there have been repeated attempts in a constructive act of artistic cognition to reveal content that is inaccessible to sensory perception, through the transformation of formal features. The use of new technologies in modern society is a specific form of emphasizing meaning in the construction of an artistic image, including the types of art that have applied significance.

For citation

Agafonova O.V. (2021) Konstruktivnaya vzaimosvyaz' material'nogo i dukhovnogo v khudozhestvennom tvorchestve [The constructive interrelation between the material and the spiritual in artistic creation]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (6A), pp. 30-37. DOI: 10.34670/AR.2021.46.14.003

Keywords

Material, spiritual, form, content, idea, art, creativity, cognition, artistic image, epistemological constructivism.

References

1. Aristotle (1957) *Ob iskusstve poezii* [On the art of poetry]. Moscow.
2. Bakhtin M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [Issues of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.
3. Heidegger M. (1986) *Der Ursprung des Kunstwerkes*. (Russ. ed.: Heidegger M. (2008) *Istok khudozhestvennogo tvoreniya*. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ.)
4. Kazakevich M.S., Trofimov V.A. (2001) Lyuminofory v prostranstvennom konstruirovani khudozhestvennykh obrazov [Luminophores in the spatial construction of artistic images]. *Nauchno-tekhnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologii, mekhaniki i optiki* [Scientific and technical journal of information technologies, mechanics and optics], 1 (4), pp. 155-156.
5. Kerzhnova A.A. (2008) Printsip "izbytochnosti" v strukture khudozhestvennogo obraza [The principle of "redundancy" in the structure of an artistic image]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Proceedings of the Herzen State Pedagogical University of Russia], 77, pp. 110-113.
6. Lotman Yu.M. (1994) Lektsii po struktural'noi poetike [Lectures on structural poetics]. In: *Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow Semiotic School]. Moscow: Gnozis Publ., pp. 17-263.
7. Malinina N.L. (2010) Realisticheskii khudozhestvennyi obraz v zhivopisi: proshloe i nastoyashchee [Realistic artistic images in painting: the past and the present]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Topical problems of the humanities and natural sciences], 9, pp. 175-181.
8. Ribot T. (1900) *Essai sur l'imagination créatrice*. Paris. (Russ. ed.: Ribot T. (1901) *Tvorcheskoe voobrazhenie*. St. Petersburg.)
9. Rzaeva N.S. (2013) O kinematograficheskom obraze [On cinematic images]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International research journal], 9-3, pp. 52-54.
10. Statkevich I.A. (2012) Proizvedenie iskusstva i priroda khudozhestvennogo obraza M. Khaideggera [Works of art and

the nature of the artistic image of M. Heidegger]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 4, pp. 126-128.

11. Tereshchenko G.F. (2016) Evolyutsiya khudozhestvennogo obraza v dizaine inter'era [The evolution of an artistic image in interior design]. *Teoriya i istoriya iskusstva* [Theory and history of art], 3, pp. 49-52.
12. Vorontsova S.I. (2021) Problema "nasyshchennosti" khudozhestvennogo obraza v sovremennoi zhivopisi [The problem of the "richness" of an artistic image in modern painting]. *Vestnik kul'tury i iskusstv* [Culture and arts herald], 3, pp. 115-123.

УДК 1(091)

DOI: 10.34670/AR.2021.13.67.004

Нравственная эволюция государства в философии права Владимира Соловьева

Фивейская Людмила Владимировна

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и истории,
Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
160002, Российская Федерация, Вологда, ул. Щетинина, 2-а;
e-mail: liudfiv@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается учение Вл. Соловьева о государстве в контексте его философско-этической концепции, раскрывается соотношение права и нравственности, места и роли государства в системе нравственного миропорядка. В концепции Соловьева государство трактуется как действительность права, как таковое имеющее исторический характер, определяемый в своей сущности правовым идеалом, или идеей права. В статье прослеживается историческая типология государства, в которой Соловьев показывает, как различие времени и места сказывается в идее права, реализующейся в конкретном государственном организме. Рассмотрение процесса становления европейской государственности не только демонстрирует историчность правовой идеи как основы государственной жизни, но и обнаруживает поступательный характер нравственного прогресса, выраженного в ее исторических вариациях. Учение Соловьева о государстве не может быть оценено однозначно. В статье приводятся примеры как в целом положительных, так и негативных отзывов современников Вл. Соловьева в отношении его философско-правовых идей. Учение Вл. Соловьева о нравственной эволюции государства анализируется в статье на основе текстов его произведений «Оправдание добра. Нравственная философия», «Значение государства», «Право и нравственность. Очерки из прикладной этики». Материалы статьи представляют интерес для специалистов в области истории философии, философии права, теории государства и права, а также могут быть использованы в образовательном процессе.

Для цитирования в научных исследованиях

Фивейская Л.В. Нравственная эволюция государства в философии права Владимира Соловьева // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 6А. С. 38-45. DOI: 10.34670/AR.2021.13.67.004

Ключевые слова

Соловьев Владимир, философия права, государство, право, нравственность, нравственный прогресс, христианское государство, христианская монархия.

Введение

Проблема соотношения права и нравственности – одна из ключевых в философии права, причем, по словам одного из ведущих отечественных специалистов в области этики А.А. Гусейнова, она, «как показывает общий обзор теоретических и литературных опытов ее осмысления, больше интересовала юристов, чем этиков» [Гусейнов, 2018, 7]. В этой связи особый интерес представляет этико-философская концепция государства Вл. Соловьева, в которой объединены общефилософский, этический и правовой подходы к рассматриваемой проблеме. В историю философии Вл. Соловьев вошел, прежде всего, как выдающийся религиозный мыслитель, мистик, но вместе с тем «он является блестящим и выдающимся представителем философии права» [Новгородцев, 1991, 525]. Вопрос о роли права, его основаниях, месте государства в системе права можно назвать одним из наиболее дискуссионных в среде не только прямо причастных к праву мыслителей, но и в публичном интеллектуальном поле России второй половины XIX века вообще.

Теоретическая позиция Вл. Соловьева вполне определена: высшую задачу права он видит в содействии целям нравственного прогресса, само право у него выступает как часть нравственности. Свои взгляды на право и государство он развивает и отстаивает в прямой полемике, прежде всего, с представителями славянофильства, которые, по едкому замечанию П.И. Новгородцева, полагали, «будто бы право для некоторых благословенных Богом народов не важно и не нужно» [там же, 527]. В последние годы жизни он полемизирует с Л.Н. Толстым, взгляды которого в отношении права вполне можно охарактеризовать как нигилистические [Корнев, 2021]. Неоднозначную, порой взаимоисключающую, оценку взгляды Вл. Соловьева получили со стороны современных ему профессиональных юристов и теоретиков права. Известно противостояние Вл. Соловьева и Б.Н. Чичерина, полемика между которыми стала событием в интеллектуальной жизни России.

Именно Л.Н. Толстого и Б.Н. Чичерина Соловьев рассматривает как главных своих оппонентов, открыто противопоставляя их взглядам свое понимание права: «Признавая между правом и нравственностью внутреннюю существенную связь, полагая, что они неразлучны и в прогрессе и в упадке своем, мы сталкиваемся с двумя крайними взглядами, отрицающими эту связь на прямо противоположных основаниях. ...Как безусловный отрицатель всех юридических элементов жизни высказывается знаменитейший русский писатель, граф Л.Н. Толстой, а неизменным защитником права, как абсолютного, себе довлеющего начала, остается самый многосторонне образованный и систематичный ум между современными русскими, а может быть и европейскими учеными, Б.Н. Чичерин» [Соловьев, www]. С другой стороны, правовая концепция Соловьева имела и своих сторонников.

Так, пусть и не безусловно, но в целом положительно и даже восторженно, отзывается о философии права Вл. Соловьева П.И. Новгородцев, который главную заслугу Соловьева видел в том, что тот «не только защищал, но и отстаивал идею права против тех ее искажений, с которыми он боролся» [Новгородцев, 1991, 527].

Вопросы права, так или иначе, затрагиваются Соловьевым в целом ряде работ, однако базовыми для рассмотрения его философско-правовых воззрений являются «Оправдание добра» и во многом повторяющая его проблематику работа «Право и нравственность». Особый интерес представляет впервые опубликованная в «Вестнике Европы» статья «Значение

государства», вызвавшая крайне неоднозначную реакцию современников¹. Учение Соловьева о государстве в контексте его этико-философской концепции права интересно не только с теоретической, как, возможно, самая противоречивая часть его философии права, но и с практической точки зрения, как идея действительного осуществления права в реальной истории.

Государство в нравственном миропорядке

В философии всеединства Владимира Соловьева государство встроено в общую систему миропорядка и, поскольку «все историческое развитие – и не только человечества, но и физического мира – есть необходимый путь к совершенству» [Соловьев, 1988, 255], имеет на этом пути свое время и предназначение. Совершенство, по Соловьеву есть полнота добра, которая проявляет себя трояким образом: в Боге – как безусловное, в человеческом сознании – как потенциальное, в историческом процессе – как действительное. Последнее – осуществление добра в истории – есть процесс нравственного совершенствования человечества, в осуществлении которого задействованы разные силы. Какое место занимает в этом процессе государство? Нравственное совершенствование, составляющее, по Соловьеву, смысл жизни вообще, требует участия в нем свободного человека. Однако человек не может существовать и развивать себя вне общества, социальное же бытие человека необходимым образом определяет границы его личной свободы, формируя систему права, которое по своему существу всегда есть «исторически-подвижное определение необходимого принудительного равновесия двух нравственных интересов – личной свободы и общего блага» [там же, 453]. Существенно здесь то, что право всегда исторически определено и в этой своей привязке к обстоятельствам места и времени приобретает форму закона. Закон как правовое явление имеет свои специфические признаки, а именно: публичность, конкретность и реальную применимость. Закон выражает не какие-то отвлеченные принципы и идеалы, но всегда нормы действительных жизненных отношений, и в этой своей действительности имеет принудительный характер. Принудительный характер закона, в свою очередь, требует, чтобы в обществе имелись определенные силы, выступающие как его действительные носители, обладающие властью, обеспечивающей исполнение закона. Соловьев традиционно выделяет три ветви власти – законодательную судебную и исполнительную, – которые для него (и это важный момент не только для понимания идеи государства, но и для его философии права в целом) есть лишь особые проявления единой верховной власти, сосредоточившей в себе все положительное право. Таким образом, осуществление права формирует своего рода «общественное тело», которое Соловьев и называет государством. В этом «собирательном организме государства» он выделяет: 1) верховную власть – организующее начало, 2) подчиненные власти – орудие организующего действия, 3) субстрат государства – совокупность организуемых элементов, всю массу населения. Соловьев постоянно подчеркивает, что только в государстве право обретает свою действительность, и в этом смысле он определяет государство как «воплощенное право».

Государство, таким образом, в философии Соловьева встраивается как необходимая ступень

¹ С подробным анализом реакции на статью Вл. Соловьева «Значение государства» можно ознакомиться в статье Б. В. Межуева «Значение государства» – византийская идея на страницах либерального журнала. См.: Межуев Б.В. «Значение государства» – византийская идея на страницах либерального журнала // Соловьевские исследования. 2020. № 3 (67). С. 10-25.

в последовательность нисхождения добра в мир, с опорой на которую начинается нравственное восхождение отдельного человека и человечества в целом. Обращаясь к историческому опыту христианства, Соловьев задавался вопросом: почему Средневековье – эпоха беспредельного господства христианской религии и церкви в Европе – не привело к окончательному торжеству христианства? Причину он видит, в том числе, и в «псевдохристианском индивидуализме», ошибочном представлении, согласно которому спасать можно и должно только отдельного человека, тогда как нравственное совершенствование есть историческая задача и общее дело человечества. Государству в этом общем деле отведена особая роль – оно выступает своего рода гарантом его осуществления. Интересно, что само государство для Соловьева – институт преходящий. В «Оправдании добра» он пишет: «Достигнутое идеальное состояние человечества, или Царство Божие как осуществленное, очевидно, несовместимо с государством» [Соловьев, 1988, 523]. Но, пока история не завершилась, именно в лоне государства человечество идет по пути нравственного прогресса.

Исторические типы государства

Как действительность права, государство у Соловьева имеет действительную историю. Проследивая историческую типологию государства, Соловьев показывает, как различие времени и места сказывается в идее права, реализующейся в конкретном государственном организме. Принципиальными эпохами в формировании государственного устройства он считает Античность и Средневековье, в каждой из которых реализовалось два типа государственной идеи: в Античности – древнегреческий полис и римская республика, в Средневековье – западноевропейский и византийский тип государственности. И если становление государственности в Античности представляет интерес скорее исторический, то Западная Европа и Византия порождают, по определению Соловьева, политические идеи «общего значения», определившие не только исторические различия государств, но и принципиально противостоящие политические и правовые доктрины. Исторический анализ различных типов государственности у Соловьева интересен и своей методологией. Он оставляет в стороне традиционный вопрос о смене форм правления как внешней действительности государства, считая его теоретически исчерпанным. Соловьев мыслит как философ и культуролог, его интересует, как идея государства осознается и выражается изнутри, в контексте универсальных ценностей породившей его культуры. Он полагает, что такое сопоставление «различных национальных способов понимания поможет нам углубить и расширить наше собственное понятие о смысле государства» [Соловьев, 1989, 551].

Соловьев начинает с греков, в которых он видит «первых создателей чисто человеческой культуры». Государство у греков – это город, *πόλις*. Для Соловьева здесь важно претворение идеи государства непосредственно в языке, поскольку коренное значение слова показывает, *что* народ, употребивший его для обозначения государства, считает в нем самым важным. Какой смысл несет в себе слово «*πόλις*»? «Город всегда был и есть средоточие образованности, умственной и материальной культуры, живого движения и прогресса» [там же, 552], поэтому, считает Соловьев, в самом названии государства у греков выражена его культурная задача. Государство как полис – это больше, чем организация совместной жизни людей, необходимая для их выживания, государство – это «необходимое условие человеческой образованности, культурного прогресса» [там же]. Соловьев показывает, что, с одной стороны, многие крупные государства, как, например, великие восточные деспотии, Римская империя, возникали из

города, а с другой – сами города, небольшие по историческим меркам, благодаря своему культурному потенциалу, становились очагами всемирной истории, как это было с Афинами и Иерусалимом. Греческий полис как форма организации политической жизни остался в прошлом, но проявленная в полисе культурная миссия государства остается его непреходящей задачей.

Если эстетизм греческого самосознания выдвигает на первый план создаваемую государством-полисом культуру, то в Риме смысловой акцент государства смещается. Для практических римлян главной стороной государства становится объединение людей для общего дела, охрана общественного целого. Это находит отражение и в языке: государство для римлян – *res publica*, т.е. буквально «общее дело». Интересно, что для Соловьева римское понятие государства как воплощения человеческой солидарности стоит на более высокой ступени нравственного порядка, чем греческое понятие полиса как средоточия культурного гражданства. Сама по себе образованность не исключает нравственного упадка и распущенности, тогда как гражданская добродетель римлян, ставящая благо отечества выше всего, нравственна по определению. Вместе с тем, следствием ценностной абсолютизации государства стало основное нравственно-правовое заблуждение римлян. Государство действительно есть реальное условие общечеловеческого дела так, как его понимает Соловьев, а именно – осуществления добра в мире. Однако это не означает, что государство само по себе есть цель, есть основа и безусловное начало нравственности. На самом деле, задача государства, как и права в целом, не в том, чтобы «лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а в только том, чтобы он до времени не превратился в ад» [Соловьев, 1988, 454]. Государственный абсолютизм римлян, собственно, и погубил империю, не сумевшую, столкнувшись с феноменом христианства, должным образом ответить на вызов культуры: Рим не мог допустить какое-либо высшее начало, хотя бы рядоположенное государству. Римский государственный абсолютизм поэтому ушел в прошлое и возвращение к нему исторически невозможно.

Средние века принципиально меняют государственную идею, но двояким образом. Формируются, как пишет Соловьев, «две новые политические идеи общего значения: западноевропейская и византийская» [Соловьев, 1989, 556]. В первой из них, в противовес римскому государственному абсолютизму, подчеркивается относительный характер государства, выступающего как результат взаимодействия различных социальных сил и интересов. Соловьев показывает, что западноевропейская цивилизация вообще крайне неоднородна: в средние века противоборствующие силы были представлены королевской властью, духовенством, феодалами, городскими общинами и т. д., но и в новой истории европейский мир остается полем борьбы различных классовых и партийных интересов. Государство в этой политической реальности выступает как структура, по общему согласию (договору) уравнивающая противоборствующие силы и стороны, т. е. обеспечивающая относительно устойчивое состояние общества. И здесь, так же как в Античности, Соловьев находит языковое соответствие общей для европейского мира идее государства, указывая на общую для основных европейских языков этимологию слова «государство» от латинского «*status*» – состояние. Как уже указывалось, отличительная черта такого государства – его относительность. Равновесие противоборствующих сил не есть нечто постоянное, поскольку изменяются как сами эти силы, так и способ их взаимной согласованности, равновесия. В этой относительности, неустойчивости государства Соловьев видит главную проблему. Что лежит в основе изменения государства? Что им движет? Ведь если признать, что государство есть только выражение наличного правового состояния, и не более, то его изменение, подобно физическим

процессам, происходит «само собою» и, что важнее, нет оснований видеть в этом процессе прогресс правовых отношений, поскольку, по Соловьеву, «Царство Божие не может быть понято как следствие непрерывного развития мира чисто человеческого» [Соловьев, 1988, 273]. Отсюда попытка переосмыслить вторую государственную альтернативу европейского правосознания – «византийскую политическую идею».

Главная отличительная черта византийской государственности состоит в том, что в ней признается «сверхправовое начало, которое, не будучи производением данных правовых отношений, может и призвано самостоятельно изменять их согласно требованиям высшей правды» [там же, 557]. Говоря о византийской модели государства, Соловьев ясно видит ее двойственность. Причем двойственность эта сама неоднозначна: одно дело политическая реальность исторической Византии, другое – ее же претворение в правовой идее. В реальной истории Византия унаследовала традиции и умонастроения римского государственного абсолютизма, согласно которому государство само по себе позиционировалось как всеобщая цель, а императорская власть, по сути, обожествлялась. Но для Соловьева главное не это. Историческое значение Византии он видит в идее христианской монархии, которая, пусть и недостаточным образом, но все же была положена в основу политической и правовой жизни. Соловьев показывает, что священный статус императорской власти в христианской Византии, несмотря на кажущееся сходство с обожествлением римского императора, имел принципиально иные основы. Божественное достоинство императора языческого Рима делало его, по сути, человекобогом, тогда как в Византии, исповедующей религию Богочеловека, императорская власть «могла почитаться священной лишь как особое служение истинному Богу» [Соловьев, 1989, 558]. Полнота императорской власти не абсолютна, но обусловлена тем, что она есть «делегация власти Христовой» [там же], и только это сообщает ей нравственный авторитет и ставит ее на вершину властной пирамиды государства. В христианском монархе Соловьев видит воплощение своего политического идеала, согласно которому, «государство есть средняя общественная сфера между Церковью, с одной стороны, и материальным обществом – с другой» [Соловьев, 1988, 533]. Именно это срединное положение государства содействует нравственному прогрессу общества, обеспечивая внешние условия для совершенствования людей, тогда как деятельность церкви сосредоточена на совершенствовании внутреннего нравственного мира человека. Исторически политический опыт Византии в оценке Соловьева представляется неудачным, она не исполнила своего исторического призвания и, потеряв внутреннюю причину своего бытия, погибла. Вместе с тем, большую историческую заслугу Византийской империи Соловьев видит в том, что ей под напором язычников, а позже мусульман, удалось удержать границы христианского мира, а главное –передать христианство России.

Заключение

Учение Соловьева о праве и государстве интересно не только как исторический феномен. В речи, посвященной памяти Вл. Соловьева, П. И. Новгородцев называл его «защитником правовой идеи» в той ситуации, в которой наука права оказалась на рубеже XIX – XX веков, когда «в ней как бы иссякло самое доверие к нравственной силе права. Вместо прежнего одушевления его возвышенной сущностью и идеальным предназначением, мы слышим теперь учения, что право есть продукт силы и расчета» [Новгородцев, 1991, 526]. XXI век изменил цивилизацию, но фундаментальные нравственные вопросы остались прежними. Наука права – не исключение. В ней по-прежнему нет консенсуса в решении базовых правовых вопросов,

важнейший из которых сущность права и его институтов. Довлеет ли право себе или подчинено неким высшим идеям и принципам? Несет ли государство нравственную миссию или реализует всего лишь приемлемую моменту технологию власти? Вся философия права Владимира Соловьева – это поиск правды в ответах на эти вопросы. Определенные его идеи, как, например, представление о государстве как «организованной жалости», спорны, другие – христианская монархия, например, как идеал государства – исторически преходящи. Но следует согласиться, что «все, что он писал в этой области, было направлено к тому, чтобы, выражаясь его же словами, обнаружить силу права против права силы» [там же]. И это актуально всегда.

Библиография

1. Гусейнов А.А. Мораль и право: линия разграничения // *Lex russica*. 2018. № 8 (141). С. 7-22.
2. Корнев А.В. В.С. Соловьев и Л.Н. Толстой: два взгляда на право и нравственность // *Lex russica*. 2021. № 7 (176). С. 139-147.
3. Межуев Б.В. «Значение государства» – византийская идея на страницах либерального журнала // *Соловьевские исследования*. 2020. № 3 (67). С. 10-25.
4. Новгородцев П.И. Идея права в философии Вл.С. Соловьева // *Об общественном идеале*. М.: Пресса, 1991. С. 525-539.
5. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // *Соч.* в 2-х тт. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 47-548.
6. Соловьев В.С. Значение государства // *Соч.* в 2-х тт. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 549-561.
7. Соловьев В.С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. URL: http://www.odinblago.ru/soloviev_8/2#01

Moral evolution of the state in the philosophy of law of Vladimir Solovyov

Lyudmila V. Fiveiskaya

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Philosophy and History,
Vologda Institute of Law and Economics FSIN of Russia,
160002, 2-a, Shchetinina str., Vologda, Russian Federation;
e-mail: liudfiv@mail.ru

Abstract

The subject of this article is the teaching of Vladimir Solovyov about the state. The doctrine of the state is a section of his philosophy of law. Law, according to Solovyov, is part of morality. Therefore, the doctrine of the state is associated with the ethical doctrine of Solovyov. The article shows that in Solovyov's doctrine the state is presented as a historical phenomenon. The basis for the development of the state is the idea of law, which also develops in the history of society. According to Solovyov, the essence of the development of the legal idea and the state is the moral progress of mankind. The article examines the criticism of Solovyov's ideas by his contemporaries, as well as the relevance of his ideas for understanding modern law. Historical and philosophical analysis of Solovyov's doctrine of the state was carried out on the basis of his works "The Justification of the Good: An Essay on Moral Philosophy", "The Significance of the State" "Law and morality. Essays on Applied Ethics". This article is of interest to specialists in the field of history of philosophy, philosophy of law, theory of state and law, and can also be used in the educational process.

Lyudmila V. Fiveiskaya

For citation

Fiveiskaya L.V. (2021) Nravstvennaya evolyutsiya gosudarstva v filosofii prava Vladimira Solov'eva [Moral evolution of the state in the philosophy of law of Vladimir Solovyov]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (6A), pp. 38-45. DOI: 10.34670/AR.2021.13.67.004

Keywords

Vladimir Solovyov, philosophy of law, state, law, morality, moral progress, Christian state, Christian monarchy.

References

1. Guseinov A.A. (2018) Moral' i pravo: liniya razgranicheniya [Morality and law: the line of demarcation]. *Lex russica*, 8 (141), pp. 7-22.
2. Kornev A.V. (2021) V.S. Solov'ev i L.N. Tolstoi: dva vzglyada na pravo i npravstvennost' [V.S. Solovyov and L.N. Tolstoy: two views on law and morality]. *Lex russica*, 7 (176), pp. 139-147.
3. Mezhuev B.V. (2020) «Znachenie gosudarstva» – vizantiiskaya ideya na stranitsakh liberal'nogo zhurnala [“The Meaning of the State”: A Byzantine Idea on the Pages of a Liberal Journal]. *Solov'evskie issledovaniya* [Solovyov Research], 3 (67), pp. 10-25.
4. Novgorodtsev P.I. (1991) Ideya prava v filosofii Vl.S. Solov'eva [The idea of law in the philosophy of Vl.S. Solovyov]. In: *Ob obshchestvennom ideale* [On the social ideal]. Moscow: Pressa Publ.
5. Solovyov V.S. (1988) Opravdanie dobra. Npravstvennaya filosofiya [Justification for goodness. Moral Philosophy]. In: *Soch. v 2-kh tt.* [Op. in 2 vols.]. Moscow: Mysl' Publ. Vol. 1.
6. Solovyov V.S. (1989) Znachenie gosudarstva [The meaning of the state]. In: *Soch. v 2-kh tt.* [Op. in 2 vols.]. Moscow: Mysl' Publ. Vol. 2.
7. Solovyov V.S. *Pravo i npravstvennost'. Ocherki iz prikladnoi etiki* [Law and morality. Essays on Applied Ethics]. Available at: http://www.odinblago.ru/soloviev_8/2#01 [Accessed 12/12/2021]

УДК 13

DOI: 10.34670/AR.2021.14.73.005

**Современная трактовка совершенного общества: от
«добродетельного города» (аль-Мадины аль-Фадилы) казахского
мыслителя аль-Фараби до «умного города» (smart city)**

Кабылова Айна Сагатбековна

Доктор философских наук, профессор,
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
010008, Республика Казахстан, Нур-Султан, ул. Сатпаева, 2;
e-mail: kaby172@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется связь между современным «умным городом» и «добродетельным городом» аль-Фараби, в качестве источника используется его трактат «Добродетельный город». Работа основана не на изученных идеях, а на личных наблюдениях. Автор рассматривает состояние современного человека в обществе. «Умный город» уделяет особое внимание вопросам счастья и гуманизма. В качестве ответа используется коллекция взглядов аль-Фараби в контексте светской этики (независимо от тенденций переоценки). В статье сочетаются научные взгляды философа с современными ценностями. Автор стремится отфильтровать интерес и заблуждения в сознании молодого поколения посредством трансцендентных и четко определенных трактатов мыслителя. Некоторые аспекты служат ответом на экзистенциальные вопросы молодежи. По мнению автора, необходимо расширить создание разнообразия (*diversity*) для нынешнего поколения. Статья кратко рассматривает философские, религиозные истоки, определяющие жизнеспособность, которые будут основываться на измерении жизни в современном молодежном мировоззрении. Конечная цель исследования – обрести счастье, достигая гуманизма.

Для цитирования в научных исследованиях

Кабылова А.С. Современная трактовка совершенного общества: от «добродетельного города» (аль-Мадины аль-Фадилы) казахского мыслителя аль-Фараби до «умного города» (smart city) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 6А. С. 46-60. DOI: 10.34670/AR.2021.14.73.005

Ключевые слова

«Умный город», аль-Фараби, «добродетельный город», разнообразие, счастье, суицид, мотивация, гуманизм, карантин, иммунитет.

Введение

Современному человеку необходимы свобода, высокий уровень благосостояния и самое главное – социальное равенство. Именно поэтому современный мир хочет построить «умный город». Каждая страна желает способствовать интеллектуальному развитию городской инфраструктуры, обеспечивать всесторонний баланс всех ресурсов и удовлетворить потребности населения. Нанотехнологии способны заново воссоздать жизнь. Мир меняется с огромной скоростью, и человек все время в движении. Он ищет, самосовершенствуется, стремится к успеху и не только. Начало этой идеи положил аль-Фараби. Мысль о создании проекта «Умный город» была высказана философом тысячу лет назад в его трактате «Взгляды жителей добродетельного города» (далее – «Добродетельный город»). Безусловно, идея была примитивной. В Средние века мало кто занимался созданием новых концепций. Тем не менее мыслитель всеми силами старался найти способ сделать горожан счастливыми и мечтал о свободной демократии.

Сначала стоит рассказать о самом аль-Фараби. Абу Наср аль-Фараби (870-950 гг.) родился в городе Фараб в Казахстане, на территории современного Шымкента. Здесь же он получил свое первое образование. Затем философ отправился в Хорасан, а позже переехал в Багдад для того, чтобы продолжить свое образование. В 948 г. аль-Фараби написал трактат «Добродетельный город», который оказался его самым совершенным трудом. В этом трактате он описывает «добродетельный город», в котором ему самому довелось жить. Идеи «умного города» и «добродетельного города», несомненно, связаны между собой. Несмотря на разные эпохи, жители городов мечтают о счастье. Разумеется, имеется огромная разница между средневековым и современным «счастьем».

В 2020 г. ЮНЕСКО официально поддержала юбилей аль-Фараби. В связи с этим в Казахстане проходят масштабные мероприятия. Аль-Фараби изучал природу человечества. Он обращал внимание на изменения в обществе и необходимость исследований. Мыслитель считал, что у каждого есть способность стремиться к счастью. Так как люди разные, их способность открывать духовные вещи разнообразна. Граждане «добродетельного города» должны стремиться заниматься благотворительностью, искать счастье, постоянно работать и практиковать диспозицию для природного совершенствования. Благодаря этому искусство и наука будут укрепляться и действовать в соответствии со способностями и готовностью. Счастье может быть достигнуто только в обществе. Аль-Фараби говорил, что жители должны быть готовы к переменам.

Основная часть

В современное время меняются скорость и интенсивность передачи данных. Без этого уже невозможно представить себе современный город. Социальные сети и мобильные приложения добавили ему еще одно измерение. В Казахстане, как и во всем мире, разрабатывается концепция «умного города». Для развития этой идеи служит программа «Цифровой Казахстан». Например, в пилотном режиме запущен проект «Паспорт школьника». Он позволяет определить местонахождение ребенка и дает убедиться, что ребенок действительно находится в школе. Городским ученикам выдали часы с тревожной кнопкой, тем самым обеспечив безопасность детей.

В Казахстане существует одна большая проблема. Сельские дети далеки от современных достижений цивилизации. Эти различия проявляются не только в безопасности, но и в разнице

образования городских и сельских детей. Городская методика обучения, которая нацелена в основном на практическую сторону, значительно отличается от методов деревенских школ. В городских школах есть доступ к высоким технологиям, проводятся практические занятия с настоящими специалистами. В «умном городе» существует разнообразие (*diversity*), которое дает возможность для реализации каждого человека. В селе же оно практически отсутствует. Для достижения цели нужны в первую очередь разнообразие и сформированное отношение к нему. По этому поводу аль-Фараби писал: «Величайшее благо и высшее совершенство могут быть достигнуты в первую очередь городом. Так как природа блага в действительности такова, что она достигается по желанию и свободному выбору, всякий город может послужить достижению счастья» [Аль-Фараби, Философские трактаты, 1972, 305].

В селах Казахстана очень редко можно встретить специалистов в узких сферах, которые, к примеру, изучают гендерные особенности или экологические проблемы. Как правило, именно в городе осуществляется обучение навыкам большинства ремесел, в частности малораспространенных. В «умном городе» широко применяются современные технологии, в том числе в обучении, для достижения наибольшей эффективности учебного процесса. Села, в свою очередь, не оснащены необходимым оборудованием. Еще одна немаловажная особенность «умного города» – обучение техникам академического письма. Умение грамотно и четко выражать свои мысли необходимо в совершенно любой сфере. В наше время это правило распространяется не только на родной, но и на английский язык, независимо от страны проживания. «Чувствовать язык», свободно писать и говорить можно только в «умном городе». В селах возникают достаточно большие проблемы с недостаточной грамотностью и незнанием международного языка. Это объясняется в первую очередь отсутствием носителей и не самой продуктивной системой обучения, которая нацелена на выучивание шаблонных правил, а не на свободную коммуникацию.

Довольно известным фактом является то, что казахстанские села и города имеют разные условия для жизни. На это в свое время обращал внимание и сам аль-Фараби: «Если будет различие между племенами, городами, союзниками или народами, они будут различаться между собой. Таким же образом один индивид отличается от другого индивида. Отличается один человек от другого человека, одна группа людей от другой группы. Потом они будут бороться, враждовать друг с другом. Целями этой борьбы будут безопасность, честь, благосостояние, удовольствия... Каждая группа будет стараться лишить другую всех указанных благ и присвоить их себе» [Там же, 352-353].

По мнению мыслителя, «добродетельный город – это здоровое тело человека. Все “органы” помогают друг другу сохранить жизнь живого существа и сделать ее наиболее полной» [Там же, 302]. По той же концепции «умный город» рассматривается как подобие человеческого организма: система видеонаблюдения – это «глаза», исполнительные органы и городские службы – «конечности и пальцы», транспортная система – «кровеносные артерии и сосуды», мозг – органы городского управления, память – центры обслуживания населения (ЦОН). Плюс «умного города» заключается в повышении уровня жизни граждан. Жители современного «умного города» на примере «добродетельного города» стремятся к достижению счастья. Аль-Фараби отмечал: «Счастье – это абсолютная благотворительность, люди используют разные методы для его достижения» [Эл-Фараби..., 2006]. Безусловно, граждане «умного города» хотят жить качественно. Они осваивают такие категории, как интуиция и иммунитет. В связи с этим у них очень глубокая связь с обществом.

Мы сравнили текущие проблемы и взгляды аль-Фараби на них.

- 1) В «умном городе» люди слишком хотят деньги: «Жители “города обмена” стремятся помогать друг другу для достижения богатства. О другом они не думают. Целью всей их жизни является только богатство» [Там же, 323]. Те, кто этого желают, становятся жителями «города обмена». Мыслитель не против богатства, однако он осуждает тех, кто одержим этой идеей.
- 2) Современный мир меняется с такой безумной скоростью, что мы совсем не успеваем адаптироваться. Сегодня «страх» является неотъемлемой частью человеческой жизни. В связи с этим можно упомянуть слова аль-Фараби, в которых он учит человека быть сильным: «С возникновением человека первое, что появляется в нем – это сила [или способность]. Он этим питается, и это является питающей силой... Наконец, в нем появляется мыслящая сила. С помощью нее он воспринимает умопостигаемые объекты интеллекции: отличает красоту от уродства, обретает искусства и науки, она также сопровождает стремление» [Там же, 264-265].
- 3) Среди нас встречаются люди, жаждущие власти: «Город властолюбивый – это такой город, жители которого стремятся к тому, чтобы другие покорялись им, а сами они не покорялись никому; их усилия направлены на достижение той радости, которую доставляет им только победа» [Там же, 324]. Видимо, мыслитель наблюдал за несправедливостью и коррупцией в городе, где сам жил. Однако у него не было возможности высказать это прямо, так как могло последовать наказание. Поэтому он пытается объяснить свою оппозицию в теоретической форме.
- 4) В «умном городе» есть люди, которые живут одними удовольствиями и удовлетворением собственных потребностей. По этому поводу аль-Фараби писал: «В “городе низости и несчастья” жители стремятся к наслаждениям. Еда, питье, половые сношения... на первом месте. Они стремятся к такому наслаждению, к возбуждению веселья. Утешаются забавами во всех их видах и проявлениях» [Там же, 323]. Философ осуждал подобное поведение. Он призывает нас не позориться и не терять свою репутацию. Необходимо уметь пользоваться земными благами, проявляя нравственные качества. Поведение человека в обществе учит проблемам этикета.
- 5) На данное время среди населения много случаев суицида. Казахстан занимает третье место в мире в этом скверном рейтинге. По статистике, женщин-самоубийц в Казахстане больше, чем в США [Мавлоний, www]. В свое время аль-Фараби осуждал такие действия: «В “заблудшем городе” полагают, что счастье последует после этой жизни. У людей порочные представления, для них нет основы для благочестия» [Аль-Фараби, Философские трактаты, 1972, 325]. Аль-Фараби критикует «города обмена», «города властолюбия», «города низости и несчастья», «заблудшие города». Он определяет их как невежественные города. Концепция «добродетельного города» полностью противоположна ранее упомянутым городам. Мысли аль-Фараби являются примером и сегодня. Люди не должны загрязнять «умный город». Он должен быть таким же образцовым, как «добродетельный город».

Современный человек живет в постоянной эволюции и прекрасно это чувствует. Он считает себя умнее тех, кто был до него. Появился «новый человек», убежденный в том, что моральные законы, действовавшие сто или тысячу лет назад, больше не актуальны. Для «нового человека» счастливая жизнь сводится к богатству. Мы считаем это разумным принципом. В наше время деньги занимают особое место: они позволяют практически все и являются ключом к свободе,

а человек стремится в первую очередь к ней. Уровень жизни стал главной целью макроэкономической политики. Мы отчетливо понимаем, что Казахстан должен заострить огромное внимание на улучшении качества жизни граждан. Это особенно проявляется в том, что у некоторых слишком много денег, а у других их вовсе нет. Мы должны пересмотреть свое отношения к деньгам, так как они сами по себе не несут ничего плохого. Все плохое первым делом исходит от самого человека, который способен делать выбор. Народу необходимо думать о нуждающихся и начать заниматься благотворительностью. Состоятельные люди могут позволить себе спасти больного, помочь животным или обеспечить условиями бедных, и все это в один клик, не выходя из дома.

Сейчас нам приходится жить во времена пандемии, кардинально поменявшей образ жизни каждого жителя нашей страны. Люди потеряли всяческую возможность работать и лишились источника дохода. К сожалению, помочь согражданам не спешат даже самые богатые личности. Существуют такие яркие примеры, как Джек Ма, Билл Гейтс, Джеки Чан, Уоррен Баффет, Илон Маск, Криштиану Роналду, которые жертвуют миллионы и являются образцами для подражания всему миру. Столкнувшись с такой сложной ситуацией, мы убедились, что наше государство не может до конца справиться с последствиями. Денежная помощь, которой никому не хватает для нормальной жизни, является лишь одним из всех недостатков.

Разумеется, проблемы существуют и в развитых странах. Очень заметно то, что все больше и больше людей имеют не лучшее психологическое состояние. Они несчастны и пребывают в постоянной депрессии. Их жизнь превратилась в одну сплошную рутину без новых ощущений. Каждый человек нуждается в изменениях, которые будут отличать один день от другого. Люди могут быть несчастливы даже в странах первого мира. Почему? Причиной является то, что многое вокруг нас иногда неясно и часто причиняет неудобства. Люди живут страхами, которые только появляются с каждым днем и приводят к нетерпимому отношению к другим. Жизнь идет полным ходом, в связи с чем сложно найти время на отдых. Это приводит не к самым лучшим последствиям, таким как бессонница, стресс и нервозность. Сильная перегруженность отрицательно сказывается на нашем здоровье, а слишком много информации невозможно полностью принять. Внутренний «иммунитет» не выдерживает такого давления. Поэтому надо консультироваться с психологом, который поможет разобраться с внутренними переживаниями. С каждым сеансом будет улучшаться «психоэнергетическое состояние», повысится чувствительность к астральным явлениям. Энергетические потоки в организме будут увеличиваться, в связи с чем человек начнет замечать тонкое поле энергии вокруг себя и чувствовать пределы своей ауры. Позже придет энергия, которая иногда даже может вызвать эйфорию. Однако это состояние продлится не долго, и рано или поздно все вернется обратно. По этому поводу аль-Фараби дает совет: «Разумному нужна вера. Вера – добродетель. Разумный человек способен избрать добро и избежать зла» [Там же, 17-18].

Каждый разумный человек находится в постоянном поиске счастья. Аль-Фараби рассматривает категории счастья и пишет: «Они превосходят друг друга по трем признакам: по виду, количеству и качеству» [Там же, 330]. Каждый человек определяет ту, которая ему наиболее подходит. У людей постоянно меняется восприятие счастья. В XXI в. этот процесс особенно заметен. В нынешнее время люди живут намного лучше, чем наши предки, которые не чувствовали себя настолько комфортно. Современный человек сытно ест, получает хорошее образование, имеет достойное жилье, т. е. использует современные достижения цивилизации. Но почему, даже при таком удачном раскладе, счастья так сложно достичь в современном мире?

Суть в том, что материальное благополучие не является фактором для того, чтобы чувствовать удовлетворенность от жизни. Не случайно наркотики и алкоголь так глубоко укоренились в нашем социуме. Эти вещества помогают справиться с душевными переживаниями и скрасить серые будни. Подобное чаще всего практикуется у состоятельных людей. Это лишний раз доказывает, что человек быстро привыкает к хорошей жизни и принимает ее как должное. Он склонен к переживаниям и недооценивает собственное положение.

Положительные эмоции возникают, но они, как правило, недолговечны. «Дурные действия жителей городов выдает скверность их душ. Чем больше кто-то из них упорствует в этих действиях, тем менее совершенным становится его внутреннее состояние. В результате их души становятся больными. Вот почему они могут находить удовольствие в тех душевных состояниях, которые обретаются ими благодаря этим действиям. Люди, страдающие от телесных недугов, в результате теряют темперамент... Люди с больной душой находят удовольствие в безнравственных положениях и действиях. Они страдают и не видят вещей прекрасных и добродетельных...» [Там же, 332-333]. Также аль-Фараби говорит: «У любого народа и жителей города эти вещи воспроизводятся посредством наиболее им известных представлений. Они совершенно разные у каждого народа и могут отличаться как полностью, так частично. Поэтому один народ может воспринимать что-то иначе, чем другой. Вот почему у различных добродетельных городов и народов могут быть разные религии, хотя все они верят в одно и то же счастье и стремятся к одним и тем же целям» [Там же, 350]. В связи с этим можно сделать вывод о том, что нет определенной парадигмы или схемы, которая поможет достигнуть счастливой жизни. У каждого она совершенно индивидуальна. Например, различные конфессиональные проекты нашей страны направлены именно на это. Все они стремятся улучшить жизнь людей. Аль-Фараби отмечал: «Милосердные люди не допускают отчуждения и раздоров, потому что цель гуманизма – это добро» [Аль-Фараби..., 2005, 204].

Одним из первых инструментов достижения счастья является религия, потому что она живет с момента сотворения человечества. Люди рано или поздно с ней сталкиваются. В «умном городе» не будет единой религии. В зависимости от конфессиональных особенностей, они отличаются друг от друга. У многих есть интерес к мировым философским проблемам. Религия дает ответы на эти вопросы и помогает найти душевное спокойствие и гармонию. Столкнувшись с тяжелыми жизненными ситуациями, люди обращаются к религии с целью найти утешение. Они могут получить поддержку от религиозных организаций и после начинают верить, что жизнь наладится. Все члены религиозной организации общаются друг с другом, находят друзей и пользуются определенной моральной, духовной поддержкой. Об этом аль-Фараби говорил: «Жители добродетельного города расширяют знания о Боге, изучают его особые признаки и духовную сущность, описывают его свойства» [Ульрих, 1999, 261].

Аль-Фараби восхваляет Бога. По его мнению, религия является частью городской жизни. Для некоторых людей она вовсе становится ее смыслом. Поэтому аль-Фараби предложил, чтобы религия носила диалоговый характер, готовил быть толерантными, через чувствительность и мораль раскрывал аксиологические аспекты категории ума, чтобы религиозность не рассматривалась только с одной стороны. Он верил, что религия регулирует моральные нормы в обществе. Однако свой путь каждый человек выбирает сам. Мыслитель не навязывает духовные категории жителям добродетельного города. Он хотел лишь того, чтобы всем была доступна и понятна концепция религии. После этого выбор только за человеком.

По словам аль-Фараби, существуют различные национальности, организации и племена. У

них у всех разные религиозные убеждения и вера в свою священную религию. Например, религия жителей «добродетельного города» аль-Фараби – ислам. Они в гармонии с природой. В «добродетельном городе» мир делят на две части: над луной и под луной. Эти миры всегда в движении и постоянно изменяются. Их создал Бог. Форма Бога не имеет ни с чем схожестей. Однако есть различия между религиозностью «добродетельного города» и «умным городом».

Мировоззрение современного человека изменилось, а с ним и вероисповедание. Причиной этому стали научные открытия и светскость. Человек начал сомневаться в религиозной трактовке явлений и изменил отношение к религиозному институту. Однако это не означает, что религия в обществе совсем исчезла. Она продолжает существовать и выполнять ряд функций. Это всеобщее явление. Благодаря веку информационных технологий, понятие непрерывно пополняется новыми знаниями. Технологии повлияли не только на жизнь людей, но и на их сознание. Молодое поколение не чувствует ауру Бога. Согласно философии жизни, для живых мир за пределами жизни – огромная тайна. По этой причине в абстрактном мире невозможно понять Бога. Они не принимают последующую жизнь, ищут спасение в этой жизни, жаждут бесконечного счастья. Поэтому для того, чтобы стать счастливыми, необходим духовный рост. Нужно оживить ценности прошлого, так как духовная традиция возрождает человека.

Природа человечества ориентирована на то, чтобы быть счастливым. Каждый следит за тем, чтобы жизнь была на высоком уровне. Есть причины и последствия счастья. Они вызывают хорошее настроение. Объясняется, что зла можно избежать. Человека, освоившего эти знания, мы называем «умным человеком». Он близок к образу «совершенного человека» аль-Фараби. «Аль-Фараби указал путь к счастью. Все к нему стремятся. Счастье – это совершенствование» [Касымжанова, 2006, 277]. Сейчас, чтобы быть счастливыми, обитатели «умного города» собирают информацию. Они способны ее анализировать. По определению Британского института стандартов (BSI), «умный город» – «эффективная интеграция искусственно созданных физических, цифровых и человеческих систем для обеспечения устойчивого, развитого будущего граждан» [Денисов, Шаронина, 2019, www].

Современная концепция «умного города» создает умную среду. Появляются умный контроль, умное освещение, умные остановки. Для освоения этих технологий необходимы знания. Только они побуждают чувствовать и ощущать. Аль-Фараби отмечал: «Человек, прежде чем стать образованным и опытным, находит многое несостоятельным и абсурдным. Просветившись в науке и приобретя опыт, он меняет свое мнение. Что его не удивляло ранее, теперь – удивляет. Быть образованным – значит открывать для себя что-то новое» [Аль-Фараби, О классификации наук, 1972, 187]. Мыслитель продвигал идеи об интеллектуальном и этическом совершенстве, говорил об этике образованного человека, побуждал делать благие дела: «Блага бывают двух видов: этические и интеллектуальные. Интеллектуальные блага являются благотворительностью, которая выполняется с умом. Этический гуманизм – это выдержка, мужество, щедрость, справедливость» [Эл-Фараби..., 2006, 158]. Этика аль-Фараби призвана развивать милосердие. Причина этому то, что человек, который сомневается в этических нормах, становится жестким. Среди жителей «добродетельного города» им нет места. Этика – фундамент построения государства. «Добродетельный город» в первую очередь будет способствовать формированию добродетельного гражданина. Нравственность и милосердие способствуют достижению счастья. Счастье – это результат доблестной активности. Доблестная активность – значит благотворительность. Основное требование к человеку, который хочет

стать счастливым, – это творить добро. «К счастью человек инстинктивно стремится. Это большое достояние. Самая совершенная цель» [Аль-Фараби, 1970, 266].

У каждого человека есть понятие об абсолютном счастье. Каждый верит в зрелость и совершенность своего взгляда. Современный человек живет в порядке, основанном на мотивации. Мотивация направлена на достижение цели. Это сила действий, формирующая поведение. Она определяет выбранное человеком направление и ведет по нему. В повседневной жизни люди сталкиваются с постоянно стимулирующими и движущими факторами. Прежде всего, работают для обеспечения семьи, стремятся заработать деньги. Если устанут, берут очередной отпуск. Мечтают получить надбавку. Мотивация требует уверенности в собственной деятельности. Кроме того, служит фактором успеха. К людям с высокой мотивацией можно отнести лидеров. Они не отступали годами и поднимались по карьерной лестнице. Люди без мотивации ведут пассивный образ жизни. Иерархия потребностей у таких личностей заканчивается физиологическими. Они продолжают проживать простые, скучные дни. Их жизнь наполнена одним негативом. Они ограничиваются самым малым заработком. Все люди имеют набор специфических потребностей и пожеланий в отношении конкретных действий. Эти потребности и пожелания являются основной движущей силой мотивации.

«Мотивация» в переводе с латинского языка означает «движение». В казахском языке этот термин близок к значению слов «намерение», «начинание», «энергичная работа». Это понятие появилось и в городе аль-Фараби. Мыслитель в свое время играл стимулирующую роль среди людей. Он проводил различные эксперименты, создал прочную основу образования, написал различные труды, посвященные студентам, которые стали для них стимулом для обучения, способствовал росту профессиональной среды, стал примером в таких областях науки, как философия, математика, химия, и написал около 200 трактатов. Одну из работ «Kitab al-Musik»¹ студенты использовали в качестве учебного пособия, причем в вузах не только мусульманских стран, но и европейских. Аль-Фараби содействовал интеллектуальному и духовному развитию молодежи своего времени.

Человек – сознательная личность, которая не способна прожить вне общества. Зрелым и сформированным он становится благодаря образованию. Следовательно, любое желание, необходимость, мнение и интересы человека появляются в процессе общения с другими людьми. Его потребности могут быть удовлетворены только в определенной системе, корпорации или ассоциации: «В городе, в котором объединены люди, существует взаимопомощь в делах. В связи с этим обретается истинное счастье. Народ, который помогает друг другу в целях достижения счастья, и составляет добродетельный город. Таким же образом весь мир станет добродетельным, если народы будут оказывать взаимную помощь для достижения счастья» [Аль-Фараби. Философские трактаты, 1972, 305]. Эти выводы аль-Фараби свидетельствуют о том, что он мечтал о достижении всеобщей доброты и гуманизма по всей земле. Это очень важно в нынешний период глобализации.

Труды Аль-Фараби учат гуманизму. Трактат о «добродетельном городе» основан на гуманной педагогике, т. е. это отличный инструмент для современного учителя в работе с молодым поколением. Молодежь – наше будущее. Им нужна доброта. В настоящее время влияние зарубежных миссий наносит ущерб нашему национальному облику. Необходимо

¹ См.: Аль-Фараби А.Н. Большая книга о музыке. Алматы, 2008. 752 с.

сформировать механизм устойчивого мышления. Мы против геноцида политико-экономического синдрома. Существует множество проблем, связанных с наркотиками, торговлей людьми, химико-лазерным оружием, экологическими нарушениями, стихийными бедствиями, национальными конфликтами, политическим насилием, тяжелыми заболеваниями, появлением мутации. Нравственность ослабла. Эгоизм доминирует. Общество живет с готовыми «программами». Мы потеряли свою естественную сущность. Это имеет место не только в Казахстане и обсуждается во всем мире. Поэтому для того, чтобы человек сам себя познал, по нашему мнению, необходимо внести в школьную программу произведения аль-Фараби, потому что воспитание молодого поколения является основной проблемой «умного города».

Семья – это малое государство. Современная семья имеет нужные для ребенка технологии, такие как компьютер, Интернет, телевидение, телефон. Люди осваивают самые разные инновации. Бумажные деньги заменены на пластиковые карты. Люди ищут необычные гаджеты. Покупка новых моделей телефонов, планшетов или компьютеров определяет счастье среди молодежи. Некоторые люди не имеют никакой цели. Это не стимулирует жить и развиваться. Отсутствие желания жить приводит к лени и безнадежности. Будем помнить, что наши предки были трудолюбивыми людьми, которые очень любили свою родину, были честными, вежливо общались с незнакомыми людьми. Сейчас же общество разучилось поддерживать хорошие отношения даже с близкими. Родные забыли друг друга. Стремясь к хорошей жизни и успеху, мы забыли о самых важных вещах. Можем легко осуждать других. Зависим от чужого мнения. Наша жизнь полностью подчиняется технике. Мы греем еду в микроволновке, читаем электронные книги, храним важные документы на электронном носителе. Школы забыли о бумажных журналах и перешли на электронные. Нынешняя молодежь живет с девизом «Живи одним днем, бери от жизни все». Это приводит к деградации сознания.

Недавно автор статьи начала читать книгу Михая Чиксентмихайи «Поток»². Это серьезное исследование, которое длилось около 25 лет и стало большой книгой. Она переведена на 30 языков. Это книга о счастье, о жизни, о нашем опыте. Не будем раскрывать содержание, так как каждый должен самостоятельно изучить труд. Все могут найти в нем что-то для себя. Подчеркнем только то, что счастье внутри нас. Живите в гармонии с собой. В выдающихся литературных произведениях можно найти достойные примеры, описывающие счастье. Те, кто столкнулся с экзистенциальным хаосом, смогли восстановиться и обрести надежду. Если бы молодежь читала книги, она бы не позволяла себе неуважительного отношения по отношению к другим. Сознание развивается вместе со знаниями.

Аль-Фараби понимал разумное действие, которое приносит человеку благополучие. Разумное действие – это естественное свойство человека. Оно особенное для каждой личности и общее для всех людей. Аль-Фараби верил, что «человек различает неравные силы в соответствии со своей природой. Он может добровольно выбрать добро и зло» [Нысанбаев, Курмангалиева, 2016, 55]. Учение о счастье как цели человеческой жизни тесно связано с умственной деятельностью. Счастье – ум и милосердие. Это основной критерий гуманистического мировоззрения аль-Фараби. Счастье многозначное, многозначное и многоуровневое. У него нет определения и размера. Аль-Фараби не исключает того, что каждый

² См.: Чиксентмихайи М. Поток. Психология оптимального переживания. М., 2011. 1123 с.

человек или группа понимают его по-разному. Абсолютное счастье имеет индивидуальный смысл у любой личности. В свое время аль-Фараби говорил, что некоторые жители городов никогда не узнают, что такое счастье. Такие города он делил на города необходимости, обмена, падшие города, города честолюбивые и сластолюбивые. Мыслитель полностью их анализирует. Люди в таких городах «не мечтают ни о чем, кроме богатства. Увеличивают свои дирхемы и динары. Не могут остановиться даже если имеют достаточно для комфортного проживания. Боятся, что после смерти потеряют богатство и уважение» [Аль-Фараби, 1987, 190]. В таком обществе нет и не может быть духовного совершенствования.

Аль-Фараби одобрял централизованную систему власти. Особое внимание он уделяет коллективному городу. В нем живут мудрецы и ораторы. Аль-Фараби верит, что в нем могут появиться уважаемые люди. Мыслитель напоминает о том, что даже в невежественных городах есть благородные люди. Образы городов, которые описывает аль-Фараби, определяются в зависимости от того, к достижению какого блага они стремятся. «Умный город» эпохи аль-Фараби – Багдад. Город был на уровне Константинополя и Кордовы. В 762 г. построили Халиф аль-Мансур. Он известен как «город мира», крупнейший центр средневековой культуры. В XIII в. в Багдаде имелось более 30 библиотек. Находился там и известный «Дом Мудрости». На его развитие были выделены деньги из казны. Багдад стал центром политической, религиозной и экономической жизни халифата. В свое время жители этого города отличались особой культурой, быстро воспринимали нововведения. Изучая первоисточники, можно заметить, что население стремилось к высокому уровню зрелости. Жизнь города была сосредоточена на иерархии (королевская семья, мечеть). Сейчас их заменили корпорации, технологии и мировая экономика. Они намерены развивать город. Повышается эффективность обслуживания населения нашей страны. Необходимо улучшить качество жизни с помощью городских информационных технологий.

Создание «умного города» – это улучшение качества жизни за счет применения инновационных технологий (умное управление, умная среда, умная экономика, умная мобильность). Состояние городской среды не определяется исключительно инфраструктурой и материальными ресурсами. «Умному городу» нужны умные решения, обеспечивающие качественное развитие. Администрация города прямо взаимодействует с городской инфраструктурой, контролирует, как развивается город, и поднимает качество жизни. При помощи датчиков, введенных в режиме реального времени, производятся обработка и анализ данных о жителях города. В «умном городе» учитываются принципы экологически устойчивого развития. Развивается «зеленая инженерия». Нужно создать формулу «зеленого умного города». Ведь идеология цивилизации XXI в. придает большое значение охране окружающей среды. Необходимо предотвратить экологические катастрофы и истощение природных ресурсов.

По мнению аль-Фараби, человек – хозяин собственной жизни, кузнец своего счастья. Ко всему относится аккуратно, не разбрасывается собственноручно добытым, не делится тайнами с кем попало, о своих мечтах и целях рассказывает только близким друзьям, не порочит свой город, имеет чистую совесть. Аль-Фараби дал оценку различным социальным слоям населения «добродетельного города». Он высказал свое мнение о многих проблемах общественной психологии. Человеческое общество начинается с семьи. Затем появляются группы, общины, страны, государства. Аль-Фараби предупреждает, что счастье этих групп зависит от них самих. Если благополучие, к которому стремятся граждане, несет за собой счастье – это характерно для «добродетельного города». Корыстные люди живут в «невежественных городах»: «Корыстным

городом управляют те, кто думает лишь о материальном достатке. Несмотря на то, что главы государств знают некоторые вещи, они на самом деле невежественны. Их кругозор ограничивается на знаниях о происходящем в мире» [Аль-Фараби, www]. Рассмотрение городов с помощью деления раскрывает реалии феодального общества того времени. Типы городов помогают понять сущность человеческого счастья.

Аль-Фараби учит быть счастливым, сравнивая «добродетельный город» и «невежественный город». Он справедливо критикует социальные противоречия Аббасидского халифата, в котором сам проживал, и старается объяснить с теоретической стороны. Моральные принципы играют огромную роль в жизни общества. Идеи гуманизма формируют личность человека, учат противостоять несправедливости. Мировоззрение аль-Фараби наполнено глубочайшим смыслом. Он определяет структуру сознания людей в обществе. Выводы мыслителя по поводу «добродетельного города» являются основными требованиями для цивилизованного развития Республики Казахстан. В связи с этим необходимо сохранять и укреплять высокий уровень согласия – как гражданского, так и межнационального.

Проблема счастья рассматривается с давних времен. Каждый раз у нее появляются новые перспективы. Эта тема всегда остается острой и актуальной, поэтому имеет огромный простор для исследований. Быть счастливым – это психологическое состояние. Счастье – абстрактное понятие. Мы можем легко понять, что это такое, просто подумав о своих потребностях. Чтобы стремиться к счастью, нужны серьезные на это причины. Богатство и карьера не всегда побуждают к действиям. Нельзя путать такие понятия, как «счастье» и «быть счастливым». Счастье – эмоциональное ощущение, как удовлетворение и наслаждение. Эти чувства выстраивают устойчивую психологию человека, подталкивают на духовное развитие, потому что по природе человек хочет удовлетворять собственные потребности и жить полноценной жизнью. «Есть одна истина, которой придерживается человек. Эта истина сосредоточена на человеке. Она позволяет человеку адекватно общаться с миром, познавать его и духовно расти» [Косиченко, 2006]. Проблема счастья тесно связана с вопросом о смысле жизни.

Счастье в «умном городе» – смысл жизни или средство его реализации? В.В. Розанов изучал историческое происхождение идеи счастья. Человек всегда старается быть счастливым, чаще всего даже этого не замечая. Кроме того, нет общего для всех источника счастья. У каждого свои субъективные мысли и отношение. «Розанов считал, что люди живут ради других людей. В этом и заключается смысл бытия. Поскольку все мы являемся неотъемлемой частью общества. По мнению мыслителя, человек в своей жизни должен иметь три обязательных предназначения: защищать собственную свободу; иметь стремление к познанию истины; разрушать преграды на пути к добру. Одна из его любимых фраз была о том, что каждый день нужно проживать так, как будто ты ждал его всю свою жизнь» [Тишуров, Федосеев, www].

В соответствии с ощущением счастья, нельзя разделить людей на лучших и худших, так как все «одинаково чувствительные». Все имеют право быть счастливыми. Не нужно пытаться заранее узнать чувство счастья. Оно может исчезнуть вследствие того, что все проходит рефлексией и теряет свою энергию. Такого счастья очень мало. Возможно, его совсем нет. Психолог В. Франкл говорил: «Счастье подобно бабочке. Чем больше пытаешься его словить, тем больше оно ускользает. Но если вы перенесете свое внимание на другие вещи, оно придет и тихонько сядет вам на плечо» [Виктор Франкл..., www]. Если человек превращает счастье в предмет своего стремления, он забывает о его причинах. Иногда понятие «счастье» кажется лишь иллюзией. Современный мир поддерживает фелицитарную (*felicitary*) политику – придерживается «политики достижения счастья».

Во все времена идеи о значении счастья имеют своеобразную особенность. Иногда они повторяются. Существует определенная общность, связанная с логическим строением взглядов, которые направлены на поиск смысла счастья. То, как аль-Фараби рассматривает счастье, способствует нашему поиску. Мышление философа абсолютно независимое. Верования последовательны. Он реформатор. Проблемы, которые им поднимались, соответствуют современному времени. Учение аль-Фараби – универсальная высшая школа. У него есть источник питания. Для самопознания каждого важно внедрить произведения аль-Фараби в школьную учебную программу. Можно использовать его коллекцию «счастливый совершенный человек». Необходима нравственная и интеллектуальная платформа. На этой основе «казахская фелицитология» формирует «философию счастья».

Взгляды аль-Фараби о счастье и его модель «добродетельного города» следует воспринимать как здоровую и цивилизованную альтернативу глобальным тенденциям морального самоуничтожения современного человечества. Разделение современных стран на развитые, развивающиеся и третьего мира на уровне аль-Фараби бессмысленно. Счастье, к которому мы стремимся, ложное, искаженное. Пришло время обращаться к идеям великого мыслителя. По его мнению, счастье будет иметь место в добродетельном государстве (городе). Если в государстве (городе) люди будут делать много благих поступков, то в итоге получают человеческую среду. Человек вместе с другими людьми делает добрые дела. Однако объединение людей не является главной целью. Оно лишь служит как средство. Цель – это достижение зрелости, приносящее счастье в жизни. Изолированный человек не в состоянии самостоятельно достичь совершенства.

В XXI в. одиночество стало одной из основных проблем человека. С ним следует бороться. Люди с правильными взглядами на жизнь, имеющие личное мнение, прочно придерживающиеся своих идей, никогда не сталкиваются с подобным, потому что, благодаря эффективной жизненной позиции, они окружены общением. Умные люди легко справляются с любой задачей. Всегда остаются победителями. Современный «умный человек» близок к «совершенному человеку» аль-Фараби. Казахский ученый Г. Есим вводит понятие «хороший человек» [Есім, 2012, 155]. Все это общие взаимосвязанные понятия. Сейчас «хороший человек» не оглядывается по сторонам. Стремится только вперед. Это ответственная личность. С таким характером можно с легкостью притягивать счастье. Человек, живя в городе, в связи со своими навыками и положением в иерархии получает соответствующий вклад счастья. Аль-Фараби подчеркивал: «Счастье состоит в том, что человеческая душа поднимается до совершенства бытия. Она больше не нуждается в материи для своего существования, потому что она соединяется с совокупностью бытия... Существует, таким образом, вечно» [Аль-Фараби, Философские трактаты, 1972, 288].

Заключение

При создании «умного города» можно опираться на проект аль-Фараби «Добродетельный город» как на одну из составляющих творческого замысла архитектора. Благодаря своей феноменальной интуиции и высочайшему интеллекту, мыслитель сумел не только предвидеть, но и сформулировать концептуальные идеи, научные мысли и выводы, которые не теряют актуальности по сей день. Самый важный постулат философии аль-Фараби – умение жить в гармонии и согласии с миром, людьми и самим собой.

То, что для проектирования «умных городов» самая важная составляющая –

информационно-коммуникационные технологии, – это неправильный постулат. Прежде всего, по нашей мысли, необходимо внедрить «духовную технологию». Так, привнесение подобной модели функционирования в реальную жизнь – цель программы «Рухани жаңғыру» в Казахстане. Составляющие этой и подобных программ в идеальном смысле могут быть следующими:

- 1) надо создать разнообразие (*diversity*) во всех регионах;
- 2) следует возродить духовную традицию;
- 3) в «умном городе» нужно формировать «добродетельного гражданина»;
- 4) для человеческого самопознания произведения аль-Фараби должны изучаться в школах;
- 5) современный «умный человек» должен брать пример с характеристики «совершенного человека» аль-Фараби;
- 6) важно использовать сравнение жителей «добродетельного города» и «невежественного города» аль-Фараби в качестве вспомогательного средства для достижения счастья.

Библиография

1. Аль-Фараби и развитие восточной философии. Астана, 2005. 320 с.
2. Аль-Фараби А.Н. Афоризмы государственного деятеля. URL: <https://www.worldislamlaw.ru/?p=522>
3. Аль-Фараби А.Н. Естественно-научные трактаты. Алма-Ата, 1987. 496 с.
4. Аль-Фараби А.Н. О классификации наук. Алматы, 1972. 481 с.
5. Аль-Фараби А.Н. Социально-этические трактаты. Алма-Ата, 1970. 395 с.
6. Аль-Фараби А.Н. Философские трактаты. Алма-Ата, 1972. 481 с.
7. Виктор Франкл: «Счастье подобно бабочке». URL: <https://www.psychologies.ru/self-knowledge/smysl-zhizni/viktor-frankl-schaste-podobno-babochke/>
8. Денисов В.А., Шаронина Л.В. Современные информационные технологии в развитии умных городов России // Вектор экономики. 2019. № 7. URL: http://vectoreconomy.ru/images/publications/2019/7/innovationmanagement/Denisov_Sharonina.pdf
9. Есім Ғ. Жақсы адам жарық шам. Астана, 2012. 560 б.
10. Әл-Фараби мемлекеттік қайраткердің нақыл сөздері // Қазақ халқының философиялық мұрасы. Астана, 2006.
11. Косиченко С. Наука в сфере культуры и ее методология // Философское наследие казахского народа: в 20 т. Астана, 2006. Т. 15.
12. Қасымжанова А.А. Мемлекеттік басқару өнері немесе бақыт философиясы // Қазақ халқының философиялық мұрасы. Астана, 2006. Т. 16. Б. 275-290.
13. Мавлоний Д. Казахстан занимает третье место в мире по количеству суицидов. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30468239&pos=4;-98#pos=4;-98
14. Нысанбаев А., Курмангалиева Г. Философ. Ученый. Энциклопедист // Философское наследие казахского народа: в 20 т. Астана, 2016. Т. 3.
15. Тишуров Н.А., Федосеев А.В. Размышление о счастье историка русской философии В.В. Розанова. URL: <https://na-journal.ru/1-2018-gumanitarnye-nauki/1041-razmyshlenie-o-schaste-istorika-russkoj-filosofii-v-v-rozanova>
16. Ульрих Р. Ал-Матуриди и сунитская теология в Самарканде. Алматы, 1999. 286 с.

Modern interpretation of the perfect society: from the "virtuous city" (al-Madina al-Fadila) of the Kazakh thinker al-Farabi to the "smart city"

Aina S. Kabylova

Doctor of Philosophy, Professor,
L.N. Gumilyov Eurasian National University,
010008, 2 Satpayev st., Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan;
e-mail: kabyl72@mail.ru

Aina S. Kabylova

Abstract

The article aims to explore the connection between the modern "smart city" and the "virtuous city" of al-Farabi, using his treatise "The Virtuous City" as a source. The work is not based on studied ideas, but on personal observations. The author of the article makes an attempt to examine the state of modern man in society. The smart city pays special attention to the issues of happiness and humanism. The answer is a collection of al-Farabi's views in the context of secular ethics (regardless of the trends of reevaluation). The article combines the scientific views of the philosopher with modern values. The author seeks to filter out the interest and misconceptions in the minds of the younger generation through the transcendent and clearly defined treatises of the thinker. Some aspects serve as an answer to the existential questions of young people. According to the author, it is necessary to expand the creation of diversity for the current generation. The article briefly examines the philosophical, religious origins that determine viability, which will be based on the measurement of life in the modern youth worldview. The author points out that the ultimate goal of the study is to find happiness by achieving humanism.

For citation

Kabylova A.S. (2021) Sovremennaya traktovka sovershennogo obshchestva: ot "dobrodetelnogo goroda" (al-Madiny al-Fadily) kazakhskogo myslitelya al-Farabi do "umnogo goroda" (smart city) [Modern interpretation of the perfect society: from the "virtuous city" (al-Madina al-Fadila) of the Kazakh thinker al-Farabi to the "smart city"]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (6A), pp. 46-60. DOI: 10.34670/AR.2021.14.73.005

Keywords

Smart city, al-Farabi, virtuous city, diversity, happiness, suicide, motivation, humanism, quarantine, immunity.

References

1. *Al-Farabi i razvitie vostochnoi filosofii* [Al-Farabi and the development of Eastern philosophy] (2005). Astana.
2. Al-Farabi A.N. *Aforizmy gosudarstvennogo deyatelya* [The aphorisms of a statesman]. Available at: <https://www.worldislamlaw.ru/?p=522> [Accessed 05/10/21].
3. Al-Farabi A.N. (1987) *Estestvenno-nauchnye traktaty* [Natural science treatises]. Alma-Ata.
4. Al-Farabi A.N. (1972) *Filosofskie traktaty* [Philosophical treatises]. Alma-Ata.
5. Al-Farabi A.N. (1972) *O klassifikatsii nauk* [On the classification of sciences]. Almaty.
6. Al-Farabi A.N. (1970) *Sotsial'no-eticheskie traktaty* [Social and ethical treatises]. Alma-Ata.
7. Denisov V.A., Sharonina L.V. (2019) Sovremennye informatsionnye tekhnologii v razvitii umnykh gorodov Rossii [Modern information technologies in the development of smart cities in Russia]. *Vektor ekonomiki* [The vector of the economy], 7. Available at: http://vectoreconomy.ru/images/publications/2019/7/innovationmanagement/Denisov_Sharonina.pdf [Accessed 05/10/21].
8. Esim F. (2012) *Zhaksy adam zharyk sham*. Astana.
9. Əl-Farabi memlekettik qairatkerdiñ naqyl sözderi (2006). In: *Qazaq khalqynyñ filosofiyalyq myrasy*. Astana.
10. Kosichenko S. (2006) Nauka v sfere kul'tury i ee metodologiya [Science in the field of culture and its methodology]. In: *Filosofskoe nasledie kazakhskogo naroda: v 20 t.* [The philosophical heritage of the Kazakh people: in 20 vols.], Vol. 15. Astana.
11. Kasymzhanova A.A. (2006) Memlekettik basqaru öneri nemese bakyt filosofiyasy. In: *Qazaq khalqynyñ filosofiyalyq myrasy*, Vol. 16. Astana, pp. 275-290.
12. Mavlonii D. *Kazakhstan zanimaet tret'e mesto v mire po kolichestvu suitsidov* [Kazakhstan ranks third in the world in the number of suicides]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30468239&pos=4;-98#pos=4;-98 [Accessed 05/10/21].

13. Nysanbaev A., Kurmangalieva G. (2016) *Filosof. Uchenyi. Entsiklopedist* [A philosopher. A scientist. An encyclopaedist]. In: *Filosofskoe nasledie kazakhskogo naroda: v 20 t.* [The philosophical heritage of the Kazakh people: in 20 vols.], Vol. 3. Astana.
14. Tishurov N.A., Fedoseenkov A.V. *Razмышlenie o schast'e istorika russkoi filosofii V.V. Rozanova* [The historian of Russian philosophy V.V. Rozanov's reflection on happiness]. Available at: <https://na-journal.ru/1-2018-gumanitarnye-nauki/1041-razмышlenie-o-schaste-istorika-russkoj-filosofii-v-v-rozanova> [Accessed 05/10/21].
15. Ulrich R. (1999) *Al-Maturidi i sunitskaya teologiya v Samarkande* [Al-Maturidi and the development of Sunni theology in Samarqand]. Almaty.
16. *Viktor Frankl: "Schast'e podobno babochke"* [Viktor Frankl: "Happiness is like a butterfly"]. Available at: <https://www.psychologies.ru/self-knowledge/smysl-zhizni/viktor-frankl-schaste-podobno-babochke/> [Accessed 05/10/21].

УДК 179

DOI: 10.34670/AR.2021.89.92.006

«Благоговение перед жизнью» Альберта Швейцера: Объективность, универсальность и рациональность концепции

Горбунов Святослав Сергеевич

Кандидат философских наук,
Научно-исследовательский центр эко- и биофилософии,
Пензенский государственный аграрный университет,
440014, Российская Федерация, Пенза, ул. Ботаническая, 30;
e-mail: svy-gorbunov@yandex.ru

Аннотация

Цель настоящей работы – рассмотреть этическую концепцию «благоговения перед жизнью» Альберта Швейцера (1875-1965) (и одноименный нравственный императив), в контексте вопроса о ее основных характеристиках в виде объективности, универсальности и рациональности. Научная новизна исследования заключается в том, что проводимый в нем анализ рассматривает в виде дискуссии вопросы о возможной объективности и универсальности этики благоговения перед жизнью, которые до сих пор (на взгляд автора) не получили однозначного и достаточного обоснования. Чтобы ответить является ли этическая концепция Швейцера объективной (или может ли она претендовать на звание объективной концепции), необходимо последовательно рассмотреть и проанализировать следующие вопросы: 1. Являются ли объективными основания этической идеи Швейцера? 2. Может ли этика Швейцера претендовать на позицию универсальной этики? 3. Насколько основания этики Швейцера являются рациональными? Полученные результаты показывают, что этическая концепция благоговения перед жизнью и одноименный нравственный принцип, предложенные Альбертом Швейцером могут быть охарактеризованы как объективные, универсальные и рациональные.

Для цитирования в научных исследованиях

Горбунов С.С. «Благоговение перед жизнью» Альберта Швейцера: Объективность, универсальность и рациональность концепции // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 6А. С. 61-68. DOI: 10.34670/AR.2021.89.92.006

Ключевые слова

Благоговение перед жизнью, Альберт Швейцер, этика, объективность, универсальность, рационализм.

Введение

Актуальность представляемого исследования определяется тем, что вопрос о соотношении моральной объективности, универсальности и морального релятивизма в настоящее время является одним из наиболее обсуждаемых среди исследователей концепций морали. Как отмечает А. В. Прокофьев «проблема объективности моральных требований и опирающихся на них оценочных суждений обсуждается как обособленная проблема этической теории начиная с поздних работ Джорджа Мура, хотя имплицитно присутствовала в этике *постоянно* (курсив мой – С.Г.)» [Прокофьев 2019, 70-71].

В настоящей работе нам хотелось бы рассмотреть с точки зрения моральной объективности и универсальности одну из общеизвестных на сегодняшний день этических концепций – концепцию «благоговения перед жизнью», предложенную миру более 100 лет назад Альбертом Швейцером. Для того чтобы ответить на вопрос о том является ли этическая концепция Швейцера объективной (или может ли она претендовать на звание объективной концепции), необходимо последовательно рассмотреть следующие вопросы: 1. Являются ли объективными основания этической идеи Швейцера? 2. Может ли этика Швейцера претендовать на позицию универсальной этики? 3. Насколько основания этики Швейцера являются рациональными? С пп. 1 и 2 связано то, что в нашем понимании объективность и универсальность этической концепции жестко взаимосвязаны.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты позволяют более точно определить основные (базисные) характеристики этики Швейцера, способные послужить в качестве основания для рассмотрения ее применимости к решению самых различных этических конфликтов. Теоретической базой исследования являются этико-философские взгляды А. Швейцера, наиболее полно выраженные им в книге «Культура и этика» («Философия культуры». Ч. II) [Швейцер, 1992], а также в других, менее известных работах. Методы исследования включали в себя: дескриптивный, аналитический и этический подходы к исследованию концепции благоговения перед жизнью.

Основная часть

Для того, чтобы ответить на обозначенные во «введении» вопросы, прежде всего необходимо привести основания этической идеи Швейцера. Таковых, по нашему мнению, можно выделить три, обозначив их как гипотезу, максимум и императив (подр. см. также [Горбунов, 2020]):

Гипотеза:

«Я – жизнь, которая хочет жить, я – жизнь среди жизни, которая хочет жить» [Швейцер 1992, 217].

Определение (максима):

«Добро – то, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей» [Швейцер 1992, 218] (или же: «добро состоит в сохранении жизни, ее стимулировании и усилении, а зло – в уничтожении жизни, нанесении ей ущерба и создании препятствий на ее пути» [Швейцер 1992, 88]).

Следствие (императив):

«Этика есть безграничная, ответственность за все, что живет» [Швейцер 1992, 218], или, иными словами: «этика заключается в том, что я испытываю побуждение выказывать

равное благоговение перед жизнью как по отношению к моей воле к жизни, так и по отношению к любой другой» [Швейцер 1992, 218].

При этом для ответа на вопрос об объективности концепции Швейцера принципиально значимым является первое положение (гипотеза). Для наглядности, приведем ниже формулу Швейцера в ее оригинальном виде – на немецком языке:

«*Ich bin Leben, das leben will, inmitten von Leben, das leben will*» [Schweitzer, 2007, 308].

В этой формуле мы сталкиваемся с утверждением сразу четырех объективных параметров: жизни во мне (жизни, которую представляю я сам), моей воли к жизни, жизни вокруг меня, и ее воле к жизни:

«*Ich bin Leben* [1. жизнь во мне], *das leben will* [2. воля к жизни во мне], *inmitten von Leben* [3. жизнь вокруг/вне меня], *das leben will* [4. воля к жизни у жизни вокруг/вне меня]».

Все эти четыре параметра являются объективными, следовательно, и этический принцип Швейцера доступен для объективации и рационального понимания.

Интерпретация воли к жизни (нем. «*Wille zum Leben*») как основного компонента, который объединяет в этическом понимании жизнь во мне и вне меня в виде единого целого, является *первым* основанием принципа благоговения перед жизнью, лежащего в основе одноименной этической концепции Швейцера.

«Как в моей воле к жизни заключено страстное стремление продолжать жизнь и после таинственного возвышения воли к жизни, стремление, которое обычно называют желанием, и страх перед уничтожением и таинственным принижением воли к жизни, который обычно называют болью, так эти моменты присущи и воле к жизни, окружающей меня, независимо от того, высказывается ли она или остается немой» [Швейцер 1992, 218], – заключает Швейцер.

Вторым основанием для этого принципа является сопереживание к различным проявлениям жизни. «Основная предпосылка нравственности – это сопереживание всему живому, обязывающее нас делать все возможное для сохранения жизни» [Швейцер 1990, 130].

Из двух этих компонентов – объективного компонента существования жизни (во мне и вне меня), воли к жизни (во мне и вне меня), и компонента субъективного сопереживания и стремления к сохранению и помощи жизни складывается основа нравственного принципа Швейцера.

Следующий важный вопрос заключается в том, можно ли транслировать объективность этики Швейцера в ее универсальность?

Р.Г. Апресян отмечает: «Точка зрения, согласно которой универсальность (всеобщность) является существенной характеристикой морали, широко распространена среди философов. Если обратиться к текущей русскоязычной этической литературе, эта точка зрения определенно преобладает и считается само собой разумеющейся» [Апресян, 2016, 80]. А.В. Прокофьев в своей статье, посвященной соотношению объективности и универсальности морали, рассматривает три возможных варианта этого взаимоотношения: «1. Объективность и универсальность зависимы друг от друга; 2. Универсальность является дополнительным свойством объективных требований и оценок; 3. Объективность и универсальность выступают как две параллельных характеристики одного и того же свойства морали» [Прокофьев, 2019, 70].

В качестве рабочей гипотезы возьмем первое предположение, которое, в случае этики Швейцера будет проявляться в том, что универсальность его этической концепции будет происходить из ее объективности (т.е. из объективности ее оснований).

Для лучшего понимания вопроса, следовало бы рассмотреть соотношение двух,

обозначенных выше, компонентов воли к жизни и сопереживания (ей), в контексте моральной объективности и возможной универсальности этики Швейцера.

Как указывает М. Чью «поиск объективного основания морали, моральный (или этический реализм) являются одними из общих подходов характерных для этического объективизма. [Максимов, 2005, 32; Chew, www]. «Стратегия морального реалиста отличается от этих подходов (иных. – прим. С. Г.) своей уверенностью в существовании независимой нравственной реальности, определяющей истинные условия наших моральных утверждений» [там же] (перевод мой. – С. Г.).

Если с определением объективности существования феномена жизни и воли к жизни все предельно ясно, то вопрос о том является ли объективным сопереживание воле жизни вокруг меня подлежит дискуссии. Сам Швейцер находит источник этого сопереживания в некотором «внутреннем побуждении». Более того, Швейцер вверяет принятие конкретных решений всегда лишь самому субъекту этического действия: «в этических конфликтах человек может встретить только субъективные решения. Никто не может за него сказать, где каждый раз проходит крайняя граница настойчивости в сохранении жизни» [Швейцер, 1992, 223].

Это же понимание о природе сопереживания, происходящего из «внутреннего побуждения» делает этику Швейцера свободной – то есть основанной на свободе воли каждого человека. Каждого субъекта морального действия.

С другой стороны, необходимо отметить, что понимание о сопереживании, по-видимому, является доступным для представителей самых разных культур, поскольку чувство сопереживания и побуждения к сохранению жизни – *имманентное* свойство для человека. (Здесь вспоминается мысленный эксперимент Мэн-цзы о ребенке, который мог бы упасть в колодец (подр. см. [Мэн-цзы, 1999, 55]: «у всех людей есть чувство, которое заставляет не переносить терзания людей, вот представим (теперь), что люди вдруг заметили маленького ребенка, который готов упасть в колодец. У всех сразу же замрет сердце от страха и сострадания, но не потому, что они собираются завязать дружбу с родителями маленького ребенка; не потому, также, чтобы заслужить похвалу сородичей и друзей – с ними случится так не от того, что крик ребенка для них противен. Если судить так, то выходит, что все не испытывающие сострадания, не являются людьми; все не имеющие стыда за злодеяние, не являются людьми; все не имеющие чувства правдивости не являются людьми»).

Это позволяет сделать предположение о том, что этика Швейцера является универсальной по отношению к возможности ее интуитивного понимания.

Относительно попытки объяснения интуитивности понимания этики Швейцера следовало бы обратиться к такому понятию как эмпатия. Как известно многие современные исследователи, например, Франс де Вааль [де Вааль, 2014; de Vaal, 2012], находят в эмпатии одну из основ морали, ее происхождения (генезиса) и эволюции. Пространство для проявления эмпатии как основы морали мы находим и в этической концепции Швейцера. Это логично, ведь именно проявлением эмпатии можно объяснить то самое «внутреннее побуждение» к сопереживанию окружающей жизни, о котором говорит Швейцер.

Как отмечает А.В. Прокофьев: «Наиболее удачную теоретическую репрезентацию такой характеристики морали как универсальность можно обнаружить в работах Ричарда Хэара. По его мнению, требование является универсальным, если оно ориентировано на универсальные свойства ситуации, в которой может быть совершено действие» [Прокофьев, 2019, 73].

С точки зрения этики благоговения перед жизнью требование одноименного принципа в таком случае является универсальным, поскольку ориентировано на универсальные свойства

ситуации, обусловленные единством и объективностью феноменов жизни и воли к жизни. Любое принижение воли к жизни этика Швейцера определяет как зло, любое действие, направленное на сохранение и поддержание жизни – как добро.

Конечно, логично задаться вопросом о том, как быть в ситуации, когда сохранение жизни возможно лишь за счет принижения другой воли к жизни. Ответ был приведен выше – сам Швейцер отдает окончательную оценку в настойчивости сохранения жизни в руки самого субъекта этического действия. Этот факт многими может быть рассмотрен как слабость концепции Швейцера, однако он ведет человека к *постоянной* этической рефлексии и оценке *каждого*, совершаемого им действия. В этом можно найти, наоборот, достоинство швейцеровской этики, поскольку через постоянное нравственное бодрствование (термин. А. А. Гусейнова), она ведет человека к непрерывному же этическому развитию (подр. об этом. см. [Горбунов, 2020a; Gorbunov, 2021]).

Наряду с объективностью и универсальностью, важнейшим параметром этической концепции Швейцера является ее рациональность. Во многом именно она определяет весь характер этической концепции Швейцера. По нашему мнению, рациональность этической идеи Швейцера происходит прежде всего из ее объективности. Не смотря на то что в основе этического принципа Швейцера находится сразу две составляющих: рациональная и мистическая (можно определить ее и как религиозно-мистическую), рациональный фундамент швейцеровской этики является ее определяющим фактором.

Поскольку осознание наличия у жизни (как во мне, так и вне меня) «воли к жизни» – стремления к сохранению жизни, избеганию страданий и стремлению к развитию является объективным и рационально осознаваемым, логическое основание нравственного принципа «благоговения перед жизнью» так же является таковым. В целом именно характеристика швейцеровской этики, как этики рациональной, никогда не оспаривалась исследователями и поэтому является, пожалуй, установленным фактом.

«Швейцер – последовательный рационалист, готовый проникать светом рационального суждения все пространство человеческого существования. Он, в частности, видит спасение этики в ее рациональном обосновании» [Гусейнов, 1992, 535]. «Швейцер не приемлет решений, изгоняющих мораль из пределов рациональности в область веры, эмоций. И тем более он не может принять отрицания морали» [там же, 538], – указывает А.А. Гусейнов. «Этика Швейцера поразительным образом соединяет полярные теоретические и нормативные традиции, являя собой своеобразный рационалистически-мистический, автономно-гетерономный, стоико-эвдемонический синтез. Правильно понять эту «эклетику» можно только в том случае, если учесть, что этика для Швейцера – не сфера познания, а наиболее достойная форма человеческого существования. Напряженность этической концепции, *в которой мистика опирается на рациональные аргументы (курсив мой. – С.Г.)*, автономность сознает себя в качестве воплощенной гетерономности, стоицизм является самоосуществлением личности, находит объяснение в неизбежной, принципиально неустранимой напряженности человеческого бытия, которая этическим поведением не снимается, а в известном смысле даже усиливается» [Гусейнов, 1992, 537].

«Я уверен, что в наше время разум способен создать этический дух», – говорит сам Швейцер (пер. с нем. – С.Г.) [Schweitzer, 2003, 400].

Заключение

Исходя из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы: этические основания нравственного принципа благоговения перед жизнью (жизнь во мне и вне меня, воля к жизни во мне и вне меня) являются объективными. Ввиду объективности своих оснований этика Альберта Швейцера может претендовать на универсальность. Рациональность является неотъемлемой чертой и одним из оснований фундамента этической концепции Альберта Швейцера.

В качестве перспектив проведенного исследования следует указать на возможность и необходимость более подробного анализа соотношения рационального и мистического компонентов в основании нравственного принципа благоговения перед жизнью, что, вероятно, будет продемонстрировано в дальнейших публикациях автора.

Библиография

1. Апресян Р.Г. Феномен универсальности в этике: формы концептуализации // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 79-88.
2. Горбунов С.С. Благоговение перед жизнью А. Швейцера как принцип современной экологической этики // Манускрипт. 2020. № 6. С. 113-117.
3. Горбунов С.С. Внутренняя противоречивость этики Альберта Швейцера: недостаток или достоинство? // Вопросы философии. 2020а. № 6. С. 190-194.
4. Гусейнов А.А. Благоговение перед жизнью: Евангелие от Швейцера // Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992. С. 522-545.
5. де Вааль Ф. Истоки морали: В поисках человеческого у приматов. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 376 с.
6. Максимов Л.В. Квазиобъективность моральных ценностей // Этическая мысль. 2005. № 6. С. 27-50.
7. Мэн-цзы. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 272 с.
8. Прокофьев А.В. Объективность и универсальность морали: проблема соотношения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 47. С. 70-78.
9. Швейцер А. Философия культуры (Упадок и возрождение культуры. Культура и этика) // Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992. С. 42-238.
10. Швейцер А. Этика сострадания. Проповеди 15 и 16 // Человек. 1990. № 5. С. 21-27.
11. Chew M.Y. A Taxonomy of Moral Realism. URL: <http://www.bu.edu/wcp/Papers/TEth/TEthChew.htm>
12. Gorbunov S.S. The Will to Live in Conflict with Itself: On the Internal Contradiction in Albert Schweitzer's Ethical Idea // Schweitzer Institute Journal. 2021. № 1. P. 117-125.
13. Schweitzer A. Kulturphilosophie. Verfall und Wiederaufbau der Kultur. Kultur und Ethik. München: C. H. Beck, 2007. 356 s.
14. Schweitzer A. Mein Wort an die Menschen // Vorträge, Vorlesungen, Aufsätze. Werke aus dem Nachlass. München: C.H. Beck, 2003. S. 398-400.
15. de Waal F. The age of Empathy: Nature's Lessons for a Kinder Society. N.Y.: Three Rivers Press, 2012. 291 p.

“Reverence for Life” by Albert Schweitzer: Objectivity, universality, and rationality of the concept

Svyatoslav S. Gorbunov

PhD,

Research Center for Eco- and Biophilosophy,

Penza State Agrarian University,

440014, 30, Botanicheskaya str., Penza, Russian Federation;

e-mail: svy-gorbunov@yandex.ru

Abstract

The paper aims to consider the ethical concept of Albert Schweitzer's (1875-1965) Reverence for Life and the corresponding moral imperative in the context of their main characteristics, i.e. objectivity, universality and rationality. The scientific novelty of the study lies in the fact that it discusses the question of whether the ethics of Reverence for Life may be objective and universal, which, in the author's opinion, has yet not been justified sufficiently and unambiguously. To determine whether Schweitzer's ethical concept is objective (or may pretend to be such), we need to systematically analyze the following questions: 1. Are the grounds for Schweitzer's ethical idea objective? 2. Can his ethics pretend to be universal? 3. How rational are the foundations of Schweitzer's ethics? The results obtained show that the ethical concept of Reverence for Life and the corresponding moral principle proposed by Albert Schweitzer can be considered objective, universal and rational. As some prospects for the further study, the author of the paper points out the possibility and necessity of a more detailed analysis of the ratio of the rational and mystical components at the basis of the moral principle of reverence for life, which is likely to be demonstrated in the author's future publications.

For citation

Gorbunov S.S. (2021) «Blagogovenie pered zhizn'yu» Al'berta Shveitsera: Ob"ektivnost', universal'nost' i ratsional'nost' kontseptsii ["Reverence for Life" by Albert Schweitzer: Objectivity, universality, and rationality of the concept]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (6A), pp. 61-68. DOI: 10.34670/AR.2021.89.92.006

Keywords

Reverence for life, Albert Schweitzer, ethics, objectivity, universality, rationalism.

References

1. Apresyan R.G. (2016) Fenomen universal'nosti v etike: formy kontseptualizatsii [The phenomenon of universality in ethics: forms of conceptualization]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 6, pp. 79-88.
2. Chew M.Y. *A Taxonomy of Moral Realism*. Available at: <http://www.bu.edu/wcp/Papers/TEth/TEthChew.htm> [Accessed 12/12/2021]
3. Gorbunov S.S. (2020) Blagogovenie pered zhizn'yu A. Shveitsera kak printsip sovremennoi ekologicheskoi etiki [Reverence for life by A. Schweitzer as a principle of modern environmental ethics]. *Manuskript* [Manuscript], 6, pp. 113-117.
4. Gorbunov S.S. (2021) The Will to Live in Conflict with Itself: On the Internal Contradiction in Albert Schweitzer's Ethical Idea. *Schweitzer Institute Journal*, 1, pp. 117-125.
5. Gorbunov S.S. (2020) Vnutrennyaya protivorechivost' etiki Al'berta Shveitsera: nedostatok ili dostoinstvo? [Internal inconsistency of Albert Schweitzer's ethics: disadvantage or advantage?]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 6, pp. 190-194.
6. Guseinov A.A. (1992) Blagogovenie pered zhizn'yu: Evangelie ot Shveitsera [Reverence for life: The Gospel of Schweitzer]. In: *Blagogovenie pered zhizn'yu* [Reverence for life]. Moscow: Progress Publ.
7. Maksimov L.V. (2005) Kvaziob"ektivnost' moral'nykh tsennostei [Quasi-objectivity of moral values]. *Eticheskaya mysl'* [Ethical Thought], 6, pp. 27-50.
8. (1999) *Mencius*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ.
9. Prokof'ev A.V. (2019) Ob"ektivnost' i universal'nost' morali: problema sootnosheniya [Objectivity and universality of morality: the problem of correlation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 47, pp. 70-78.
10. Schweitzer A. (1990) Etika sostradaniya. Propovedi 15 i 16 [Ethics of compassion. Sermons 15 and 16]. *Chelovek* [Human Being], 5, pp. 21-27.
11. Schweitzer A. (1992) Filosofiya kul'tury (Upadok i vrozozhdenie kul'tury. Kul'tura i etika) [Philosophy of culture (The

- decline and revival of culture. Culture and ethics)]. In: *Blagogovenie pered zhizn'yu* [Reverence for life]. Moscow: Progress Publ.
12. Schweitzer A. (2007) *Kulturphilosophie. Verfall und Wiederaufbau der Kultur. Kultur und Ethik*. München: C. H. Beck.
 13. Schweitzer A. (2003) Mein Wort an die Menschen. In: *Vorträge, Vorlesungen, Aufsätze. Werke aus dem Nachlass*. München: C.H. Beck.
 14. de Waal F. (1997) *Good Natured: The Origins of Right and Wrong in Humans and Other Animals*. Harvard University Press.
 15. de Waal F. (2012) *The age of Empathy: Nature's Lessons for a Kinder Society*. N.Y.: Three Rivers Press.

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2021.17.39.007

Телесность человека с нарушениями опорно-двигательного аппарата в социокультурном пространстве современного российского общества

Нагорная Любовь Александровна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Сибирский федеральный университет,
660041, Российская Федерация, Красноярск, Свободный пр., 79;
e-mail: poty-lyubov@yandex.ru

Нагорный Николай Николаевич

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры тактико-специальной подготовки,
Сибирский юридический институт МВД России,
660131, Российская Федерация, гКрасноярск, ул. Рокоссовского, 20;
e-mail: nnagornyj@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности и пути оптимизации процесса вхождения телесности человека с нарушениями опорно-двигательного аппарата в социокультурное пространство современного российского общества. Подчеркивается, что работа по оптимизации данного процесса должна вестись одновременно в трех, тесным образом взаимосвязанных между собой, направлениях: над формированием в общественном сознании адекватных представлений о телесности человека с нарушениями опорно-двигательного аппарата; над формированием адекватного «Я-образа» человека с нарушениями опорно-двигательного аппарата; над оптимизацией внешних условий социализации и инкультурации людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата. В нашей стране для дальнейшей оптимизации процессов социализации и инкультурации людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата необходимы определенные преобразования практически во всех сферах жизни общества. И в первую очередь изменения должны коснуться общественного сознания, в котором необходимо целенаправленно закреплять на первый взгляд уже почти сформированный образ человека с нарушениями опорно-двигательного аппарата как полноправного члена общества, имеющего право на успешную самореализацию. Что касается внешних условий социализации людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, то в первую очередь необходимо стремиться к снятию технологических, архитектурно-пространственных и организационно-правовых барьеров между ними и обществом.

Для цитирования в научных исследованиях

Нагорная Л.А., Нагорный Н.Н. Телесность человека с нарушениями опорно-двигательного аппарата в социокультурном пространстве современного российского общества // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 6А. С. 69-89. DOI: 10.34670/AR.2021.17.39.007

Ключевые слова

Человек с нарушениями опорно-двигательного аппарата, человек с физически ограниченными возможностями, человек с искаженной телесностью, телесность человека с нарушениями опорно-двигательного аппарата, социализация, инкультурация, социокультурное пространство, жизненное пространство, ассистивные/нейроассистивные технологии, «Я-образ».

Введение

Каждый человек представляет собой уникальную совокупность природных и социокультурных качеств. С самого рождения биологическая составляющая человека оказывается под воздействием социального, приспосабливаясь к нему и претерпевая изменения под его влиянием. Согласно Р.И. Ивановой, биосоциальность человеческой природы – снятие биологического социальным, само социальное представляет включение биологического в социальное, его трансформацию на более высоком, социальном уровне [Иванова, 2009, 75]. А.Ю. Шеманов указывает на то, что человек является человеком, поскольку ему адресована задача стать им [Шеманов, 2006, 119]. Становление человека человеком это есть процесс его вхождения в окружающее социокультурное пространство, в определенной степени осложняющийся при наличии у индивида тех или иных нарушений телесно-физических качеств или/и интеллектуальных и духовных качеств. Вместе с тем, «адресование человеку задачи стать человеком не должно быть делом произвола человека или частной особенностью его культуры. Каждый человек самим фактом своего бытия уже воплощает собой для нас призыв адресовать ему задачу стать человеком, даже если он не способен, по нашему мнению, в понятной нам форме ее реализовать» [там же, 127]. Соответственно, в обществе должны быть созданы условия для социализации и инкультурации [Бороноева, 2009, 22] каждого входящего в него индивида.

Несмотря на то, что в настоящее время российское общество находится на пути к инклюзии людей с ограниченными возможностями здоровья [Государственная..., www; Распоряжение..., 2018, www], многие люди с инвалидностью в нашей стране продолжают подвергаться негативному социализирующему воздействию основных институтов социализации, в результате чего телесность таких людей становится еще более поврежденной, чем была изначально (с момента своего первичного повреждения) [Нагорная, Нагорный, 2015, 348; Нагорная, 2021, 121]. Напомним, что под телесностью в современной психолого-философской литературе понимают «одухотворенное тело, особый феномен, занимающий пространство между душой и телом» [Леви, 2007, 7]. Соответственно, просто *тело* при таком подходе – это, прежде всего, «физический объект, не несущий субъективности, духовности» [там же].

В последние десятилетия многие авторы говорят о необходимости рассматривать телесную и духовную составляющие человека в тесной взаимосвязи друг с другом, указывая на негативные последствия противопоставления «человека телесного» и «человека духовного». В частности, на то, что долгое время тело человека (и в первую очередь тело человека с

инвалидностью (*Л. А. Нагорная, Н. Н. Нагорный*)) оставалось в большей степени «в маргинальном ценностном аспекте, будучи отдаленным, а нередко и просто отдельным – в том числе и стереотипами массовых представлений – от подлинно культуросообразной и культууроформирующей деятельности человека» [Быховская, 2007, 57]. В связи с этим, как отмечает И.М. Быховская, в нашем обществе давно созрела необходимость всесторонней научно-гуманитарной рефлексии в отношении тела, в разработке технологий становления телесного бытия человека неотъемлемой частью социокультурного пространства, включения телесно-физических характеристик человека в рамки процесса культурной социализации [там же]. Полагаем, что данные процессы в обществе должны быть как можно более целенаправленными и систематизированными; по возможности необходимо избегать стихийного, несогласованного между собой влияния институтов социализации на телесные аспекты бытия человека [Нагорная, Нагорный, 2011, 69].

Во многих случаях целесообразно говорить о рефлексии не по отношению к телу как таковому, а по отношению к человеческой телесности в целом.

В ряде своих работ [Нагорная, Нагорный, 2015; Nagornaya, Nagornyi, 2015; Нагорная, 2021 и др.] рассматриваем поврежденную телесность как искаленную, отмечая, что инвалидизация является одним из самых серьезных последствий повреждения человеческой телесности. Соответственно, актуальными являются вопросы выработки оптимальных путей принятия обществом искаленной телесности, в том числе и телесности человека с инвалидностью.

Основная часть

Нарушение опорно-двигательного аппарата – это, прежде всего, нарушение физического развития, т. е. человеческого тела (нарушение тела в свою очередь находит отражение в нарушении телесности человека, как тела одухотворенного, причем нарушение физического тела человека не обязательно приводит к слабости его духовного развития [Нагорная, Нагорный, 2011, 64]). Тело – это то, что непосредственно связывает объективную реальность и внутренний, субъективный мир человека, то, что помогает человеку воспринимать и воспроизводить социальный опыт. При этом приобретаемый человеком социальный опыт оказывает существенное воздействие на тело человека [там же, 65]. Согласно Н.Н. Козловой, тело является посредником между биологическим и социальным, результатом взаимного процесса биологического и социокультурного развития [Козлова, 1999, 29]. Как отмечает И. Сидоров, в каждой культуре к данному природой телу люди все время что-то прибавляют по мере развития культуры, в соответствии с модой, нормами морали, религиозными догмами, характерными для их времени [Сидоров, 2005, 80]. К. Вульф рассматривает тело как носитель человеческой истории и культуры [Вульф, 2008, 125]. Поэтому всесторонний социально-гуманитарный анализ тела предполагает объяснение причин, сути, последствий культурных различий между представителями разных субкультур в одном обществе, между носителями культур отличных по времени и пространству обществ.

Процесс вхождения человека с искаленной телесностью в окружающее его социокультурное пространство зависит как от вида и глубины нарушения его телесности, так и от принятого в данном обществе отношения к имеющемуся у него нарушению телесности. Изменения, происходящие с телом человека с тем или иным физическим недостатком в ходе данного процесса, во многом определяются уровнем развития медицинских технологий, специальных ассистивных устройств и технологий, нейротехнологий, информационно-

коммуникационных технологий и др., а также уровнем их доступности в социуме.

В своих работах [Потылицына, 2005, 335-337; Потылицына, 2007, 54-78; Нагорная, Нагорный, 2011, 78-119; Нагорная [Агумбаева, Амирова, Беляева. и др.], 2021, 188-190] указываем на некоторые общие особенности процесса социализации людей с физически-ограниченными возможностями: 1. Процесс социализации каждого человека с физическим нарушением развития изначально, так или иначе, существенно усложняется на всех уровнях жизнедеятельности, но первичными являются нарушения на физиологическом уровне, а нарушения на психологическом, социально-психологическом и социальном уровнях жизнедеятельности носят вторичный характер и при определенных условиях являются обратимыми; 2. У всех людей с физически-ограниченными возможностями в той или иной степени нарушена способность к спонтанному (стихийному) развитию – изменениям в процессе самонаучения путем подражания [Сорокин, Кокоренко, 2003, 114] (особенно у слепоглохих лиц [Потылицына, 2006]); 3. Процесс социализации человека с приобретенным физическим нарушением существенно отличается от процесса социализации человека с врожденным нарушением физического развития, поскольку сознание человека с приобретенным физическим нарушением содержит представления об окружающем мире, сформированные на основе полноценной работы всех анализаторов. Человек с приобретенным физическим нарушением, сумевший успешно адаптироваться к своему новому состоянию, становится уникальным агентом социализации, владеющим как культурой людей без нарушений развития, так и культурой людей с тем или иным нарушением физического развития. 4. На всех уровнях процесса социализации у людей с физически-ограниченными возможностями наблюдаются так называемые компенсаторные механизмы, возможности обходных путей развития. Компенсаторные механизмы на одном (или нескольких) уровнях способны настолько сильно развиться, что это может привести к сверхкомпенсации. Понятие «компенсация» можно определить как «восстановление/замещение утраченной или глубоко нарушенной функции за счет внутрисистемных и межсистемных перестроек» [Сорокин, Кокоренко, 2003, 112]. Неоднозначное понятие «сверхкомпенсация» вслед за Л.С. Выготским можно, соответственно, трактовать как крайний вариант одного из двух возможных векторов развития процесса компенсации [Выготский, 1983, 42], при котором повреждающее воздействие на телесность человека вызывает со стороны последней защитные реакции гораздо более сильные, чем необходимо для нивелирования последствий данного повреждения [там же, 34-35]. 5. Субкультура людей с физически-ограниченными возможностями – закономерное явление общественного мира, служащее структурой, способной к самоорганизации и саморазвитию. Составные элементы данной структуры (отдельные люди с физически-ограниченными возможностями, группы таких людей) способны создавать «интеллектуальные импульсы» и, соответственно, способны принимать от общества «интеллектуальные импульсы», перерабатывать их и снова отправлять в общество информацию, имеющую интеллектуальную ценность. В целом субкультура людей с физически-ограниченными возможностями от общественного мира ожидает не столько интеллектуальной, сколько информационной и психологической поддержки.

Вместе с тем, при каждом виде нарушения физического развития наблюдаются свои особенности процесса социализации.

Далее проанализируем основные особенности процесса социализации людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата.

При нарушении опорно-двигательного аппарата нарушенным в первую очередь является

двигательный акт поврежденной части тела, целостный двигательный акт с полноценной координацией, совместной работой всех групп мышц также является нарушенным. У человека могут быть нарушены мелкая моторика, функция ходьбы, положение тела в стоячем, сидячем положении, нередко имеются сопутствующие нарушения (так, при таком распространенном неврологическом заболевании, как детский церебральный паралич, помимо нарушений опорно-двигательного аппарата зачастую наблюдаются серьезные нарушения речи, также возможны нарушения интеллекта разной степени выраженности и др.). При крайне тяжелых формах нарушения опорно-двигательного аппарата человек практически полностью лишен способности управлять своим телом и зависит от телесности Другого в самых простых бытовых действиях. Для человека интеллектуально сохранного, но имеющего тяжелые нарушения опорно-двигательного аппарата, именно тело является самой труднопреодолимой преградой на пути к обществу, к себе самому как части социокультурного пространства.

Немаловажное значение для нашей статьи имеет такое понятие, как «жизненное пространство». Практически при любом нарушении физического развития в той или иной степени происходит сокращение зоны жизненного пространства, но именно при нарушениях опорно-двигательного аппарата проблема сокращения зоны жизненного пространства выходит на первый план. Чем более выраженными у человека являются нарушения опорно-двигательного аппарата, тем существеннее сокращается зона его жизненного пространства, что нередко сопровождается резким ограничением круга его «живых» социальных контактов, крайне замкнутым и однообразным образом жизни.

Понятие «жизненное пространство» предложил немецко-американский психолог К. Ц. Левин (1890–1947) в рамках своей теории поля [Левин, 2000]. Под жизненным пространством исследователь понимал психологическую реальность, которая включает тотальность возможных событий, способных повлиять на поведение человека [Курт..., www]. В структуре жизненного пространства К.Ц. Левин различал внешнюю среду (реальные физический и социальный макромиры) и внутреннюю среду – внутренний мир человека, являющийся центром жизненного пространства человека. Внутренний мир соприкасается с внешним миром через сенсомоторную область и психологическую среду, находящуюся в пределах жизненного пространства. Истинной средой обитания человека являются те фрагменты физической реальности и социальной среды, которые отражены в сознании человека и на которых строится его поведение. Жизненное пространство видоизменяется в течение жизни: как правило, расширяется от детства к зрелости, к старости сужается [Хасанов, 2011, 88].

Л.П. Гримак полагает, что жизненное пространство состоит из двух реальностей, первая из которых включает в себя информационно-энергетические и топологические взаимоотношения индивидуума с окружающей действительностью; вторая – субъективное моделирование внутреннего пространства личности, лежащее в основе ее взаимодействия с реальным миром [Гримак, 1999].

По мнению К. Уилбера, важной характеристикой жизненного пространства той или иной личности является то, насколько данная личность противопоставляет себя миру. Ученый различает четыре варианта прохода границы между «Я» и «не Я»: 1) уровень «маски» – это самая узкая территория Я, приравненная только к части своего сознания, к тому, что человек предъявляет окружающим; 2) уровень эго, при котором граница располагается между телом человека и его сознанием, при этом существует конфликт между духовной и телесной сферой; 3) организм в целом: на данном уровне граница проходит между внешним миром и телом, душа с телом находятся в состоянии единства и гармонии, но они противопоставлены миру; 4)

уровень увеличения пространства своего «Я» до бесконечности, отождествление себя со Вселенной. Поскольку любые границы – это есть источник конфликта, личность должна стремиться к расширению пространства Я, к осознанию единства с другими людьми и миром в целом [Уилбер, 2004].

М.Р. Хасанов, исследовав проблему жизненного пространства, пришел к следующим выводам: жизненное пространство человека – динамичная система, внутренняя структура которой содержит различные уровни включенности человека в социальную реальность (уровень телесной организации, идентификационный уровень, уровень повседневности). Конструируя и структурируя жизненное пространство, человек осваивает, прежде всего, свой жизненный мир, под которым понимается область потенциально возможного. Перемещая то, что содержит жизненный мир в сферу актуального, человек создает свое жизненное пространство. Этот процесс, по сути, постоянный и диалогичный, человек ведет диалог со своим жизненным миром. Жизненное пространство предоставляется человеку как пространство для его самоосуществления. Путь преобразования потенциального содержания жизненного мира в актуальное содержание жизненного пространства дает человеку возможность конструировать альтернативы личностного саморазвития, ориентируя ресурсы на поддержание существующих границ жизненного пространства или на их изменение (сужение, расширение). Следовательно, для создания своего актуального жизненного пространства, человек должен иметь представление о пространстве мира в целом, картине мира, то есть представление о пространстве возможного [Хасанов, 2011, 88].

Согласно И.Т. Сидорову, жизненное пространство человека – определенная среда, в которой осуществляется его воспроизводство как индивидуальности со всеми присущими ей особенностями [Сидоров, 2004, 161-162]. Жизненное пространство представлено двумя средами обитания индивида: природной и социокультурной, порожденной людьми. Человек является связующим звеном между этими средами. Природная среда представлена миром животных, миром растений и миром неживой природы, социальная – миром живых, разумных, производящих существ: людей и созданных их руками материальных и культурных ценностей [Сидоров, 2005, 79]. Основными функциями жизненного пространства являются: энергетическая, информационная, адаптационная, защитная и коммуникационная [там же, 131-133]. Роль энергетической функции заключается «в обеспечении и поддержке жизненных сил индивида как сложно организованной биосоциальной системы». Адаптационная функция заключается в том, что «посредством своего жизненного пространства индивид вписывается в окружающие его природную и социальную среды, он адаптируется к пространственным и временным изменениям, происходящим в этих средах». Коммуникативная функция заключается в том, что «человек накапливает и перерабатывает в своем жизненном пространстве различное влияние природной и социальной сред, а также оказывает обратное воздействие на окружающий мир, способствуя его преобразованию». Защитная функция жизненного пространства заключается в том, что оно «противодействует чрезмерному влиянию индивида извне, гася его отрицательное воздействие». Информационная функция заключается «в обмене информацией между людьми» [там же].

Очевидно, что чем тяжелее нарушение опорно-двигательного аппарата у человека, тем сложнее происходит его включение в социокультурное пространство, в первую очередь, на уровне телесной организации. Кроме того, при тяжелой форме нарушения опорно-двигательного аппарата в той или иной степени нарушенными являются все выделенные И.Т. Сидоровым функции жизненного пространства. Вместе с тем, в современном мире у человека

даже с тяжелой формой нарушения опорно-двигательного аппарата, но сохранным интеллектом, при определенных условиях потенциально возможно увеличение своего «Я» до бесконечности, отождествление себя со Вселенной (по К. Уилберу). Ярким примером этому может служить жизненный путь британского физика-теоретика, профессора математики Кембриджского университета Стивена Уильяма Хокинга (1942-2018). Как известно, проявившийся в довольно молодом возрасте и прогрессирующий быстрыми темпами боковой амиотрофический склероз постепенно привел ученого к практически полному параличу. Кроме того, в 1985 г. из-за тяжело протекающего воспаления легких С. Хогингу сделали серию операций, удалили трахею, в результате чего он уже тогда потерял способность говорить [Прохоров, www]. На протяжении многих лет зачастую именно С. Хокинга называли наиболее показательной медиа-персоной, определяя ученого как «гениальный мозг, заключенный в полностью медиатизированное тело» [Сидоров, 2010, 18], приводя его в качестве примера того, как «неподвижная плоть» вполне успешно «общается с миром благодаря механическим и электронным протезам и слабым нажатием кнопок» [там же, 18-19] и др.

Трудности протекания процесса социализации на физиологическом уровне вызваны повреждением опорно-двигательного аппарата, которое непосредственно влияет на жизненное пространство индивида – в той или иной степени ограничивает его свободу перемещения и действия. Вместе с тем, очевидно, что при использовании порожденных социальностью «искусственных техник» [Сидоров, 2005, 80] – современных специальных ассистивных и нейроассистивных технологий, данная проблема во многих случаях является разрешимой. С каждым годом, как зарубежными, так и российскими специалистами для людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата разрабатываются все более совершенные инвалидные коляски, протезы, компьютерные устройства и приложения, деятельность которых все чаще основывается на интерфейсе «мозг-компьютер» (Brain-Computer Interface (BCI)). Так, в одной из наших предыдущих работ [Нагорная, 2021, 126] уже упоминались такие устройства с «нейрошапкой», как инвалидная коляска, управляемая посредством импульсов нейронов головного мозга, и своего рода «передатчик» информации из сознания парализованного человека на компьютер («нейрошапка», электроды которой подключены к компактному усилителю сигналов и компьютеру [Чеченова, 2019, www]). Кроме того, к настоящему времени для людей с серьезными нарушениями опорно-двигательного аппарата разработаны, в частности, следующие приспособления: инвалидное кресло, которым можно управлять с помощью изменения выражения лица (данное приспособление использует программную систему с камерой, способной к распознаванию десяти выражений лица, каждому из которых пользователь может присвоить определенную команду управления) [Intel..., www]; инвалидное кресло, управляемое с помощью нейрокомпьютерного интерфейса и датчиков отслеживания движения глаз (Eye Tracker) (пользователю доступны режимы: «вперед», «направо», «налево», «назад»; указывается, что с целью исключения непроизвольного срабатывания ассистивного приспособления устройство Eye Tracker считывает команду только тогда, когда пользователь нажимает специальную кнопку) [Чеченова, 2019, www]; электромобиль (нейромобиль) с элементами нейроуправления и нейроассистирования и др. [Mironov et al., 2018]. Отдельно следует сказать о значимости использования устройства Eye Tracker (которое изначально было разработано для геймеров) в коммуникаторах для реабилитации и абилитации людей с тяжелыми нарушениями опорно-двигательного аппарата, поскольку «даже полностью парализованный человек в абсолютном большинстве случаев в состоянии сфокусировать взгляд и немного его перевести» [Менделеева, 2019, www]. Представляют интерес также исследования,

доказывающие, что приложения виртуальной реальности (VR) не только способны расширить жизненное пространство и скорректировать Я-образ человека с тяжелыми нарушениями опорно-двигательного аппарата путем замены настоящих движений VR-симуляцией, но и в сочетании с нейрокомпьютерным интерфейсом и роботизированным экзоскелетом во многих случаях могут «разбудить» спинномозговые нервы, когда-то ставшие неактивными из-за травмы, и, соответственно, восстановить передачу нейроимпульсов из двигательной зоны коры головного мозга в спинной мозг, в результате чего к парализованному человеку частично возвращается возможность контролировать свои конечности [Donati et al., 2016].

В ряде случаев значительное улучшение физического состояния человека с нарушениями опорно-двигательного аппарата может наступить в ходе лечения биотехнологическими медикаментами третьего поколения (передовой терапией (*advanced therapy*)), основанных на достижениях клеточных и генных технологий [Тарасов, 2019, www]. Так, для лечения такого генетического заболевания с аутосомно-рецессивным типом наследования, как спинальная мышечная атрофия (Spinal Muscular Atrophy) к настоящему времени разработаны три лекарства: «Спинраза» (в 2016 г.), «Рисдиплам» (в 2018 г.) и «Золгенсма» (в 2019 г.), два из которых – «Спинраза» (в конце 2020 г.) [Распоряжение..., 2020, www] и «Рисдиплам» (в конце 2021 г.) [Распоряжение..., 2021, www] – уже внесены правительством России в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов. Напомним, что в основе патогенеза спинальной мышечной атрофии лежит мутация, либо отсутствие гена SMN1 (survival motor neuron 1), который отвечает за выработку протеина SMN, необходимого для поддержания активности двигательных нейронов, в результате чего у человека все более нарушается связь между центральной нервной системой и мускулатурой, что приводит к прогрессирующей мышечной атрофии. «Спинраза» и «Рисдиплам» рассчитаны на многократное применение, действие обоих препаратов направлено на модификацию «резервного» гена SMN2, который также способен вырабатывать протеин SMN, но в недостаточном количестве. При этом «Спинраза» вводится интратекально (т. е. под оболочки спинного мозга непосредственно в спинномозговую жидкость) и влияет в первую очередь на центральную нервную систему, а «Рисдиплам» применяется перорально (а именно в виде сиропа), комплексно воздействуя как на центральную, так и на периферическую нервную систему. В отличие от данных препаратов «Золгенсма» воздействует непосредственно на мутировавший или отсутствующий ген SMN1, заменяя его функционально полноценным геном. Вводится «Золгенсма» один раз в жизни внутривенно [Чикунев, 2021, www].

Для предупреждения, своевременной и более точной диагностики, эффективного лечения ряда болезней, сопровождающихся повреждениями опорно-двигательного аппарата, представляются перспективными новейшие научные достижения в области изучения мозга и высшей нервной деятельности. В частности, уже упоминавшиеся нами в одной из предыдущих работ [Нагорная, 2021, 126-127] нейрофотоника и такой ее метод, как оптогенетика [Дорони́на-Ами́тонова и др., 2015; Ястребова, 2016; Желтиков, 2015, www].

Как выше уже было сказано, при физически-ограниченных возможностях первичными являются нарушения на физиологическом уровне социализации, а нарушения на психологическом, социально-психологическом и социальном уровнях носят вторичный характер и при определенных условиях (но, безусловно, только до определенного момента) являются обратимыми.

Несмотря на то, что у детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, имеющих сохранный интеллект, нет объективных трудностей для восприятия и усвоения информации, для

формирования на достаточно высоком уровне высших духовных потребностей, интересов, ценностей, ценностных ориентаций и целей (в случае сопутствующих серьезных нарушений речи или/и сенсорных нарушений для этого необходимо задействовать обходные пути познания мира), в результате их попадания в психотравмирующие ситуации при отсутствии надлежащим образом сформированных приемов психологической защиты у них, как правило, возникают психологические проблемы, связанные с переживанием своего телесного несовершенства, боязнью передвижения, общения и т. п.

Так, Е.В. Лисина отмечает, что поскольку ребенку, в отличие от взрослого, не свойственно противопоставлять свое «Я» болезни, наблюдать за своей болезнью со стороны, то ребенок как бы сливается с болезнью, живет ею – чувственно и эмоционально [Лисина, 2002, 76]. Иными словами, ребенок крайне склонен отождествлять себя со своей болезнью (впрочем, многие взрослые люди с ограниченными возможностями здоровья, имеющие по тем или иным причинам искаженный «Я-образ» [Нагорная, 2011; Нагорная, 2021], также склонны идентифицировать себя со своей болезнью).

Напомним, что «Я-образ» (Я-концепция, самосознание, система «Я») – совокупность представлений человека о себе и своем месте в этом мире. В своих работах [Нагорная, 2011, 64; Нагорная, Нагорный, 2011, 379; Нагорная, 2021, 123], в частности, рассматриваем в качестве элементов «Я-образа» ряд определенных «я-реальных» и «я-идеальных» образов (образ своего тела, образ своего мышления, «образ-Я-профессионал», «образ-Я-семьянин», «образ-Я-ученик» и др.), отмечая, что по одним составляющим «Я-образа» «я-реальное» и «я-идеальное» могут практически полностью совпадать, по другим существенно расходиться.

Согласно И.В. Поставневой, у детей с физическими нарушениями наиболее уязвимым психическим образованием является «образ тела» – сложное психологическое образование, включающее в себя: индивидуальный опыт ощущения, восприятия и переживания тела; представление о своих внешних данных и физических качествах; установку на восприятие собственного тела; эмоционально-ценностное отношение к своему телу [Поставнева, 2002, 72]. Исследователь выявила следующие особенности образа тела у дошкольников с физическими нарушениями: «1. Эти дети обладают негативным телесным опытом, который является для них препятствием в овладении навыками использования физического контакта как средства коммуникации. 2. При эмоционально положительном отношении ко всему телу дети с физическими недостатками негативно относятся к дефектной части тела и использованию ее в деятельности. Своим поведением демонстрируют стремление «спрятать» пораженную часть тела от окружающих. 3. Дети с физическими дефектами средней и тяжелой степени имеют нарушения в схеме тела, у них, в частности, деформированы представления о пропорциях частей тела (прежде всего, дефектных). 4. Представления о своем телосложении, физических качествах, физических половых признаках, а также о своем теле, изменяющемся во времени (прошлом, настоящем и будущем), у таких детей отличаются упрощенностью и слабой отчетливостью. 5. У детей с физическими дефектами средней и тяжелой степени формируется установка на восприятие своего тела как слабого, беспомощного» [там же, 79–80].

М. Холл, Б. Боденхамер указывают на такие составляющие системы «Я» (метапрограммы) как самооценка, уверенность в себе, самоощущение, самоцелостность. Согласно ученым, *самооценка* (самоуважение) определяется как оценка собственной значимости, достоинства и бытия, связанная с онтологическим «Я» человека. Самооценка может находиться в каком-то месте континуума между полной никчемностью (чувство отвращения) и особой ценностью (самооценка от низкой до высокой). *Уверенность в себе* – чувство компетентности, которое

связано с представлением человека о собственных возможностях, способностях, навыках и чувством гордости от обладания ими. Уверенность в себе является обусловленной и проистекает из имеющегося у человека опыта (позитивного и негативного), особенностей его обучения, убеждений, взаимоотношений и т. д. Она относится скорее к эмоциональному / эмпирическому фактору «я», тогда как самооценка, или самоуважение, – к ментальному оцениванию себя как личности. *Самоощущение*: люди отличаются друг от друга по имеющемуся у них концепту «я» и факторам, которые они используют при определении себя в первую очередь (мышление, эмоции, воля, тело, роль, положение). То, как человек определяет себя, играет центральную роль в «я», из которого он исходит, и в «я», которое он использует на мета-метауровне. Индивидуум может склоняться к тому, чтобы идентифицировать себя либо со своими мыслями, либо со своими чувствами. Он может определять себя преимущественно посредством своей работы, ролей, опыта, знаний и т. д. *Самоцелостность*: 1. Те, кто находят, что их идеалы и идеальное «я» соответствуют их фактическому опыту, ощущают «самоцелостность». Это ощущение обуславливает принятие себя и центрирование на собственной личности. В результате человек оказывается в состоянии еще эффективнее направлять ментальную и эмоциональную энергию на актуализацию своих ценностей и представлений. 2. Те, у кого ощущение соответствия «я-реального» «я-идеальному» отсутствует, чувствуют внутреннюю раздвоенность и находятся не в ладах с собой. Это часто ведет к большому расходованию внутренней энергии на конфликты и борьбу с самим собой, на негативные эмоции и самопорицание [Холл, Боденхамер, 2007, 211-217].

Можно предположить, что у людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата компоненты системы «Я» чаще всего искажаются следующим образом: самооценка стремится в сторону низкой (вплоть до никчемности своего «я»); имеется явно выраженная неуверенность в себе; возможно отсутствие самоцелостности, что может привести к аутоагрессивным формам поведения; в метапрограмме «самоощущение» нередко характерно определение себя в первую очередь через болезнь или дефект, в результате чего у значительного числа таких людей вырабатывается иждивенческая позиция по отношению к обществу [Нагорная, Нагорный, 2011, 427-428]. Иными словами, глубоко переживая свой физический недостаток, человек с нарушением опорно-двигательного аппарата может начать выстраивать свою жизнь вокруг него, тем самым подчиняя «я – телесно несовершенному» всего себя и взаимодействующих с ним Других, от которых такой человек также ожидает восприятия себя в первую очередь в связи с телесным недостатком. Зачастую для такого человека являются характерными: преобладание мотива избегания неудачи над мотивом достижения успеха, сниженный фон настроения, склонность к замкнутости, обособленности, резкому ограничению зоны социальных контактов в совокупности с потребностью в постоянной опеке со стороны значимых Других даже в тех ситуациях, где он мог бы справиться самостоятельно [там же, 85]. В ситуации социальной коммуникации такой человек на подсознательном уровне склонен вербально и невербально акцентировать внимание на своей физической особенности (примером такого акцентирования является, в частности, попытка спрятать пораженную часть тела). И. А. Шаповал определяет такое состояние, как наличие во внутренней картине болезни концепции сверхценности своего страдания по отношению ко всем другим мотивам жизни, когда человек возводит собственное страдание в ранг добродетели, заслуживающей особых знаков внимания со стороны других людей. Такие люди подменяют свои жизненные цели только одной – потреблением социального внимания как обязательной реакции всех других. Страдающий человек через видимое проявление своего страдания получает возможность воздействовать на большие группы людей,

манипулировать ими, чтобы снять с себя ответственность за преодоление своего страдания [Шаповал, 2005, 150-151]. Несмотря на то, что все вышеизложенное может быть присуще и людям с другими видами нарушений физического развития, именно у людей с опорно-двигательными нарушениями (наряду со слепыми) данная особенность проявляется в наибольшей степени [Нагорная, Нагорный, 2011, 85].

В случае приобретенного нарушения опорно-двигательного аппарата в достаточно осознанном возрасте «Я-образ» человека, как правило, претерпевает существенные изменения. В наибольшей степени самооценка и уверенность в себе снижаются у тех людей, у кого до получения ограничения физических возможностей ведущим фактором самоощущения являлось тело, внешняя привлекательность, а также у тех, чья уверенность в себе зависела в первую очередь от возможности самореализации посредством активной физической деятельности. Люди с приобретенной инвалидностью, у которых и после инвалидизации (в результате травмы/болезни) наблюдается несильное расхождение между «я-идеальными» и «я-реальными» образами себя как профессионала, любимого супруга (-и), родителя, намного легче справляются с необходимостью жить со своими новыми физическими особенностями [там же, 385]. Более того, именно такие – имеющие устойчивую самооценку, успешные во многих социальных ролях, личности, получив по тем или иным причинам серьезные повреждения опорно-двигательного аппарата и, соответственно, определенные ограничения своих физических возможностей (в первую очередь «ампутанты», «спинальники»), зачастую становятся теми, кто во всеуслышание заявляет о реальных проблемах людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата и, по возможности, предлагает адекватные варианты решения данных проблем.

Трудности, возникающие на социально-психологическом и социальном уровнях социализации людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, существенно снижают их социально-адаптационные возможности. Очевидно, что причинами вторичных (и третичных) повреждений телесности людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата являются, во-первых, преобладание в общественном сознании неадекватных представлений о жизни, потребностях, потенциальных возможностях таких людей, склонности в целом обесценивать телесность человека с инвалидностью, во-вторых – несовершенство внешних условий социализации людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата (так, в современном российском обществе, несмотря на то, что за последние годы ситуации значительно улучшилась, большая часть городской среды по-прежнему не приспособлена для свободного перемещения маломобильных граждан; не всем людям с нарушениями опорно-двигательного аппарата доступны современные медицинские, ассистивные и тем более – нейроассистивные технологии, а для некоторых недоступными до сих пор являются новейшие информационно-коммуникационные, образовательные технологии и др.).

В своих работах отмечаем, что инклюзия человека с инвалидностью в обществе (а, следовательно, и полноценное вхождение телесности такого человека в социокультурное пространство) предполагает не только и не столько адаптацию человека с инвалидностью к обществу, сколько адаптацию общества к человеку с инвалидностью [Нагорная, Нагорный, 2011]. Соответственно, работу по оптимизации условий социализации и инкультурации людей с инвалидностью (данный подход также актуален и для лиц со многими другими видами искащенной телесности [Нагорная, 2021]) необходимо вести в трех, тесным образом взаимосвязанных между собой, направлениях: 1) над внешними условиями процесса социализации людей с ограниченными возможностями здоровья; 2) над образом человека с инвалидностью в общественном сознании современного российского общества; 3) над

психологическими особенностями людей с инвалидностью [Нагорная, Нагорный, 2011].

Так, работа по совершенствованию внешних условий процесса социализации людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата предполагает в первую очередь снятие архитектурно-пространственных, организационно-правовых, технологических, информационных, а в ряде случаев коммуникативных барьеров между ними и обществом.

Подлинная внешняя «вписанность» телесности человека с нарушениями опорно-двигательного аппарата в социокультурное пространство современного российского общества невозможна без ее внутренней «вписанности». Иными словами, созданные обществом внешние условия социализации людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата не будут работать должным образом без абсолютного принятия общественным сознанием телесности человека с нарушениями опорно-двигательного аппарата как телесности полноценной, но требующей для своего нормального функционирования дополнения себя теми или иными «искусственными техниками». При этом в общественном сознании необходимо формировать представление об «искусственных техниках» именно как о продолжении телесности человека с нарушениями опорно-двигательного аппарата, что предполагает уважительное и бережное к ним отношение (например, понимание того, что нельзя прикасаться к инвалидной коляске без согласия сидящего в ней человека и т.п.). Комплексную, целенаправленную работу по формированию в общественном сознании адекватного образа человека с нарушениями опорно-двигательного аппарата/человека с инвалидностью необходимо осуществлять с помощью таких социальных институтов, как средства массовой информации, образование, право, государство и др. Немаловажное значение для формирования адекватных представлений о людях с физически-ограниченными возможностями здоровья в индивидуальных сознаниях имеют компетентные высказывания значимых Других в ходе межличностного общения, а также продуктивная коммуникация с самими людьми, имеющими нарушения физического развития.

Тем не менее, безусловно, процесс вхождения в социум человека с нарушениями опорно-двигательного аппарата (как и людей с другими видами физически-ограниченных возможностей) предполагает адаптацию такого человека к обществу (в свою очередь, адаптирующемуся, к нему), а также к самому себе как части определенного социокультурного пространства. Поэтому важной составляющей благоприятного социализирующего воздействия общества на человека с нарушениями опорно-двигательного аппарата имеет работа по профилактике у него формирования неадекватного «Я-образа», а также коррекции уже искаженного «Я-образа».

Очевидно, что психокоррекция во многом возможна благодаря тому, что поврежденная человеческая телесность на всех уровнях процесса социализации, включая психологический, потенциально способна к компенсации, а нередко и к сверхкомпенсации. Психологический уровень компенсации включает в себя работу защитных механизмов, т. е. неосознаваемых процессов, обеспечивающих снижение тревоги и внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях. Также на этом уровне разворачивается действие так называемых «копинг-стратегий», т. е. сознательных усилий личности, направленных на поддержание позитивной самооценки в угрожающих для нее ситуациях [Сорокин, Кокоренко, 2003, 67-68]. В литературе по проблеме исследования отмечается, что для человека с физически-ограниченными возможностями наиболее значимыми механизмами психологической защиты являются наличие адекватной самооценки с опорой на Я-концепцию, компенсация, сублимация (переключение на деятельность, приемлемую для общества (например, творчество или спорт), в попытке забыть о травмирующем событии), субституция (перенос негативных эмоций с объекта, вызвавшего их,

на другие объекты, либо замена одних потребностей другими и т. п.), аналитическая идентификация (осознанное стремление стать похожим на другого человека), обесценивание (принижение значимости чувств, ценностей и успехов других людей или своих собственных) и др. [Зотова, 1997, 22].

В свое время еще Л.С. Выготский писал о том, что процесс движения от физической дефективности через психическую компенсацию к социальной полноценности – процесс в высшей степени болезненный, хотя именно он ведет к духовному выздоровлению [Бондаренко, 2006, 36].

Полагаем, что явление сверхкомпенсации можно рассмотреть с точки зрения оригинальной концепции И. Теодоропулоса, согласно которой боль зачастую является источником развития, совершенствования личности [Теодоропулос, 2002]. Поскольку человек с тем или иным недостатком развития по сравнению с человеком с полноценной телесностью испытывает, как правило, в своей жизни намного больше боли (душевной, а нередко и непосредственно физической (что зачастую характерно именно для людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата)), то у него должен быть в душе внутренний богатый источник саморазвития. И действительно, болезнь, физический недостаток часто способствуют раскрытию изначально скрытых резервных сил и способностей человека. В результате человек с физически-ограниченными возможностями достигает такого высокого уровня развития (духовного, интеллектуального, профессионального и т. д.), которого, возможно, не достиг бы, будучи абсолютно здоровым [Нагорная, Нагорный, 2011, 132].

Отдельно необходимо сказать о важной роли в абилитации и реабилитации, а также в целом в социализации, инкультурации и инклюзии людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата такого социокультурного феномена как спорт. Важное значение имеют как отдельные средства физического воспитания, в первую очередь, физические упражнения, так и положительное социализирующее влияние спорта как социального института в целом [Нагорная, Нагорный, 2019, 381]. Так, на психологическом уровне социализации человека с нарушениями опорно-двигательного аппарата (равно как и людей с другими видами физически-ограниченных возможностей) спорт оказывает следующее положительное влияние: благодаря адекватной физической нагрузке улучшается протекание процессов восприятия, переработки и воспроизводства информации об окружающем мире, нормализуется эмоциональный фон и т.д.; при достижении определенных успехов в занятиях спортом у человека может быть выстроен «Я-образ» с минимальным расхождением между «Я-реальным» и «Я-идеальным» таких составляющих, как «Я-спортсмен», «Я-целеустремленный», «Я-успешный» и т.д.; кроме того, нередко именно благодаря занятиям спортом у людей с физически-ограниченными возможностями удается достичь психической компенсации имеющегося дефекта развития, т. е. перехода «Я-концепции» от «Я-маргинального» к «Я-полноценному» [Бондаренко, 2006, 36]. На социально-психологическом и социальном уровнях социализации людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата положительное влияние спорта проявляется, в частности, в формировании и закреплении у них ряда социально-значимых качеств – целеустремленности, ответственности, решительности, уверенности в своих силах, стрессоустойчивости, умения работать в команде, выстраивать взаимоотношения с другими спортсменами, тренерами и др.; в приобщении таких людей к культуре спорта, здорового образа жизни; более того, спорт может стать центральной сферой самореализации человека с нарушениями опорно-двигательного аппарата, достижения им довольно высокого социального статуса [Нагорная, Нагорный, 2019, 381-382]. Вместе с тем, необходимо понимать, что спорт на всех уровнях процесса

социализации способен оказывать наряду с исцеляющим (компенсаторным, а в отдельных случаях сверхкомпенсаторным) и повреждающее воздействие на телесность человека с ограниченными возможностями здоровья [там же, 382]. Так, согласно М. Л. Дерябину, тело атлета под воздействием спорта подвергается либо трансформации, либо деформации [Дерябин, 2015, 1013-1014]. Интересно, что рассматривая в качестве предельных состояний тела тело инвалида, тело спортсмена, тело паралимпийца (наряду с мертвым телом и рожденным телом), М.Л. Дерябин говорит о теле спортсмена как об излишке человеческого тела, отмечая, что тело спортсмена является своеобразным ответом на требования конкретного вида спорта; на инвалидность указывает как на нехватку (недостаток) целостности человеческого тела (отсутствие какой-либо части тела или сознания [там же, 1011-1012] и/или той или иной физической неспособности тела [там же, 1012]), отмечая, что для тела инвалида особенно значимой становится окружающая тело среда [там же, 1014]; тело паралимпийца – это тело, отобранное по определенному излишку-недостатку, кроме того, если тело инвалида – измененное тело *не этой среды*, то тело паралимпийца – это попытка вписать тело в стандартную социальную среду через спорт, через паралимпийское спортивное сообщество тела, именно благодаря специфике окружающей спортивной среды тело инвалида превращается в спортивное тело, которое сообщает о своем исключительном состоянии [там же].

Важнейшим институтом социализации и инкультурации является семья. Способность к выживанию человека с тяжелой формой инвалидизации зачастую в буквальном смысле зависит от уровня принятия его собственной семьей. При этом серьезная болезнь/травма ребенка, близкого человека, как правило, оказывается для семьи мощным стрессовым фактором [Нагорная, 2021, 125]. Так, в одной из своих работ мы в числе факторов, определяющих отношение родителей к своему ребенку с инвалидностью (наряду с такими факторами, как уровень нравственного развития родителей; преобладающий в общественном сознании образ человека с инвалидностью; принадлежность родителей к определенному социальному классу, субкультуре, социальной группе; поведение специалистов) называли характер нарушения развития у ребенка, отмечая, что родителям психологически легче принять ситуацию нетипичного состояния ребенка тогда, когда его нарушения развития не явно выражены, а также имеется вероятность благоприятного прогноза на будущее ребенка [Нагорный, Нагорная, 2011, 280].

Поэтому семьям, являющимся микросоциумами для людей с инвалидностью, особенно людей с тяжелыми формами инвалидности, в том числе людей с крайне тяжелыми формами нарушения опорно-двигательного аппарата, необходимо оказывать поддержку на всех уровнях жизнедеятельности, в первую очередь на физическом уровне, а также на психологическом, социально-психологическом уровнях (по сути, необходимо создание всех возможных условий для восстановления и сохранения телесности близких, осуществляющих уход за человеком с тяжелыми нарушениями развития, их не выпадения из социокультурного пространства и др.). При этом важно понимать, что отказ от тяжелобольного родного человека (особенно матери от ребенка) для большинства людей – фактор, способный нанести серьезное повреждение их телесности, крайне разрушительно воздействовать на восприятие себя, своей жизни, Других, общества в целом. В связи с этим, адаптация общества к семье, осуществляющей уход за человеком с тяжелыми нарушениями развития, в первую очередь предполагает оптимизацию условий социализации всех ее членов. В частности, необходимо увеличивать количество и совершенствовать работу центров помощи семьям по абилитации и реабилитации людей с тяжелыми нарушениями опорно-двигательного аппарата.

Основная цель адаптации общества к семьям с детьми-инвалидами – это, безусловно, комплексное решение проблем негативного социализирующего влияния семьи на детей с ограниченными возможностями здоровья. Полагаем, что работа по улучшению социализирующего влияния семьи на ребенка-инвалида должна включать следующие основные направления деятельности: 1. Формирование адекватного образа ребенка-инвалида в родительском сознании (в сознании других родственников). 2. Коррекция «Я-образа» («Я-родитель», «Я-человек» и др.) каждого из родителей. 3. Совершенствование внешних составляющих социализирующего влияния семьи на ребенка с ограниченными возможностями здоровья (в частности, информированность родителей, оказание им эффективной, квалифицированной помощи со стороны специалистов в вопросах коррекции, компенсации дефекта, получении ребенком образования и др., экономическая, юридическая, социальная, бытовая поддержка таких семей). Без эффективной работы по двум другим направлениям работа по третьему направлению будет крайне неэффективной [там же, 281–282].

Необходимо подчеркнуть, что один из наиболее конструктивных путей включения человека с нарушениями опорно-двигательного аппарата в социокультурное пространство – его успешная профессиональная адаптация [Нагорная/[Агумбаева, Амирова, Беляева и др.], 2021]. Поэтому в процессе социализации и инкультурации каждого человека с нарушениями опорно-двигательного аппарата необходимо стремиться к максимально возможному разрешению объективных и субъективных, внешних и внутренних противоречий, препятствующих его грамотной профориентации, качественной профессиональной подготовке, успешному трудоустройству, продуктивной трудовой деятельности в эргономичных условиях, обеспечивающих профилактику профессиональной деформации, и, как следствие, достойному уровню жизни, восприятию себя личностью полноценной, самостоятельной, состоявшейся.

Заключение

Таким образом, несмотря на то, что у людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата и сохранными интеллектуальными способностями наблюдаются трудности на всех уровнях процесса социализации, а также снижена способность к спонтанному развитию, эти люди потенциально способны к полноценному усвоению и переработке информации об окружающем мире, активной жизненной позиции, успешной самоидентификации и самодетерминации.

В современной России сама специфика нарушений опорно-двигательного аппарата, подразумевающая в первую очередь ограничение в той или иной степени возможности свободного перемещения в пространстве, в совокупности с не всегда адекватным отношением общества к людям с инвалидностью (и, как следствие, отсутствием благоприятных условий социализации для таких людей) приводят зачастую к резкому сокращению зоны жизненного пространства людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, формированию у них неадекватных представлений о себе и своем месте в этом мире.

В нашей стране для дальнейшей оптимизации процессов социализации и инкультурации людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата необходимы определенные преобразования практически во всех сферах жизни общества. И в первую очередь изменения должны коснуться общественного сознания, в котором необходимо целенаправленно закреплять на первый взгляд уже почти сформированный образ человека с нарушениями опорно-двигательного аппарата как полноправного члена общества, имеющего право на успешную самореализацию. Что касается внешних условий социализации людей с

нарушениями опорно-двигательного аппарата, то в первую очередь необходимо стремиться к снятию технологических, архитектурно-пространственных и организационно-правовых барьеров между ними и обществом (иными словами, к дальнейшему прогрессивному развитию и повышению уровня доступности специальных медицинских, ассистивных/нейроассистивных, информационно-коммуникационных, образовательных и др. технологий; к дальнейшей адаптации городской среды и среды других населенных пунктов к особенностям жизнедеятельности инвалидов и маломобильных групп населения; к дальнейшей разработке и более адекватному применению на практике нормативно-правовых актов, регламентирующих взаимоотношения общества и людей с инвалидностью).

Библиография

1. Бондаренко Г.И. Я-концепция человека с инвалидностью // Дефектология. 2006. № 5. С. 36-40.
2. Бороноева Н.А. Человек в мире глобальных изменений. Красноярск: Литерапринт, 2009. 224 с.
3. Быховская И.М. Аксиология телесности и здоровье: сопряженность в культурологическом измерении // Психология телесности между душой и телом. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. С. 53-66.
4. Выготский Л.С. Дефект и компенсация // Собрание сочинений в 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 5. С. 34-49.
5. Вульф К. Антропология: История, культура, философия. СПб., 2008. 280 с.
6. Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда» на 2011-2020 годы. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/3/0>
7. Гримак Л.П. Гипноз в формировании здорового психологического пространства личности // Мир психологии. 1999. № 4. С. 81-90.
8. Дерябин М.Л. Тело как а-грамматическое сообщение // Философия и культура. 2015. № 7 (91). С. 1008-1016. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.7.12454
9. Доронина-Амитонова Л.В. и др. Нейрофотоника: оптические методы исследования и управления мозгом // Успехи физических наук. 2015. Т. 185. № 4. С. 371-392. DOI: 10.3367/UFNr.0185.201504c.0371
10. Желтиков А.М. Нейрофотоника. Как нейрофотоника может помочь в лечении болезни Альцгеймера? URL: <https://postnauka.ru/video/49848>
11. Зотова А.М. Интеграция ребенка-инвалида в среду здоровых сверстников как метод социальной адаптации // Дефектология. 1997. № 6. С. 21-24.
12. Иванова Р.И. Методологическое значение философского учения о человеке в различных видах социального познания и практики (включая юридическую) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2009. № 3. С. 74-78.
13. Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. М.: Ключ-С, 1999. 187 с.
14. Леви Т.С. От составителя // Психология телесности между душой и телом. М.: АСТ, 2007. С. 5-9.
15. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000. 368 с.
16. Лисина Е.В. Психотравма в контексте субъективного опыта ребенка // Дефектология. 2002. № 1. С. 75-80.
17. Менделеева Д. Парализован и не говорит: поможет ай-трекер! Как коммерческая технология помогает общаться безречевым людям. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/chto-takoe-aj-treker/>
18. Нагорная Л.А. «Я-образ» человека с инвалидностью в современном российском обществе // Сборник материалов краевой научно-практической конференции «Социокультурная реабилитация, адаптация инвалидов и пожилых людей, защита их гражданских прав в современном обществе». Красноярск, 2011. С. 64-68.
19. Нагорная Л.А., Нагорный Н.Н. Социализация человека с ограниченными возможностями развития: прошлое, настоящее, сценарии будущего. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. 422 с.
20. Нагорная Л.А., Нагорный Н.Н. Человек с искаленной телесностью в современном обществе // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений. Уфа, 2015. С. 348.
21. Нагорная Л.А., Нагорный Н.Н. Роль спорта в процессе социализации людей с ограниченными возможностями здоровья в современном российском обществе // Сборник материалов 9 международной научно-практической конференции «Физическое воспитание, физическая реабилитация и рекреация: проблемы и перспективы развития». Красноярск, 2019. С. 379-384.
22. Нагорная Л.А. Введение в философию искаленной телесности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 1А. С. 115-131. DOI: 10.34670/AR.2021.29.38.012
23. Нагорная Л.А. Оптимизация процесса профессиональной адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья как направление социально-экономической политики современного российского общества // Социально-экономические процессы в условиях модернизации экономики: современные вызовы, глобальные трансформации и стратегические ориентиры развития. Самара, 2021. 205 с.

24. Нагорный Н.Н., Нагорная Л.А. Роль семьи в процессе социализации ребенка с ограниченными возможностями развития // Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции «Социология, философия, право в системе научного обеспечения процессов развития современного общества». Красноярск, 2010. С. 276-282.
25. Поставнева И.В. Особенности образа тела у детей дошкольного возраста, имеющих физические дефекты // Дефектология. 2002. № 4. С. 72-80.
26. Потылицына Л.А. Особенности процесса социализации людей с физическими недостатками развития // Сборник материалов международной конференции «Молодежь – будущее цивилизации». СПб., 2005. С. 334-338.
27. Потылицына Л.А. Особенности построения образа мира у слепоглухонемых лиц // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета. 2006. Вып. 5 (12). С. 206-211.
28. Потылицына Л.А. Особенности процесса социализации людей с ограниченными возможностями развития (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2007. 175 с.
29. Прохоров М.Е. Кто такой Стивен Хокинг? URL: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-4246/>
30. Распоряжение Правительства РФ от 23 февраля 2018 г. № 308-п «О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 11 ноября 2010 г. № 1950-п». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71786932/>
31. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 3073-п. URL: <http://static.government.ru/media/files/XSa8p7I5b5HKbAYd2xmfVzBsoSxagSe.pdf>
32. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2021 года №3781-п. URL: <http://government.ru/docs/44206/>
33. Сидоров А.М. Медиа и проблема достоверности // Медиафилософия IV. Методологический инструментарий медиафилософии. СПб., 2010. С. 15-19.
34. Сидоров И.Т. Жизненное пространство индивидуума как одна из базовых категорий социальной антропологии (к постановке проблемы) // Теория и история. 2004. № 1. С. 161-163.
35. Сидоров И.Т. Функции жизненного пространства индивида // Теория и история. 2005. № 1. С. 131-134.
36. Сидоров И.Т. Структура жизненного пространства индивида // Теория и история. 2005. № 2. С. 79-82.
37. Сорокин В.М., Кокоренко В.Л. Практикум по специальной психологии. СПб.: Речь, 2003. 120 с.
38. Тарасов Ю. Три поколения лекарств. URL: <https://biomolecula.ru/articles/tri-pokoleniia-lekarstv>
39. Теодоропулос И. Феномен боли и нестабильные формы воспитания (экзистенциально-социологический анализ) // Вопросы философии. 2002. № 4. С. 170-175.
40. Уилбер К. Никаких границ: Восточные и западные пути личностного роста. М.: АСТ, 2004. 283 с.
41. Хасанов М.Р. Жизненное пространство человека // Современные исследования социальных проблем. 2011. № 4. Т. 8. С. 88.
42. Холл М., Боденхаммер Б. 51 метапрограмма НЛП. Прогнозирование поведения, «чтение» мыслей, понимание мотивов. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 347 с.
43. Чеченова Б. Чемпионы по технологиям. Нейроассистивные приборы помогают людям с ограниченными возможностями жить без границ. URL: https://ntinews.ru/in_progress/likbez/chempiony-po-tekhnologiyam-neuroassistivnyye-pribory-pomogayut-lyudyam-s-ogranichennymi-vozmozhnostya.html
44. Чикунов И. Лекарство за два миллиона долларов. Почему лекарство от спинальной мышечной атрофии стоит так дорого. URL: <https://knife.media/zolgensma/>
45. Шаповал И.А. Специальная психология. М., 2005. 224 с.
46. Шеманов А.Ю. Самоидентификация человека как антропогенетическое самоотличение: подход к пониманию процессов глобализации в современном мире // Личность. Культура. Общество. 2006. Вып. 2. С. 107-131.
47. Ястребова С.Б. Оптогенетика. Как управлять нейроном с помощью света // Химия и жизнь. 2016. № 2. С. 4-7.
48. Donati A. et al. Long-Term Training with a Brain-Machine Interface-Based Gait Protocol Induces Partial Neurological Recovery in Paraplegic Patients. Scientific Reports. 2016. Vol. 6. URL: <https://www.nature.com/articles/srep30383>
49. Intel Artificial Intelligence Opens Door to Mobility for Quadriplegic Community. URL: <https://newsroom.intel.com/news/intel-artificial-intelligence-opens-door-mobility-quadruplegic-community/#gs.euzljj>
50. Mironov V.I. et al. Development of a neurally-controlled vehicle – neuro-mobile – for driving by individuals with motor deficiency // Современные технологии в медицине. 2018. 10(4). С. 49-59. <https://doi.org/10.17691/stm2018.10.4.06>
51. Nagornaya L.A., Nagornyi N.N. The Correction of Self-Image as One of Directions of Work for Preventing Victimization of People with Crippled Body in Modern Russian Society // Journal of Siberian Federal University. Humanities & social sciences. 2015. № 9. P. 1877-1885.

The corporeality of a person with musculoskeletal disorders in the socio-cultural space of modern Russian society

Lyubov' A. Nagornaya

PhD, Associate Professor,
Department of Philosophy,
Siberian Federal University,
660041, 79, Svobodnyi ave., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: poty-lyubov@yandex.ru

Nikolai N. Nagorny

PhD, Associate Professor,
Department of Fire and Tactical-Special Training,
Siberian Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
660131, 20, Rokossovskogo str., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: nnagornyj@yandex.ru

Abstract

The article discusses the features and ways of optimizing the process of entry of the corporeality of a person with disorders of the musculoskeletal system into the socio-cultural space of modern Russian society. It is emphasized that work to optimize this process should be carried out simultaneously in three closely interconnected directions: on the formation in the public mind of adequate ideas about the corporeality of a person with disorders of the musculoskeletal system; over the formation of an adequate “self-image” of a person with disorders of the musculoskeletal system; over the optimization of external conditions of socialization and inculturation of people with disorders of the musculoskeletal system. In our country, in order to further optimize the processes of socialization and inculturation of people with disorders of the musculoskeletal system, certain transformations are necessary in almost all spheres of society. And first of all, the changes should affect the public consciousness, in which it is necessary to purposefully consolidate at first glance the already almost formed image of a person with disorders of the musculoskeletal system as a full member of society with the right to successful self-realization. As for the external conditions of socialization of people with disorders of the musculoskeletal system, it is first of all necessary to strive to remove technological, architectural, spatial, organizational and legal barriers between them and society.

For citation

Nagornaya L.A., Nagorny N.N. (2021) Telesnost' cheloveka s narusheniyami oporno-dvigatel'nogo apparata v sotsiokul'turnom prostranstve sovremennogo rossiiskogo obshchestva [The corporeality of a person with musculoskeletal disorders in the socio-cultural space of modern Russian society]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (6A), pp. 69-89. DOI: 10.34670/AR.2021.17.39.007

Keywords

Person with musculoskeletal disorders, person with physical disabilities, person with defective exalted body, corporeality of a person with musculoskeletal disorders, socialization, inculturation, socio-cultural space, living space, assistive/neuroassistive technologies, Another, self-image.

References

1. Bondarenko G.I. (2006) Ya-kontsepsiya cheloveka s invalidnost'yu [Self-concept of a person with a disability]. *Defektologiya* [Defectology], 5, pp. 36-40.
2. Boronoeva N.A. (2009) *Chelovek v mire global'nykh izmenenii* [Man in the world of global changes]. Krasnoyarsk: Literaprint Publ.
3. Bykhovskaya I.M. (2007) Aksiologiya telesnosti i zdorov'e: sopryazhennost' v kul'turologicheskom izmerenii [Axiology of corporeality and health: conjugation in the cultural dimension]. In: *Psikhologiya telesnosti mezhdushoi i telom* [Psychology of corporality between soul and body]. Moscow: AST: AST MOSKVA Publ.
4. Chechenova B. *Chempiony po tekhnologiyam. Neuroassistivnye pribory pomogayut lyudyam s ogranichennymi vozmozhnostyami zhit' bez granits* [Neuro-assistive devices help people with disabilities live without borders]. Available at: https://ntinews.ru/in_progress/likbez/chempiony-po-tekhnologiyam-neuroassistivnye-pribory-pomogayut-lyudyam-s-ogranichennymi-vozmozhnostya.html [Accessed 12/12/2021]
5. Chikunov I. *Lekarstvo za dva milliona dollarov. Pochemu lekarstvo ot spinal'noi myshechnoi atrofii stoit tak dorogo* [Medicine for two million dollars. Why is the cure for spinal muscular atrophy so expensive?]. Available at: <https://knife.media/zolgensma/> [Accessed 12/12/2021]
6. Deryabin M.L. (2015) Telo kak a-grammaticheskoe soobshchenie [Body as a-grammatical message]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture], 7 (91), pp. 1008-1016. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.7.12454
7. Donati A. et al. (2016) Long-Term Training with a Brain-Machine Interface-Based Gait Protocol Induces Partial Neurological Recovery in Paraplegic Patients. *Scientific Reports*, 6. Available at: <https://www.nature.com/articles/srep30383> [Accessed 12/12/2021]
8. Doronina-Amitonova L.V. et al. (2015) Neurofotonika: opticheskie metody issledovaniya i upravleniya mozgom [Neurophotonics: optical methods of research and control of the brain]. *Uspekhi fizicheskikh nauk* [Proceedings of physical science], 185, 4, pp. 371-392. DOI: 10.3367/UFNr.0185.201504c.0371
9. *Gosudarstvennaya programma Rossiiskoi Federatsii «Dostupnaya sreda» na 2011-2020 gody* [“Accessible Environment”: State Program of the Russian Federation for 2011-2020]. Available at: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/3/0> [Accessed 12/12/2021]
10. Grimak L.P. (1999) Gipnoz v formirovanii zdorovogo psikhologicheskogo prostranstva lichnosti [Hypnosis in the formation of a healthy psychological space of personality]. *Mir psikhologii* [World of Psychology.], 4, pp. 81-90.
11. Hall M., Bodenhamer B. (2006) *Figuring Out People: Reading People Using Meta-Programs*. Crown House Publishing.
12. *Intel Artificial Intelligence Opens Door to Mobility for Quadriplegic Community*. Available at: https://newsroom.intel.com/news/intel-artificial-intelligence-opens-door-mobility-quadruplegic-community/#gs.euzl_jj [Accessed 12/12/2021]
13. Ivanova R.I. (2009) Metodologicheskoe znachenie filosofskogo ucheniya o cheloveke v razlichnykh vidakh sotsial'nogo poznaniya i praktiki (vkluyuchaya yuridicheskuyu) [Methodological significance of the philosophical doctrine of a person in various types of social cognition and practice (including legal)]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 3, pp. 74-78.
14. Khasanov M.R. (2011) Zhiznennoe prostranstvo cheloveka [Human living space]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern studies of social problems], 4, 8, p. 88.
15. Kozlova N.N. (1999) *Sotsial'no-istoricheskaya antropologiya* [Socio-historical anthropology]. Moscow: Klyuch-S Publ.
16. Levi T.S. (2007) Ot sostavitelya [From the compiler]. In: *Psikhologiya telesnosti mezhdushoi i telom* [Psychology of corporality between soul and body]. Moscow: AST Publ.
17. Lewin K. (1997) *Resolving Social Conflicts: And, Field Theory in Social Science*. Amer Psychological Assn.
18. Lisina E.V. (2002) Psikhotrauma v kontekste sub"ektivnogo opyta rebenka [Psychological trauma in the context of the child's subjective experience]. *Defektologiya* [Defectology], 1, pp. 75-80.
19. Mendeleeva D. *Paralizovan i ne govorit: pomozhet ai-treker! Kak kommercheskaya tekhnologiya pomogaet obshchat'sya bezrechevym lyudyam* [Paralyzed and does not speak? An eye-tracker will help! How commercial technology helps speechless people communicate]. Available at: <https://www.miloserdie.ru/article/chto-takoe-aj-treker/> [Accessed 12/12/2021]
20. Mironov V.I. et al. (2018) Development of a neurally-controlled vehicle – neuro-mobile – for driving by individuals

- with motor deficiency. *Sovremennye tekhnologii v meditsine* [Modern Medical Technologies], 10(4), pp. 49-59. <https://doi.org/10.17691/stm2018.10.4.06>
21. Nagornaya L.A., Nagorni N.N. (2011) *Sotsializatsiya cheloveka s ogranichennymi vozmozhnostyami razvitiya: proshloe, nastoyashchee, stsenarii budushchego* [Socialization of a person with developmental disabilities: past, present, future scenarios]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
 22. Nagornaya L.A., Nagorni N.N. (2015) Chelovek s iskalechennoi telesnost'yu v sovremennom obshchestve [A person with crippled physicality in modern society]. In: *Filosofiya. Tolerantnost'. Globalizatsiya. Vostok i Zapad – dialog mirovozzrenii* [Philosophy. Tolerance. Globalization. East and West: a dialogue of worldviews]. Ufa.
 23. Nagornaya L.A., Nagorni N.N. (2019) Rol' sporta v protsesse sotsializatsii lyudei s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v sovremennom rossiiskom obshchestve [The role of sport in the process of socialization of people with disabilities in modern Russian society]. In: *Sbornik materialov 9 mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Fizicheskoe vospitanie, fizicheskaya reabilitatsiya i rekreatsiya: problemy i perspektivy razvitiya»* [Collection of materials of the 9th international scientific-practical conference: Physical education, physical rehabilitation and recreation: problems and development prospects]. Krasnoyarsk.
 24. Nagornaya L.A., Nagorni N.N. (2015) The Correction of Self-Image as One of Directions of Work for Preventing Victimization of People with Crippled Body in Modern Russian Society. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & social sciences*, 9, pp. 1877-1885.
 25. Nagornaya L.A. (2021) Optimizatsiya protsessa professional'noi adaptatsii lyudei s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya kak napravlenie sotsial'no-ekonomicheskoi politiki sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Optimization of the process of professional adaptation of people with disabilities as a direction of the socio-economic policy of modern Russian society]. In: *Sotsial'no-ekonomicheskie protsessy v usloviyakh modernizatsii ekonomiki: sovremennye vyzovy, global'nye transformatsii i strategicheskie orientiry razvitiya* [Socio-economic processes in the context of economic modernization: modern challenges, global transformations and strategic development guidelines]. Samara.
 26. Nagornaya L.A. (2021) Vvedenie v filosofiyu iskalechennoi telesnosti [An introduction to the Philosophy of Crippled Corporeality]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (1A), pp. 115-131. DOI: 10.34670/AR.2021.29.38.012
 27. Nagornaya L.A. (2011) «Ya-obraz» cheloveka s invalidnost'yu v sovremennom rossiiskom obshchestve [Self-image of a person with a disability in modern Russian society]. In: *Sbornik materialov kraevoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sotsiokul'turnaya reabilitatsiya, adaptatsiya invalidov i pozhilykh lyudei, zashchita ikh grazhdanskikh prav v sovremennom obshchestve»* [Collection of materials of the regional scientific and practical conference: Sociocultural rehabilitation, adaptation of disabled and elderly people, protection of their civil rights in modern society]. Krasnoyarsk.
 28. Nagorni N.N., Nagornaya L.A. (2010) Rol' sem'i v protsesse sotsializatsii rebenka s ogranichennymi vozmozhnostyami razvitiya [The role of the family in the process of socialization of a child with developmental disabilities]. In: *Sbornik materialov vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sotsiologiya, filosofiya, pravo v sisteme nauchnogo obespecheniya protsessov razvitiya sovremennogo obshchestva»* [Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference: Sociology, philosophy, law in the system of scientific support for the development of modern society]. Krasnoyarsk.
 29. Postavneva I.V. (2002) Osobennosti obraza tela u detei doskol'nogo vozrasta, imeyushchikh fizicheskie defekty [Features of the body image in preschool children with physical defects]. *Defektologiya* [Defectology], 4, pp. 72-80.
 30. Potylitsyna L.A. (2005) Osobennosti protsessa sotsializatsii lyudei s fizicheskimi nedostatkami razvitiya [Features of the process of socialization of people with physical disabilities]. In: *Sbornik materialov mezhdunarodnoi konferentsii «Molodezh' – budushchee tsivilizatsii»* [Collection of materials of the international conference: Youth as the future of civilization]. St. Petersburg.
 31. Potylitsyna L.A. (2006) Osobennosti postroeniya obraza mira u slepoglukhonemykh lits [Features of building an image of the world in deaf-blind persons]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta* [Bulletin of the Siberian State Aerospace University], 5 (12), pp. 206-211.
 32. Potylitsyna L.A. (2007) *Osobennosti protsessa sotsializatsii lyudei s ogranichennymi vozmozhnostyami razvitiya (sotsial'no-filosofskii analiz)*. Doct. Dis. [Features of the process of socialization of people with developmental disabilities (socio-philosophical analysis). Doct. Dis.]. Krasnoyarsk.
 33. Prokhorov M.E. *Kto takoi Stiven Khoking?* [Who is Stephen Hawking?]. Available at: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-4246/> [Accessed 12/12/2021]
 34. *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 23 fevralya 2018 g. № 308-r «O vnesenii izmenenii v rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 11 noyabrya 2010 g. № 1950-r»* [Order of the Government of the Russian Federation of February 23, 2018 No. 308-r “On Amendments to the Order of the Government of the Russian Federation of November 11, 2010 No. 1950-r”]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71786932/> [Accessed 12/12/2021]
 35. *Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 23 noyabrya 2020 g. № 3073-r* [Order of the Government of the Russian Federation dated November 23, 2020 No. 3073-r]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/XSa8p715b5HKbAYd2xmfvVzBsosxagSe.pdf> [Accessed 12/12/2021]
 36. *Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 23 dekabrya 2021 goda №3781-r* [Decree of the Government of

- the Russian Federation dated December 23, 2021 No. 3781-r]. Available at: <http://government.ru/docs/44206/> [Accessed 12/12/2021]
37. Shapoval I.A. (2005) *Spetsial'naya psikhologiya* [Special psychology]. Moscow.
 38. Shemanov A.Yu. (2006) Samoidentifikatsiya cheloveka kak antropogeneticheskoe samootlichenie: podkhod k ponimaniyu protsessov globalizatsii v sovremennom mire [Human self-identification as anthropogenetic self-distinction: an approach to understanding the processes of globalization in the modern world]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], 2, pp. 107-131.
 39. Sidorov A.M. (2010) Media i problema dostovernosti [Media and the Problem of Authenticity]. In: *Mediafilosofiya IV. Metodologicheskii instrumentarii mediafilosofii* [Media Philosophy IV. Methodological tools of media philosophy]. St. Petersburg.
 40. Sidorov I.T. (2005) Funktsii zhiznennogo prostranstva individa [Functions of the living space of an individual]. *Teoriya i istoriya* [Theory and History], 1, pp. 131-134.
 41. Sidorov I.T. (2005) Struktura zhiznennogo prostranstva individa [The structure of the living space of an individual]. *Teoriya i istoriya* [Theory and History], 2, pp. 79-82.
 42. Sidorov I.T. (2004) Zhiznennoe prostranstvo individuuma kak odna iz bazovykh kategorii sotsial'noi antropologii (k postanovke problemy) [The living space of an individual as one of the basic categories of social anthropology (to the formulation of the problem)]. *Teoriya i istoriya* [Theory and History], 1, pp. 161-163.
 43. Sorokin V.M., Kokorenko V.L. (2003) *Praktikum po spetsial'noi psikhologii* [Workshop on special psychology]. St. Petersburg: Rech' Publ.
 44. Tarasov Yu. *Tri pokoleniya lekarstv* [Three generations of drugs]. Available at: <https://biomolecula.ru/articles/tri-pokoleniia-lekarstv> [Accessed 12/12/2021]
 45. Teodoropoulos I. (2002) Fenomen boli i nestabil'nye formy vospitaniya (ekzistentsial'no-sotsiologicheskii analiz) [The phenomenon of pain and unstable forms of education (existential sociological analysis)]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 4, pp. 170-175.
 46. Vygotskii L.S. (1983) Defekt i kompensatsiya [Defect and compensation]. In: *Sobranie sochinenii v 6 t.* [Collected works in 6 volumes]. Moscow: Pedagogika Publ. Vol. 5.
 47. Wulf C. (2013) *Anthropology: A Continental Perspective*. University of Chicago Press.
 48. Wilber K. (2001) *No Boundary: Eastern and Western Approaches to Personal Growth*. Shambhala.
 49. Yastrebova S.B. (2016) Optogenetika. Kak upravlyat' neuronom s pomoshch'yu sveta [Optogenetics. How to control a neuron with light]. *Khimiya i zhizn'* [Chemistry and Life], 2016. № 2. S. 4-7.
 50. Zheltikov A.M. *Neirofotonika. Kak neirofotonika mozhet pomoch' v lechenii bolezni Al'tsgeimera?* [Neurophotonics. How can neurophotonics help in the treatment of Alzheimer's disease?]. Available at: <https://postnauka.ru/video/49848> [Accessed 12/12/2021]
 51. Zotova A.M. (1997) Integratsiya rebenka-invalida v sredu zdorovykh sverstnikov kak metod sotsial'noi adaptatsii [Integration of a disabled child into the environment of healthy peers as a method of social adaptation]. *Defektologiya* [Defectology], 6, pp. 21-24.

УДК 130.2

DOI: 10.34670/AR.2021.82.27.008

Хуан Гуанго и Сяоин Ци о китайском «лице»**Просеков Сергей Анатольевич**

Кандидат философских наук, доцент,
доцент Департамента гуманитарных наук,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: SAProsekov@fa.ru

Аннотация

Статья представляет собой обзор двух работ Хуана Гуанго (Hwang K.-K.; К.К. Хвана, Тайвань) и Сяоин Ци (Xiaoqing Qi, Австралия), опубликованных на английском языке и посвященных китайскому концепту «лица». Сяоин Ци исследует тот факт, что понятие «лица» является примером инокультурного заимствования, которое полезно для анализа азиатских и неазиатских обществ. Описывает различные концепции термина «лицо», доказывая, что своим происхождением они обязаны китайскому историческому опыту. Дается интерпретация Хуаном Гуанго конфуцианского «Золотого правила» нравственности в позитивной и негативной формулировке. Исследуется роль и значение «работы над лицом». Показано отличие национального характера китайца от характера человека Модерна, ориентированного более индивидуально. В статье даются сравнительные характеристики тайваньских традиционных предприятий семейного типа и модернизированных организаций. Указывается на необходимость учета при анализе проблем «лица» как универсальных характеристик концепта, так и специфических. Излагается мнение И. Гофмана о множественности возможных социальных организаций в зависимости от норм и ценностей, находящихся в процессе обмена. Автор обсуждает релевантность главных понятий, используемых этими исследователями. Цель данного обзора – ввести в русскоязычное научное поле основные тезисы указанных авторов.

Для цитирования в научных исследованиях

Просеков С.А. Хуан Гуанго и Сяоин Ци о китайском «лице» // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 6А. С. 90-98. DOI: 10.34670/AR.2021.82.27.008

Ключевые слова

Китай, Европа, лицо, репутация, социальный конструкт, моральный конструкт, межличностные отношения, экспрессивный тип отношений, инструментальные отношения, смешанный тип отношений.

Введение

Понятие китайского «лица» активно обсуждается в научной литературе. Среди европейских исследователей оказываются популярными ссылки на работы тайваньского социального психолога Хуана Гуанго (Hwang K.-K., также транслитерируют по-русски как К.К. Хван), а также австралийского социолога Сяоин Ци (Xiaoying Qi), опубликованные на английском языке. В российское философское исследовательское поле они практически не вошли. Данный обзор посвящен обсуждению основных положений наиболее известных публикаций этих двух авторов.

Основная часть

Исследовательница Сяоин Ци (Xiaoying Qi) связывает китайский концепт «лица» с концептами «зеркального Я» у шотландского экономиста и этика Адама Смита [Смит, 1997], американских социологов Ч.Х. Кули [Кули, 2019] и И. Гофмана [Гофман, 2000], в соответствии с идеями которых человек строит самооценку на основе того, как он, по его мнению, выглядит в глазах других людей, «смотрясь» в них как в зеркало и испытывая стыд или гордость [Xiaoying Qi, www]. Речь идет о том, что именно общество предъявляет своему члену некие требования и ожидания, которым он должен соответствовать, интериоризируя их в процессе социальной коммуникации и считая самоочевидными, естественными по типу «никак иначе»; тем самым снимается вопрос о «первичности» среды – или субъекта, общества или природы – или личности, актора, который формируется только и всегда в диалоге: имеет место их взаимозависимость. Такое европейское «лицо» – это не то, что создано закосневшим прошлым, оно динамично и ситуативно; собственно, как и китайское «лицо», хотя содержательно они могут существенно различаться. Тут нет пассивной личности, полностью детерминированной внешними обстоятельствами, как нет и анархического субъекта, который не определяется ничем, кроме собственного произвола.

В результате вышеупомянутая исследовательница приходит к выводу о том, что гофмановский концепт «лица» являет собой признанный самим Гофманом пример инокультурного заимствования (заимствования у китайцев), и о полезности концепта для анализа и азиатских, и неазиатских обществ и структуры личности в них.

Тут следует сказать, что если у Гофмана и есть ссылка на китайские реалии, как об этом пишет автор статьи, то, строго говоря, сами близкие к этим, но совершенно самостоятельно разработанные представления, издревле существовали и в Европе – «благороднорожденные» в Древней Греции, для которых перечислялся набор требуемых качеств, «граждане» Древнего Рима, рыцари с их «честью», люди Нового времени с их чувством собственного достоинства и т.д.

Сяоин Ци указывает, что «специфика и универсальность таких терминов концепции «лица», как *mianzi* (лицо), *guanxi* (взаимозависимые отношения), *genqing* (взаимная польза или выгода) и *huibao* (взаимозависимое обязательство), например, как легко видеть, свидетельствуют о характерно коренных китайских социокультурных явлениях в том смысле, что они однозначно ведут свое происхождение от китайского исторического опыта» [там же]. *Lian* определяют как уважение социальной группы к своему члену, имеющее моральный характер, или как набор правил морального поведения, предъявляемых члену сообщества; утрата *lian* делает невозможным для человека нормальное функционирование в сообществе. *Mianzi* – репутация,

совокупность достижений человека, определяющая положение человека внутри сообщества, конечный результат социального взаимодействия, и такое «лицо» имеет социальный характер. В ряде случаев они употребляются как синонимы. Однако следует уточнить, пишет автор статьи, что понятие *lian* на самом деле не ограничивается лишь моральными коннотациями, а *mianzi* не обязательно исключает моральный смысл. Так, это видно на примерах: если лектор не может ответить на вопросы студентов, он теряет свой *lian*, а это совсем не только моральный авторитет, но и социальный, авторитет преподавателя; с другой стороны, *mianzi* может иметь именно моральный смысл – когда, к примеру, человек не способен выполнять работу, а некто, поскольку он его одноклассник, хочет помочь бедняге и добавить ему *mianzi*, пусть это и кумовство, однако само действие имеет отношение к нравственности; человек провалил вступительный экзамен в университет, а потому не может встретиться со своими родителями и учителями, которые возлагали на него большие надежды – это провал не морального, а социального характера, однако его принято описывать как *meilian jian fumu*, потерю «лица» перед родителями. Иногда *lian* означает потерю «лица» в самых значимых ситуациях, а *mianzi* – в менее серьезных. Или иная интерпретация: *mianzi* как высшая, предельная степени социальной респектабельности персоны, а *lian* – минимальная, и это независимо от ее социального положения, престижа, благосостояния или близости к власти.

Далее автор обсуждает эти и другие позиции в интерпретации разных аспектов «лица» в китайской культуре.

При этом во всех культурах, как указывает Сяоин Ци, людям важно, чтобы их ценность, честь и достоинство признавались и ценились другими. Поэтому разные авторы описывают «лицо» как «важный общекультурный конструкт для объяснения потребности быть принятым в обществе» [там же]. Следует все-таки подчеркнуть еще раз: идеальные образцы поведения, нормы по типу китайского «лица», складываются в разных социумах нередко независимо друг от друга. Иными словами, не следует считать «лицо» лишь китайским феноменом, поскольку аналогичные комплексы представлений есть и на Западе, и на Востоке, и на Юге, и на Севере, хотя они могут разительно отличаться по своему содержанию, по «удельному весу» в разных культурных ситуациях и по мерам, к которым прибегают для их поддержания и защиты.

Нам приходится отметить, что идеи об общекультурном характере конструкта «лица», как бы оно ни называлось, в ряде случаев противоречат высказанным еще в 1987 г. положениям ставшей классической статьи Хуан Гуанго «Лицо и благосклонность. Китайские властные игры» (Hwang K.-K. Face and Favor. The Chinese Power Game) [Hwang K.-K., 1987]. Во избежание недоразумений автор Хуан Гуанго указывает, что «власть» в данном случае – это социально-моральное воздействие, или давление со стороны референтной группы, которое может быть использовано в процессе социального взаимодействия для влияния на члена группы для того, чтобы изменить его отношения, мотивацию или поведение в духе соответствия нормам группы [там же].

Хуан Гуанго (Hwang K.-K.) отмечает три вида межличностных отношений в среде китайцев: экспрессивный, инструментальный и смешанный. Экспрессивные связи касаются постоянных и стабильных социальных отношений, в них находят выражение чувства теплоты, привязанности, безопасности; это отношения в семье и между близкими друзьями. Данный тип связей может быть использован также и инструментально, но в любом случае тут преобладают эмоциональные отношения – как в семье, основной «клеточке» китайского общества. Типичная китайская семья обычно включает в себя экономические, религиозные, образовательные и рекреационные функции, подчеркивает Хуан Гуанго (Kwang-Kuo Hwang), а интеграция семьи в

виде финансового союза давно стала идеалом для китайцев – и тут нам нельзя не отметить условность разделения связей по типам: так, «экспрессивные связи» включают в себя и «инструментальные». Такой финансовый союз семейного типа обладает тремя особенностями: каждый его член должен передавать все свои доходы в общую казну (кроме личных сбережений женщины); общесемейная казна обеспечивает ежедневные расходы каждого своего члена; излишки делятся между всеми членами семьи. Член семьи обязан делать для ее благополучия и достатка все возможное, а семья, в свою очередь, предоставляет ему необходимые для жизни ресурсы. Детская агрессивность подавляется ради гармонии в семье, а когда родители стареют, обязанность детей – взять заботу о них на себя. При этом отмечается, что межличностные семейные конфликты – не редкость. Экспрессивные связи – сами по себе цель, как утверждает автор, они вечные.

Однако в жизни необходимы и связи инструментальные, т.е. такие, которые служат для достижения иных, материальных целей, а значит, эти отношения текущие и временные (продавец/покупатель, водитель/пассажиры и т.п.). В этом втором типе отношений связи безличны и универсальны, а их основным вопросом является вопрос о тратах (плате) при достижении цели и сравнимости полученных благ для участников. Ради соблюдения групповых интересов китайцы склонны подавлять агрессию внутри группы, но проявлять повышенную агрессию в отношении внешнего стигматизированного Другого [там же].

Смешанный тип связей характерен для некоторых родственников, соседей, одноклассников, коллег, преподавателей и студентов, для земляков. Они включены в своеобразную сеть взаимоотношений, которая может быть разной степени сложности; внешнему наблюдателю кажется, что китаец включен одновременно в несколько сетей такого рода, однако каждый китаец уверен в том, что он находится в центре уникальной сети социальных связей. Смешанные связи редко являются кровнородственными и могут длиться неопределенно долго, но не являются вечными, как связи экспрессивные.

Далее Хуан Гуанго (Kwang-Kuo Hwang) обсуждает значения слова *renqing*. Во-первых, оно может означать повседневные чувства в разных жизненных ситуациях (счастье, гнев, грусть и др.); предполагается, что человек, у которого есть *renqing*, обладает со-чувствием с другими людьми и готовностью им помогать в сложных ситуациях, тот же, кто не готов помогать и сочувствовать, лишен *renqing*. Во-вторых, *renqing* означает ресурс, который один индивид может предоставить другому в качестве подарка в процессе социального обмена. В счастье или несчастье члены сообщества должны оказать помощь своему члену или предложить подарок. Тут имеется в виду не только обмен товарами или услугами, но и чувствами, привязанностями, поэтому так трудно рассчитать *renqing*: всегда есть чувство неоплатного долга, и никогда нельзя быть уверенным в том, что расплатился по таким долгам. Третье значение *renqing* – набор социальных норм, которым надо следовать, чтобы быть в ладу с обществом. Этот набор включает два основных типа требований: поддерживать связи, время от времени встречаясь и обмениваясь поздравлениями, подарками; а также оказывать помощь и выражать сочувствие членам сообщества в трудных ситуациях.

Хуан Гуанго (Kwang-Kuo Hwang) приводит и знаменитое Золотое правило нравственности, поскольку оно было введено конфуцианцами, – и в негативной его формулировке, и в позитивной: «не делай другим того, чего не желаешь себе»; «делай другим то, чего хотел бы в отношении себя». Однако далее он отмечает: поведение получателя благ регулируется в Китае иной социальной нормой, выраженной в пословице: «Получивший каплю благодетелей обязан вернуть их сторицей». Именно такие проявления социальной нормы называются в статье

renqing. Ради сохранения мира в группе в соответствии с правилом *renqing*, когда две или более социальные сети функционируют вместе, предпочтительно равное распределение выгоды независимо от конкретного вклада каждого участника сети. Выходит, что сохранение гармонии в межличностных отношениях путем уравнивания для китайцев важнее справедливости обмена в зависимости от величины вклада в дело отдельных участников. Очевидно, что нормы взаимности не являются общими для разных культур. Можно думать, что в экспрессивных отношениях все оказываются должны всем, в инструментальных требуется равенство обмена, а в смешанных связях действует правило «благодарность за благодарность, зуб за зуб» [там же]. В смешанных отношениях в особенности людям следует помнить о взаимности и следовать поговорке «если кто-то дал тебе персик, отплати ему сливой» [там же]. Хуан Гуанго (Kwang-Kuo Hwang) полагает, что в таких случаях именно ожидание эквивалентного обмена стимулирует китайцев к поддержанию связей, хотя конфуцианцы учат, что благодеяния следует совершать, не ожидая ответных благодеяний, но это остается уделом мудрецов. А простые люди хотели бы следовать правилам взаимности и не забывать даже самомалейшего доброго дела, которое для них было сделано. Существует и дилемма *renqing*, связанная с взвешиванием потерь и приобретений и определением цены помощи.

В результате своих размышлений автор статьи приходит к выводу: «Китайский национальный социальный характер, определяемый как сложный тип поведения, складывающийся из социальной конформности, мирной стратегии и подчинения социальным ожиданиям и авторитету <...>, можно рассматривать как реакции отдельных лиц на дилеммы широкого набора явных и неявных социальных требований» [там же]. Сегодня вряд ли можно согласиться с таким определением.

Т.н. *mianzi* (лицо), с точки зрения Хуана Гуанго (Kwang-Kuo Hwang), обозначает социальное положение или престиж человека, приобретенный при успешном выполнении одной или нескольких социальных ролей и признанный другими членами его сообщества. «Работа над лицом» предполагает создание благоприятного образа себя в своем окружении – в своей референтной группе. Поддержание *mianzi* предполагает избегание публичной критики, в особенности критики вышестоящих, использование окольных путей и двусмысленности и т.п.

Китайское «лицо» часто подвергают критике как форму манипуляции другими и собственным Я. Это вопрос сложный и неоднозначный, тут все зависит от оптики наблюдателя. С точки зрения европейца Нового времени, похвальба своими высокими социальными связями и богатством выглядит не слишком приемлемо, однако китайские традиции есть китайские традиции. Так или иначе, указывает автор статьи, но китайский национальный характер является более социально ориентированным, чем современный характер человека Модерна, ориентированный более индивидуально. Однако уже в середине 1980-х гг. у китайских студентов наблюдалась модернизация типа мышления при смещении ориентаций с традиционно одобряемых социумом норм на индивидуальные решения.

Далее, приводя сравнительные характеристики тайваньских традиционных предприятий семейного типа и модернизированных организаций, Хуан Гуанго (Kwang-Kuo Hwang) указывает на последние как фирмы с более благоприятными условиями, с более открытым и справедливым характером отношений, чем первые, для которых в статье рассмотрен механизм того, как люди запутываются в связях *renqing*, и намечены способы избежать таких проблем.

Подводя итоги, Хуан Гуанго (Kwang-Kuo Hwang) подчеркивает, что, анализируя проблему лица, следует обращать внимание как на универсальные характеристики концепта, так и на специфические. Действительно, существует универсальный континуум социально ожидаемого

поведения в диапазоне от полного равенства до акцентирования особых потребностей значимых других. В этом континууме Запад склонен подчеркивать значимость личных интересов изолированных индивидов для принятия рациональных решений в большей части ситуаций обмена. В статье автора показано, что некоторые важные образцы Запада не работают в незападных условиях; об этом же свидетельствуют и исследования некоторых иных стран – например, Японии. Сходные практики на Западе сильно потеряли в весе, полагает автор. Исчезнут ли они в Китае по мере модернизации? Возможно, что исчезнут. На это работают многие факторы: современное образование, рынок, распространение крупных организаций, требующих не семейного характера. Однако даже перед лицом важных изменений менталитет долго остается устойчивым.

Но вернемся к обсуждению статьи Сяоин Ци (Xiaoying Qi). По Гофману, «лицо» – это позитивная социальная ценность, на обладание которой человек претендует. Очевидно, что это справедливо как для европейцев, так и для азиатов. Однако автор утверждает, что целесообразно давать не только качественную характеристику «лица», но и количественную: в разное время и в разных социальных группах одна и та же характеристика может восприниматься по-разному и вообще меняться, что не учитывают штудии Гофмана. Это звучит равно странно как на английском, так и на русском языке, но автор предлагает учитывать «количество лица»: при таком подходе «потеря лица» будет равнозначна «вычитанию из существующего запаса лица» (*a loss of face would amount to a subtraction from an existing stock of face*) [Xiaoying Qi, www]. Очевидно, что китайский менталитет считает вполне естественными операции такого рода. «Таким образом, – заключает пассаж Сяоин Ци (Xiaoying Qi), – вопрос о позитивной оценке в этом смысле относится к количественному соотношению между тем, чем из «лица» человек обладает, и тем, что социально дано – или им интериоризировано – в любой момент времени» [там же].

Далее автор разбирает различия европейскими исследователями «положительного лица» и «отрицательного лица». При этом «лицо» – это всегда образ Я. Оценки себя, определяющие конститутивные состояния «лица» (его обретение, потерю, восстановление и поддержание), всегда по своему характеру социально актуальны, а не индивидуальны. Конкретные ценности, характеризующие «лицо», могут иметь моральный, прагматический, утилитарный характер или быть связаны с социальным положением.

Важно понимать, что из концепции И. Гофмана следовал вывод о множественности возможных социальных организаций, их плюрализме в зависимости от норм и ценностей, находящихся в процессе обмена: «Видов общественных объединений возможно столько, сколько в коммуникационном обороте вращается благ и ценностей, способных приумножаться в процессе взаимообогащающего обмена между людьми и становиться новыми точками социальной кристаллизации» [Ковалев, 2000]. И следует помнить, что такой подход предполагает не застывшую субстанциальность человека и социума, а их процессуальность, динамизм, причем не как акцидентальное свойство, которое может быть, а может не быть, и не имеет, как правило, отношения к сущности, а как самое сущность. По Гофману, человек постоянно балансирует между нормальностью (общепринятостью, тиражируемостью) и уникальностью, между требованиями социума и собственными стремлениями.

Очевидны и параллели между социальным символизмом, разрабатывавшемся Гофманом и иными представителям прагматизма и интеракционизма, и китайским миром, представленным изначально и насквозь ритуально-символической реальностью. И тут целесообразно понимать, что если люди относятся к символизму как к реальности, и даже высшей реальности, то

срабатывает «теорема Томаса»: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям» (а также, в иной формулировке: «вещь, которую не считают правдой, или реальностью, не исполняет роль правды, или реальности, в социуме»). Конечно, подрастая, можно бунтовать против ожиданий своего социума и его представлений о благопристойности, истине, справедливости и т.п., не принимая их, что часто и происходит в подростковом и юношеском возрасте; если такой бунт приобретает широкие масштабы и, в свою очередь, его носители выработали свои собственные общие ожидания и представления о норме, тогда говорят о контркультуре. Контркультура может сдвигать окна Овертона, однако с взрослением «детей» превращается, в свою очередь, в культуру вполне традиционалистского и даже консервативного характера, куда в качестве социально фиксированных включаются уже случившиеся подвижки в представлениях людей о норме. Можно предполагать, что механизм тут примерно одинаков в Европе и в Китае, разными будут лишь скорости.

К китайскому традиционному «лицу» относятся связи между детьми и родителями (отец-сын), между членами одной семьи и рода (почитание предков), между членами семьи и кланом, между человеком с его социальной общностью и вышестоящими, а также нижестоящими на социальной лестнице (император, чиновники разного уровня, крестьяне и т.д.). Таким образом, в «лице» задействована целая совокупность социальных ролей (масок) индивида. Однако следует подчеркнуть, что сам Гофман считал: социальная микросистема и макросистема – не одно и то же, и не надо переносить выявленные им для микросоциумов закономерности на макросоциум.

Заключение

В разных культурах и разных исторических обстоятельствах представления о «лице» – чести, достоинстве, уважении и самоуважении, гармоничной вписанности в сообщество, благопристойности, благонадежности, как указывалось выше – т.е. о наиболее близких понятиях к китайскому понятию «лица» – могут существенно различаться по содержанию, но сами по себе, формально, подобные феномены существуют повсюду.

«Лицо» всегда пронизано эмоциями, разными в разных обстоятельствах; это могут быть растерянность, страх, стыд, радость, гордость и пр. При этом такие эмоции являются движущей силой изменения состояний «лица» при обретении «лица», его потере, восстановлении и поддержании, оказываясь для этого своеобразными «локомотивами».

Нужно понимать, в чем источник динамического концепта человека и мира в Поднебесной и вполне мирного реального сосуществования в современном Китае таких, казалось бы, несовместимых структур, идей и практик, как коммунизм (социализм), капитализм, феодализм «с азиатским лицом», конфуцианство, буддизм, даосизм и толерантность к иным социальным и религиозным структурам при том, что незыблемыми и необсуждаемыми истинами в конце XX столетия КПК провозгласила «четыре основных принципа»: «строительство социализма, демократическая диктатура народа, руководящая роль коммунистической партии, господство марксистской идеологии» [Буров, 2000] – остальное можно обсуждать и развивать, отбрасывать или вводить.

Представляется, что активное введение в философский дискурс основных положений работ исследователей, изложенных в настоящей статье, было бы плодотворным.

Библиография

1. Буров В.Г. Китай и китайцы глазами российского ученого. М., 2000. 206 с.
2. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Кучково поле, 2000. 304 с.
3. Ковалев А. Книга Ирвинга Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни» и социологическая традиция // Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Кучково поле, 2000. 304 с.
4. Кули Ч.Х. Избранное. М., 2019. 234 с.
5. Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. 351 с.
6. Cooley С.Н. Two Major Works: Social Organization. Human Nature And The Social Order. Andesite Press, 2015. 972 p.
7. Hwang K.-K. Face and Favor. The Chinese Power Game // American Journal of Sociology. 1987. № 4. Vol. 92. P. 944-974
8. Xiaoying Qi. Face: A Chinese Concept in a Global Sociology. URL: https://www.researchgate.net/publication/258154538_Face_A_Chinese_Concept_in_a_Global_Sociology

Hwang K.-K. and Xiaoying Qi on the Chinese “face”

Sergei A. Prosekov

PhD, Associate Professor,
Department of Humanities,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: SAProsekov@fa.ru

Abstract

The article is an overview of two works by Hwang K.-K. and Xiaoying Qi, published in English and deal with the Chinese concept of “face”. Xiaoying Qi explores the fact that the concept of “face” is an example of foreign cultural borrowing, which is useful for analyzing Asian and non-Asian societies. Describes various concepts of the term "face", arguing that they owe their origins to Chinese historical experience. The interpretation by Hwang K.-K. of the Confucian "Golden Rule" of morality in a positive and negative formulation is presented. The role and meaning of "work on the face" is investigated. The difference between the national character of the Chinese and the character of the Modern person, oriented more individually, is shown. The article provides comparative characteristics of Taiwanese traditional family-type enterprises and modernized organizations. It is pointed out that it is necessary to consider both the universal characteristics of the concept and the specific ones when analyzing the problems of the "face". The opinion of E. Goffman about the multiplicity of possible social organizations, depending on the norms and values in the process of exchange, is presented. The author discusses the relevance of the main concepts used by these researchers. The purpose of this review is to introduce the main theses of these authors into the Russian-language scientific field.

For citation

Prosekov S.A. (2021) Khuan Guango i Syaoin Tsi o kitaiskom «litse» [Hwang K.-K. and Xiaoying Qi on the Chinese “face”]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (6A), pp. 90-98. DOI: 10.34670/AR.2021.82.27.008

Keywords

China, Europe, face, reputation, social construct, moral construct, interpersonal relationships, expressive relationships, instrumental relationships, mixed relationships.

References

1. Burov V.G. (2000) *Kitai i kitaitsey glazami rossiiskogo uchenogo* [China and the Chinese through the eyes of a Russian scientist]. M., 2000. 206 s.
2. Cooley C.H. (2015) *Two Major Works: Social Organization. Human Nature and The Social Order*. Andesite Press.
3. Cooley C.H. (2019) *Izbrannoe* [Selectes works]. Moscow.
4. Hwang K.-K. (1987) Face and Favor. The Chinese Power Game. *American Journal of Sociology*, 4, 92, pp. 944-974
5. Gofman E. (1959) *The Presentation of Self in Everyday Life*. Anchor.
6. Kovalev A. (2000) Kniga Irvinga Gofmana «Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni» i sotsiologicheskaya traditsiya [Irving Hoffman's book "The Presentation of Self in Everyday Life" and the sociological tradition]. In: Gofman E. *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. Moscow: Kuchkovo pole Publ.
7. Smith A. (2011) *The Theory of Moral Sentiments*. Gutenberg Publishers.
8. Xiaoying Qi. Face: A Chinese Concept in a Global Sociology. Available at: https://www.researchgate.net/publication/258154538_Face_A_Chinese_Concept_in_a_Global_Sociology

УДК 130.2

DOI: 10.34670/AR.2021.80.58.009

Европейский постмодернизм и китайский менталитет**Просеков Сергей Анатольевич**

Кандидат философских наук, доцент,
доцент Департамента гуманитарных наук,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: SAProsekov@fa.ru

Аннотация

Статья посвящена сравнительному анализу постмодернистского менталитета Европы и современного китайского менталитета. Автор анализирует различие между принципами Постмодерна и принципами китайского мироощущения. Дается понимание прав человека через понимание китайской цивилизации, ее уникальности, отличие человека «вертикального» от человека «горизонтального». Рассматриваются бинарные оппозиции индивидуализма / коллективизма в Китае. Дается концепция В. Малявина о трех видах социальности. Рассматривается понятие «телесное сознание» в трактовках Г. Марсея и В. Малявина. Излагается размышление В. Подороги о том, где надо искать «душу», изложенные в трех позициях. Дается сино-европейская параллель постмодернистского концепта ризомы (корневища), противоположного представлению об осевой, «принудительной» организации текста. Автор приходит к выводу о рождении сходства между постмодернистским и современным китайскими менталитетами, что, однако, не изменяет того обстоятельства, что они остаются радикально разными типами мышления. Также исследователь отмечает, что при самом почтительном отношении к своим книгам-первоисточникам китайцы знают их плохо и мало. Это касается и конфуцианских, и даосских источников. Однако соответствующие принципы, тем не менее, регулируют их мышление и жизнь и транслируются потомкам. По-видимому, они непосредственно вошли в плоть культуры, так что читать книги для понимания своих базовых основ китайцам и не требуется. Таким образом, есть основания говорить о рождении некоторого сходства между европейским менталитетом нашего времени и менталитетом китайским, хотя они остаются радикально разными типами.

Для цитирования в научных исследованиях

Просеков С.А. Европейский постмодернизм и китайский менталитет // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 6А. С. 99-106. DOI: 10.34670/AR.2021.80.58.009

Ключевые слова

Китай, менталитет, субъект, объект, внешнее, внутреннее, бинарные оппозиции, пространство, время.

Введение

Не один исследователь ментальностей уже обращал внимание на интересные взаимоотношения постмодернизма – идеологии Постмодерна, развившиеся в Европе в последней трети XX века, – и основ китайского сознания. Данная статья призвана внести свой скромный вклад в эту тему.

Принципы Постмодерна как новой парадигмы сознания кратко сформулированы следующим образом: «часть всегда права перед целым; индивид всегда прав перед обществом; свобода всегда права перед ответственностью; субъективное самовыражение важнее объективной истины, которой, впрочем, и не существует, ибо все, что вне индивида и его свободы, навязано, т.е. существует насильственно, искусственно, а потому ложно; культура семиотична, но в силу абсолютной индивидуальности восприятия знаков денотаты их принципиально неуловимы, а коды нерасшифруемы» [Кнабе, www].

На первый взгляд может показаться, что принципы китайского мироощущения к постмодернизму ближе, чем к модернизму, базовым структурам культуры Нового времени, но тем не менее она разительно отличаются. В китайском мироощущении и в китайской мудрости вообще нет разделения на объект и субъект, и это обстоятельство имеет радикальный характер.

В китайском мироощущении отсутствует противопоставление человека и общества.

Там свобода непременно включает в себя ответственность.

Там объективной истины нет вообще, как таковой. Тогда, собственно говоря, нет и лжи. Вернее сказать, истина и ложь всегда ситуативны.

Бинарные оппозиции в европейском смысле слова, таким образом, вообще не имеют смысла для китайца. Поясняя китайские реалии для европейцев, исследователи из Поднебесной вынуждены переходить на язык европейской ментальности, но следует всегда помнить, что это – перевод, не слишком при том адекватный в отношении оригинала, выражаясь мягко.

Китайская культура символична, одно существует как другое, а другое – как одно, при этом проблема подделки и плагиата отсутствует радикально, ибо, строго говоря, все есть копия. Как упоминает В.В. Малявин, по слову Ф. Ницше, мир есть копия утраченного оригинала [Малявин, www], то есть симулякр. Только европейцев это крайне тревожит, а китайцы считают, что так уж устроен мир, это просто надо принять. Интересно, что и слово *virtual* – виртуальный – в качестве разных значений имеет значение «действительный», «фактический», «реальный».

Общепризнанным в позднем постмодернизме стал отказ от идеи «вторичности» субъекта, его «производного» характера от объекта, введены постулаты о «первичности» субъекта с его картиной мира, который, как провозглашается, перестает быть одной из сторон в бинарной оппозиции «объект/субъект», поэтому, строго говоря, ни о какой «первичности» вообще речи быть не может, но, поскольку европеец не умеет мыслить по-китайски, постольку «объект» контрабандным образом все же оказывается присутствующим в его мысли и мироощущении. Внедряются идеи о равенстве всех людей и все чаще – их равновеликости, равноправии и одинаковости независимо ни от каких иерархий, включая естественные различия по полу, возрасту, образованию, профессии, культуре и т.п.

Основная часть

В КНР также признают важное значение прав человека. Однако что это такое и как их следует использовать, решает государство, ибо человек в китайской цивилизации вертикален (в отличие от «человека горизонтального» в Европе), как и гуманность, ориентированная на Небо,

выступает ли оно как божественное или как государство, как император или Генеральный секретарь ЦК КПК (он же Председатель КНР) – в любом случае это никак не обустройство каждого отдельного человека «по горизонтали» с его индивидуальными интересами и желаниями. Китайские авторы пишут по этому поводу: «Китайские ценностные представления не отбрасывают права человека, а дают им основу для их осуществления в реальной жизни. В Китае не только под углом зрения отдельного индивида смотрят на права человека, но и относятся к ним с точки зрения общества. Если между людьми существует взаимное уважение прав, то в данном случае мы имеем справедливое и гармоничное общество, где в рамках управления на основе закона люди равны между собой. Социалистическое ценностное представление о гармонии включило в себя идею о том, что ценность прав человека стоит выше ценностного представления о ценностях прав человека; социалистическое представление о справедливости включило в себя идею о том, что ценность свободы индивида стоит выше ценностного представления о свободе индивида» [Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь, 2020]. Признается, что в период культурной революции права человека серьезно нарушались, и эта трагедия не должна повториться. Теперь права человека вошли как отдельный закон в Конституцию КНР [там же, 294]. И, конечно, Китай остается иерархичным обществом.

Европейский постмодернизм заявляет о репрессивности всякой общности, включая разум, язык и истину, и о том, что с этой «репрессивностью» следует всячески бороться, о большей ценности хаоса перед структурированностью, а также, в целом, ведущей становится антропологическая ориентация гуманитарного знания вообще и философии в частности при элиминации понимания человека исключительно как рационального существа, а его истории – как неизменно прогрессивной и единой для всего мира причинно-следственной цепи великих деяний.

Бинарные оппозиции индивидуализм/коллективизм в Китае нерелевантны, при этом, как полагает В.В. Малявин, основной скрепляющей силой китайского общества и всей культуры является коммуникативность – со-общительность, включающая в себя со-ответственность. Именно коммуникативность и сетевой принцип стали причиной той легкости, с которой китайцы вошли в новый дигитальный мир. И тут ментальность китайцев и само устройство их социума продолжают оставаться «перпендикулярными» современному европейскому обществу с его постмодернистскими представлениями и бесконечными противопоставлениями, спорами, войнами и безответственностью.

В заметке «О трех видах солидарности» Малявин указывает, что целесообразно выделять, во-первых, европейский тип социальности, характерный в особенности для периода Модерна и основанный на общих ценностях, идеях, целях, теориях и пр. Ее автор называет социальностью коллективизма и утверждает: «Вечно апеллируя к неким моральным основаниям, особенно справедливости (понятию, по сути, отвлеченно-бессодержательному), она в реальности превращает человечество в безликую и, следовательно, безнравственную массу» [Малявин, www].

Второй тип социальности – это «социальность, питающаяся аристократическим “пафосом дистанции” и утверждающая отношения гармонии, взаимной любезности и иерархии. В ее свете людей объединяют различия между ними, что объясняет ее историческую слабость, нестойкость. Именно эта социальность, проблематизирующая идентичность, определяет общество Постмодерна» [там же].

Наконец, третий тип – это «социальность мгновенной и непосредственной связи человеческих сердец, спонтанного взаимного опознания всеобщего исходного тождества,

“душевной основы” жизни. Такова глубинная социальность свободной совместности – вроде бы вечно отсутствующая, утопическая и все же каждому знакомая, в своем роде неизбежная» [там же].

В реальности, подчеркивает Малявин, все три типа сосуществуют, однако полезно видеть в анализе их различие.

И в самом деле, постмодернистские представления, сближаясь с китайскими, если сравнивать соотношение базисных положений Нового времени в Европе и представления «Срединного государства», остаются, тем не менее, Европе чужими – впрочем, как и Европа Азии. Но третий тип солидарности знаком всем, а самое глубокое понимание и совместное действие адекватнее всего осуществляются на основе указанного третьего типа идентичности. Примечательно, что, кажется, именно об этом писал и французский философ-экзистенциалист Габриэль Марсель (1889-1973), когда определял одну из своих главных категорий – интересубъективность – как «прилив бытия», триггером для которого может стать даже улыбка или жест: «Здесь мы – вне и над всякой психологией, поскольку это слово, этот жест являются, по существу, носителями чего-то иного, что, конечно, невозможно заключить в понятие, формулу. Здесь важно, что тот, кто адресовал нам это слово или эту улыбку, сам того не желая или даже не осознавая, выступает для нас как свидетель некой трансцендентной реальности. Однако при этом мы сами, может статься, различим это лишь самым смутным образом, и трансцендентная реальность не только не будет названа, но и останется, скорее всего, ощущаемым нами фоном» [Марсель. 1995]. Это радостная и свободная общность людей, объединяющая их в переживании одного «поля» бытия с ответственностью за все, что делается в мире [там же, 165].

При этом Г. Марсель, как истый европеец эпохи позднего Модерна, это объединяющее трансцендентное бытие ставит вне и выше чувственного опыта, в чем опять видно радикальное отличие от китайского типа ментальности, в котором нет отдельно «низкого» тела и «высокого» духа, а есть «телесное сознание» (термин В.В. Малявина). В постмодернизме уже разрабатывается иное отношение к телесности, и тут опять есть близость – символическая телесность, или «телесное сознание», синергийность, или «тело без органов»¹ стало ключевой философемой традиции Поднебесной [Малявин, 2003].

«Телесное сознание» по-разному трактовали даосы, конфуцианцы, адепты тантризма, представители буддизма (махаяны) и разных школ боевых искусств, но сам по себе акцент на соматике породил множество недоразумений в среде европейцев, которые склонны отождествлять эти практики с культуризмом, спортом и вообще с техниками в западном понимании, что на Востоке как раз видится основным препятствием на пути к совершенству. Сам строй западных языков задает такую матрицу, от которой почти невозможно избавиться; во всяком случае, европейская философия не обладает понятийным аппаратом для описания базовых особенностей китайского менталитета. Дело не во внешнем, а во внутреннем теле, полагают китайские мастера духовного совершенствования, и это очень странное тело. Внутреннее тело занимает некое пространство, которое не имеет количественных параметров, оно проявляется как отдельные точки, находящиеся на неопределенном, но одинаковом расстоянии друг от друга, имеет бесконечно большую протяженность, однако не имеет длины,

¹ «Тело без органов» одновременно является постмодернистским понятием, оно бесформенно, бесструктурно, ризоморфно, процессуально, а не предметно, являет собой актуальную бесконечность.

в нем совмещается бесконечно малое и бесконечно большое, оно одновременно все вмещает в себя и само находится внутри всего.

«Отсюда вытекает другая важнейшая характеристика такого тела: оно есть пространство (само)превращения и самопревосхождения. В нем все существует постольку, поскольку устраняется, оставляет себя, в нем все присутствует в той мере, в какой отсутствует. Как раз оно имеется в виду в классической формуле древнего даосизма: “в себе не имей где находиться, и все вещи проявятся сами собой”» [Малявин, www].

И вот в России В.А. Подорога со своей школой аналитической антропологии, созданной в 1990-е гг., идет, кажется, по аналогичному пути, размышляя о том, где же надо искать «душу»: «Ведь есть тело-вещь, тело вне нас; и есть тело, которое от нас неотделимо, поскольку его невозможно перевести в нечто Внешнее нам. Отсюда по крайней мере три позиции: одна дистантна, т.е. выводит нас из собственного тела; другая, напротив, внутридистантна, т.е. делает нас странными наблюдателями, находящимися внутри тела; и, наконец, третья, которая относится к нашей внутридистантной позиции, – внедистантная, – где мы неотличимы в своих проявлениях от внутренней телесной плоти (может быть, здесь и следует искать “место” души)» [Подорога, www]. Третья позиция – это я-переживание, неразличенность тела и мира. Подорога отказывается от различия между внешним и внутренним в стремлении описать именно опыт тела, феноменологию тела.

Что касается пространства и времени, то сегодня, как показал еще канадский философ Маршалл Маклюэн (1911-1980), исчезает дистанция между событием и реакцией на него – ныне требуется мгновенная одновременность. Такая мгновенная одновременность вовлекает настолько, что уже нет различия между объектом и субъектом – к чему и пришел постмодернизм и как это и было в древней китайской парадигме: «Мы можем найти параллель урокам теории атома в эпистемологических проблемах, с которыми уже сталкивались такие мыслители, как Лао Цзы и Будда, пытаясь осмыслить нашу роль в грандиозном спектакле бытия – роль зрителей и участников одновременно» [Капра, www] (Нильс Бор).

Однако европейский Постмодерн заявляет о наличии в современном человеке (европейце, естественно) децентрированного «Я», или децентрированного субъекта (Ж. Лакан, Л. Альтюссер, Э. Лакло, М. Фуко); человек перестает быть автономным и суверенным актором, в то время как древняя китайская парадигма, не разделяя субъект и объект, предполагает именно центрированность сознания/тела, т.е. активизм, деятельность в самом точном и широком смысле этого слова. Как учит китайская мудрость, следует пробудиться и жить осознанно в каждое мгновение своего бытия.

И еще одна сино-европейская параллель: постмодернистский концепт ризомы (корневища), противоположный представлению об осевой, «принудительной» организации текста (мир также понимается как текст), введенный Делезом и Гваттари [Грицанов, www], поразительно схож образно с китайским пространством-сетью, хотя постмодернистский концепт не допускает «правильной» или «неправильной» интерпретации текста: всякое вчитывание в текст своего содержания равно обосновано, в отличие от китайских представлений (однако и там «путь» вечно уклоняется от Пути и возвращается к нему), поэтому в постмодернизме провозглашается «смерть субъекта/автора»; но тут же знакомому с китайскими ментальными реалиями человеку вспоминается отсутствие бинарных оппозиций субъект/объект в китайском мышлении. Китайское пространство «очень напоминает известный и в Европе образ сферы с вездесущим центром и отсутствующей границей. Выбор центра в данном случае соответствует появлению космоса, социума и их идеологического обоснования. Между тем в своей основе такое

пространство имеет характер сети, ризомы (корневища), голограммы или сложно организованной, допускающей лишь спонтанное саморегулирование системы, где “малейшее движение распространяет свое действие на самое отдаленное расстояние” (Лейбниц). Логический же предел этого пространства – хаос или всеобъемлющая пустота» [Гофман, 2000].

Заключение

Действительно, лишь в рефлексии, абсолютно доминирующей как логос, интеллект в базисных проявлениях принципов Модерна, отделяя субъект от объекта и объект от субъекта, внешнее от внутреннего и внутреннее от внешнего, тело и сознание (душа) мыслятся как разные субстанции. А для китайца мир и человек не субстанциональны, а имеют сетевой характер, точно совпадающий с новым дивным цифровым миром.

Апофатизм, к которому сегодня пришел западный классический постмодернизм, мог бы явиться ценным методом исследования китайского менталитета, который сам по себе апофатичен, поскольку китайцы считают, что высшая реальность невыразима и никакие ее определения не могут быть истинными в аристотелевском смысле слова, но она постигается лишь через прочувствование «телесным сознанием» и через иносказание, вообще через Иное, Другое.

При самом почтительном отношении к своим книгам-первоисточникам китайцы знают их плохо и мало. Это касается и конфуцианских, и даосских источников. Однако изложенные выше принципы, тем не менее, регулируют их мышление и жизнь и транслируются потомкам. Повидимому, они непосредственно вошли в плоть культуры, в ее ритуалы, так что читать книги для понимания своих базовых основ китайцам и не требуется.

Таким образом, есть основания говорить о рождении некоторого сходства между европейским менталитетом нашего времени и менталитетом китайским, хотя они остаются радикально разными типами.

Библиография

1. Грицанов А.А. Ризома URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/newest-dictionary/articles/218/rizoma.htm>
2. Капра Ф. Дао физики. URL: <http://lib.ru/KAPRA/daofiz.txt>
3. Кнабе Г.С. Знак. Истина. Круг. URL: <http://www.ruthenia.ru/lotman/txt/knabe95.html>
4. Малявин В. Канон Всепроницающей пустоты. URL: <https://sredotochie.ru/kanon-vsepronicayushhej-pustoty/>
5. Малявин В.В. О телесном сознании. URL: <http://www.sredotochie.ru/o-telesnom-soznanii/>
6. Малявин В.В. О трех видах солидарности. URL: <https://sredotochie.ru/o-trex-vidax-solidarnosti/>
7. Малявин В.В. Пространство в китайской цивилизации. М.: Феория, 2014. 372 с.
8. Малявин В.В. Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени. М., 2003. 560 с.
9. Марсель Г. Трагическая мудрость философии. Избранные работы. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995. 216 с.
10. Подорога В. Феноменология тела. URL: <http://ec-dejavu.ru/b/Body.html>
11. Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь. Система китайских ценностей. М.: Весь мир, 2020. 464 с.

European postmodernism and Chinese mentality

Sergei A. Prosekov

PhD, Associate Professor,
Department of Humanities,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: SAProsekov@fa.ru

Abstract

The article deals with a comparative analysis of the postmodern mentality of Europe and the modern Chinese mentality. The author analyzes the difference between the principles of Postmodernism and the principles of the Chinese attitude. The article gives an understanding of human rights is given through the understanding of Chinese civilization, its uniqueness, the difference between a “vertical” person and a “horizontal” person. Binary oppositions of individualism / collectivism in China are considered. V. Malyavin's concept of three types of sociality is given. The concept of "body consciousness" in the interpretations of G. Marcel and V. Malyavin is considered. V. Podoroga's thoughts about where to look for the “soul” are presented, they are presented in three positions. A Sino-European parallel to the postmodern concept of rhizome is given, which is opposite to the idea of an axial, "forced" organization of the text. The author concludes that there are similarities between postmodern and modern Chinese mentality, which, however, does not change the fact that they remain radically different types of thinking; he also notes that with the most respectful attitude towards their primary source books, the Chinese know them poorly and little. However, the corresponding principles, nevertheless, regulate their thinking and life. Apparently, they directly entered the flesh of culture, so the Chinese do not need to read books to understand their basic foundations. Thus, there is reason to talk about the birth of some similarities between the European mentality and the Chinese mentality, although they remain radically different types.

For citation

Prosekov S.A. (2021) Evropeiskii postmodernizm i kitaiskii mentalitet [European postmodernism and Chinese mentality]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (6A), pp. 99-106. DOI: 10.34670/AR.2021.80.58.009

Keywords

China, mentality, subject, object, external, internal, binary oppositions, space, time.

References

1. Capra F. *Dao fiziki* [Tao of physics]. Available at: <http://lib.ru/KAPRA/daofiz.txt> [Accessed 12/12/2021]
2. Gritsanov A.A. *Rizoma* [Rhizome] Available at: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/newest-dictionary/articles/218/rizoma.htm> [Accessed 12/12/2021]
3. Han Zhen, Zhang Weiwen (2020) *Sistema kitaiskikh tsennostei* [Chinese value system]. Moscow: Ves' mir Publ.
4. Knabe G.S. *Znak. Istina. Krug* [Sign. Truth. Circle]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/lotman/txt/knabe95.html>

[Accessed 12/12/2021]

5. Malyavin V. *Kanon Vsepronitsayushchei pustoty* [The Canon of the All-Penetrating Emptiness]. Available at: <https://sredotochie.ru/kanon-vsepronitsayushchej-pustoty/> [Accessed 12/12/2021]
6. Malyavin V.V. (2003) *Sumerki Dao. Kul'tura Kitaya na poroge Novogo vremeni* [Twilight Tao. Chinese culture on the threshold of modern times]. Moscow.
7. Malyavin V.V. *O telesnom soznanii* [About body consciousness]. Available at: <http://www.sredotochie.ru/o-telesnom-soznanii/> [Accessed 12/12/2021]
8. Malyavin V.V. *O trekh vidakh solidarnosti* [About three types of solidarity]. Available at: <https://sredotochie.ru/o-trex-vidax-solidarnosti/> [Accessed 12/12/2021]
9. Malyavin V.V. (2014) *Prostranstvo v kitaiskoi tsivilizatsii* [Space in Chinese civilization]. Moscow: Feoriya Publ.
10. Marcel G. (1980) *Tragic Wisdom and Beyond (Studies in Phenomenology and Existential Philosophy)*. Northwestern University Press.
11. Podoroga V. *Fenomenologiya tela* [Phenomenology of the body]. Available at: <http://ec-dejavu.ru/b/Body.html> [Accessed 12/12/2021]

УДК 165.9

DOI: 10.34670/AR.2021.31.52.010

Эволюционные ступени познания в материально-идеалистическом выражении

Полякова Ольга Олеговна

Аспирантка,
Магнитогорский государственный технический университет
им. Г.И. Носова,
455000, Российская Федерация, Магнитогорск, пр. Ленина, 38;
e-mail: Oleniya@mail.ru

Аннотация

Диалектика мировоззрений человеческого познания в древние времена, до выделения философии как науки из цельного общего знания, большей частью связана с изменениями звездного неба. Это нашло свое отражение в материальной и духовной культуре, в способах передачи знаний. Материалистические практические достижения в быту со временем дополняются духовными мифологическими и религиозными концепциями, и наоборот, в большей или меньшей степени на разных этапах человеческого познания. Именно сочетание материального практического знания и духовных идеалистических концепций присуще человеку, в отличие от животных. В теории познания, в контексте от мифа к науке, слабо изучен процесс смены мировоззренческих концепций в донаучный период, в основном, зависящих от изменений звездного неба. Эта идея открывает широкое поле исследования материальной и духовной культуры человечества. Автор статьи приходит к выводу, что, исследуя сказки, мифы, древние религиозные концепции, наскальные рисунки, мы с помощью научной астрономии можем найти структуры, которые неявно в них содержатся.

Для цитирования в научных исследованиях

Полякова О.О. Эволюционные ступени познания в материально-идеалистическом выражении // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 6А. С. 107-118. DOI: 10.34670/AR.2021.31.52.010

Ключевые слова

Диалектика, ступени познания, материализм, идеализм, познание.

Введение

Философы с древних времен ищут причины появления и развития разумной формы существования человечества. В общественно-трудовой теории Ф. Энгельса говорится о возникновении культуры в результате общественно- трудовых отношений, но сам момент появления ее на фоне освоения практических знаний не исследуется: «Самый труд становился от поколения к поколению более разнообразным, более совершенным, более многосторонним. К охоте и скотоводству прибавилось земледелие, затем прядение и ткачество, обработка металлов, гончарное ремесло, судоходство. Наряду с торговлей и ремеслами появились, наконец, искусство и наука; из племен развились нации и государства. Развились право и политика, а вместе с ними фантастическое отражение человеческого бытия в человеческой голове – религия» [Маркс, 1961, 493]. Данная мысль не отвечает на вопрос, откуда появилось фантастическое отражение человеческого бытия в виде сказок, мифов, религий и почему возникла необходимость фантастического отражения действительности.

О непрерывной эволюции живого вещества писал В.И. Вернадский: «От моллюска и ракообразного и до человека этот процесс идет больше 500 миллионов лет... Ничто не указывает, чтобы он остановился на человеке» [Вернадский, 2000, 280]. Он говорил о неслучайности эволюции живого вещества, а о направленном действии эволюции, с усложнением его нервной системы, результатом которой явился человек: «мы видим в каждой эпохе... все большее и большее ее утончение и совершенствование в каком-нибудь из организмов» [там же]. Основным направлением своих исследований В.И. Вернадский и Тейяр де Шарден считали цефализацию – процесс увеличения массы головного мозга и, как следствие, эволюционно ускоренное развитие нервной системы человека. Именно необходимость роста сознания вызывает «цефализацию», а не наоборот.

Основная часть

Если животные, которые видят объекты и явления такими, каковы они есть, и воспринимают это как данность, не задумываясь о причинах их появления, то у человека, закономерно появившемся на следующем после животных витке усложняющейся эволюции живого вещества, при наблюдении объектов и явлений возникают параллельные абстрактные связи для сравнения предметов и явлений, выделения их в группы по похожим признакам, умение анализировать причины и представлять будущее наблюдаемого предмета или явления, создавать желаемое, как в предметной, материалистической форме в виде орудий труда или предметов искусства, так и в устно-письменной форме описания явлений в виде сказок, мифов, религиозных концепций. Первые сказки, мифы и религии наивно описывали законы природы, в том числе небесные, в образах знакомых существ, примерно так же, как мы сейчас научным языком описываем научные законы. И зная научные законы, мы можем объяснить предметное поле наших предков и понять смысл и структуру древних трансцендентных образов.

На *первой, образно-практической* ступени познания, по сути в материалистической форме, человек познавал и создавал образы необходимых ему предметов для создания их пока только на бытовом уровне. Сначала отражение и воображение было реалистичным, по необходимости изготовления орудий труда и для ориентации в окружающем мире. Люди поклонялись тотемам (животным, растениям, погодным явлениям), приносили им жертвы, предполагая в них невидимую силу круговорота жизни в природе. Наскальные рисунки того времени были

реалистичны, с порой очень талантливо переданными в движении животными. Первобытная речь тогда должна была отражать практические знания, т.е. образно-практическое мышление находило выражение в звуковых формах, в результате чего формировался язык, пока только на бытовом рассудочном уровне. Первый материалистический этап развития познания длился очень долго, не один миллион лет, в результате которого были доведены до совершенства каменные технологии, и мог бы этот этап длиться еще дольше, если бы не творческая способность человека стремиться познавать недоступные явления.

Космос для первочеловека был одним из непостижимых, недоступных, но фактически необходимых для объяснения объектов. Все земное можно было потрогать руками, реально использовать как наглядный предмет в процессе обмена информацией и передачи опыта, что доступно и на животном уровне. Небесные же объекты были недоступны, но почему-то необходимые для познания человека. Они требовали другой, не реалистичной формы выражения, подчиняясь истинно человеческой потребности объяснить непонятное. Это способствовало рождению *второй, образно-символической* ступени человеческого познания, дающей образно-символьное представление о наблюдаемом явлении и заменяющей его объектно-чувственное восприятие. Познание земного, доступного из предметно-бытового уровня перешло грань к познанию и объяснению небесного, недоступного, ко «второй навигации» Платона, той фазе познания, которую можно назвать идеалистической, метафизической. На основе звуковых символов-слов, созданных на предыдущей материалистической ступени познания, совершенствовался язык, появлялись новые символические лексемы, а позднее и произведения художественного слова (поэмы, сказания). На основе музыкальных звуков создавались музыкальные произведения (молитвы и песнопения). Параллельно со звуковыми формами разрабатывались графические формы – символы, пока еще копирующие действительность в виде реалистичных рисунков в настенных росписях, которые мы сегодня можем наблюдать в ископаемых пещерах, т.е. зародилось подражательное искусство.

Человеческому познанию в любой его форме, материалистической или идеалистической, всегда предшествует идея, идеальный образ, требующий изготовления предметов труда и обихода или недоступной небесной структуры, которые реально осуществляются на соответственно подготовленном эволюционном уровне познания. Поэтому элемент идеальной образности присутствовал и на первой материалистической ступени познания. Но в полной мере о *Homo sapiens* – человеку разумном современного вида – мы можем говорить с момента появления *второй, образно-символьной* ступени познания, на которой проявилась способность человека мыслить идеальными, недоступными для осязания формами, в которых, тем не менее, закладывалась некоторая структура, которую улавливал человеческий разум, обозначавший ее сказочными и мифологическими образами.

С этого условного момента, по установленной археологами традиции погребения около 100 тысяч лет назад, прослеживаются явления поклонения человека отдельным божествам и божественным силам в небесных образах Матери Мира, как центра Эклиптики, на которой наблюдается восход – заход Луны и планет, указывающих на двойственность материального мира: верх – низ, свет – темнота, рождение – смерть, добро – зло и т.д., С этого условного момента овладения человека идеалистическими, метафизическими формами мышления на фоне тысячелетиями освоенных материальных форм мы в полной мере можем говорить о начале всестороннего материально-идеалистического, или предметно-метафизического, развития человеческого познания.

Но для древних людей, с помощью устной передачи сведений о наблюдаемом небе в течение тысячелетий, возможно, в виде сказочки на ночь с указанием на соответствующие звезды, созвездия, планеты, светила, стало очевидным, что небо меняется, а именно – меняются звездные картины в центре вращения неба – в Полюсе Мира, когда в него иногда вставали те или иные полярные звезды. Надо было и этому найти если не объяснение, то хотя бы фантастическое описание.

Благодаря явлению прецессии – вращению Полюса Мира вокруг Полюса Эклиптики – человечество не однажды наблюдало различные полярные звезды, попадающие в неподвижный Полюс Мира. Неподвижное стояние их на фоне общего круговращения звездного неба не осталось незамеченным наблюдателями древнего неба и давало пищу пытливым умам. Нужно заметить, что появление полярных звезд в северном и южном полушариях Земли происходило не одновременно. Возможно, поэтому так различны темпы культурного развития народов Северного и Южного полушарий Земли, при том, что общее биологическое развитие их идет закономерно в одной эволюционной фазе.

В образах некоторых дошедших до нас мифов угадываются звезды, которые на момент создания мифа были полярными.

Например, в греческой мифологии описание двенадцатого подвига Геракла [Кун, 1955, 153-156], скорее всего, было связано с присутствием в Полюсе Мира полярной звезды тау Геркулеса 9,5-8,5 тысяч лет назад, т. к. в мифе описывается, как Геракл (или римский Геркулес) некоторое время держал небо, пока Атлас ходил по его поручению за яблоками в сады Гесперид. Почему Атлас сам ходил за яблоками Гесперид, а не указал дорогу в сады Гераклу? Потому, что этот миф специально был создан для того, чтобы показать характер временности явления стояния полярной звезды тау Геркулеса в Полюсе Мира. Ясно, что миф о двенадцатом подвиге Геракла был создан позднее, когда звезда тау Геркулеса уже ушла из Полюса Мира и люди смогли осознать уход этой Полярной звезды. Это значит, что предки древних греков непрерывно наблюдали за небом и знали о явлении смещения полярных звезд относительно Полюса Мира и считали нужным передавать эти знания потомкам в устной форме.

С образом божественного райского сада с его яблонями мы встречаемся и в иудейском Ветхом Завете. «В Раю было два дерева: дерево жизни посреди рая и дерево познания добра и зла» [Бытие 2:9]. Очевидно, идеальное дерево жизни посреди рая символизировало неподвижный Полюс Мира, а дерево познания добра и зла с яблоками обольщения символизировало центр дуальной Эклиптической системы, где вдоль Эклиптики восходят-заходят Луна и планеты, рождая образы верха – низа, света – темноты, добра – зла, рождения – смерти. Сходство мифологем косвенно может вывести нас на информацию об общих в прошлом культурах, как бы это ни казалось парадоксальным, и относящихся примерно к одной эпохе – началу иудейского календарного времяисчисления 7,5 тысяч лет назад.

В это время археологи отмечают начало эпохи неолита, которая характеризуется появлением лука и стрел, керамики, ткачества, широким переходом к производящему хозяйству – скотоводству и земледелию. Расцветает неолитическое искусство – появляются знаки-символы, которыми расписывается керамика, ткани, святые места (писаницы). Наиболее распространенные знаки-символы той эпохи: точки, наклонные и волнистые линии, треугольники, квадраты, ромбы, круги, спирали. Видимо, для описания небесных законов не подходили известные реалистичные образы, и люди придумывали знаки, отображающие структуру явления.

Изобретение человечеством схематических графических знаков ознаменовало переход на

третью, символично-знаковую ступень познания, где символы еще реалистичны. В древнем искусстве с этого времени наряду с реалистичными изображениями стали появляться упрощенные символы человечков, животных, геометрических знаков и т. д., что могло выглядеть как деградация форм искусства, но на самом деле человечество вышло на более высокий уровень восприятия структуры образа. Полный явного и неявного смысла образный символ переродился в упрощенный знак, несущий в себе четкую схематичную структуру смысла явления, характеристики которого открывались, далее, человеческим сознанием (крест, круг, квадрат и т.д.). Восприятие знака основано на способности человека домысливать идею, представленную некоторыми характерными чертами. По этому поводу К. Г. Юнг писал: «Знак всегда меньше, нежели понятие, которое оно представляет, в то время как символ всегда больше, чем его непосредственный, очевидный смысл... Символы имеют естественное и спонтанное происхождение... Знак связан с сознательной мыслью, стоящей за ним» [Юнг, 1996, 57].

Исследуя переходы символа в знак, челябинские ученые А.Б. Невелев, В.Н. Потехин, Н.Л. Худякова отмечают: «Сопряженность символической (предметной) и энергетической сторон (сопряженность культуры и ценностного бытия) исследована К.Г. Юнгом. Он отчетливо осознает, что вместе с обеднением символического ряда нарастает энергетическое давление, происходит фокусирование энергий, прежде рассеянных по образам и «привязанных» к этим образам... Думается (в нашей терминологии) К.Г. Юнг фиксирует переход от предметности-2 (символической) к предметности-3 (знаковой)» [Невелев, 2002, 82-83].

О внутренней структуре символа писал Ю.М. Лотман: «В символе всегда есть что-то архаическое... Такое восприятие символов не случайно: стержневая группа их действительно имеет глубоко архаическую природу и восходит к дописьменной эпохе, когда определенные (и, как правило, элементарные в начертательном отношении) знаки представляли собой свернутые мнемонические программы текстов и сюжетов, хранившихся в устной памяти коллектива. Способность сохранять в свернутом виде исключительно обширные и значительные тексты сохранилась за символами... Являясь важным механизмом памяти культуры, символы переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного пласта культуры в другой... С этой точки зрения показательно, что элементарные по своему выражению символы (знаки? – *Авт.*) обладают большей культурно-смысловой емкостью, чем сложные. Крест, круг, пентаграмма... Именно “простые” символы (знаки? – *Авт.*) образуют символическое ядро культуры» [Лотман, 1992, 192-193].

Надо заметить, что с астрономической точки зрения структура простых древних знаков показывает непреложные истины в законах природы, циклически повторяющиеся изо дня в день. Круг и его разновидности (круг с точкой в центре, колесо) – вращение неба со звездами вокруг Полюса Мира. Крест и квадрат – стороны света. Шестигранник – прообраз компаса с обозначением точек восхода-захода Солнца в летнее и зимнее солнцестояния на горизонте и с главным меридианом север-юг. Восьмигранник – то же самое, что и шестигранник, с добавлением кардинальных направлений восток-запад по точкам восхода-захода Солнца в весеннее и осеннее равноденствия, которые древними людьми были рассчитаны позднее. Круг и крест и сейчас являются основой астрономических сеток четырех систем небесных координат: горизонтальной системы – круг горизонта с четырьмя кардинальными сторонами света, экваториальной системы – суточного вращение неба вокруг Полюса Мира, эклиптической системы – годового вращения неба с сезонными созвездиями, галактической системы – вращения Солнечной системы в Галактике по ее экватору – Млечному Пути.

В индуистской мифологической системе Ригведа, сборнике древнейших индийских преданий, описывается победа солнечного бога Индры, вместе с молодыми богами дайвами, над змеем Вритрой, предводителем двойственных богов асуров. Солнечными боги назывались потому, что древние люди считали, что Солнце вращается вокруг Земли. Описание места, куда ударил Индра змея, из которого потекли новые воды, свидетельствует о возможности астрономического истолкования мифа:

Индра поднял солнце на небо,
Чтоб долго можно было видеть (его).
Он расколол скалу с коровами (в ней) [Елизаренкова, 198, I.7.3].

Безногий, безрукий боролся он против Индры.
Тот ударил его дубиной по спине... [там же, I.32.7].

Среди неостанавливающихся, неуспокаивающихся
Водяных дорожек скрыто тело.
Воды текут через тайное место Вритры [там же, I.32.10].

Индра – царь движущегося (и) отдыхающего,
Безрогого и рогатого, громовержец.
Это он как царь правит народами.
Как обод – спицы (колеса), он охватил их всех [там же, I.32.15].

По предположениям ученых, Ригведа была написана в середине II тысячелетия до н. э., но стиль, язык и характер описаний говорят о том, что сказание было создано намного раньше и передавалось из поколения в поколение в устной форме. Изображенное в поэме событие могло быть мифопоэтическим отражением того, что полярная звезда альфа Дракона встала в Полюс Мира (около 2800 г. до н.э.) и стала неподвижной полярной звездой. Индра у индусов, скорее всего, символизирует созвездие Геркулес, в котором герой держит дубину. Победа Индры над Змеем имеет скрытое значение, в том смысле, что звезда альфа Дракона находится ниже спины в «тайном месте» созвездия Дракон, откуда потекли новые «воды», т. е. новая сетка астрономических координат в виде «колеса со спицами». Очевидно, в то время в материальной культуре древних людей повсеместно появились солнечные гномоны для ведения солнечного календаря в виде фаллоса. Само созвездие Дракон своей «головой» указывает на другой астрономический полюс звездного неба – Полюс Эклиптики (центр, равноудаленный от всех точек на Эклиптике), поэтому с древних времен Дракон для индийцев мог являться символом Эклиптической системы, в которой производились наблюдения восходов-заходов Луны и планет. Таким образом, в описываемое время полярной звезды альфа Дракона контур созвездия Дракон объединял символы обоих полюсов.

Можно прийти к выводу, что в Ригведе описывается открытие Экваториальной системы, которая не обнаруживалась, пока в Полюс Мира не встала полярная звезда альфа Дракона. Значит, вероятна трактовка победы солнечного Индры в поэме как победы Экваториальной системы координат (показывающей суточное вращение Солнца) над древней Эклиптической системой координат (показывающей движение светил и планет по эклиптике):

Многие тысячелетия до этого люди не видели Полярной звезды в Полюсе Мира и

пользовались только Эклиптической системой координат, обозначавшейся символами «Змеи», «Дракона», «Черепахи», «Мировых вод», «Матери Мира» и обнаруживающей себя движением Луны и планет по эклиптическим созвездиям. По древним индийским преданиям, «мир держится на голове змея Шеши, свернувшегося на спине Черепахи и вечно плывущего по изначальным Мировым водам» [Индуизм..., 1996, 566]. Полярная звезда на севере, появившаяся в Полноте Мира, встала неподвижно в центре небес, что дало ей приоритет над другими звездами и созвездиями – в этом заключался смысл чистоты и победы солнечного Индры вместе с молодыми богами дайвами. Напротив, в южной половине неба, звезды Эклиптических созвездий вставали над горизонтом и заходили под горизонт – в этом заключалась двойственность проявления старых эклиптических богов асуров, что давало им ущербные характеристики полубогов, несущих свет и тьму, добро и зло. Старые боги, вместе со змеем Вритрой, были побеждены, но, в духе индийских традиций сохранения предшествующих знаний, они не были изъяты из божественного пантеона, а остались править совместно с молодыми богами, подчиняясь их приоритету. С точки зрения астрономического познания древние индусы открыли новый Солнечный Экваториальный календарь (годовой путь Солнца), но использовали его совместно со старым Лунным Эклиптическим календарем (месячное движение Луны).

В IV-III тыс. до н. э., когда Полярной звездой считалась альфа Дракона, повсеместно в Северном полушарии Земли отмечается появление новых культур, связанных с возникновением календарных систем в Америке (Календарь мая с 3114 г. до н. э.), в Египте (египтяне почти точно посчитали, что в году 365,25 дня), Также в это время отмечено строительство монументальных сооружений (египетские пирамиды, английский Стоунхендж, курганные погребения в степной полосе Евразии от Китая до Англии), круговые поселения и ритуальные комплексы в Сибири и на Южном Урале, было изобретено колесо (самый древний след от колеса найден на Южном Урале в синташтинском погребении). В мифологиях различных народов появляются образы солнечных божеств, едущих по небу на колеснице, утверждается символ колеса, который спицами делится на секторы (возможно, сначала колесо со спицами было изобретено для астрономических наблюдений, как образно об этом говорится в Ригведе (о колесе со спицами, охватывающем все пространство), оттачиваются начала математики и геометрии. Такое сложное деление пространства потребовало изобретения новых символов и знаков – прообразов будущих цифр и букв, что способствовало появлению зачатков письменности, математических и астрономических расчетов. Знания, полученные в ту эпоху, еще не были записаны стройным научным языком на не изобретенной пока бумаге, но обнаруживаются в виде отдельных знаков на керамических, каменных и других изделиях, в наскальных рисунках, проявляются в символических образах древних сказаний и в очертаниях конструкций древних сооружений.

Вновь открытая картина звездного неба заставляла учитывать две основные астрономические системы, что явилось причиной изменений в древних религиозных представлениях, приведших к восприятию мира как триединства всех начал – материального двуединства, выражаемого свойствами пространственной составляющей Эклиптической системы координат (что наверху, то и внизу – древняя дуальная система земля-небо, наблюдаемая в южной части неба) и третьей высшей духовной составляющей, указывающей на идеальную точку космического порядка – неподвижный Полнос Мира (наблюдаемый в северной части неба).

На некоторых древних памятниках, например на святилище Савин в Курганской области

[Потемкина, 1998, 30-31], прослеживаются два круга: на западном круге фиксировались наблюдения по взгляду на север, в сторону Полюса Мира, на восточном – по взгляду на южную половину горизонта, где наблюдались восходы-заходы светил и планет. С этим явлением разнонаправленного наблюдения неба может быть связана тайна появления двух символов разнонаправленной свастики – посолонь и противопосолонь, которые могли показывать направление вращения одного и того же неба, но в разных системах координат: при взгляде на север небо вращается против часовой стрелки, противопосолонь, вокруг Полюса Мира в Экваториальной системе координат, при взгляде на юг – по часовой стрелке, посолонь, вдоль Эклиптики в Эклиптической системе координат.

В мифологиях многих народов прослеживается переход от двойственной картины Мира (что вверху, то и внизу) до тройного, и более, вертикального деления пространства, иногда семикратного, но всегда нечетного. Каждый «этаж» на вертикальной оси рассматривался в дуальной проекции пространственного деления на 2 (восход-заход), 4 (четыре стороны света), 6 (шесть сторон света), 8 (восемь сторон света и восьмимесячный календарь), 12 (двенадцать знаков Зодиака и двенадцатимесячный календарь) и т.д. частей, т.е. в четном, двойственном соотношении. Ось композиции указывала на полюс системы, разделенный на нечетное количество уровней-миров (3, 7, 9, 33, 99 и т. д., а вершину оси, как правило, венчал какой-либо полярный символ.

С открытием явления становления Полярной звезды в Полюс Мира связан переход от дуальной Эклиптической системы Матери Мира к героическим мужским богам, побеждающим Змея или Дракона. Смена идеологий повлекла за собой замену матриархата на патриархат.

В этом явлении общечеловеческой культуры просматривается интуитивное познание древними людьми законов природы в ее материалистическом и идеалистическом выражении, с попытками отразить эти законы в пространственно-математических категориях. Материя как энергетическая субстанция воспринималась дуальной, в единстве противоположностей, и представлялась пространственным кодом с двоичной структурой. Идеалистическая составляющая в виде вертикальной оси с поэтажным делением изображалась как направленный в осевом отношении вектор, символизирующий ось вращения Земли, выраженный нечетным математическим числом, придающим динамичный характер показателям уровней развития нижних и верхних структур. Четность и нечетность чисел у многих народов традиционно трактуется как проявление женского и мужского начал соответственно, где мужественная активность и динамичность свойственна нечетному числу и вертикальной составляющей трехмерной структуры, а женственная пассивность и равновесие свойственно четному числу в единстве противоположностей. Деление богов в течение нескольких тысяч лет на мужественных идеальных солнечных и богов дуальной природы, награждающих и наказывающих, как это происходит в реальной жизни, заложило основания для будущего деления философских школ материального и идеального направлений.

С научной точки зрения одними из первых проблемы астрономического познания изучали вавилонские астрономы и древнегреческие философы. На основе многотысячелетних астрономических наблюдений древнегреческие философы Платон, Аристотель, Гиппарх и др. черпали свою мудрость непосредственно из системы древнего, еще не расчлененного синкретического мировоззренческого познания, когда стояла задача разделить цельное древнее знание на его разнородные составляющие, для более глубокого и детального анализа, что являлось необходимым процессом на начальном этапе развития различных направлений научного знания. Вот тогда и проявилась *четвертая ступень знаково-научного познания*, где

научные материалистические знания записывались мнемоническими знаками в виде цифр и букв, передающих конвенциональный текст – по общей договоренности о значении знаков. Неоднократно делались попытки воссоздания целостной картины мироздания на основе начального научного знания: например, у Платона есть представление о семи планетах как о семи сферах. Аристотель добавляет восьмую сферу неподвижных звезд, но в середине 2 в. до н. э. греческий ученый Гиппарх заметил, что восьмая сфера обладает прецессионным движением, и рассчитал это движение. В результате пришлось ввести девятую сферу суточного вращения неба [Хасанов, 2000] – это так называемая в наше время Экваториальная система координат с центром в Полюсе Мира. Заметим, что Гиппарх рассчитал скорость прецессионного движения по точкам восхода Солнца над горизонтом в весеннее равноденствие, но ничего не заявил о прохождении полярных звезд по Полюсу Мира, хотя знания об этом движении были открыты древними людьми и проверены тысячелетиями, о чем мы можем судить по некоторым древним мифам и сказаниям различных народов. Например, в древнегреческой мифологии есть рассказ о том, что Крон глотал своих детей, и только его сыну Зевсу удалось избежать такой гибели. Но уже Загрею, сыну Зевса, не удалось избежать смерти от титанов, за что Зевс их испепелил, создав из пепла человечество. Другого сына, Диониса, Зевс «родил» из «бедра». По другим версиям, Зевс проглотил сердце Загрея, и из его «бедра» родился Дионис. Так или иначе, Дионис был рожден из «бедра». Дионис, по общим характеристикам, был похож на Загрея – оба были богами плодородия природы. Дионис, как бы возрожденный Загрей, – он был символом умирания и возрождения. А.Ф. Лосев отмечает «...Эта философская теория мифа о растерзании является настолько замечательным документом греческой и общечеловеческой культуры, что не остановиться на ней нельзя» [Лосев, 1957, 149]. И далее развивает тему целостности жертвователя и жертвы. На самом деле в этом вопросе без астрономии невозможно разобраться. Что же это за необходимость такая была в гибели детей? Объяснение простое, если знать законы движения неба. Здесь заложено наивное знание, образное, еще математически не рассчитанное, знание о явлении Прецессии и появлении различных полярных звезд на ней в центре вращения звездного неба, т.е. в Полюсе Мира. Древние люди думали, что вокруг этого центра вращается Солнце, поэтому вновь рожденные боги были солнечными. Но с течением времени полярные звезды уходили из Полюса Мира, являя пустоту на прежнем месте, что давало идею ущербности богов, переставших быть идеальными. Например, Йима в Авесте перестал быть сильным божеством, потому что стал грешен по многим вменяемым ему грехам [Авеста, 2013, 75], или имена прежних богов становились тайными, как Яхве у иудеев в Ветхом Завете (в течение I тыс. до н. э. закрепилась традиция не произносить это имя вслух), или растерзание и забвение Загрея в древнегреческом мифе, о котором писал А.Ф. Лосев [Лосев, 1957, 145-146]. В мифах прослеживаются традиции жертвы богов: Кронос глотал своих детей, Зевс не смог предотвратить жертву своего сына Загрея. У орфиков нестареющий Кронос именуется также и Драконом/Змеем. Очевидно, символически, Кронос находился в Полюсе Эклиптики рядом с «головой» созвездия Дракон, и поэтому он был вечен, т. к. Полюс Эклиптики смещается относительно звезд очень медленно – один градус около 600 тысяч лет, что почти незаметно на протяжении разумного существования человечества. После того, как люди по устным преданиям отследили линию, по которой движутся полярные звезды вокруг Полюса Эклиптики, т. е. Прецессию, понадобилось появление божественного Зевса на Олимпе, хотя бы для образного фиксирования существования открытого людьми пути Полюса Мира среди звезд. Все мифологические боги Олимпа проецируются на линию Прецессии. На том уровне познания по другому никак нельзя было объяснить явление Прецессии, можно было только показать на небе

или рассказать в мифах, созданных около середины VI в. до н. э. И вот Зевс, мифологически, а не хронологически, «родившись», скорее всего, при полярной звезде Вега, альфа Лиры, «родил» сына Загрея при одной из полярных звезд Геркулеса, йота или тау, но ему мифологически пришлось погибнуть, т. к. полярные звезды Геркулеса ушли из Полюса Мира. Следующей полярной звездой оказалась альфа Дракона. И вот тут очень интересный поворот мифа: почему сын Зевса Дионис, такой же по смыслу, как и предшествовавший ему Загрей (оба были с характеристиками солнечных богов), «родился» из бедра Зевса? Да потому что альфа Дракона лежит на линии Прецессии, где она пересекает созвездие Дракон в нижней его части, при переходе к «хвосту» созвездия. Греки решили, что там должно быть «бедра» Зевса, откуда должен родиться Дионис, в отличие от индусов, которые увидели там тайное место змея Вритры и новый источник вод, т. е. новую сетку астрономических координат в образе «колеса со спицами», а также мифического фаллоса, который был символом и Индры, и Диониса, и Гермеса, и многих других богов, мифологически возникших на границе IV – III тыс. до н. э.

Ближе к нашему времени, в середине второго тысячелетия нашей эры, с появлением Полярной звезды альфы Малой Медведицы в Полюсе Мира, астрономы перешли на удобные в таком случае расчеты в Экваториальной системе координат, по древним меркам – в солнечной. При этом ученые отказались от более сложных расчетов в Эклиптической системе координат, центром которой служит Полюс Эклиптики в созвездии Дракон, по древним меркам – в лунной. Таким образом, прервалась связь понимания древних и современных знаний, т. к. древнее, донаучное знание, воспроизводилось, в основном, в Эклиптической системе координат, и это обнаруживается в мифах и сказаниях, религиозных и астрономических системах, в архитектурных и ритуальных памятниках, в наскальных рисунках и традиционных вышивках. Древние картины Мироздания, основанные на Эклиптической системе координат, просматриваются в мифах и сказаниях как господствующие символы Дракона или Змея, при этом различные солнечные герои, сражающиеся с ними, могли выполнять роли очередных полярных звезд, сменяющихся в результате явления Прецессии, что происходило не раз в циклическом прецессионном движении Полюса Мира. В связи с недооценкой астрономической составляющей в исследованиях культурного прошлого возникает необходимость создания междисциплинарных методов исследований, но реализация их затрудняется недостаточной астрономической подготовкой исследователей. Например, археологу, столкнувшемуся с астрономической структурой при исследовании археологического памятника, не просто применить астрономические знания – нужна для этого соответствующая теоретическая подготовка, и если ее нет, то археолог просто не рассматривает вопросы, связанные с астрономией. Но это не означает, что в исследуемом памятнике нет астрономической структуры, которая могла быть заложена на памятнике по задумке древних людей.

Заключение

Исследуя сказки, мифы, древние религиозные концепции, наскальные рисунки, мы с помощью научной астрономии можем найти структуры, которые неявно в них содержатся.

Библиография

1. Авеста. М.: Нестор-История, 2013. 544 с.
2. Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. М.: Наука, 2000. 502 с.
3. Ветхий Завет // Библия. Книга Священного Писания Ветхого и Нового Завета каноническая. М., 2002. 1553 с.

4. Елизаренкова Т.Я. (ред.) Ригведа: Мандалы. I-IV. М.: Наука, 1989. 768 с.
5. Индуизм // Религии мира. М.: Аванта+, 1996. Ч. 1. С. 471-612.
6. Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. М.: Госиздат, 1955. 452 с.
7. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. 620 с.
8. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры: избранные статьи. Таллин, 1992. Т. 1. С. 191-199.
9. Маркс К. Сочинения. М., 1961. Т. 20. 825 с.
10. Невелев А.Б. Ценностное бытие человека. Челябинск, 2002. 100 с.
11. Потемкина Т.М. Из опыта археоастрономического исследования археологических памятников (методический аспект). М., 1998. 52 с.
12. Хасанов И.А. Философско-методологические проблемы измерения времени: дис. ... д-ра философии. М., 2000. 269 с.
13. Юнг К.Г. Человек и его символы. СПб., 1996. 454 с.

Evolutionary stages of cognition in material-idealistic expression

OI'ga O. Polyakova

Postgraduate,
Nosov Magnitogorsk State Technical University,
455000, 38, Lenina ave., Magnitogorsk, Russian Federation;
e-mail: Oleniya@mail.ru

Abstract

The dialectics of the worldviews of human knowledge in ancient times, before the separation of philosophy as a science from an integral general knowledge, was mostly associated with changes in the starry sky. This fact is reflected in the material and spiritual culture, in the ways of transferring knowledge. Any materialistic practical achievements in everyday life are supplemented with spiritual mythological and religious concepts over time, and vice versa, to a greater or lesser extent at different stages of human cognition. It is the complex combination of material practical knowledge and spiritual idealistic concepts that is inherent in man, in contrast to animals. The author of the paper notes that in the theory of knowledge, in the context from myth to science, the process of changing worldview concepts in the pre-scientific period, mainly dependent on changes in the starry sky, is poorly studied. And this idea eventually opens up a wide field for the study of the material and spiritual culture of mankind. The author of the article comes to the conclusion that by exploring fairy tales, myths, ancient religious concepts, rock paintings, we can find the structures that are implicitly contained in them with the help of scientific astronomy.

For citation

Polyakova O.O. (2021) Evolyutsionnye stupeni poznaniya v material'no-idealisticheskom vyrazhenii [Evolutionary stages of cognition in material-idealistic expression]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (6A), pp. 107-118. DOI: 10.34670/AR.2021.31.52.010

Keywords

Dialectics, stages of cognition, materialism, idealism, cognition.

References

1. (2013) *Avesta*. Moscow: Nestor-Istoriya Publ.
2. Elizarenkova T.Ya. (ed.) *Rigveda: Mandaly. I-IV* [Rig Veda: Mandalas. I-IV]. Moscow: Nauka Publ.
3. (1996) Induizm [Hinduism]. In: *Religii mira* [Religions of the world]. Moscow: Avanta+ Publ. Part. 1.
4. Jung K.G. (1968) *Man and His Symbols*. Dell Publishing Co., Inc.
5. Khasanov I.A. (2000) *Filosofsko-metodologicheskie problemy izmereniya vremeni. Doct. Dis.* [Philosophical and methodological problems of measuring time. Doct. Dis.]. Moscow.
6. Kun N.A. (1955) *Legendy i mify Drevnei Gretsii* [Legends and myths of Ancient Greece]. Moscow: Gosizdat Publ.
7. Losev A.F. (1957) *Antichnaya mifologiya v ee istoricheskom razviti* [Ancient mythology in its historical development]. Moscow.
8. Lotman Yu.M. (1992) *Simvol v sisteme kul'tury: izbrannye stat'i* [Symbol in the system of culture: selected articles]. Tallin. Vol. 1.
9. Marks K. (1961) *Sochineniya* [Works]. Moscow. Vol. 20.
10. Nevelev A.B. (2002) *Tsenostnoe bytie cheloveka* [Valuable being of man]. Chelyabinsk.
11. Potemkina T.M. (1998) *Iz opyta arkheoastronomicheskogo issledovaniya arkheologicheskikh pamyatnikov (metodicheskii aspekt)* [From the experience of archaeoastronomical research of archaeological sites (methodological aspect)]. Moscow.
12. Vernadskii V.I. (2000) *Trudy po filosofii estestvoznaniya* [Works on the philosophy of natural science]. Moscow: Nauka Publ.
13. (2002) *Vetkhii Zavet* [Old Testament]. In: *Bibliya. Kniga Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta kanonicheskaya* [Bible. The book of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments (canonical)]. Moscow.

УДК 316.33

DOI: 10.34670/AR.2021.44.32.011

Теоретико-аналитическое осмысление трансляции гедонистической ориентации современной молодежи в контексте глобализационных процессов

Арсенина Ольга Владимировна

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и религиоведения,
Владимирский государственный университет,
600000, Российская Федерация, Владимир, ул. Горького, 87;
e-mail: arseninao@mail.ru

Аннотация

В статье проводится теоретико-аналитическое осмысление трансляции гедонистической ориентации современной молодежи, в контексте смен аксиологических, этических, социальных сценариев социальной действительности, активно спровоцированных глобализационными процессами. Отмечен их агрессивный характер, влияющий на размывание системы духовно-нравственных ценностей молодежи, обозначена характерная тенденция замены традиционных ценностных ориентаций на инокультурные и псевдодуховные начала, проявляющиеся в гедонистической ориентации молодежи, источники ее формирования. Актуальность заключается в обосновании потенциалов гедонистических ориентаций молодежи, как пограничной нравственной ориентации уязвимой и восприимчивой к происходящим изменениям в молодежной среде, необходимости созидательного поиска и обоснования адекватных способов включения молодежной политики и воспитательной работы вузов в этом направлении. Цель статьи – показать степень приверженности к формированию гедонистических ориентаций современной молодежи в контексте происходящих глобализационных процессов, влияющих на пессимистические настроения, проявляющиеся в постепенном отходе от коллективизма к индивидуализму. Поставленная цель решалась с привлечением методов философской рефлексии, синергического подхода, позволяющего использовать влияние социальной рефлексии (проявлении гедонизма в контексте глобализационных процессов) на объект рефлексии (современную молодежь). Результаты могут представлять интерес к практическому применению в актуализации вектора социальной молодежной политики и воспитательной работы вузов, ориентированных на социальный контроль в формировании и трансляции ценностных ориентаций молодежи, основанных на традиционных истинных ценностях. Их можно рассматривать в качестве анализа перспектив защиты и обогащения истинных ценностей, образа жизни российской молодежи.

Для цитирования в научных исследованиях

Арсенина О.В. Теоретико-аналитическое осмысление трансляции гедонистической ориентации современной молодежи в контексте глобализационных процессов // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 6А. С. 119-125. DOI: 10.34670/AR.2021.44.32.011

Ключевые слова

Гедонизм, ценностная ориентация, глобализационные процессы, молодежь, трансформация.

Введение

Происходящий в современном мире процесс глобализации, охвативший практически все стороны человеческого бытия, спровоцировал ряд неоднозначных и, вместе с тем, кардинальных реконструкций: экономических, политических, социокультурных, и ряда других сфер, «став общим фоном и контекстом общественных процессов» [Петров, 2018, 80]. Являясь многомерным и многоуровневым процессом, глобализация по крупицам пытается создать предпосылки формирования в исторической перспективе единого общечеловеческого мира [Барлыбаев, 2019, 7], включая ценностные ориентации Запада. Однако говорить о единстве общечеловеческого мира еще рано, если не сказать, бесперспективно, так как сложность реализации заложенных в различных ее доктринальных процессах заключается в разрозненности географического и мировоззренческого плана, несогласованности действий, отсутствии единообразия видения будущих сценариев общественного развития. И тем не менее, процесс глобализации является актуальным и «сказочно» перспективным.

Наряду с позитивными проявлениями глобализации, такими как развитие науки и техники, открытость государственных границ, экономическими прорывами и прочими преобразованиями, основанными на принципах глобализма, некоторые из них часто приводят к негативным последствиям, порождающим различные проблемы, одной из которых является глобальная трансформация западных ценностей в рефлексирующую нравственную ориентацию молодежи, что влияет на процесс формирования, проявляющейся в гедонизме, о котором пойдет речь ниже.

Осмысление многоаспектности проблем глобализационных процессов в научных исследованиях

Для осмысления степени трансформации ценностных ориентаций молодежи в контексте происходящих глобализационных процессов, в частности, гедонистических, необходимо коснуться исследовательской базы, социологов, экономистов, философов, психологов, которые в своих работах дают сущностную характеристику феномену «глобализация» и происходящих в ней процессов.

Существующая многоаспектность проблем глобализационных процессов, их влияние на все стороны социального бытия, происходящего в современном социуме, вызывает исследовательский междисциплинарный интерес, обусловленный неоднозначным характером и парадоксальностью как самого процесса, так и непосредственно интерпретации термина «глобализация», который ввел в научный оборот Т. Левитт в статье «The Globalization of Markets», где процесс глобализации представлен в качестве «слияния рынков различных видов продукции и услуг крупных транснациональных корпораций» [Levitt, www].

Если говорить о хронологических рамках глобализации, то диапазон сроков ее начала, представленный в литературе, достаточно велик, колеблется от XVI до XX веков со времен Полибия [Robertson, Lechner, 1985, 17], что подчеркивает не новизну данного феномена, так как «многочисленные нити культурных, торгово-экономических связей столетиями крепили и

умножались, охватывая всю часть земного шара, сегодня же этот процесс приобрел лавинообразную форму, историческую преемственность, современное своеобразие» [Яковец, 2001, 68].

Оценки глобализации в научных исследованиях также диаметрально противоположны и парадоксальны, а чтобы адекватно анализировать «ускользающий» сложный мир, ученым приходится не уточнять и подправлять существующий инструментарий, а «приоткрывать социальную реальность, которая ныне стала подверженной невиданной ранее рефлексии» [Кравченко, 2019, 127].

Данная тематика, по мнению многих ученых, будет центральной в мировых исследованиях научного сообщества и в XXI веке. Скорее всего, будет меняться и концепт глобализации, который может наполняться различным содержанием в зависимости от целей и идеологического контекста исследования, что, в свою очередь, будет представлять некую «ловушку для ума» [Бек, 2001, 23]. В этой связи очень важно для исследователей найти правильный подход не только к становлению нового единого мнения относительно глобализации, но и происходящих в ней процессов.

Следует также отметить, что далеко не все глобальные проблемы, отражающиеся в реальной жизни, концептуализированы, получают определенный статус, оставаясь в не поля зрения исследователей. Но даже те глобальные проблемы, которые имеют статус обсуждаемых, не всегда отражают ситуацию объективно, не предложено и реальных механизмов, с помощью которых человечество может существовать бесконфликтно [Чумаков, 2005, 20].

Происходящая в результате глобализации интеграция общества в единое экономическое и культурное пространство чревата заменой национальных ценностей на чужие или выдуманные, некоторые жизненные стандарты, ценностные ориентиры, хотя не все, также становятся одинаковыми, особенно в молодежной среде, и как следствие приводят к негативным последствиям, что крайне беспокоит общество.

Негативные последствия гедонизма

В качестве примера рассмотрим гедонизм, основанный на теории удовольствия и соблазна, наиболее укореняющееся явление в молодежной среде, которое пришло с Запада, избрало в качестве жизненного императива ориентацию на наслаждение, а стратегией – соблазн. Сегодня последствия гедонизма проявляются в молодежной среде, которая в качестве ценностных ориентиров выбирает гедоническую мораль, идущую с Запада. Гипертрофия гедонистической ориентации изменяет природу человека: упрощает и обедняет человеческое сознание, редуцируя духовное существование индивида.

Гедонизм, по мнению философа Д. Белла, занимает едва ли не центральное место в современной западной культуре [Белл, 1999, 760], в то время как ее состояние характеризуется сочетанием эскапистского гедонизма с духовной пустотой.

Девизом гедонистической морали является тезис «живи для себя», «свобода женщине» (распространение феминизма), культ удовольствий «наслаждайся жизнью». Неуправляемая модель эгоистического гедонизма, характерная для современной молодежи, ведет к демократическому кризису и в случае дальнейшего распространения может привести к разрушению социальной системы в целом» [Бьюкенен, 2004, 124].

Печально то, что ориентация на подобные «ценностные установки», транслируемые Западом, формируют гедонистическую направленность современной молодежной среды, которая охотно ее подхватывает и рефлексивует.

Сегодня, как отмечает З. Бауман, «рост гедонистически настроенных молодых людей становится знаковым» [Бауман, 2002, 320]. Молодые люди в основе досуга выбирают общение с самими собой, им достаточно в качестве собеседника и друга иметь гаджет, вместо дружеского совета, комплиментов, признания в любви и т.д. обратиться в Инстаграм. Они практически не общаются между собой, даже в перерывах между занятиями, предпочитают уткнуться в свой телефон, на все вопросы коротко отвечать «окей» или просто ставить лайки. В историю уходят туристические походы с друзьями, совместные просмотры фильмов, посещение театров, празднование дней рождения с друзьями из группы, с которыми они обучаются в вузе. Да и слово «друг» практически вышло из их лексикона. Основная часть современной молодежи свое предпочтение отдает сиюминутным удовольствиям и развлечениям, музыкальным шоу, танцам, играм в интернете, запрещенным бессодержательным фильмам западного производства, транслируя при этом склонность к потребительскому и вестернизированному досугу, где явно проявляется преобладание гедонистической направленности. Низкокачественные ценности массовой культуры американского образца отвлекают молодых граждан от более высокой культуры [Семенов, 2007, 38].

Осознание такого обстоятельства актуализирует фундаментальное теоретическое осмысление, результатом которого становится переосмысление феноменов пограничных ценностных ориентаций молодежи гедонистической ориентации, возникшей на стыке трансляции пограничных ценностей, как неадекватной рефлексии, изменяющей социальную реальность бытия, деградацию культурного и духовного социального пространства, несущего реальные угрозы утраты истинных христианских ценностей, отчуждения, подмены этнических нравственных ценностей, в основном идущих от Запада, начиная с шестидесятых годов прошлого столетия. Но следует отметить, что «...сегодня актуализируется сопротивление культурной глобализации, принимаются попытки осуществить противодействие ее проводникам» [Позднякова, 2016, 362].

Гедонистическая ориентация на собственное «Я», отчуждение и отсутствие истинных христианских ценностей – это далеко не все печальные последствия, которые транслирует современная молодежь. Есть не менее важные последствия глобализационных процессов, например, сексуальная революция, которая является источником формирования гедонистической ориентации современной молодежи. Ее итог заключается в физиологическом удовольствии, которое по сути должно являться средством для продолжения рода, а у гедонистов оно становится самоцелью, репродуктивная функция отходит на второй план, вытесняясь гедонической, потребительской, где семейные ценности отходят от традиционных, что сказывается на снижении деторождения [Кутырев, 2009, 39].

Как следствие сексуальной революции у молодежи с гедонистической ориентацией происходит абсолютное стирание гендерных ролей, приводящих к абстрагированию от половых различий, в семье женщине отводится равная роль с мужчиной в выполнении функции материального обеспечения семьи [Петров, 2008, 85], такое распределение подобных ролей приводит к демографическому кризису.

Перечень негативного влияния некоторых последствий глобализационных процессов можно продолжить, но необходимо упомянуть об источниках формирования гедонистической ориентации молодежи.

К источникам формирования гедонистических настроений в молодежной среде, в первую очередь, отнесем информационное и сетевое пространство, YouTube-каналы, Инстаграм, которое способствуют ускоренному получению информации, через СМИ, которые не ставят перед собой задачи нравственного воспитания, а лишь тиражируют факты наряду с вымыслом,

предлагают образцы поведения, рассчитанные на нерелексивное одобрение и принятие, маскируя отсутствие подлинной реальности, в которой индивид гедонистической ориентации ориентирован на утилитарные ценности, удовлетворение собственных потребностей, без учета общественного запроса [Краузе, Шишигин, 2021, 16].

Информация, апеллирующая к гедоническим потребностям молодежи, зачастую не соответствующая действительности, остается востребованной, что подтверждается высказыванием Жана Бодрийера, «информации становится все больше, а смысла в ней все меньше» [Baudrillard, 1983, 95]. Л. Дюмон подчеркивает значение виртуального мира для молодых людей, которые «уткнувшись в компьютер «покидают социальный мир и его обязательства, ощущая себя при этом самодостаточными, «озабоченными только самим собой» [Дюмон, 1997, 35].

Заключение

Происходящие глобализационные процессы, влияя на тенденции развития мирового социального пространства, в частности, на ценностную ориентацию молодежи, не всегда вызывают однозначную оценку. Особенно агрессивный характер интеграции и глобализации отмечается в размывании системы духовно-нравственных ценностей молодежи, все чаще проявляющейся в гедонистической ориентации. Основными источниками формирования и трансляции гедонистической ориентации молодежи являются глобальные информационные сети, Инстаграм, СМИ, гаджеты, ориентация индивидуалистического порядка, усугубляющие разрыв между традиционными ценностями и нововведениями.

Гедонистическая ориентация, свойственная для значительной части молодежи, приобретает нелинейный, многовариантный характер, реализуемый в процессе жизненного выбора в основе которого лежит ориентация на удовольствие, впечатление, эгоизм и т.д., задающая параметры жизненно важных целей и средств их достижения. Хочется верить, что в подобной ориентации молодежь отражает ее сущность не как достигнутое состояние, а как временный процесс, который можно списать на возраст. Поэтому говорить о явной детерминации гедонистических ценностей, наверное, не стоит, но подобное положение дел обязательно должно учитываться при разработке вектора социальной молодежной политики, воспитательной работе в вузах, ориентированной на искоренение гедонистических настроений и ориентаций.

Библиография

1. Барлыбаев Х.А. Избранные труды. Том 2. Философская антропология, глобализация, устойчивое развитие, сознание и идентичность. М., 2019. С. 7.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 324 с.
3. Бек У. Что такое глобализация? (Ошибки глобализма – ответы на глобализацию). М.: Прогресс Традиция, 2001. 304 с.
4. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 783 с.
5. Бодрийер Ж. Мир, в котором становится все больше информации и все меньше смысла. URL: <https://hochu-vse-znat.ru/interesnoe/zhan-bodriyera>
6. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. М., 2004. 444 с.
7. Дюмон Л. Эссе об индивидуализме. Дубна: Феникс, 1997. 301 с.
8. Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: Востоковедение, 2002. 96 с.
9. Кравченко С.А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления. М.: Анкил, 2019. 327 с.

10. Краузе А.А., Шишигин А.В. Риски и возможности социально-цифровой среды в контексте образования: философско-социологическое исследование // Вестник Вологодского государственного университета. 2021. № 3 (141). С. 15-26. DOI: 10.25730/VSU.7606.21.029
11. Кутырев В.А. Человеческое и иное: борьба миров. СПб.: Алатейя, 2009. 264 с.
12. Петров П.А. Концепции глобализации в социальной философии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9. № 1. С. 80-89. DOI: 10.18721/JHSS.9109
13. Петров А.В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 83-90.
14. Поздяева С.М. Культурная модернизация как важнейшее направление социального реформирования в современной России // Евразийский юридический журнал. 2016. № 9 (100). С. 361-363.
15. Семенов В.Е. Ценностные ориентации и проблемы воспитания современной молодежи // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 37-43.
16. Чумаков А.Н. Объективные и субъективные аспекты глобализации // Философия и будущее цивилизации. М., 2005. Т. 3. С. 333.
17. Яковец Ю.В. Взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: осевая проблема XXI века. М., 2001. 68 с.
18. Levitt T. The Globalization of Markets. URL: <https://hbr.org/1983/05/the-globalization-of-markets.9>

Theoretical and analytical comprehension of the translation of the hedonistic orientation of modern youth in the context of globalization processes

Ol'ga V. Arsenina

PhD, Associate Professor,
Department of Philosophy and Religious Sciences,
Vladimir State University,
600000, 87, Gor'kogo str., Vladimir, Russian Federation;
e-mail: arseninao@mail.ru

Abstract

The article provides a theoretical and analytical understanding of the translation of the hedonistic orientations of modern youth, in the context of changes in the axiological, ethical, social scenarios of social reality, actively provoked by globalization processes. The relevance lies in the substantiation of the potentialities of the hedonistic orientations of young people, as a borderline moral orientation of a part of the youth vulnerable and susceptible to ongoing changes. In the need for a creative search and justification of adequate ways to include youth policy and educational work of universities in this direction. The purpose of the article is to show the degree and commitment to the formation of hedonistic orientations of modern youth in the context of ongoing globalization processes that affect pessimistic moods, a gradual move away from collectivism to individualism. The set goal was solved using the methods of philosophical reflection, a synergistic approach that allows using the influence of social reflection (manifestation of hedonism in the context of globalization processes) on the object of reflection (modern youth). The practical significance may be of interest to practical application in the actualization of the vector of social youth policy and the educational work of universities focused on social control in the formation and transmission of youth value orientations based on traditional true values. The results of the study may be of interest to practical application as an analysis of the prospects for protecting and enriching the true values, the way of life of Russian youth.

For citation

Arsenina O.V. (2021) Teoretiko-analiticheskoe osmyslenie translyatsii gedonisticheskoi orientatsii sovremennoi molodezhi v kontekste globalizatsionnykh protsessov [Theoretical and analytical comprehension of the translation of the hedonistic orientation of modern youth in the context of globalization processes]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (6A), pp. 119-125. DOI: 10.34670/AR.2021.44.32.011

Keywords

Hedonism, value orientation, globalization processes, youth, transformation.

References

1. Barlybaev Kh.A. (2019) *Izbrannye trudy. Tom 2. Filosofskaya antropologiya, globalizatsiya, ustoychivoe razvitiye, soznanie i identichnost'* [Selected works. Volume 2. Philosophical anthropology, globalization, sustainable development, consciousness and identity]. Moscow.
2. Baudrillard J. *Mir, v kotorom stanovitsya vse bol'she informatsii i vse men'she smysla* [A world in which there is more and more information and less and less meaning]. Available at: <https://xochu-vse-znat.ru/interesnoe/zhan-bodriya> [Accessed 12/12/2021]
3. Bauman Z. (2001) *The Individualized Society*. Polity.
4. Beck U. (2000) *What Is Globalization?* Polity.
5. Bell D. (1976) *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. Basic Books.
6. Buchanan P.J. (2002) *The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization*. Griffin.
7. Chumakov A.N. Ob"ektivnye i sub"ektivnye aspekty globalizatsii // *Filosofiya i budushchee tsivilizatsii*. M., 2005. T. 3. S. 333.
8. Dumont L. (1992) *Essays on Individualism: Modern Ideology in Anthropological Perspective*. University of Chicago Press.
9. Ivanov D.V. (2002) *Virtualizatsiya obshchestva* [Society virtualization]. St. Petersburg: Vostokovedenie Publ.
10. Krauze A.A., Shishigin A.V. (2021) Riski i vozmozhnosti sotsial'no-tsifrovoy sredy v kontekste obrazovaniya: filosofsko-sotsiologicheskoe issledovanie [Risks and opportunities of the social and digital environment in the context of education: philosophical and sociological research]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Vologda State University], 3 (141), pp. 15-26. DOI: 10.25730/VSU.7606.21.029
11. Kravchenko S.A. (2019) *Dinamika sotsiologicheskogo voobrazheniya: vsemirnaya kul'tura innovatsionnogo myshleniya* [The Dynamics of the Sociological Imagination: A Worldwide Culture of Innovative Thinking]. Moscow.: Ankil Publ.
12. Kutyrev V.A. (2009) *Chelovecheskoe i inoe: bor'ba mirov* [Human and Other: The Struggle of the Worlds]. St. Petersburg: Alateia Publ.
13. Levitt T. *The Globalization of Markets*. Available at: <https://hbr.org/1983/05/the-globalization-of-markets.9> [Accessed 12/12/2021]
14. Petrov P.A. (2018) Kontseptsii globalizatsii v sotsial'noi filosofii [Concepts of globalization in social philosophy]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and social science], 9, 1, pp. 80-89. DOI: 10.18721/JHSS.9109
15. Petrov A.V. (2008) Tsennostnye predpochteniya molodezhi: diagnostika i tendentsii izmenenii [Value Preferences of Youth: Diagnosis and Trends of Change]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2, pp. 83-90.
16. Pozdyaeva S.M. (2016) Kul'turnaya modernizatsiya kak vazhneishee napravlenie sotsial'nogo reformirovaniya v sovremennoi Rossii [Cultural Modernization as the Most Important Direction of Social Reforming in Modern Russia]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Law Journal], 9 (100), pp. 361-363.
17. Semenov V.E. (2007) Tsennostnye orientatsii i problemy vospitaniya sovremennoi molodezhi [Value Orientations and Problems of Upbringing of Modern Youth]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 4, pp. 37-43.
18. Yakovets Yu.V. (2001) *Vzaimodeistvie tsivilizatsii Vostoka i Zapada: osevaya problema XXI veka* [Interaction of civilizations of East and West: the axial problem of the XXI century]. Moscow.

УДК 82

DOI: 10.34670/AR.2021.21.55.012

Исследование восточной философии и культурных элементов в романе «Чапаев и Пустота»

Ху Цзяжуй

Аспирант,
кафедра русской и зарубежной литературы,
Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: 1041504265@qq.com

Аннотация

В данной работе рассматриваются элементы и мотивы восточной философии, а также культурные элементы Китая, отраженные и используемые В.О. Пелевиным в его романе «Чапаев и Пустота». Было выявлено, что установка «все в мире – пустое» раскрывается в произведении и образует философскую составляющую романа «Чапаев и Пустота» В.О. Пелевина. В диалогах между главным героем Петькой Пустотой и Чапаевым отражаются мнения и точки зрения, которые соответствуют идеям постмодернистской философии, которая, в свою очередь, верит, что «реальность объективного мира всегда относительна, это лингвистическая фантазия». Было выявлено, что В.О. Пелевин известен как лучший из русских писателей-постмодернистов из-за органичного сочетания традиционной русской литературы с постмодернистской литературой. В настоящее время его влияние выходит за пределы России, его произведения переведены на многие языки, их любят читатели со всего мира. Читатели в каждой стране будут испытывать разные чувства, когда читают романы Пелевина. Эти различия в чувствах связаны с различиями в истории, которую они пережили, и социальной средой, в которой они находятся. У читателей из Китая более глубокое понимание автора, так как у нас схожее прошлое.

Для цитирования в научных исследованиях

Ху Цзяжуй. Исследование восточной философии и культурных элементов в романе «Чапаев и Пустота» // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 6А. С. 126-134. DOI: 10.34670/AR.2021.21.55.012

Ключевые слов

В.О. Пелевин, «Чапаев и Пустота», постмодернистская литература, восточная философия, китайская культура.

Введение

В.О. Пелевин – писатель-постмодернист, сформировавшийся как литературный деятель в русском литературном мире 1990-х годов. Его произведениями восхищается как обыватель, так и требовательный высокоинтеллектуальный читатель, так как в них содержится великий смысл рассуждений, наполненных многокультурными элементами и философскими идеями. По этой причине В.О. Пелевин стал самым популярным писателем в школе российской современной литературы. В.О. Пелевин занимает важное место не только в современной русской литературе, но и в мировом постмодернистском литературном мире.

В.О. Пелевин умело описывает, как в обществе игнорируют и душат личную свободу, как подло распространяют ложную информацию и насаждают желаемые идеи с помощью института общественного мнения. Также в своих произведениях В.О. Пелевин насмехается над застывшей системой СССР. Например, в романе «Омон Ра» он резко высмеивает успех советских властей, использующих такую категорию как «национальный подвиг».

В своих произведениях для выражения чувств и отношения к изменчивости мира В.О. Пелевин активно использует элементы китайской национальной культуры. К примеру, в рассказе «СССР Тайшоу Чжуань. Китайская народная сказка» («Правитель»), Чжуан Чжоу приснилось, что он стал бабочкой, он не знает мечтал ли он стать бабочкой, или бабочка мечтала стать им – это одна из концепция китайского отношения к миру, метафора мечты. В этом же романе встречается цитата «Все в мире – пустое».

В творениях В.О. Пелевина часто прослеживаются мотивы туманности российской интеллигенции в новую эпоху России, размышления о состоянии общества. Например, в «Generation П» автор формирует образ человека – Татарского, который гоняется за славой, занимается бизнесом, увлекается рекламным творчеством. В «Священной книге оборотня» автор формирует образ девушки, которая, улыбаясь высокопоставленным чиновникам и богатым бизнесменам, вращаясь вокруг этого социального слоя, критикует широкое распространение коррупции, бюрократизм, чрезмерное стремление к материальному наслаждению и т.д.

Философский элемент буддизма и даосизма воплощаются в «Чапаев и Пустота»

В буддизме основополагающими являются следующие слова Будды: «все в мире пустое». По мнению древней индийской философии, все, что есть на свете, состоит из четырех основных элементов: земли, огня, ветра, воды. Таким образом, в буддизме считается, что все на свете иллюзорно и принадлежит пустоте.

Зачастую обывателям сложно понять, что значит «все в мире – пустое». В жизни существует много огорчений и страданий. Как правило, люди, которые не могут понять значения буддистской установки «все в мире – пустое», сталкиваются в жизни с болью. К пустому при этом приравнивается все, происходящее в мире: перемены в природе, переход городов из-под одного флага под другой, горести из-за рождения и смерти близких, непристойная жизнь, хорошее питание и хорошее вино, стремление к удовольствиям, тщеславие, высокие чины и жалованья, угрозы и коварства.

Все в мире пустое, все есть земля, вода, огонь и ветер. Эти четыре элемента рассредоточивают все понятия и события, освобождают от заблуждений. Познав и приняв эту

установку, которая легла в основу китайской культуры, тело и ум должны вернуться в состояние пустоты и наслаждаться истиной духовной природой. Именно данная установка раскрывается и образует философскую составляющую романа «Чапаев и пустота» В.О. Пелевина.

Предисловие к роману «Чапаев и пустота» содержит следующие цитаты:

«Данная книга была написана в первой половине 1920-х годов и закончена в монастыре Монголии»;

«Настоящее имя автора не стоит искать»;

«Пусть данная работа принесет благословение всем живым существам»;

«Пора освободить председателя Фронта буддизма» и т.д.

На основании данных цитат можно сделать вывод, что автор притворился настоятелем храма, добавив в роман характеристики мистики и буддийской мысли.

В названии романа «Чапаев и Пустота» В.О. Пелевин использует пустоту как имя главного героя, каламбур, показывая, что все пусто. Название также подразумевает фантастический и абсурдный опыт главного героя, его историю и концовку в рамках произведения. Прототип Чапаева – храбрый и легендарный военный генерал Советской Красной Армии времен Гражданской войны Василий Иванович Чапаев. Деяния В.И. Чапаева были записаны Д. Фурмановым, политическим комиссаром подразделения под руководством В.И. Чапаева, и стали основой романа «Чапаев», полного героизма. Военные подвиги В.И. Чапаева придавались огромной огласке и хвалились в Советском Союзе, а также других социалистических странах.

Однако в произведении В.О. Пелевина главный герой, воспетый в традициях так называемого социалистического реализма, подвергается ниспровержению. Существует разница и в описании, внешнем виде персонажа и прототипа, например в оригинальной работе Чапаев – «невысокий, с вздернутой бородой», «употребляет алкоголь, но вино может быть только дурным делом», «имеет маниакальный характер и грубую речь, с чувством юмора», «выражает презрение к интеллектуалам», при этом в романе В.О. Пелевина Чапаев «философ-мистик», «любит Моцарта, учился в консерватории и готов посвятить себя музыкальной карьере», «наставник культурного человека», у него непредсказуемый характер, у него нет чувства юмора. В.О. Пелевин комбинирует образ Чапаева советского писателя Д. Фурманова с восточными идеями философии и буддизма, создавая совершенно новый образ Чапаева как подрыв героического имитационного образа традиционной советской красной литературы.

Чапаев, описанный Пелевиным, является не только революционным генералом Красной Армии, но также Буддой и мастером философии. Он понимает природу всего в мире и считает, что все в мире – пустота, поэтому ему не нужно быть настойчивым. В рамках пространства, созданного В.О. Пелевиным, Петр, одержимый исследованием правды и страдающий шизофренией, под наставничеством Чапаева отпустил свою одержимость и пришел к осознанию, что все пусто, благодаря этому он был выписан из больницы.

Что касается внешнего вида, речи и поведения Чапаева, то В.О. Пелевин старался придать генералу Красной Армии буддистскую ауру, как «живому Будде» в тибетском буддизме. Во второй главе упоминается, что Чапаев был на сцене, где убит Эльман. Чапаев игнорирует кровавую сцену перед ним и очарован игрой на пианино: «Он делал вид, как будто вообще не заметил моего прибытия. Он закрыл глаза, как будто все его тело и разум были погружены в музыку».

В диалогах между главным героем Петькой Пустотой и Чапаевым отражаются такие мнения и точки, как «все сводится к пустоте», «я думал, а значит, я был» – они соответствуют идеям

постмодернистской философии, которая верит, что «реальность объективного мира всегда относительна, это лингвистическая фантазия». В романе Чапаев говорит Петьке: «Все, что мы видим, находится в нашем сознании, Петька. Поэтому сказать, что наше сознание находится где-то, нельзя. Мы находимся нигде просто потому, что нет такого места, про которое можно было бы сказать, что мы в нем находимся. Вот поэтому мы нигде».

Похожая идея отражается в буддийском произведении Шурангама Сутра: «То, что вы видите, не находится снаружи, это идеалистично. Из-за этого люди не должны задерживаться в этом мире, чрезмерно печалиться или радоваться превратностям жизни. То, что вы видите во внешнем мире, – это только проявление вашей собственной идеологии. Так зачем быть слишком настойчивым?». Реальность, которую мы обычно понимаем – это просто реальность, основанная на наших визуальных и слуховых суждениях. Эта реальность в значительной степени представляет собой только видимость физического мира, а не реальность сознательного мира, даже из-за ограниченной способности человеческих органов самовосприятия.

В романе Чапаев предупреждает Петьку: «на самом деле нет ничего, что нельзя было бы исправить. Все зависит от человека, который смотрит, и все вокруг – это то, что вы видите, независимо от того, что давали нам предшественники. Какая форма создается, то, что каждый из нас видит в жизни, на самом деле является проекцией нашего собственного духа».

Необходимо отметить, что внутренняя Монголия в данном произведении не обозначает регион, территориально расположенный в Монголии. В романе она представляет собой некую пустоту. Сам автор пишет следующее: «Невозможно сказать, откуда он, по географическому положению. Он не называется Внутренней Монголией, потому что находится внутри Монголии. Он находится в теле человека, который может видеть пустоту. Фактически, это не Монголия», это некая точка, куда мы хотим доехать.

На основании сказанного выше возникает вопрос: как искать пустоту, осознать, что все является иллюзией, искать истину человека? В романе говорится: «Прежде всего, вы должны увидеть себя. Есть два состояния: одно связано с Чапаевым, а другое не имеет ничего общего с Чапаевым, это совсем иллюзия. Чтобы прийти к пустоте, вознеситесь к бесконечной свободе и надежде. Нужно выбрать единственное пространство, которое все еще существует»...

Важно учитывать, что Петр Пустота – человек, который чувствует себя неуютно в социальных процессах после распада Советского Союза. Он тяготеет к так называемому «блеску» прошлого и мечтает искать выход для России. Половина его души легла в эпоху советской войны за независимость и встречает Чапаева, в то время как другая половина разума продолжает оставаться в Московской психиатрической больнице для лечения. Под руководством Чапаева, барона и других, он наконец перестал проявлять чрезмерную настойчивость. Истинное «я» восстанавливается, что соответствует классической буддийской Алмазной сутре: «Все попытки следует рассматривать как тщетные, пока вы не цепляетесь за истину, тогда мудрость рождается. Некоторые вещи происходят, не обязательно истинные просто потому, что это функция нашего внутреннего сознания. Нас не будет беспокоить боль, мы сможем освободить себя и найти истину человека».

Воплощение даосской мечты в романе

В Китае философы и мыслители долго спорят о мечтах и реальности. Классический даосский трактат «Чжуан-цзы» в главе «Ци у лунь» содержит следующую цитату: «Я не знаю,

есть ли бабочки в мечте Чжоу, или Чжоу в мечте бабочки? Чжоу и Ху Дье должны быть разные. Это называется материализацией. Я не знаю, это бабочка превратится в Чжуан Чжоу во сне или наоборот?». Из этого следует, что более двух тысяч лет назад основатель даосской школы Чжуан Чжоу поднял глубокий философский вопрос – Что такое сон и реальность? Сон часто относится не только к сновидениям, но и к сознанию, восприятию всего, что происходит в мире, к интеграции себя с окружающей средой мира.

В романе В.О. Пелевина данная идея отражается следующим образом: «Если кусок воска думает, что это форма, которую он приобрел, тогда он должен быть смертным, потому что его форма будет разрушена. Но если он поймет, что это воск бессмертен, его форма будет каждый раз изменяться с изменением окружающей среды», что соответствует концепции «небо и земля со мной, все со мной едино». Если мы уделяем слишком много внимания самосознанию и игнорируем изменения во внешнем мире и окружающей среде, мы часто будем устранены внешним миром или будем предаваться славе и сожалениям прошлого, не сможем сосредоточиться на реальности и двигаться вперед.

В своем романе В.О. Пелевин через мысли и высказывания Чапаева передает идеи и элементы классического китайского даосского рассказа Чжуан-Цзы о мяснике. Например: «Знавал я одного китайского коммуниста по имени Цзе Чжуан. Ему часто снился один сон – что он красная бабочка, летающая среди травы. И когда он просыпался, он не мог взять в толк, то ли это бабочке приснилось, что она занимается революционной работой, то ли это подпольщик видел сон, в котором он порхал среди цветов. Так вот, когда этого Цзе Чжуана арестовали в Монголии за саботаж, он на допросе так и сказал, что на самом деле он бабочка, которой все это снится». Чапаев также говорит главному герою Петьке, что, если он что-то пробуждает ото сна, это значит, что вы входите в другой сон. Никогда не колебитесь, только тогда вы поймете, что все это просто сон, вы действительно сможете проснуться и адаптироваться к изменениям во внешней среде.

Что касается главного героя Петьки, его беспокоил вопрос «Мне приснилась бабочка или я есть бабочка?». Петр Пустота, политический комиссар, который следовал за Чапаевым во время советской гражданской войны, пациент Петр в 1990-х годах – это просто мечта Петра? Или все, чего он достиг с Чапаевым, – мечта психически больного Питера? Петр был в глубоком замешательстве, что передается через следующие высказывания в романе: «Во сне я прочитал много странных слов, написанных в большой книге в психиатрической больнице, эти слова говорят обо мне»; «Я даже заметил, что кошмар сейчас настолько реален, что невозможно понять, это только сон или нет, я могу в нем касаться вещей и ущипнуть себя»; «Я не могу сказать, в каком времени и пространстве я нахожусь. Это гражданская революционная война? Или Московская психбольница после распада Советского Союза?». Петр Пустота впадает в логический парадокс, одержимый желанием найти ответы на свои вопросы, в результате его мышление стало расплывчатым и разделенным, он не может освободиться.

Барон дает Петру следующий совет: «Оставайся в стороне, где нет ничего общего с психиатрической больницей». Барон толкает его на землю и позволяет увидеть обычный мир: пастбища, ночное небо, холмы. Можно сказать, что этот прием помогает: если вы не можете приспособиться к реальной среде, это только усугубит ваши проблемы и депрессию.

Выражение и роль азиатских культурных символов в романе В.О. Пелевина

Работы Пелевина содержат множество китайских философских и культурных символов, которые добавляют экзотики его работам, с помощью китайской философской и религиозной мысли построена философская основа романа.

Важно учитывать, что монголы – этническая группа, которая оказала значительное влияние на Россию. В данном романе часто встречаются символы монгольской культуры, такие как «пастбища», «лама», «храм» и «Внутренняя Монголия», что свидетельствует о глубоком влиянии Монголии на русскую культуру. В 1235 году Чингисхан послал батальон, агрессивно вторгся в Россию, разгромил силы русской коалиции и основал Золотую Орду, а затем управлял Россией более двухсот лет. За более чем двухсотлетний период военной колонизации и жесткого правления монголов русский национальный характер претерпел изменения: унаследовал от монголов привычку везде воевать, расширять территорию и строить огромную империю. На протяжении эпохи царской России и Советского Союза Россия шаг за шагом выходила из Московского княжества с Москвой и прилегающими территориями, расширялась и занимала более 20 миллионов квадратных километров территории. В конечном итоге, российская армия стала европейской военной полицией, позже Красная Армия легла в основу сверхдержавы, военные базы распространились по всему миру. Положение СССР в мире стало одним из двух гегемонов, контролирующих мировую ситуацию. Можно сказать, что многие современные россияне скучают по царской России и советской эпохе. Что они часто упускают, это условия жизни в то время, стремясь возвысить статус мировой державы и оживить русскую нацию.

Можно полагать, что монгольская империя, основанная Чингисханом и его потомками, когда-то была несравненной, охватывая Евразийский континент. Однако из-за сопротивления народов Китая, России, Ближнего Востока и Восточной Европы огромная Монгольская империя постепенно пришла в упадок и распалась. Многие россияне после распада Советского Союза чувствовали себя так же, как монголы после распада Монгольской империи. Прошлая слава Красной Армии больше не существует, Родина разваливается, а принятые ценности коллективистского героизма советского образца все больше подрываются западными культурными мыслями и рушатся. Русские пришли в замешательство и не знали, куда идти. Русские спрашивали: «Куда идет Россия?». В романе задается вопрос Чингисхана, но на самом деле это относится к сомнениям россиян: «Где Россия находится в потоке мирового развития? Как России выйти из затруднительного положения?».

После распада Советского Союза русские изо всех сил стали искать новый выход для России. В начале основным трендом стало идти по стопам Европы и Америки. При этом существуют предрассудки относительно Китая. Думая, что китайцы придерживаются традиционных правил и следуют старомодному образу жизни, некоторые даже спрашивают: «У китайцев все еще длинные косички? Китайские женщины всегда связывают себе ноги? Они получают пищу по карточкам и не могут есть достаточно?». Один из героев романа следующим образом описывает китайцев: «Что касается ортодоксального китайского духа, любое продвижение – это шаг назад, для них абсолютный стандарт идеального общества всегда в прошлом, а любое новшество – грех...». Стереотипное и предвзятое впечатление о Китае в определенной степени повлияло на экономический и культурный обмен между Китаем и Россией в 1990-е годы до XXI века с дальнейшим углублением китайско-российских обменных процессов. Из-за спада экономики, политики и вооруженных сил России, мы видели образ

Китая, который формулирует политику развития в соответствии со своими собственными национальными условиями, он полон решимости реформировать и активно открыт. Автор использует Китай в качестве примера и объединяет свою историческую и социальную основу, Россия постепенно вышла из трясины и встала на собственный путь развития.

В 1990-х годах в сфере политики, развлечения, питания и даже самого русского языка, прослеживается стремление к европеизму и американизации. Например, в России начали внедрять многопартийную систему, систему президентских выборов, в России стали популярны американские фаст-фуды, такие как гамбургеры, картофель фри, пицца и т.д. Новое поколение россиян отказалось от своих автомобилей «Волга» и «Лада», перешли к Mercedes-Benz, BMW, Ferrari и другим известным европейским и американским автомобилям.

Использование английских слов считалось модным. Например, магазин называют «супермаркет», «полиция» раньше была «милиция», а директор стал «менеджер». Данная тенденция также отражена в романе: «В течение многих лет Россия пыталась вступить на этот путь, неоднократно желая достичь неудачного и алхимического брака с Западом». Жених Марии – суперзвезда американских боевиков Арнольд Шварценеггер – это проекция образа Соединенных Штатов в сознании россиян после распада Советского Союза.

Шварценеггер обеспокоен здоровьем детей и признанием прав групп, находящихся в неблагоприятном сексуальном положении. Он убежден, что чувство спокойствия, демократические ценности и христианский дух победят всякое зло. Предпосылки разочарования россиян Европой и Соединенными Штатами выражаются в том, что после распада Советского Союза, Европа и Соединенные Штаты не помогали экономике России, как обещали ранее. Вместо этого они протолкнули в России шоковую терапию, которая ухудшила российскую экономику в 1990-х годах. Разрыв между богатыми и бедными стал еще больше, а общество стало более беспокойное.

После того, как реформа слепой вестернизации провалилась, Россия обратила свои взоры на восток, Япония стала мишенью для подражания России. «Новый русский» Сердюк в романе считал японцев великой нацией, которая пострадала от двухатомных бомб от Соединенных Штатов. Американские военные оккупировали их территорию, но они быстро восстановились и обновились, поэтому Россия должна учиться у соседней Японии.

Сердюк фантазировал о «дружбе с Японией и совместной работе над разрушением Соединенных Штатов». Во сне Сердюк был очарован Кавабатой Ясунари, «он налил несколько глотков японского саке», «послушал рассказ Кавабаты Ясунари о блестящем цветении и увядшей вишне», «увидел японок в разных красивых кимоно». Он стал японским самураем в корпорации «Пинг Тхань» и «помощником менеджера отдела бизнеса северных варваров». Он был самоуспокоен, с клубом «сосуществовал и умирал вместе», но клуб обанкротился. Сердюка также попросили с честью покончить с собой, как самурай, на самом деле проецируя сотрудничество и обмена между Россией и Японией. Россия с нетерпением ждет инвестиций и технической поддержки Японии, но из-за исторических проблем двух стран путь совместного развития России и Японии неудачный. России все еще не удается выбраться из неразберихи.

Заключение

В.О. Пелевин известен как глава русских писателей-постмодернистов из-за органичного сочетания традиционной русской литературы с постмодернистской литературой. В настоящее время его влияние выходит за пределы России, его произведения переведены на многие языки,

его любят читатели со всего мира. Читатели в каждой стране будут испытывать разные чувства, когда читают романы Пелевина. Эти различия в чувствах связаны с различиями в истории, которую они пережили, и социальной средой, в которой они находятся. У читателей из Китая более глубокое понимание автора, так как у нас схожее прошлое.

Библиография

1. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. 504 с.
2. Ван Бойи. Анализ концепцию «пустоты» в буддизме через «Сутры сердца» // Внешкольное образование в Китае. 2017. 15. С. 63-65.
3. Гуо Чен. Перевод и интерпретация внутренних сказок «Чжуанцзы» в английском мире. Пекинский университет иностранных языков, 2015. 189 с.
4. Лан Чун, Гао Сюпин. Концептуальные метафоры в «Сутре сердца» и «Алмазной сутре» с когнитивной точки зрения // Обучение и исследования иностранных языков. 2016. 48 (01). С. 17-28.
5. Ли Синмэй. Реальность и иллюзия. Художественное видение постмодернистских романов Виктора Пелевина. Шанхай: Издательство Фуданского университета, 2012. 213 с.
6. Пелевин В.О. Чапаев и Пустота. М.: Вагриус, 1999. 416 с.
7. Русская постмодернистская литература. М.: Флинта: Наука, 2001. 608 с.
8. Чжао Ян. Антиутопия в русском постмодернизме. Хэлузьянское народное издательство, 2009. 175 с.
9. Чжу Гофу. Анализ мыслей «Сутры сердца принцессы Парамиты». Сянтанский Университет, 2018. 56 с.
10. Ян Дэнбао. Пустота «Сутры сердца» и значение сохранения здоровья // Фа Инь. 2016. 05. С. 45-48.

Study of eastern philosophy and cultural elements in the novel “Chapaev and Pustota”

Hu Jiarui

Postgraduate,
Department of Russian and Foreign Literature,
Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 1041504265@qq.com

Abstract

This work examines the elements and motives of Eastern philosophy and cultural elements of China, reflected and used by V.O. Pelevin in his novel “Chapaev and Pustota”. It was revealed that the attitude “everything in the world is empty” is revealed in the work and forms the philosophical component of the novel “Chapaev and Pustota” by V.O. Pelevin. The dialogues between the main character Peter Pustota and Chapaev reflect opinions and points of view that correspond to the ideas of postmodern philosophy, which in turn believes that the reality of the objective world is always relative, it is a linguistic fantasy. It was revealed that V.O. Pelevin is known as the most prominent of Russian postmodern writers because of the organic combination of traditional Russian literature with postmodern literature. Currently, his influence extends beyond the borders of Russia, his works have been translated into many languages, and readers from all over the world love him. Readers in each country can experience different feelings when they read Pelevin's novels. These differences in feelings are related to differences in the history they experienced and the social environment in which they find themselves. Readers from China have a deeper understanding of the author, as we have a similar past.

For citation

Hu Jiarui (2021) *Issledovanie vostochnoi filosofii i kul'turnykh elementov v romane «Chapaev i Pustota»* [Study of eastern philosophy and cultural elements in the novel “Chapaev and Pustota”]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (6A), pp. 126-134. DOI: 10.34670/AR.2021.21.55.012

Keywords

V.O. Pelevin, “Chapaev and Pustota”, postmodern literature, oriental philosophy, Chinese culture.

References

1. Bakhtin M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics. Research over the years]. Moscow.
2. Guo Chen (2015) *Perevod i interpretatsiya vnutrennikh skazok «Chzhuantszy» v angliiskom mire* [Translation and interpretation of the internal tales of Chuangzi in the English world]. Peking University of Foreign Languages.
3. Lan Chun, Gao Xuping (2016) *Kontseptual'nye metafory v «Sutre serdtsa» i «Almaznoi sutre» s kognitivnoi tochki zreniya* [Conceptual metaphors in the Heart Sutra and Diamond Sutra from a cognitive point of view]. *Obuchenie i issledovaniya inostrannykh yazykov* [Teaching and Research of Foreign Languages], 48 (01), pp. 17-28.
4. Li Xingmei (2012) *Real'nost' i illyuziya. Khudozhestvennoe videnie postmodernistskikh romanov Viktora Pelevina* [Reality and illusion. An artistic vision of the postmodern novels of Viktor Pelevin]. Shanghai: Fudan University.
5. Pelevin V.O. (1999) *Chapaev i Pustota* [Chapaev and Pustota]. Moscow: Vagrius Publ.
6. (2001) *Russkaya postmodernistskaya literatura* [Russian postmodern literature]. Moscow: Flinta: Nauka Publ.
7. Van Boyi (2017) *Analiz kontseptsii «pustoty» v buddizme cherez «Sutry serdtsa»* [Analysis of the concept of emptiness in Buddhism through the Heart Sutras]. *Vneshkol'noe obrazovanie v Kitae* [Out-of-school education in China], 15, pp. 63-65.
8. Yang Dengbao (2016) *Pustota «Sutry serdtsa» i znachenie sokhraneniya zdorov'ya* [The Emptiness of the Heart Sutra and the Importance of Maintaining Health]. *Fa Yin*, 05, pp. 45-48.
9. Zhao Yang (2009) *Antiutopiya v russkom postmodernizme* [Dystopia in Russian Postmodernism]. Halongjiang.
10. Zhu Guofu (2018) *Analiz myslei «Sutry serdtsa printsessy Paramity»* [Analysis of thoughts of the Heart Sutra of Princess Paramita]. Xiangtan University.

УДК 101.1::316

DOI: 10.34670/AR.2021.90.72.013

Ответственность человека в условиях современного информационно-технического прогресса

Гринева Ольга Александровна

Кандидат философских наук, доцент,
кафедра английского языка,
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева,
660049, Российская Федерация, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89;
e-mail: Gold23@inbox.ru

Аннотация

В данной статье описывается необходимость освоения и использования информационно-технических средств, учитывая этику ответственности человека. Предпринята попытка раскрыть основные причины негативного влияния информационно-технического прогресса на комплексное формирование личности. Автором предложена идея, что волевые качества жизнестойкости и жизнеспособности нынешнего поколения во многом зависят от отношения к проблематике технического прогресса. В нынешнее время важным критерием покорения науки и техники является степень нравственного вклада в человеческий прогресс. Основным результатом проведенного анализа принято считать, что не только ученым и исследователям, но и отдельному индивиду следует быть целеустремленным в вопросе этического продвижения. Важно прогрессировать не в ущерб природной сущности человека, а осознавая смысл своей деятельности и прогнозируя возможные последствия. Потребительское отношение к информационно-техническим средствам, предоставляющим человеку комфортное жизнеобеспечение, снижает у современного человека важность осмысления философского мировоззрения. Происходит снижение аксеологических функций в области культуры взаимодействия человека как в социуме, так и с информационно-коммуникационными средствами. Наблюдается низкий уровень ответственности за свою деятельность, в частности, у молодежи, и подмена ценностных ориентиров с позиции социокультурного аспекта.

Для цитирования в научных исследованиях

Гринева О.А. Ответственность человека в условиях современного информационно-технического прогресса // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 6А. С. 135-142. DOI: 10.34670/AR.2021.90.72.013

Ключевые слова

Воля, ответственность, этика, анализ, моральные ценности, уровень сознания, прогресс, знание.

Введение

На фоне стремительно развивающихся технических и социальных преобразований каждый рационально мыслящий человек задумывается о смысле своего существования, ставит жизненные цели, пытается соответствовать установленной системе социальных стандартов в обществе, иметь определенный набор возможностей для комфортного уровня жизни. Известно, что окружающий мир устроен таким образом, когда в любое время и эпоху человечеству нужно бороться за выживание. Не смотря на интенсивный рост глобализации, совершенствующейся цивилизации современному человеку вновь приходится находить силы, развивать способности и искать возможности для выживания.

Актуальность данной статьи имеет прагматический характер, акцентируем внимание на волевою жизнеспособность и жизнестойкость нынешнего поколения в условиях борьбы между реальным и виртуальным мирами. Работа посвящена комплексному исследованию принципа ответственности человека за свои мысли, слова и действия в условиях преобладания информационных ресурсов. Социальная значимость темы определяется тем, что существует вероятность подмены деятельности человека искусственным интеллектом. Новизна изменившегося характера человеческой деятельности заключается в том, что новые тенденции взаимодействия человека и техники, новые виды деятельности требуют соответствующих с ними этического прогнозирования и ответственности за результат. Можно выделить несколько общенаучных методов исследования к решению данной проблемы: наблюдение, аксиоматический метод, анализ, синтез, сравнение.

Вместе с тем весьма противоречивым остается вопрос о разумности, желаниях и чувствах запрограммированной информационно-интеллектуальной системы. Соответственно, в обществе наблюдается тревожность и волнения людей, поведенческие отклонения, дезадаптация в стрессовых ситуациях, напряженная психическая обстановка. Типичная тенденция импульсивных и беспокойных людей в социуме – это обращение с моральными призывами к возвращению ценностей прошлых лет или обращение за помощью к интеллигентным гуру, представителям религий и прочим наставникам. Однако, насколько данный метод эффективен в отношении глобальной стабилизации ситуации или хотя бы микромире отдельного человека? Очевидно, отличить или доказать правильность и правдивость ответов, в значительной степени, человеку не удастся, если он не может самостоятельно отследить причинно-следственные связи происходящих событий, отделяет себя от природной сущности, неосознанно вовлекается в сферу безграничного потребления товаров и услуг и не заботится о развитии духовных качеств. Иными словами, в социуме наблюдается увеличение количества психически незрелых людей, неспособных прилагать волевые усилия, анализировать, прогнозировать возможные последствия своих решений, контролировать свои действия. При этом человек, в некоторой степени, боится самостоятельно брать на себя ответственность, быть свободным, освобождаясь от навязываемых суждений, и склонен предоставлять другим право выбора и быть ведомым [Ясперс, 2007].

Значительное внимание в статье уделяется отношению человека к техническим разработкам. Если человек желает выжить, лидировать, иметь качественный уровень жизни необходимо учиться брать на себя ответственность за происходящие вокруг события и за свою жизнь, при этом прогнозируя возможные последствия своей деятельности, повышать уровень человеческого сознания.

Основная часть

Переходя к изучению вопроса о принципе ответственности и уровне мышления современного человека, обратимся к трудам немецкого философа И. Канта о разумности и моральности. По мнению выдающегося ученого нельзя отделять естественную философию, что имеет дело с законами природы и миром вещей от нравственной, которая включает в себя учение об этике. основополагающим фактором поступков человека является воля, которая состоит из умения, благоразумия и нравственности. Однако не у каждого человека сформированы данные принципы, а достижение жизненных благ и целей происходит спонтанно без правильно выбранных средств, лишь полагаясь на собственные ощущения [Ханафеева, Гурьянов, 2018]. Следовательно, возникает проблема необходимости самостоятельного выстраивания морально-нравственных законов, основанных на общепринятой этической системе, и их неукоснительного выполнения в виде следования высшему благу. Именно в таком варианте, с позиции социокультурного, культурологического и религиозно-интуитивистского методов исследования социальной жизни общества, человек формирует способность быть свободным от принуждения и давящего чувства долга, при этом деятельность человека может носить познавательный характер с элементами эмпирического и трансцендентального познания [Ясперс, 2007]. В случае, когда человек соглашается с априорной необходимостью следования моральным законам, появляется побудительная причина стремиться к «чистоте и подлинности», «критике чистого практического разума», чтобы отличать спекулятивную информацию от достоверной, видеть целостную картину мира [Платонова, 2007].

Очередным подтверждением насущной проблемы взаимоотношений человека и информационных технологий представляется опасность поражения человеческого сознания искусственными материалами. Создание искусственного интеллекта и иных информационно-технологических ресурсов «разрушает органическую связь природы и человека» [Гартман, 2002]. Всемирно известно, что технический прогресс имеет противоречивый характер. С одной стороны, благоприятствует в области промышленности, образования и здравоохранения, с обратной стороны, ведет к техногенным катастрофам, вызывает коммуникативные дисфункции, вводит человека в мир искусственной действительности, размыванию культурных ценностей. «Техника – это огромный эксперимент, направленный на выявление предела возможностей изменения природы», – подмечает современный ученый [там же].

Как зарубежные, так и отечественные ученые, обеспокоенные утратой ценностей человеческой культуры, побуждают исследователей к более гуманному отношению человека к технике, разработке технических устройств с этической точки зрения. И. Кант считал, что любые действия необходимо совершать с «доброй волей» [Кант, 1995]. А именно, любая идея или поступок должны подразумевать некоторое высшее или безусловное благо. Несомненным, с этической стороны, представлен феноменологический метод Э. Гуссерля, который воспринимал необратимые эволюционные процессы социума не как «неизбежный рок» [Гуссерль, 2005], а как задачу, обращенную к человеческим способностям понимания своих действий. По мнению автора, кризис взаимоотношений человечества и техники представляет собой альтернативу, «дальнейшее развертывание которой в решающей степени зависит от того, как люди поймут и реализуют свою историчность» [там же]. Возвращаясь к принципу ответственности в современном мире, признаем факт, что отдельный от социума человек не

сможет глобальным образом изменить сложившуюся кризисную ситуацию в общемировой системе. Однако, новизна предлагаемого нами метода заключается в том, что существует вероятность изменить отношение человека к происходящим событиям и частично окружающую действительность в своем микромире, ставя перед собой цель и прилагая упорные усилия – постигать и преобразовывать мир с учетом высших ценностей человечества.

Информационный век, насыщенный материальными благами, с присущими установками на достижение богатства, почета, образованности и остроумия, не может считаться благоприятным и подходящим для целостного развития человечества без таких духовно-нравственных качеств, как доброта, порядочность, уважение, тактичность. Доступность потребительской сферы услуг является огромным искушением для личности нарушить моральный долг, склонить человека к лени и приостановить его мотивацию к активной жизненной позиции. Двойственность мышления – реальная угроза подмены жизненных ценностей современного человечества [Гартман, 2002].

Несомненным является факт, что, стремясь к комфортному существованию, в погоне за модными техническими устройствами, которые обещают человеку облегчить трудовую деятельность, незаметным образом происходит замещение присущих человеку природных возможностей, как интеллектуальных, так и телесных. Поддаваясь манипулятивным техникам со стороны средств массовой коммуникации и общественному мнению, формирующаяся личность подвергается хаотичному влиянию разносортной информации. Лишь взрослый, психически зрелый человек, переосмысливший, сложившиеся исторически, морально-нравственные ценности, без вреда для самосознания сможет показать ценностные ориентиры молодому поколению. Обосновывается мысль, что большим преимуществом современного человека является умение отказаться от низкосортной продукции или ограничить себя от деструктивной информации.

Актуальность предлагаемого в статье этического аспекта ответственности человека перед информационно-техническим прогрессом обусловлена еще одним фактором. Человеческое сознание и мышление многомерно. Существует три плоскости человеческого сознания: онтологическая, космологическая и антропологическая. Так, по словам ученого С.Г. Джура, «мозг является инструментом деятельности сознания на физическом плане бытия» [Джура, 2014]. Следовательно, в связи с трансформационными процессами человеческого бытия в условиях современного информационного общества, возникает задача комплексного повышения уровня сознания человека. Таким образом, информация, поступающая в мозг человека, может быть весьма модифицирована, в зависимости от уровня развития человеческого сознания и мышления. Стремление быть всесторонне развитым и образованным человеком, проявление интереса к лженаучным учениям, вероятно, могут дезадаптировать человека в культурном пространстве, и увести от «гносеологических наработок, с которыми человечество подошло к концу XX века» [Богатая, 2010]. Применение культурологического и социокультурного подходов по мнению Богатой Л.Н. способствует более четкому и структурированному познанию окружающей действительности, что «многомерное мышление открывает путь к формированию новых познавательных стратегий, способствующих устранению культурных разрывов» [там же].

Очередная позиция выдающегося ученого М. Хайдеггера о проблеме взаимоотношений человека и техники акцентирует внимание на задаче «пробудить человека от антропологического забвения» [Хайдеггер, 2010]. Крайне важно для современного человека в

процессе познания и освоения окружающей действительности найти механизмы защиты от технического и информационного порабощения. По мнению философа, современный человек чрезмерно увлекается техническим пространством и становится частью технически преобразованного мира, «безличного и анонимного» [там же]. Следовательно, происходит трансформация человеческого осознания самого себя, утрата коммуникативных способностей, упразднение языка, личность растворяется в обыденности, происходит упадок культуры, присутствует страх и неумение аргументировано выразить свое мнение, манипулирование и информационное давление со стороны властвующей элиты.

Однако, ясно осознавая свою ответственность, понимая предельность внутренних границ человека или границы свободы, нагнетание и культивирование страха в борьбе за мир и сущность человека может отсутствовать. Этика современности затрагивает не только метафизическую область существования человечества, но и диалектический аспект, побуждающий человека образумиться, чтобы совладать с авантюрными технологиями. Поскольку «без свободы нет долженствования», то власть над волей человека, призывающая к глобальному прозрению, должна исходить из внутренней чувственной природы человека, а не носить проповеднический, угнетающий тон извне [Йонас, 2004]. Поскольку человеку трудно самостоятельно осознать необходимость внутренних перемен, то в определенные моменты жизни человек оказывается перед выбором принятия ответственности за себя или других людей. В зависимости от уровня своего сознания, человек может совершать ошибочные поступки и получать безотрадный результат, который, чаще всего, содействует формированию ответственности и решительности человека, переходный момент из эстетического состояния в этическое. В противном случае могут возникать депрессивные состояния или ничтожные ощущения своего существования. И. Кант в своих трудах заверял, что познавать смысл истинного блага – значит «содействовать своему счастью не по склонности, а из чувства долга, и только тогда поведение человека имеет подлинную моральную ценность».

На сегодняшний момент в процессе взаимодействий человека и научно-технического комплекса с этической стороны невозможно четко обозначить границы дозволенного [Йонас, 2004]. Природа человеческой деятельности изначально направлена на продолжение существования человечества и научно-технический прогресс, подразумевающий улучшение качества жизни человека, не должен быть причиной скоропостижного вымирания человечества или препятствовать раскрытию смысла человеческой сущности. Запрос современного человечества на сегодняшний день – это познание подлинной сущности человека, насколько это возможно в унисон с природой, где техника является вспомогательным средством.

Заключение

Таким образом, из вышеупомянутого материала следует, что современный человек, в определенной степени, является порабощенным заложником современных информационно-коммуникативных и технических разработок. Прогресс в воспитании, образовании, трудовой деятельности человека – является необходимой составляющей человеческого бытия. Проанализировав концепции разных ученых, приходим к выводу, что наряду с базовыми правилами безопасности жизни и научными знаниями человеку следует учиться сбалансированному развитию во всех сторонах своей жизнедеятельности, в том числе этической. Многие люди, ученые, специалисты уже задумываются о существующем разрыве

между интеллектуальными и нравственными знаниями. Сочетание наблюдения, сравнения, синтеза и анализа эволюционной картины мира, подтверждает идею, что очевидный пагубный эффект на индивидуума от масштабного развития технического прогресса побуждает здравомыслящего и рассудительного человека прилагать неимоверные усилия и энергетические затраты, чтобы достичь более высокого уровня сознания, понимать предел допустимой приспособляемости к новым технологиям и технически-манипулятивным условиям.

В данной статье предпринята попытка раскрыть основные причины негативного влияния информационно-технического прогресса на комплексное формирование личности. Автором предложена идея, что волевые качества жизнестойкости и жизнеспособности нынешнего поколения во многом зависят от отношения к проблематике технического прогресса. В нынешнее время важным критерием покорения науки и техники является степень нравственного вклада в человеческий прогресс. Основным результатом проведенного анализа принято считать, что не только ученым и исследователям, но и отдельному индивиду следует быть целеустремленным в вопросе этического продвижения. Иными словами, среди преобладания материальных благ современному человеку необходимо учиться проявлять любовь к высшему благу. Становление крепости духа, возрождение в себе доброй воли, достаточно часто, возникает лишь при крайних состояниях насилия, страха, угрозе жизни. Бессмысленно критиковать и осуждать существующий в мире технический распорядок или бросать вызов обществу. Этика ответственности, понимание целостности окружающего мира начинается с себя. Путь к высшим нравственным ценностям и идея человеческого достоинства перекликается с идеей ответственности. Спасение человека в его осознанной немощи перед Высшими силами. Осознание личной ответственности есть признак психической зрелости. Поэтому образованному здравомыслящему человеку нужно быть умеренным и осмотрительным в мыслях, словах и поступках [Траксель, 2009].

Библиография

1. Богатая Л.Н. Многомерное мышление в контексте представлений о многомерности // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. 2010. № 1. Том 23. С. 41-45.
2. Гартман Н. Этика. СПб., 2002. 707 с.
3. Глозман А.Б. Проблема взаимосвязи природы и техники в философии техники // Вестник Московского Университета. Философия. 2006. № 2. С. 22-37.
4. Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. 464 с.
5. Джура С.Г. Многомерность сознания // Живая этика и культура: идеи наследия семьи Рерихов в нашей жизни. 2014. Вып. 2. Т. 204. С. 213-231.
6. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004. 480 с.
7. Кант И. Обоснование метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб., 1995. 528 с.
8. Платонова А.В. Этические вопросы философии техники // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 298. С. 60-62.
9. Траксель Т.А. Проблема «Чистого Я» в феноменологии Гуссерля // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 18. С. 108-115.
10. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Академический проект, 2010. 351 с.
11. Ханафеева Э.Р., Гурьянов А.С. Метафизика нравственности Иммануила Канта // Скиф. 2018. № 11. С. 138-144.
12. Ясперс К. Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2007. 269 с.

Person's responsibility in terms of modern information technology progress

Ol'ga A. Grineva

PhD, Associate Professor,
Department of English,
Krasnoyarsk State Pedagogical University,
660049, 89, Ady Lebedevoi str., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: Gold23@inbox.ru

Abstract

This article describes the need for the development and use of information technology tools, taking into account the ethics of human responsibility. An attempt has been made to reveal the main reasons for the negative impact of information technology progress on the complex formation of personality. The author proposes the idea that the strong-willed qualities of resilience and viability of the current generation largely depend on the attitude to the problems of technical progress. At the present time, an important criterion for the conquest of science and technology is the degree of moral contribution to human progress. The main result of the analysis is considered to be that not only scientists and researchers, but also an individual should be purposeful in the matter of ethical advancement. It is important to progress not to the detriment of the natural essence of a person, but realizing the meaning of one's activity and predicting possible consequences. The consumer attitude to information and technical means that provide a person with comfortable life support reduces the importance of understanding the philosophical worldview in a modern person. There is a decrease in axiological functions in the field of culture of human interaction both in society and with information and communication means. There is a low level of responsibility for their activities, in particular among young people, and the substitution of value orientations from the standpoint of the socio-cultural aspect.

For citation

Grineva O.A. (2021) Otvetstvennost' cheloveka v usloviyakh sovremennogo informatsionno-tekhnicheskogo progressa [Person's responsibility in terms of modern information technology progress]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (6A), pp. 135-142. DOI: 10.34670/AR.2021.90.72.013

Keywords

Will, responsibility, ethics, analysis, moral values, level of consciousness, progress, knowledge.

References

1. Bogataya L.N. (2010) Mnogomernoe myshlenie v kontekste predstavlenii o mnogomernosti [Multidimensional thinking in the context of ideas about multidimensionality]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo* [CFU News], 1, 23, pp. 41-45.
2. Dzhura S.G. (2014) Mnogomernost' soznaniya [Multidimensionality of consciousness]. *Zhivaya etika i kul'tura: idei naslediya sem'i Rerikhov v nashei zhizni* [Living ethics and culture: ideas of the Roerich family heritage in our life], 2, 204, pp. 213-231.
3. Glozman A.B. (2006) Problema vzaimosvyazi prirody i tekhniki v filosofii tekhniki [The problem of the relationship between nature and technology in the philosophy of technology]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Filosofiya*

- [Bulletin of Moscow University. Philosophy], 2, pp. 22-37.
4. Hartmann N. (2017) *Moral Values (Ethics)*. Routledge.
 5. Heidegger M. (1976) *What Is Called Thinking?* Harper Perennial.
 6. Husserl E. (2005) *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow: Territoriya budushchego Publ.
 7. Jaspers K. (2007) *Prizrak tolpy* [Ghost of the crowd]. Moscow: Algoritm Publ.
 8. Jonas G. (2003) *Das Prinzip Verantwortung: Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation*. Suhrkamp Verlag.
 9. Kant I. (1995) *Obosnovanie metafiziki nravstvennosti. Kritika prakticheskogo razuma. Metafizika npravov* [Justification of the metaphysics of morality. Critique of practical reason. Metaphysics of morals]. St. Petersburg.
 10. Khanafeeva E.R., Gur'yanov A.S. (2018) Metafizika nravstvennosti Immanuila Kanta [Metaphysics of morality by Immanuel Kant]. *Skif* [Scythian], 11, pp. 138-144.
 11. Platonova A.V. (2007) Eticheskie voprosy filosofii tekhniki [Ethical issues of the philosophy of technology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University.], 298, pp. 60-62.
 12. Traksel' T.A. (2009) Problema «Chistogo Ya» v fenomenologii Gusserlya [The problem of Pure Self in Husserl's phenomenology]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 18, pp. 108-115.

УДК 130.2

DOI: 10.34670/AR.2021.53.18.014

Феномен новых медиа в контексте процессов глобализации культуры

Стычинский Максим Сергеевич

Кандидат философских наук, научный сотрудник,
доцент кафедры теории и истории культуры и искусства,
Государственный академический университет гуманитарных наук,
119049, Российская Федерация, Москва, Мароновский пер., 26;
e-mail: ms@gaugn.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований («Культурно-философские основания китайско-российского сотрудничества»), проект № 19-511-93002.

Аннотация

Статья посвящена роли «новых медиа» в контексте глобализационных культурных процессов. Развитие интернет технологий привело к тому, что население в большей степени начало потреблять информацию не через телевидение и газеты, как это было в XX веке, а преимущественно посредством сети Интернет. По мере развития интернет-технологий, активному вовлечению в новую медиа индустрию большого числа специалистов из различных сфер деятельности, стало возможным говорить о возникновении «новых медиа» как современном культурном феномене. Описаны отличия «новых медиа» от традиционных форм СМИ, проанализирована их роль и значение для коммуникационных процессов в контексте глобализации. «Новые медиа» децентрализуют процесс создания информационного контента, усиливая горизонтальные связи в обществе. Разрушение границы между потребителем и создателем информационных материалов привело не только к изменению существующей ролевой модели взаимодействия в данной области, но и к серьезным трансформационным процессам в культурной сфере. Процесс глобализации культуры значительно ускорился благодаря «новым медиа» XXI века. Интернет-пространство создало новые возможности для установления неформальных контактов между людьми, живущими в разных реальностях. Благодаря обмену репрезентативными и ценностными практиками в процессе коммуникации, который происходит через социальные сети и «новые медиа», вырабатываются некоторые новые и трансформируются уже существующие глобальные культурные ценности, которые выражаются как в распространении массовой культуры, так и в установлении множественных горизонтальных связей между людьми из разных стран.

Для цитирования в научных исследованиях

Стычинский М.С. Феномен новых медиа в контексте процессов глобализации культуры // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 6А. С. 143-151. DOI: 10.34670/AR.2021.53.18.014

Ключевые слова

Новые медиа, социальные сети, глобализация, информационное общество, массовая культура.

Введение

Современное мировое сообщество в условиях глобализации и стремительного развития информационных и коммуникационных технологий оказалось в ситуации необходимости переформатирования существующей системы взаимодействия между представителями различных культур, а также адаптации в соответствии с новыми реалиями существующей ролевой модели внутри отдельных социальных групп. В наибольшей степени данные процессы прослеживаются в связи с переходом человечества в состояние информационного общества, характерной особенностью которого является ориентация подавляющего большинства его членов на процессы активного взаимодействия с потоками информации в своей профессиональной и бытовой деятельности. Для информационного общества характерно увеличение роли информации в формировании культурных ценностей, доминирующих в обществе.

Информационное общество, обусловленное «новой ролью информации во всех сферах жизнедеятельности, качественно новым уровнем производства, переработки и распространения информации» [Коновалов, 2001], привело к возникновению ситуации частичной потери национальными государствами монополии на производство исторических интерпретаций и культурных смыслов. В результате создания глобальной сети Интернет и появления возможности получения информации по любым интересующим субъекта вопросам из различных источников, во многих обществах произошел кризис официальных версий исторического прошлого и пересмотр содержания коллективной памяти.

Основная часть

Современная нам реальность характеризуется возросшим значением медиа, под которыми мы понимаем совокупность различных средств, методов и алгоритмов передачи информации. Технологический прогресс не только увеличил скорость обмена информацией, но также создал аудиовизуальный виртуальный слой, пронизывающий все области реальности. Данные трансформации прежде всего стали возможными благодаря развитию технологий глобальной мировой сети Интернет, которые прошли с момента возникновения в 1969 году достаточно длинный путь с точки зрения развития своей технологической составляющей.

Совокупность указанных факторов привела к ситуации, в которой человек XXI века постоянно находится в состоянии переизбытка информационных потоков, со всех сторон окружен медиа каналами, которые при помощи различных методов пытаются завладеть вниманием субъекта [Давудов, Спикина, 2020]. Непрерывное взаимодействие с информационным пространством приводит к ситуации, когда мнения и суждения относительно процессов, происходящих в реальности, будь то историческое, культурное событие, или же политическая жизнь общества, все в большей степени соотносятся и, зачастую, оказываются зависимы от высказываний и интерпретаций публичных спикеров и так называемых «лидеров мнения». Под «лидерами мнения» в данном контексте мы понимаем людей, транслирующих в

свободном доступе свою точку зрения по каким-либо вопросам, с которой солидаризируется некоторая часть общества [Лазуткина, 2016, 53]. В этом и заключается принципиальное отличие информационного общества XXI века от времени доминирования в системе формирования мировоззренческих конструктов и культурных ценностей процессов управления данной сферой централизованным путем.

Кроме того, важно отметить, что за последнее десятилетие произошли серьезные изменения в части доминирующего в информационном пространстве типа медиа-контента: с текстового в сторону аудиовизуального. Во-многом данные трансформации были обусловлены развитием информационных технологий, прежде всего включающих процессы совершенствования сети Интернет, увеличения скорости и объемов передачи информации. Переориентировка зрительского внимания от доминирования текстовой составляющей к аудиовизуальной в современном состоянии культуры и медиа технологий эмпирически верифицируется и все чаще обращает на себя внимание современных научных исследований [Козьякова, 2020]. Тенденция на «визуальность» в медиа-пространстве находит отражение в решениях ряда «традиционных» СМИ осуществлять потоковую видеотрансляцию своего вещания на различных платформах и видеохостингах.

Так же как в свое время изобретение телеграфа, телефона и радио оказало значительное влияние на все сферы человеческой жизни, появление сети Интернет принципиально изменило способы реализации коммуникации в современном обществе. На сегодняшний день Интернет является площадкой для интенсивного выстраивания горизонтальных связей в обществе как на локальном, региональном, так и на глобальном уровнях. Таким образом, благодаря современным средствам коммуникации мы наблюдаем ускорение процесса глобализации культуры и выстраивание новых форматов для диалога различных культур [Чижков, 2020, 62]. Коммуникация, в свою очередь, влияет на формирование социального субъекта, определяет его ценностную парадигму, через которую человек рассматривает себя и других. Если до эпохи глобальной сети человек находился в локальном коммуникационном пространстве, то теперь он находится в глобальном социуме [Латур, 2014, 125-126].

В результате комплексного развития информационных и коммуникационных технологий, их доступности для большого числа пользователей, стремительному росту числа различных программных решений от мессенджеров до сложных мультиконтентных платформ, возникает феномен так называемых «новых медиа» [Манович, 2015]. Сам термин возник на рубеже XX и XXI вв. и изначально им обозначались интерактивные электронные издания, однако позже это понятие расширилось. Под «новыми медиа», как правило подразумевается новый тип СМИ, отличительной особенностью которого является его доступность на различных цифровых устройствах, а также активное участие пользователей в процессе создания и распространения информационных материалов. Термин «новые медиа» также часто используется для обозначения существующих отличий от традиционных СМИ.

С точки зрения феномена «новых медиа» глобализация коммуникативной и культурной среды ведет к выстраиванию единых ценностных иерархий и выработке общей культурной парадигмы. Под глобализацией в данном контексте мы понимаем объективно-исторический процесс многоаспектной унификации и выстраивания единой культурно-цивилизационной системы, выработки единых паттернов поведения, которые начинают эффективно действовать в разных странах по всему миру [Чумаков, Стычинский, 2018]. Таким образом, посредством «новых медиа» локальный или региональный культурный опыт получает возможности для

интенсивного распространения, а выработанные в каком-либо локальном сообществе культурные или коммуникативные формы интегрируются в коммуникативные среды более крупных социальных образований.

В связи с этим рассмотрим феномен «новых медиа» в контексте глобализационных культурных процессов. Как уже отмечалось, «новые медиа» связаны с цифровыми технологиями и появлением сети Интернет, что позволяет передавать большие объемы информации разного типа (видео, аудио, текст, изображение) практически мгновенно и в неограниченных объемах. «Новые медиа» также позволяют объединять различные информационные потоки, которые ранее существовали автономно, в единое целое.

Одним из авторитетных исследователей «новых медиа» является автор работ по теории цифровой культуры – Л. Манович. Основными принципами, определяющими «новые медиа» в разработанной им концепции «Софт-культуры» [Манович, 2017], являются:

Числовое представление. Любой объект «новых медиа» вне зависимости от его функциональной нагрузки записан с помощью двоичного кода, является цифровым продуктом.

Модульность. «Новые медиа» структурируются друг по отношению к другу так как и все остальные объекты в Интернете. Они представляют собой связанные гипертекстом модули.

Автоматизация. Благодаря такой архитектуре «новых медиа» удастся значительно автоматизировать процесс создания и использования объектов.

Изменчивость. «Новые медиа» являются интерактивными и могут редактироваться бесконечное количество раз.

Транскодинг. Объекты «новых медиа» являются цифровым кодом и вследствие этого могут быть переформатированы в любой формат.

В «новых медиа» Л. Манович выделяет два базовых уровня – компьютерный и культурный, в этом контексте можно сказать, что транскодинг проявляется в полисинтаксичности объектов новых медиа, которые существуют одновременно и в поле синтаксиса компьютерной знаковой системы, и в поле синтаксиса культурной знаковой системы.

Хорошим примером «новых медиа» являются стриминговые платформы, основная задача которых – дать возможность осуществлять пользователям видео или аудио онлайн трансляцию. Тематика трансляции может варьировать от развлекательной до профессиональной коммуникации. Следует отметить, что функции осуществления стриминга за последние 5 лет были практически повсеместно интегрированы в основные популярные социальные сети и сервисы, что подтверждает тезис о популярности данного формата коммуникации. Организация контента в таких платформах имеет вертикальную иерархию: пользователям доступны для просмотра все открытые трансляции. Основной функционал интерфейса для пользователей позволяет ориентироваться на платформе, производить поиск трансляций, комментировать и ставить оценку.

Контент в «новых медиа» создается по большей части как некий акт самовыражения. В XXI веке проблема самовыражения и проявление своей индивидуальности становится наиболее актуальной. Социальные платформы в сети Интернет, на которых происходит постоянный обмен между пользователями текстовыми сообщениями, фотографиями, музыкой и видео, заострили общественное внимание на теме свободы самовыражения [Маклюэн, 2003, 173]. С появлением социальных сетей также обрели популярность так называемые интернет-дневники или «блоги», с помощью которых пользователи делятся друг с другом самой различной информацией. Формат блогов может быть разным: от текстового дневника, которые появились

на заре развития социальной среды в сети, до видеоблога над которым может работать целая команда профессионалов.

Блог – это «веб-сайт, основное содержимое которого — регулярно добавляемые записи, изображения или мультимедиа» [Галичкина, 2001, 27], то есть дневник, который ведется в режиме онлайн и имеет способность транслировать информацию не только в текстовом регистре, но и с использованием мультимедиа средств. Влог или видео-блог это такая форма блога, в котором информация передается при помощи видео [Российский видеоблогинг..., www]. История влога началась в 2000 году, когда 2 января Адам Контрас в персональном блоге впервые выложил короткий ролик своего переезда из Огайо в Калифорнию. Тогда его блог не был достаточно популярным и медленный доступ к Интернету не позволял получить большое количество просмотров. Однако уже через четыре года видео-блогинг стал настолько популярен, что продюсер одного из бостонских радио-шоу – Стив Гарфилд, в своем блоге объявил 2004 год – годом влога.

Популярность личных видео, размещаемых пользователями на различных платформах, с каждым годом продолжала расти и, в конце концов, многие из них стали «вирусными», то есть распространялись с огромной скоростью среди невероятного количества интернет-пользователей, набирая миллионы просмотров. Например, в 2005 году видео Гэри Бролсма, на котором он всего лишь комично танцует и двигает губами под известную песню, имело более двух миллионов просмотров [Усачева, 2016]. С появлением и стремительным распространением такого приложения как Tik-Tok, специализирующегося на коротких видеороликах, размещаемых пользователями со своего мобильного устройства, популярность такого рода видео материалов стала стремительно расти. Алгоритмы работы данной платформы построены таким образом, что за короткое время видеоролик, созданный любым пользователем, может стать крайне популярным, получая миллионы просмотров и делая его автора известным контент-мэйкером.

Популярность видеоблога как канала для коммуникации неразрывно связана с созданием видеохостинга YouTube в 2005 году. Данный сервис позволил любому человеку с доступом в Интернет выкладывать любые видео на платформу, где их могут посмотреть пользователи. Изначально, целью авторов не было получение прибыли или какой-либо выгоды: ролики снимались, в основном, на любительскую аппаратуру и в домашних условиях. Для авторов видеоблог являлся средством самопрезентации, а основная задача сводилась к стремлению поделиться событиями своей жизни.

Ситуация принципиально изменилась после создания партнерской платформы YouTube – пространства для размещения рекламы в видео, которое пришлось на 2007 год. Появление коммерческой составляющей в сфере видеоблогинга привело к стремительному увеличению создаваемого контента, а также к приходу на платформу профессионалов, обладающих навыками и компетенциями создания качественных материалов. Это во многом стало поворотным событием в истории влогинга, так как видеоблогинг перестает быть просто хобби и становится отдельной профессией. Благодаря этому качество создаваемого контента, то есть содержимого видео роликов, улучшается, а его создатели обретают более широкую известность [Дубчак, 2010]. Популярность видеоблогов и востребованность личного контакта с аудиторией приводит к тому, что блогеры переходят с блог-платформ на YouTube.

На сегодняшний день YouTube является наиболее популярной площадкой для размещения видеороликов и занимает второе место по популярности в мире после поискового сервиса

Google (по данным сервиса статистики посещения интернет-ресурсов Alexa.com). Особенностью данного ресурса является доступность видео контента для любого пользователя вне зависимости от страны его нахождения и страны создания видео ролика. Удобный сервис «рекомендации», оценивая интересы пользователя и популярность видеороликов, самостоятельно предлагает к просмотру различные материалы, что позволяет значительно расширить границы распространения информации в глобальных масштабах, способствуя знакомству с культурами других стран. Доступность видеоизображения с помощью мобильных гаджетов сделала такой тип СМИ доминирующим в современном информационном пространстве [Текутьева, 2016].

Видеоблогинг открывает перед авторами широкий творческий простор, в отличие от текстового блога. Для создания как блога, так и влога нужна идея, однако возможности ее реализации на различных платформах сильно разнятся. Для классического блога нужна лишь идея текста и возможные медиа-файлы для ее подкрепления (фото, видео, музыка и др.). При создании видеоблога необходим сценарий, креативное мышление для организации места съемки, навыки съемки и монтажа, а с приходом популярности и рекламодателей неотъемлемыми качествами становятся умение вести переговоры и способность творчески внедрять ту или иную рекламную интеграцию в формат своего видеоблога.

В современном технологичном обществе, где Интернет является не только средством для поиска информации, но и одним из основных каналов коммуникации, видеоблогинг перестал быть просто площадкой для самовыражения и приобрел значение важного коммуникативного пространства [Российский видеоблогинг..., www, 19]. На данный момент видеоблогинг уверенно вытесняет телевидение и прочие «оффлайн» (от англ. «offline», вне сети) СМИ из жизни людей. Видеоблогинг как онлайн информационный и развлекательный ресурс является для большого числа пользователей сети Интернет все более понятным и привычным.

Несмотря на то, что контент видеоблогов носит преимущественно развлекательный характер, он включает в себя утверждение некоторых культурных ценностей, которые транслируются не как часть дискурсивной повестки видеоблогера, но как часть его имиджа. Трансляция культурных ценностей путем воздействия на аудиторию посредством такого рода материалов, зачастую, характеризуется высокой степенью эффективности, поскольку носит нормативный характер: поклонники блогера воспринимают его имидж, образ жизни, модели поведения и взаимодействия с окружающим миром в качестве образца для подражания. Сегодня многие популярные видеоблогеры активно транслируют свое изображение с дорогими автомобилями, одеждой люксовых брендов. С точки зрения ценностных составляющих, подобные материалы направлены на популяризацию идеи индивидуализма и культуры потребления.

Заключение

В условиях информационного общества в части ценностного наполнения культур различных народов неизбежно происходят различные трансформационные процессы [Саркарова, 2018, 274]. Кроме того, с возникновением, по существу, нового – информационного пространства для взаимодействия субъектов, возникают новые ценности, приобретающие важное значение в связи с высокой значимостью для современного человека возможности реализации собственных потребностей на уровне информационного взаимодействия. Одним из

принципиально новых состояний, характеризующих современное информационное общество, стало резкое повышение значимости отдельного субъекта, личности, использующего доступные средства и технологии для достижения своих целей и решения задач.

В то же время ситуация разрушения понятной картины мира индустриального общества и переход к поливариантной реальности, характеризующейся бесконечным множеством смыслов, интерпретаций, подходов, привели к внутреннему кризису субъекта и к разрушению его ценностных ориентиров. Фактически, представитель информационного общества самостоятельно конструирует свою систему ценностных ориентиров исходя из личных предпочтений и влияния информационного поля. В этом отношении роль «новых медиа», транслирующих культурные ценности и смыслы в современном обществе крайне значима.

Важно также отметить, что процесс глобализации культуры значительно ускорился благодаря «новым медиа» XXI века. Интернет-пространство создало новые возможности для установления неформальных контактов между людьми, живущими в разных политических, экономических и культурных реальностях. Благодаря обмену репрезентативными и ценностными практиками в процессе коммуникации, который происходит через социальные сети и «новые медиа», вырабатываются некоторые новые и трансформируются уже существующие глобальные культурные ценности, которые выражаются как в распространении массовой культуры [Чумаков, 2017, 22] (носящей глобальный характер), так и в установлении множественных горизонтальных связей между людьми из разных стран.

Библиография

1. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2001. 213 с.
2. Давудов Д.А., Спикина Т.В. Человек в информационном обществе и информационном государстве // Цифровая наука. 2020. № 5. С. 227-236.
3. Дубчак И.Е. Досуговый дискурс в интернет-пространстве // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2010. С. 786-787.
4. Козьякова М.И. Медийное пространство и его парадоксы // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 4. С. 189-200.
5. Коновалов В.Н. (ред.) Словарь по политологии. Ростов-на-Дону, 2001. 285 с.
6. Лазуткина Е.В. Лидеры мнений в информационном пространстве блогосферы Рунета // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. № 6. С. 51-59.
7. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014. 384 с.
8. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.
9. Манович Л. Теории софт-культуры. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. 208 с.
10. Манович Л. Язык новых медиа. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 399 с.
11. Российский видеоблогинг 2015. Роль и значение в коммуникациях и цифровой среде. 2015. URL: <https://polylog.ru/wp-content/themes/polylog/media/pdf/2015-06-09-vlogging-analysis.pdf>
12. Саркарова Н.А. Проблема духовности в информационном обществе // Гуманитарное знание и духовная безопасность. 2018. С. 271-276.
13. Текутьева И.А. Жанрово-тематическая классификация видеоблогинга // Медиасреда. 2016. № 11. С. 107-113.
14. Усачева О.Ю. О построении модели жанров интернет-коммуникации // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2016. С. 208-209.
15. Чижков Н.С. Философия культуры и роль диалога в межкультурном общении // Теория и практика российско-китайских отношений. М.: Проспект, 2020. С. 55-63.
16. Чумаков А.Н. Культурный код общественного развития: глобальные и локальные аспекты // Культура в условиях глобализации. Взгляд из России. М.: Кнорус. 2017. С. 8-33.
17. Чумаков А.Н., Стычинский М.С. Культурно-цивилизационный диалог и его возможности в условиях глобального мира // Век глобализации. 2018. № 1 (25). С. 3-14.

The phenomenon of new media in the context of cultural globalization processes

Maksim S. Stychinskii

PhD, Researcher, Associate Professor,
Department of Theory and History of Culture and Art,
State Academic University for Humanities,
119049, 26, Maronovskii lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: ms@gaugn.ru

Abstract

The article is devoted to the role of “new media” in the context of globalization cultural processes. The development of Internet technologies has led to the fact that the population began to consume information to a greater extent not through television and newspapers, as was the case in the 20th century, but mainly through the Internet. With the development of Internet technologies, the active involvement of a large number of specialists from various fields of activity in the new media industry, it became possible to talk about the emergence of “new media” as a modern cultural phenomenon. The differences between new media and traditional forms of media are described, their role and significance for communication processes in the context of globalization are analyzed. New media decentralizes the process of creating information content, strengthening horizontal ties in society. The destruction of the boundary between the consumer and the creator of information materials has led not only to a change in the existing role model of interaction in this area, but also to serious transformational processes in the cultural sphere. The process of globalization of culture has accelerated significantly thanks to the new media of the 21st century. The Internet space has created new opportunities for establishing informal contacts between people living in different realities.

For citation

Stychinskii M.S. (2021) Fenomen novykh media v kontekste protsessov globalizatsii kul'tury [The phenomenon of new media in the context of cultural globalization processes]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (6A), pp. 143-151. DOI: 10.34670/AR.2021.53.18.014

Keywords

New media, social networks, globalization, information society, mass culture.

References

1. Chizhkov N.S. (2020) *Filosofiya kul'tury i rol' dialoga v mezhkul'turnom obshchenii* [Philosophy of culture and the role of dialogue in intercultural communication]. In: *Teoriya i praktika rossiisko-kitaiskikh otnoshenii* [Theory and practice of Russian-Chinese relations]. Moscow: Prospekt Publ.
2. Chumakov A.N. (2017) *Kul'turnyi kod obshchestvennogo razvitiya: global'nye i lokal'nye aspekty* [Cultural code of social development: global and local aspects]. In: *Kul'tura v usloviyakh globalizatsii. Vzglyad iz Rossii* [Culture in the context of globalization. View from Russia]. Moscow: Knorus Publ.
3. Chumakov A.N., Stychinskii M.S. (2018) *Kul'turno-tsivilizatsionnyi dialog i ego vozmozhnosti v usloviyakh global'nogo mira* [Cultural-civilizational dialogue and its possibilities in the conditions of the global world]. *Vek globalizatsii*

-
- [Century of globalization], 1 (25), pp. 3-14.
4. Davudov D.A., Spikina T.V. (2020) Chelovek v informatsionnom obshchestve i informatsionnom gosudarstve [Human in the information society and the information state]. *Tsifrovaya nauka* [Digital Science], 5, pp. 227-236.
 5. Dubchak I.E. (2010) Dosugovyi diskurs v internet-prostranstve [Leisure discourse in the Internet space]. In: *Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [Russian language: historical destinies and modernity]. Moscow.
 6. Galichkina E.N. (2001) *Spetsifika komp'yuternogo diskursa na angliiskom i russkom yazykakh (na materiale zhanra komp'yuternykh konferentsii)*. *Doct. Dis.* [Specifics of computer discourse in English and Russian (based on the genre of computer conferences). *Doct. Dis.*]. Astrakhan.
 7. Konovalov V.N. (ed.) (2001) *Slovar' po politologii* [Dictionary of Political Science]. Rostov-on-Don.
 8. Koz'yakova M.I. (2020) Mediinoe prostranstvo i ego paradoksy [Media space and its paradoxes]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 4, pp. 189-200.
 9. Latour B. (2007) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. OUP Oxford.
 10. Lazutkina E.V. (2016) Lidery mnenii v informatsionnom prostranstve blogosfery Runeta [Opinion leaders in the information space of the Runet blogosphere]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [NSU Herald in History and Philology], 6, pp. 51-59.
 11. McLuhan M. (2013) *Understanding Media: The Extensions of Man*. Gingko Press.
 12. Manovich L. (2017) *Teorii soft-kul'tury* [Theories of soft culture]. Nizhniy Novgorod: Krasnaya lastochka Publ.
 13. Manovich L. (2018) *Yazyk novykh media* [The language of new media]. Moscow: Ad Marginem Press Publ.
 14. *Rossiiskii videoblogging 2015. Rol' i znachenie v kommunikatsiyakh i tsifrovoi srede* [Russian video blogging 2015. Role and importance in communications and the digital environment]. Available at: <https://polylog.ru/wp-content/themes/polylog/media/pdf/2015-06-09-vlogging-analysis.pdf> [Accessed 12/12/2021]
 15. Sarkarova N.A. (2018) Problema dukhovnosti v informatsionnom obshchestve [The problem of spirituality in the information society]. In: *Gumanitarnoe znanie i dukhovnaya bezopasnost'* [Humanitarian knowledge and spiritual security].
 16. Tekut'eva I.A. (2016) Zhanrovo-tematicheskaya klassifikatsiya videobloginga [Genre-thematic classification of video blogging]. *Mediasreda* [Media environment], 11, pp. 107-113.
 17. Usacheva O.Yu. (2016) O postroenii modeli zhanrov internet-kommunikatsii [On building a model of Internet communication genres]. In: *Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [Russian Language: Historical Destinies and Modernity]. Moscow.
-

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2021.44.94.015

**Философский анализ научных концепций жизненного цикла
зиготы человека****Дроганов Виктор Иванович**

Врач

Поликлиника № 3

3300, Молдова, Тирасполь, ул. Манойлова, 17;

e-mail: droganov@bk.ru

Аннотация

В работе обосновывается необходимость философского переосмысления научной концепции зиготы человека в условиях когда иные концепции показывают свои ограничения для дальнейшего развития. В частности, показано, что человеческий организм представляет собой генетический определенное объединение потомков зиготы по фенотипическому признаку в ткани и органы. Каждое объединение выполняет свою функцию, при этом, с точки зрения концепции жизненного цикла окружающая нас действительность - это мир бессмертных одноклеточных организмов. Дается обобщение исследований в данной области за последнее столетие, показан потенциал исследованных характеристик «смертной» и «бессмертно» части зиготы. Смертная человеческая сома в этом цикле является промежуточным звеном, средством выживания одноклеточных организмов. В заключении делается вывод о том, что признание стволовых клеток зародышевой линии одноклеточными организмами кардинально меняет научные представления о живой материи, но и позволяет с иных позиций рассматривать существование человека.

Для цитирования в научных исследованиях

Дроганов В.И. Философский анализ научных концепций жизненного цикла зиготы человека // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 6А. С. 152-156. DOI: 10.34670/AR.2021.44.94.015

Ключевые слова

Соматические клетки, одноклеточные организмы, жизненный цикл, предел Хейфлика, бессмертие одноклеточных.

Введение

В современных исследованиях закреплено значительное количество взглядов относительно источников и причин существования человека. При этом, наиболее исследованной является направление, связанное с обобщением воздействия научного познания в самых различных областях естественных наук на представление о мире и человеке.

Основное содержание

Часть этих исследований можно также относить к области теологии в случае, если человек рассматривается как творение Бога, высшего разума и изучается посредством религиозного знания с самых различных аспектов. В данном случае, безусловно, для формирования целостных философских концепций исследуется область трансцендентного, вопрос познания которого в современной философии является весьма дискуссионной областью.

В эпоху постмодернизма все большую популярность приобретают концепции, отрицающие всякий смысл существования человека. Так, например, современные концепции трансгуманизма, начиная с момента равной ценности человека и любого другого живого организма, предполагают, что природа первична по сравнению с человеком, который является не более, чем «опухолью» на теле природы, причиной и источником всех катастроф.

На практике данные убеждения являются одной из причин создания таких направлений как «Движение за добровольное вымирание человечества» (Voluntary Human Extinction Movement), которое заключается в добровольном отказе от продолжения рода. То есть человек является «лишним» элементом природы, оказывающим деструктивное действие на общество в целом, подрывающего возможности его выживания.

Кроме того, существует научное течение согласно которому люди «созданы» своими генами, при этом цель человеческой жизни заключается в обеспечении выживания данных генов посредством обеспечения их выживания. При этом смысл их существования сводится только к этой транзитивной функции.

Однако современная наука посредством открытия данных о жизненном цикле зиготы человека с позиции социальной философии.

В современной науке является доказанным тот факт, что на первом этапе эволюции функция соматических клеток была создать среду, в которой бы стволовые одноклеточные организмы смогли бы жить и размножаться. Согласно теории эволюции, в дальнейшем сома постепенно становилась сложнее и стала выполнять множество других функций. Все это считается причиной в ряде научных представления создания человеческого организма. Однако в то же время, современные исследования в области исследования проблем искусственного интеллекта, что для освоения нового навыка, который не входит в характеристику ДНК организма, необходимо не менее 70 тысяч лет. Поэтому данная теория эволюции, несмотря на ее повсеместное распространение, не описывает все возможные подходы объяснению создания человека.

Очевидно, что человеческий организм представляет собой генетически определенное объединение потомков зиготы по фенотипическому признаку в ткани и органы. Каждое объединение выполняет свою функцию. Функции этих объединений генетически детерминированы. При этом, для эффективного выполнения тканями и органами своих

функций, потомки зиготы человека согласованно взаимодействуют не только между собой, но и с триллионами одноклеточных организмов других видов.

В зависимости от жизненного цикла – одноклеточные организмы можно разделить на простейшие и стволовые одноклеточные организмы. К простейшим одноклеточным организмам относятся, одноклеточные организмы в жизненном цикле которых отсутствует многоклеточная стадия в виде смертной сомы. К стволовым одноклеточным организмам относятся, одноклеточные организмы (бессмертные стволовые клетки) в жизненном цикле которых в естественной среде присутствует многоклеточная стадия в виде смертной (предел Хейфлика) сомы, а в искусственной среде – отсутствует многоклеточная стадия.

Очевидно, что человеческий организм представляет собой генетически определенное объединение потомков зиготы по фенотипическому признаку в ткани и органы. Каждое объединение выполняет свою функцию. При этом, в научных исследованиях показано, что функции этих объединений генетически детерминированы. При этом, для эффективного выполнения тканями и органами своих функций, потомки зиготы человека согласованно взаимодействуют не только между собой, но и с триллионами одноклеточных организмов других видов.

Следовательно, в самом общем смысле жизненный цикл – это период между двумя одинаковыми фазами двух или большего количества поколений. Кроме того, согласно самым общим представлениям, в жизненном цикле зиготы человека всех её потомков можно разделить на две линии: зародышевую (бессмертную) и соматическую (смертную). Зародышевую линию относят к бессмертной, так как в искусственной среде потомки этой линии могут делиться до бесконечности.

В самом общем смысле выделение в многоклеточном организме двух систем, смертной и бессмертной не является каким-то новым открытием. А. Вейсман в 1892 в работе «Очерк о наследственности и связанных с ней биологических вопросах» высказал гипотезу, что многоклеточный организм состоит из 2 систем: смертного тела – сомы (телесной плазмы), и бессмертной зародышевой плазмы (гермоплазмы).

По его мнению, гермоплазма — наиболее ответственная часть организма, она определяет формы и характеристики телесной плазмы. Тело же находится на службе гермоплазмы, делая ее способной к репродукции.

Т. Кирквуд изучая, старения организмов, в 1979 году выдвинул теорию «одноразовой сомы» [Kirkwood, Holliday, 1979]. Он предполагал, что в многоклеточном теле есть нестареющая часть — половые клетки (germ cells, germ line), а есть остальное — сома. Преемственность жизни осуществляется только на уровне половых клеток, которые участвуют в оплодотворении, затем делятся и образуют новые половые клетки. А сома — надстройка, необходимая для обеспечения жизни половых клеток, которая и претерпевает старение — как репликативного, так и физиологического.

Болдачев А.В высказал мнение, что клетки зародышевой линии можно рассматривать как самостоятельную популяцию одноклеточных, обитающих в биологически активной среде онтогенеза. При этом, признание стволовых клеток зародышевой линии одноклеточными организмами кардинально меняет не только классификацию живой материи, но и представление о человеке.

Заключение

Таким образом, что человеческий организм представляет собой генетически определенное объединение потомков зиготы по фенотипическому признаку в ткани и органы. Каждое объединение выполняет свою функцию, при этом, с точки зрения концепции жизненного цикла окружающая нас действительность - это мир бессмертных одноклеточных организмов. Смертная человеческая сома в этом цикле является промежуточным звеном, средством выживания одноклеточных организмов.

Таким образом, признание стволовых клеток зародышевой линии одноклеточными организмами кардинально меняет научные представления о живой материи, но и позволяет с иных позиций рассматривать существование человека.

Библиография

1. Болдачев А.В. Еще одна попытка объясниться по поводу уровня отбора, 2011-02-19. [Электронный ресурс]. URL: <https://boldachev.livejournal.com/52150.html> (дата обращения: 04.01.2019).
2. Бутенко Р. Г. Биология клеток высших растений *in vitro* и биотехнологии на их основе. М. ФБК-ПРЕСС, 1999.
3. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993.
4. Дроганов В. И. Классификация витальных потребностей и средств выживания // Прикладная психология и психоанализ. – 2012. – №. 1. – С. 2-2.
5. Доброчаев А. Е. Анализ и моделирование пролиферации клеток в меристеме корня : Институт физиологии растений им. К.А. Тимирязева Российской академии наук, 2003.
6. Иванов-Петров А. Одноклеточные млекопитающие, 2013.10.14. [Электронный ресурс]. URL: <https://ivanov-petrov.livejournal.com/1848058.html> (дата обращения: 04.03.2019).
7. Мезен Н. И., Квачева З. Б., Сычик Л. М. Стволовые клетки: учеб.—метод. пособие. 2-е изд., доп // Минск: БГМУ. – 2014. 62 с.
8. Gros C. Developing ecospheres on transiently habitable planets: the genesis project // *Astrophysics and Space Science*. – 2016. – Т. 361. – №. 10. – С. 1-14.
9. Kirkwood T. B. L., Holliday R. The evolution of ageing and longevity // *Proceedings of the Royal Society of London. Series B. Biological Sciences*. – 1979. – Т. 205. – №. 1161. – С. 531-546.
10. Weismann A. *Essays upon heredity and kindred biological problems*. – Clarendon press, 1891. – Т. 1.

Philosophical analysis of scientific concepts of the human zygote life cycle

Viktor I. Droганov

Doctor,
Polyclinic No. 3,
3300, 17 Manojlov str., Tiraspol, Moldova;
e-mail: droganov@bk.ru

Abstract

The paper substantiates the need for a philosophical rethinking of the scientific concept of the human zygote in conditions when other concepts show their limitations for further development. In particular, it is shown that the human body is a certain genetic association of the descendants of the zygote on a phenotypic basis in tissues and organs. Each association fulfills its function, while, from the point of view of the concept of the life cycle, the reality surrounding us is the world of immortal unicellular organisms. A generalization of research in this area over the last century is given, the

potential of the characteristics of the "mortal" and "immortal" parts of the zygote is shown. The mortal human catfish in this cycle is an intermediate link, a means of survival of unicellular organisms. In conclusion, it is concluded that the recognition of germ line stem cells by unicellular organisms radically changes scientific ideas about living matter, but also allows us to consider human existence from a different perspective.

For citation

Droganov V.I. (2021) Filosofskii analiz nauchnykh kontseptsii zhiznennogo tsikla zigoty cheloveka [Philosophical analysis of scientific concepts of the human zygote life cycle]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (6A), pp. 152-156. DOI: 10.34670/AR.2021.44.94.015

Keywords

Somatic cells, unicellular organisms, life cycle, Hayflick limit, immortality of unicellular.

References

1. Boldachev A.V. Another attempt to explain about the level selection, 2011-02-19. [electronic resource]. URL: <https://boldachev.livejournal.com/52150.html> (accessed: 04.01.2019).
2. Butenko R. G. Biology of higher plant cells in vitro and biotechnology based on them. M. FBK-PRESS, 1999.
3. Dawkins R. Egoistic gene. M.: Mir, 1993.
4. Droganov V. I. Classification of vital needs and means of survival // Applied psychology and psychoanalysis. – 2012. – №. 1. – Pp. 2-2.
5. Dobrochaev A. E. Analysis and modeling of cell proliferation in the root meristem : Timiryazev Institute of Plant Physiology of the Russian Academy of Sciences, 2003.
6. Ivanov-Petrov A. Unicellular mammals, 2013.10.14. [Electronic resource]. URL: <https://ivanov-petrov.livejournal.com/1848058.html> (accessed: 04.03.2019).
7. Mezen N. I., Kvacheva Z. B., Sychik L. M. Stem cells: studies.- method. stipend. 2nd ed., dop //Minsk: BSMU. - 2014. 62 p.Gros C. Developing ecospheres on transiently habitable planets: the genesis project //Astrophysics and Space Science. – 2016. – T. 361. – №. 10. – C. 1-14.
8. Kirkwood T. B. L., Holliday R. The evolution of ageing and longevity // Proceedings of the Royal Society of London. Series B. Biological Sciences. – 1979. – T. 205. – №. 1161. – C. 531-546.
9. Weismann A. Essays upon heredity and kindred biological problems. – Clarendon press, 1891. – T. 1.

УДК 502.31

DOI: 10.34670/AR.2021.85.50.016

Экология социальной среды и правовой нигилизм**Сирин Сергей Анатольевич**

Кандидат философских наук, доцент,
Иркутский государственный медицинский университет Минздрава России,
664003, Российская Федерация, Иркутск, ул. Красного Восстания, 1;
e-mail: tkosmina@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена изучению предпосылок, форм проявления и последствий эколого-правового нигилизма как «болезни» индустриального общества и признака деструкции экологического мировоззрения современного homo sociologicus. Автором обозначена актуальность и значимость темы исследования. Аргументирован тезис о существовании трех форм экологического нигилизма – пассивного, активного и агрессивного, где последний выражен в деликте, выведенном социумом на глобальный уровень. В качестве иллюстрации агрессивной формы экологического нигилизма рассмотрен экологический терроризм. Постулируется, что первичной задачей общественных институтов и общества в целом по противодействию эколого-правового нигилизма должно стать эффективное эколого-правовое образование молодых граждан, обязательно синтезированное с иными формами профилактики и предупреждения распространения правового нигилизма в молодежной среде и его формовыражений.

Для цитирования в научных исследованиях

Сирин С.А. Экология социальной среды и правовой нигилизм // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 6А. С. 157-163. DOI: 10.34670/AR.2021.85.50.016

Ключевые слова

Экология социальной среды, правовой нигилизм, эколого-правовой нигилизм, эпистемологическая реакция, индустриализация, мировоззрение, homo sociologicus, ноуменальность мира.

Введение

Развитие феномена экологических кризисов в глобальном масштабе современные ученые связывают с началом промышленных революций и последующей индустриализацией общества и его жизнедеятельности, тогда как их кульминация наступает в середине XX в. Результатом технологизации среды в этот исторический период и впоследствии, как отмечает А.В. Костина, становится минимизация социальных контактов, «ускорение ритма и темпа жизни за счет использования транспорта, одновременно – малая подвижность человека, приводящая к ухудшению его физических показателей выносливости и силы; оторванность от живой природы и попытки ее замены, изменение характера труда, никак не связанного с природой и другими людьми, приводящего к увеличению психологических проблем, достаточно стрессогенному изменению суточных биоритмов человека, наконец, к заболеваниям и стремительному омоложению всех видов патологий» [Костина, 2019, 54].

Таким образом, становится очевидным тот факт, что причины (катализаторы) возникновения экологических кризисов стали в результате причинами физической, психологической и социальной дезадаптации человека в созданной им же новой индустриально-технологической среде. Из этого следует, что наравне с такими глобальными экологическими проблемами, как глобальное потепление, разрушение озонового слоя, загрязнение мирового океана, загрязнение воздуха, опустынивание, уменьшение биоразнообразия и так далее, возникают новые, только объектом их негативного влияния становится не природа, а *человек* как ее часть.

Основная часть

Однако страх человека перед природой, угрожающей неурожаями, эпидемиями и катастрофами, стал постепенно исчезать еще в доиндустриальную эпоху, когда окружающая его среда стала приобретать характер искусственности, выраженной в стремлении обеспечить безопасную, комфортную и сообразно прогрессу высокотехнологичную жизнь, невзирая на наносимый вред как самому человеку, так и Миру, фрагментом которого он является [Рыженков, 2017]. Более того, как отмечает Б.В. Марков, стали терять остроту и значимость вопросы о непознаваемости Бога и природы, о том, как она существует сама по себе. Наука становится приверженцем порядка искусственных механизмов, созданных человеком, тогда как философов все меньше интересует ноуменальность мира, а «призыв «к природе ограничивается лишь реакцией на процесс цивилизации, он становится популярным среди горожан, выезжающих на пикник после трудовой недели» [Марков, 2021, 196]. Таким образом, становится очевидным также и то, что мировоззренческие принципы *homo sociologicus*, регулирующих его деятельность в течение двух тысячелетий, внезапно дали трещину, что также следует считать своеобразной, выражаясь словами А.В. Лубского, эпистемологической реакцией на индустриализацию [Лубский, 2009, 160]

Выразителей мировоззренческой позиции, обусловленной восприятием человека как «вредного для природы существа, врага природы» и, как следствие, для самого себя, социальная философия называет эколого-этическими нигилистами, «поскольку они отвергают положительные экологические и этические ценности, выработанные человечеством». В общепринятом понимании нигилизм – это состояние ума, основанное, в первую очередь, на отрицании какого-либо явления в силу пренебрежительного отношения к определенным

ценностям, правилам или установкам, существующим в обществе, или, как очень точно отметил Н.Н. Страхов, «нигилизм есть явление нашей умственной жизни, представляющее великое множество безобразий» [Страхов, 1868, 45]. Его проявления в современном обществе весьма многообразны: он может быть нравственным, политическим, идеологическим, религиозным, правовым, экологическим и т.д. [Лубский, 2009, 35]

Экологический нигилизм – это сложное комплексное явление, обязательным структурным элементом которого выступает отрицание ценности и социальной значимости объективно действующих законов взаимодействия человека, социальных групп, общества в целом, с одной стороны, и окружающей среды обитания человека – с другой [Селехова, Киреев, 2019, 2]. Интересной относительно этой категории представляется позиция известного журналиста, климатолога Дэвида Уоллес-Уэллса. В своей работе «Необитаемая Земля. Жизнь после глобального потепления» он акцентирует внимание на эколого-этическом образе «конца света» [Уоллес-Уэллс, 2020, 293], выраженном различными современными эко-нигилистскими течениями деструктивной направленности, например эко-фашизмом, эко-терроризмом, климатическим авторитаризмом, апатией и фатализмом [там же, 280-285]. Д. Уоллес-Уэллс также излагает собственные философские размышления, формулируя аксиологические основы своей климатической «этической» модели, в основу которой он кладет «сострадание, изумление и любовь», формирующие, в его интерпретации, фундамент гражданского общества, «излеченного» от нигилизма. С нашей точки зрения чрезмерный эмоциональный характер гуманистической этической модели автора позволяет ее отнести скорее к ценностным ориентирам социального мировоззрения и мировосприятия, чем к научной концепции. Однако следует согласиться с мнением В.В. Бабошина о том, что в основу нигилизма, вне зависимости от его вида или формы, всегда ложатся мощные эмоциональные импульсы, а также, наряду с рациональными, иррациональные мотивы [Бабошин, 2010]. Однако в данном случае целесообразно различать пассивный нигилизм, который фактически равен безразличию, и активный, содержащий мощный волевой компонент. При этом моральное, религиозное и даже правовое неприятие окружающей действительности формируется под прямым воздействием волевой составляющей нигилизма, которая, в свою очередь, объединяет этические, эстетические и когнитивные аспекты.

О.О. Селехова и Е.И. Киреев к активным видам нигилизма относят, во-первых, ситуационный моральный и правовой нигилизм, предполагающий преимущественно отрицательное отношение к конкретным (принятым в конкретном обществе) ценностям и правовым нормам, во-вторых, тотальный нигилизм, который подразумевает отказ от ценностей и норм в целом, включая жизненные приоритеты, отстаивание права на волю в рамках целеполагания. При этом, отмечают авторы, пассивный нигилизм следует рассматривать как результат отсутствия морального и (или) правового сознания [Селехова, Киреев, 2019, 18]. Исходя из этой мысли, можно заключить, что экологический нигилизм в целом можно квалифицировать как активный в случае, если речь будет идти, например, о браконьерстве (т.е. буквально как о преднамеренном преступлении против природы), а как пассивный – в случае, если «отрицание ценности и социальной значимости объективно действующих законов взаимодействия» общества и природы будет выражено в сознательном несоблюдении и (или) нарушении как формальных, так и неформальных норм и правил, установленных в обществе. Однако в той связи, что, даже говоря о пассивном экологическом нигилизме, его выразитель априори признается субъектом, преступившим закон, концептуально более верно будет

говорить не просто об экологическом, а об эколого-правовом нигилизме. По определению О.Р. Гулиной, правовой нигилизм представляет собой элемент общественного сознания, проявляющийся в безразличном, недоверчивом, пренебрежительном отношении к праву, закону, законности, государству, его символам или даже в полном отрицании их социальной ценности [Гулина, 2002]. В целом, думается, данная трактовка может быть применена и в отношении эколого-правового нигилизма в его составляющей.

Эколого-правовой нигилизм может проявляться в самых различных сферах, например «в сфере правотворчества в виде принятия законов без механизма и их реализации и должного финансирования; в сфере правоприменения должностными лицами, которые вследствие разобщенности, нехватки надлежаще подготовленных кадров, недостатка технических средств испытывают реальные трудности по своевременному обнаружению правонарушений, фиксации доказательств, их подтверждающих и пр.; в сфере правоисполнения населением, группами лиц в труде и повседневной жизни». Однако, по нашему мнению, реальной угрозой обществу является агрессивный нигилизм, выраженный в деликте, выведенным социумом на глобальный уровень. В качестве примера можно привести экологический терроризм как явление, обусловленное несовместимостью мировоззрения и политических взглядов и выражаемое в совершении «акта возмездия против мирных граждан и окружающей среды» для достижения цели «устрашения населения, вызова протеста относительно политики правительства, нанесения экономического и экологического ущерба государству и частным фирмам» [Алексанин и др., 2018, 4].

Доктор биологических наук, генетик Д.И. Тарасенко предлагает рассматривать экологический терроризм как «имеющие повышенную общественную опасность идеологию и практику насилия, устрашающего население и совершаемого путем загрязнения окружающей среды, в том числе в целях привлечения внимания к определенным взглядам или для воздействия на принятие решения (совершение действия (бездействия) органами власти, органом местного самоуправления, международной организацией, юридическим лицом, социальной группой, физическим лицом») [Хамитова, www].

Экологический терроризм включает такие противоправные действия, как незаконное распространение и использование боевых отравляющих веществ, дефолиантов, радиоактивных материалов; распространение эпидемий посредством заражения населения инфекционными заболеваниями; уничтожение природных массивов; взрывы на электростанциях, в районах нефтяных скважин и т.п. [Страхов, 1868]. В научных источниках приводятся наиболее известные исторические примеры попыток воздействия различных видов терроризма – ядерного, технологического, химического, биологического. Так, в 2010 г. террористами предпринимался подрыв на гидроэлектростанции в Кабардино-Балкарии, в 1995 г. в московском парке чеченцами был заложен контейнер с радиоактивным цезием, в 2001 г. в Америке совершен акт биотерроризма путем распространения писем со спорами бактерий сибирской язвы [Тисленко, 2012].

Однако, как и два десятилетия назад, сегодня общепризнан тот факт, что успешному противодействию международному экологическому терроризму мешает отсутствие единой политики в этой сфере, несовершенство международных соглашений и правовых актов в области защиты окружающей среды, недостаточная координация противоправных действий, что также следует рассматривать как проявление эколого-правового нигилизма. Чрезвычайная опасность этого нового вида терроризма состоит в том, что происходит глобальное заражение

среды обитания самого человека, где дальнейшее его существование будет затрудненным и даже практически невозможным. Экологический терроризм как атрибут силы отдельных государств породил супер-терроризм с использованием передовых новейших технологий и современного вооружения.

Заключение

В условиях индустриализации мировых процессов проблемы экологии социальной среды стали выходить далеко за макросоциальные и макрополитические пределы. Создавая своими руками комфортную, высокотехнологичную среду обитания, человек подвергает свою жизнь и здоровье опасности. Никто не оспорит того факта, что международная и национальная экологическая безопасность состоит, прежде всего, в предупреждающих действиях в отношении экологического терроризма или иных пассивных, активных или агрессивных проявлениях эколого-правового нигилизма, в выявлении и минимизации воздействия благоприятствующих ему факторов. Однако, если рассматривать феномен нигилизма как проявления мировосприятия человека вкуче с иными выделенными нами в настоящей статье характеристиками этого явления, то первичной задачей общественных институтов, да и общества в целом должно стать эффективное эколого-правовое образование молодых граждан, причем оно должно выступать в совокупности с иными формами профилактики и предупреждения распространения правового нигилизма в молодежной среде и его формовыражений (начиная с вытаптывания огражденных газонов и выбрасывания мусора в водоемы). Данный тезис доказывается отсутствием корреляции между практикой интеграции эколого-правового обучения подрастающего поколения в международные и национальные программы и степенью проявления правового нигилизма и его форм.

Библиография

1. Алексанин С.С. и др. Экологический терроризм – феноменология, виды, факторы, превенция // Экология человека. 2018. № 12. С. 4-11.
2. Бабошин В.В. Причины ценностного нигилизма в современном обществе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 1. С. 5-7.
3. Гулина О.Р. Исторические корни и особенности правового нигилизма в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2002. 30 с.
4. Ильичёв И.Е., Лазарева С.А. Нигилизм: понятие и классификация // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73). С. 32-39.
5. Костина А.В. Экологические кризисы: человек между природой и культурой // Образовательные технологии. 2019. № 2. С. 47-58.
6. Лубский А.В. Неоклассическая модель исторического исследования в культурно-эпистемологическом контексте начала XXI в. // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 159-168.
7. Марков Б.В. Человек в сетевом обществе // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2021. № 2. С. 194-207.
8. Мясинников С.П. К определению понятия «Единое целое»: позиция постхолизма // Вестник ВятГУ. 2019. № 2. С. 50-62.
9. Рыбина С.Н., Тараканов И.А. Экологический терроризм: понятие, сущность, специфика противодействия // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 3 (44). С. 301-306.
10. Рыженков А.Я. Экологический терроризм как глобальная проблема современности // Правовая парадигма. 2017. № 16 (2). С. 27-35.
11. Селехова О.О., Киреев Е.И. Нигилизм как черта современной социальной реальности // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 84. С. 15-20.
12. Страхов Н.Н. Бедность нашей литературы: Критический и исторический очерк Н. Страхова. СПб.: Тип. Н. Неклюдова, 1868. 73 с.

13. Тисленко Д.И. Экологический терроризм: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 25 с.
14. Уоллес-Уэллс Д. Необитаемая Земля. Жизнь после глобального потепления; пер. О. Липки; под. ред. М. Филогенова. М.: Individuum, 2020. 320 с.
15. Фалько В.И. Типология экологических воззрений // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. 2013. № 5 (97). С. 58-67.
16. Хамитова Г.Ш. Правовой нигилизм молодежи как социальная проблема российского государства // Центр Сулакшина (Центр научной и политической мысли и идеологии). URL: <http://rusrand.ru/analytics/pravovoy-nigilizm-molodeji-kak-socialnaya-problema-rossiyskogo-gosudarstva>.
17. Danilova I., Knyazeva O., Mayorova S., Peremolotova L. Environmental terrorism and socio-economic factors in the mechanism of countering terrorist crimes // E3S Web Conf. 2021. No. 244. P. 12-17
18. Dunlap A. «Agro sí, mina NO!» the Tía Maria copper mine, state terrorism and social war by every means in the Tambo Valley, Peru // Political Geography. 2019. Vol. 71. P. 10-25.

Ecology of social environment and legal nihilism

Sergei A. Sirin

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Irkutsk State Medical University of the Ministry of Health of Russia,
664003, 1 Krasnogo Vosstaniya st., Irkutsk, Russian Federation;
e-mail: tkocmina@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the study of the prerequisites, forms of manifestation and consequences of environmental-legal nihilism as a "disease" of industrial society and a sign of destruction of the ecological worldview of modern homo sociologicus. The author outlines the relevance and significance of the topic of research. The thesis of the existence of three forms of ecological nihilism is argued – passive, active and aggressive, where the latter is expressed in a tort brought by society to the global level. Environmental terrorism is considered as an illustration of the aggressive form of environmental nihilism. It is postulated that the primary task of public institutions and society as a whole to counter environmental and legal nihilism should be the effective environmental and legal education of young citizens, necessarily synthesized with other forms of prevention and prevention of the spread of legal nihilism in the youth environment and its expressions. To solve this problem, in the opinion of the author, it is necessary to normalize the methodology and practical feasibility of studying environmental law (ecology and its legal foundations) in the GEF of all stages of training, and further oblige educational organizations to integrate eco-legal and near-eco-legal disciplines into the curriculum, in accordance with the level of the educational system.

For citation

Sirin S.A. (2021) Ekologiya sotsial'noi sredy i pravovoi nigilizm [Ecology of social environment and legal nihilism]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (6A), pp. 157-163. DOI: 10.34670/AR.2021.85.50.016

Keywords

Ecology of the social environment, legal nihilism, ecological-legal nihilism, epistemological reaction, industrialization, worldview, homo sociologicus, nomenality of the world.

References

1. Aleksanin S.S. et al. (2018) Ekologicheskii terrorism – fenomenologiya, vidy, faktory, preventsiya [Environmental terrorism - phenomenology, types, factors, prevention]. *Ekologiya cheloveka* [Human Ecology], 12, pp. 4-11.
2. Baboshin V.V. (2010) Prichiny tsennostnogo nigelizma v sovremennom obshchestve [Causes of value nihilism in modern society]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki* [News of higher educational institutions. North Caucasian region. Social Sciences], 1, pp. 5-7.
3. Danilova I., Knyazeva O., Mayorova S., Peremolotova L. (2021) Environmental terrorism and socio-economic factors in the mechanism of countering terrorist crimes [Environmental terrorism and socio-economic factors in the mechanism of countering terrorist crimes]. *E3S Web Conf.*, 244, pp. 12-17
4. Dunlap A. (2019) "Agro sí, mina NO!" the Tía Maria copper mine, state terrorism and social war by every means in the Tambo Valley, Peru. *Political Geography*, 71, pp. 10-25.
5. Fal'ko V.I. (2013) Tipologiya ekologicheskikh vozzrenii [Typology of ecological views]. *Vestnik MGUL – Lesnoi vestnik* [Bulletin of Moscow State University of Forests. Forest bulletin], 5 (97), pp. 58-67.
6. Gulina O.R. (2002) *Istoricheskie korni i osobennosti pravovogo nigelizma v sovremennoi Rossii. Dokt. Diss. Abstract* [Historical roots and features of legal nihilism in modern Russia. Doct. Diss. Abstract]. Ufa.
7. Il'ichev I.E., Lazareva S.A. (2017) Nigilizm: ponyatie i klassifikatsiya [Nihilism: concept and classification]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 1 (73), pp. 32-39.
8. Khamitova G.Sh. Pravovoi nigilizm molodezhi kak sotsial'naya problema rossiiskogo gosudarstva [Legal nihilism of youth as a social problem of the Russian state]. *Tsentr Sulakshina (Tsentr nauchnoi i politicheskoi mysli i ideologii)* [Sulakshin Center (Center for Scientific and Political Thought and Ideology)]. Available at: <http://rusrand.ru/analytics/pravovoy-nigilizm-molodezhi-kak-socialnaya-problema-rossiyskogo-gosudarstva> [Accessed 12/10/2021].
9. Kostina A.V. (2019) Ekologicheskie krizisy: chelovek mezhdou prirodoi i kul'turoi [Environmental crises: man between nature and culture]. *Obrazovatel'nye tekhnologii* [Educational technologies], 2, pp. 47-58.
10. Lubsii A.V. (2009) Neoklassicheskaya model' istoricheskogo issledovaniya v kul'turno-epistemologicheskoi kontekste nachala XXI v. [The neoclassical model of historical research in the cultural and epistemological context of the early 21st century]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 3, pp. 159-168.
11. Markov B.V. (2021) Chelovek v setevom obshchestve [A person in a networked society]. *Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya* [Bulletin of St. Petersburg State University. Philosophy and Conflictology], 2, pp. 194-207.
12. Myakinnikov S.P. (2019) K opredeleniyu ponyatiya "Edinoe tseloe": pozitsiya postkholizma [To the definition of the concept of "One whole": the position of postholism]. *Vestnik VyatGU* [Bulletin of Vyatka State University], 2, pp. 50-62.
13. Rybina S.N., Tarakanov I.A. (2018) Ekologicheskii terrorism: ponyatie, sushchnost', spetsifika protivodeistviya [Environmental terrorism: concept, essence, specificity of counteraction]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* [Business. Education. Right], 3 (44), pp. 301-306.
14. Ryzhenkov A.Ya. (2017) Ekologicheskii terrorism kak global'naya problema sovremennosti [Environmental terrorism as a global problem of our time]. *Pravovaya paradigm* [Legal paradigm], 16 (2), pp. 27-35.
15. Selekhnova O.O., Kireev E.I. (2019) Nigilizm kak cherta sovremennoi sotsial'noi real'nosti [Nihilism as a feature of modern social reality]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities], 84, pp. 15-20.
16. Strakhov N.N. (1868) *Bednost' nashei literatury: Kriticheskii i istoricheskii ocherk N. Strakhova* [The Poverty of Our Literature: A Critical and Historical Essay by N. Strakhov]. Saint Petersburg: Tip. N. Neklyudova Publ.
17. Tislenko D.I. (2012) *Ekologicheskii terrorism: ugovovno-pravovye i kriminologicheskie problem. Dokt. Diss. Abstract* [Environmental terrorism: criminal law and criminological problems. Doct. Diss. Abstract]. Saratov.
18. Uolles-Uells D. (2020) *Neobitaemaya Zemlya. Zhizn' posle global'nogo potepeniya* [Uninhabited Earth. Life after global warming]. Moscow: Individuum Publ.

УДК 100.1:316.75

DOI: 10.34670/AR.2021.94.42.017

Опыт осмысления проблемы профилактики и противодействия деструктивному влиянию телевизионной коммуникации

Попова Татьяна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент,
помощник начальника академии (по международному сотрудничеству),
руководитель группы международного сотрудничества,
Академия управления МВД России.
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8;
e-mail: tvp.tvp@bk.ru

Тищенко Александр Викторович

Соискатель,
Ессентукский институт управления, бизнеса и права,
357600, Российская Федерация, Ессентуки, ул. Ермолова, 2;
e-mail: alex.tishchenko1973@icloud.com

Аннотация

В рамках настоящей статьи позиция социальной философии рассматривается проблема профилактики и противодействия деструктивному влиянию телевизионной коммуникации. В качестве контрмеры нами рассматривается защитный потенциал отечественной культуры. По нашему мнению, именно социокультурные барьеры могли быть эффективным инструментом сдерживания и нейтрализации негативного телевизионного контента. Однако кризис системы российской культуры не оставляет серьезного пространства для маневра в данной сфере.

Дисфункциональное состояние институциональных структур телевидения с неизбежностью ведет к ряду негативных эффектов, одним из которых выступает экстремизация сознания телевизионной аудитории. В настоящее время крайне сложно разорвать сложившуюся зависимость, так как жанровая политика подавляющего большинства телевизионных каналов основана на эксплуатации низменных инстинктов, чувств, пропаганде жестокости, насилия, высвобождения сублимированной энергии разрушения и хаоса.

Для цитирования в научных исследованиях

Попова Т.В., Тищенко А.В. Опыт осмысления проблемы профилактики и противодействия деструктивному влиянию телевизионной коммуникации// Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 6А. С. 164-168. DOI: 10.34670/AR.2021.94.42.017

Ключевые слова

Телевидение, коммуникация, духовный кризис, культура, деструктивное влияние, информационные процессы.

Введение

Касаясь вопроса профилактики и противодействия деструктивному влиянию телевидения в условиях российского общества начала XXI в., необходимо отметить следующее. Прежде всего, очевидно, что деструктивное воздействие телевидения не локализуется только собственно уровнем телевизионной коммуникации как элемента информационно-коммуникационной системы социума. Необходимо учитывать комплекс факторов, связанных с внешним контекстом существования российского общества – глобальным, постиндустриальным, информационным. Телевидение глубоко интегрировано в мировое медийное пространство. Действие внешних факторов невозможно преодолеть на локальном уровне (только российского общества); именно поэтому полноценного, эффективного решения данной проблемы невозможно ожидать в ближайшей временной перспективе.

Основная часть

В последние годы наблюдается еще более глубокая интеграция российского общества в глобальный информационный мир, свидетельством чему стала настоящая паника российских финансистов, банкиров, бизнесменов по поводу возможного «санкционного» отключения от глобальной общемировой платежной системы «SWIFT» –международной межбанковской системы передачи информации и совершения платежей (транзакций) инструментами интернет-коммуникации. Российское общество, прежде всего, в экономическом и культурном плане, весьма глубоко интегрировалось в современный постиндустриальный информационный мир.

Касаясь частных аспектов решения проблемы профилактики и противодействия деструктивному влиянию телевидения. Необходимо обратить внимание на следующее. Прежде всего, это тенденции роста влияния индустрии массовой культуры, которые не позволяют ожидать изменения центрального вектора телевизионного вещания в ближайшей временной перспективе. Речь идет о ток-шоу, развлекательных передачах и иной общемировой медийной продукции, производимой и распространяемой глобальными транснациональными корпорациями (или ТНК).

Также следует обратить внимание на состояние духовной культуры российского общества, что с неизбежностью отражается на телевизионной аудитории, формирует специфические потребности и ожидания. Особую «повестку дня», не характерную для общества, свободного от кризисного состояния духовной культуры. Телевизионную коммуникацию и массовую телевизионную аудиторию нельзя позиционировать как «вещь в себе»; это структурные элементы социокультурной системы более высокого уровня, так как коммуникативная подсистема представляет собой лишь часть системы культуры в современной России.

В свою очередь, в ближайшее время сложно ожидать улучшения ситуации в российской культуре, так как разрушены механизмы социализации, инкультурации, воспитания; кроме того, российское общество глубоко криминализировано, об этом свидетельствуют соответствующие агрессивные практики, жаргон, сленг, актуализированные элементы криминальной контркультуры.

Серьезное беспокойство вызывают проблемы социального взросления подрастающего поколения, что способствует деформации правосознания, социокультурного и социально-психологического облика людей. Пополняя состав аудитории телевидения, они формируют потребность ко всему запретному, девиантному, антисоциальному, патологическому. Учитывая специфику современного телевидения, в частности – его ориентацию на получение прибыли,

погоно за рейтингом, завоевания популярности любой ценой, возникает обратная реакция, когда телевидение стремится удовлетворить запросы и потребности аудитории, приносящей прибыль, любой ценой. Именно так возникает замкнутый круг, когда ни телевидение, ни его массовая аудитория не обладают желанием и возможностью преодолеть сложившееся дисфункциональное состояние.

Даже предварительный анализ глубины, особенностей распространения описанной нами проблемной ситуации у ряда исследователей оставляет стойкое ощущение безысходности, тягостной зависимости от неких непреодолимых внешних обстоятельств, а то и своего рода «рока», преследующего российское общество. Под влиянием таких эмоционально-чувственных, оценочных суждений, и в гораздо меньше степени, вследствие осуществленных беспристрастных логических умозаключений, исследователи, политики, общественные деятели предлагают вернуться к старой советской или даже имперской (дореволюционной) тактики цензуры и запретов на телевидении, наряду с Интернетом и другими электронными информационно-коммуникационными структурами. Необходимо отметить, что предварительная цензура – отнюдь не нова для нашего общества и с успехом применялась еще во времена, когда никто не подозревал о телевидении как источнике информации. Следует сразу оговориться, что цензура и запреты – удел недемократических политических режимов (тоталитарных и авторитарных), сознание населения которых соответствующим образом подготовлено к таким действиям власти. Однако современная Россия – демократическое государство, Конституция которой предписывает соблюдение прав и свобод граждан, в том числе в информационно-коммуникационной сфере. Становится очевидным, что без коренных изменений конституционного строя РФ подобного рода инициативы будут заведомо обречены на провал.

Вместе с тем, многие исследователи, а также политики, журналисты, общественные деятели периодически поднимают проблему введения цензуры и строго вмешательства государства в деятельность телеканалов. Однако уровень социального и политического развития общества не стоит на месте. В начале XXI века невозможно копировать модели работы с информацией, характерные для тоталитаризма и авторитаризма, к тому же соответствующие индустриальной, а не постиндустриальной, информационной стадии развития социума. Современное общество не зря именуют «открытым», так как, по мнению К. Поппера, имеет место динамичная социальная структура, высокая мобильность, способность к инновациям, критицизм, индивидуализм и демократическая плюралистическая идеология. Открытое общество опирается и использует идеи демократии, свободы и равенства. Исследователи также подчеркивают рациональность, восприимчивость к новому, реформам, изменчивость, основанную на внутренней диалектике самореформирования и самосовершенствования, характерные для открытого общества¹.

В современном обществе любые попытки введения цензуры на телевидении обречены на провал, так как этот информационный сегмент будет занят Интернетом, где на порядок больше возможностей обходить запреты и блокировки (например, заблокированный по обвинению в экстремизме ресурс «Каспаров.ру» имеет множество так называемых «зеркал», что позволяет любому желающему знакомиться с материалами, легко преодолевая блокировки). И, наконец, даже такой фантастический шаг, как тотальное отключение Интернета, мало что даст в практическом плане, так как общество будет активно использовать функцию

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992.

самоинформирования, которая развита уже на протяжении тысяч лет посредством распространения слухов, сплетен, дезинформации (и этому не могли даже помешать практики смертных казней за подобный способ коммуницирования).

Заключение

Учитывая тот факт, что в современном обществе серьезно развита мобильная сотовая связь, самоинформирование общества по принципу «испорченного телефона» будет работать весьма эффективно. При этом имиджевые, репутационные, экономические, культурные потери страны, добровольно изолировавшей себя от Интернета, будут непоправимыми.

Библиография

1. Брайнт, Дж, Томпсон. Основы воздействия СМИ. - М., СПб, Киев Издательский дом "Вильямс". 2004.
2. Ворошилов, В. В. Маркетинговые коммуникации в журналистике. - М., 2005.
3. Влияние телевидения на информационное пространство современной России. Россия в цифрах. - 2017 / Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/rusfig/rus17.pdf.
4. Ковалев, П. А. Типологизация телезрителей по жанрово-канальным предпочтениям как способ изучения телеаудитории // Науч. труды МосГУ. Выпуск 60. - М., 2005.
5. Матвеева Л. В., Анисеева Т. Я., Мочалова Ю. В. Психология телевизионной коммуникации. - М.: РИП-холдинг, 2004. - 315 с.
6. Пашутин, Д. Ю. Роль и место телевидения в современном медиaprостранстве // Вестник Самарского государственного экономического университета. - 2010. - № 2. - С. 98.
7. Петракова, А. С. Социально-философский анализ трансформации сознания личности средствами манипулятивного воздействия: дис. ... канд. филос. наук. - Краснодар, 2014.
8. Поппер, К. Открытое общество и его враги. - М., 1992.
9. Саруханов, В. А. Азбука телевидения: учеб. пособ. для вузов. - М.: Аспект Пресс, 2003. - 191 с.
10. Харрис, Р. Психология массовых коммуникаций. - М.: Эксмо, 2004. - 448 с.
11. Шиллер, Г. Манипуляторы сознанием. - М., 1980.

Experience in understanding the problem of prevention and counteraction to the destructive influence of television communication

Tatiana V. Popova

PhD in law, associate Professor,
assistant to the head of the Academy (for international cooperation),
head of the international cooperation group,
Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia,
125993, 8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: tvp.tvp@bk.ru

Viktor A. Tishchenko

master's degree,
Essentuki Institute of Management, Business and Law,
357600, 2, Ermolova str., Essentuki, Russian Federation;
e-mail: alex.tishchenko1973@icloud.com

Abstract

Within the framework of this article, the problem of prevention and counteraction to the destructive influence of television communication is considered from the position of social philosophy. As a countermeasure, we consider the protective potential of the national culture. In our opinion, it is the socio-cultural barriers that could be an effective tool for deterring and neutralizing negative television content. However, the crisis of the Russian culture system does not leave serious room for maneuver in this area.

The dysfunctional state of the institutional structures of television inevitably leads to a number of negative effects, one of which is the extremism of the consciousness of the television audience. Currently, it is extremely difficult to break the existing dependence, since the genre policy of the vast majority of television channels is based on the exploitation of base instincts, feelings, propaganda of cruelty, violence, the release of sublimated energy of destruction and chaos.

For citation

Popova T.V., Tishchenko V. A. (2021) Opyt osmysleniya problemy profilaktiki i protivodeistviya destruktivnomu vliyaniyu televizionnoi kommunikatsii [Experience in understanding the problem of prevention and counteraction to the destructive influence of television communication]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (6A), pp. 164-168. DOI: 10.34670/AR.2021.94.42.017

Keyword

Television, communication, spiritual crisis, culture, destructive influence, information processes.

References

1. Bryant, J., Thompson. Fundamentals of media impact. - M., St. Petersburg, Kiev Publishing House "Williams". 2004.
2. Voroshilov, V. V. Marketing communications in journalism. - M., 2005.
3. The influence of television on the information space of modern Russia. Russia in numbers. - 2017 / Rosstat. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/rusfig/rus17.pdf.
4. Kovalev, P. A. Typologization of viewers by genre-channel preferences as a way of studying the TV audience // Scientific works of Moscow State University. Issue 60. - M., 2005.
5. Matveeva L. V., Anikeeva T. Ya., Mochalova Yu. V. Psychology of television communication. - M.: RIP-holding, 2004. - 315 p.
6. Pashutin, D. Y. The role and place of television in the modern media space // Bulletin of the Samara State University of Economics. - 2010. - No. 2. - p. 98.
7. Petrakova, A. S. Socio-philosophical analysis of the transformation of personality consciousness by means of manipulative influence: dis. ... candidate of Philos. sciences'. - Krasnodar, 2014.
8. Popper, K. Otkrytoeschestvoigovragi. - M., 1992.
9. Sarukhanov, V. A. Abc of television: studies. help. for universities. - M.: Aspect Press, 2003. - 191 p.
10. Harris, R. Psychology of mass communications. - M.: Eksmo, 2004. - 448 p.
11. Schiller, G. Manipulators of consciousness. - M., 1980.

УДК 100.1:300.36

DOI: 10.34670/AR.2021.73.61.018

Современное общество и либерализм**Килясханов Магомед Хизриевич**

кандидат философских наук, доцент,
представитель МВД России в Республике Таджикистан,
734003, Таджикистан, Душанбе, ул. Льва Толстого, 67;
e-mail: gurbo4073@gmail.com

Гришай Елена Васильевна

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России,
350000, Российская Федерация, Краснодар, ул. Ярославская, 128;
e-mail: ev-grishay@mail.ru

Медведева Наталья Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент,
контрольно-следственное управление ГСУ СК
России по Московской области,
129081, Российская Федерация, Москва, ул. Молодцова, 19, 162;
e-mail: Medvedeva_ne@mail.ru

Скворцов Дмитрий Владиславович

кандидат юридических наук, доцент,
докторант,
Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт,
357108, Российская Федерация, Невинномысск, бульвар Мира, 17;
e-mail: 773622kor@mail.ru

Корсаков Александр Николаевич

Соискатель,
Адыгейский государственный университет,
385016, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: alxkors@mail.ru

Аннотация

В статье проведен краткий анализ формирования либерализма, сделана попытка выявить основные позитивные и негативные условия формирования либеральной идеологии в современных государствах.

В середине XX века «социальный либерализм» и «неолиберализм» получили свое развитие с уже существующими экономическими теориями и школами. Идеи неолиберализма были воплощены в таких направлениях как: свобода и равенство; интересы общества и личности; взаимоотношение между государством и гражданским обществом.

В связи с этим, в политических и научных кругах возникает дилемма, каким образом считать настоящее развитие либерализма – это «кризис» или «возрождение» общественно-политических течений. Исторический экскурс в развитии и формировании либерализма как общественно-политической идеологии, показывает свои положительные и отрицательные стороны, так как либерализм имеет большое количество форм и направлений.

Для цитирования в научных исследованиях

Килясханов М.Х., Гришай Е.В., Медведева Н.Е., Скворцов Д.В., Корсаков А.Н. Современное общество и либерализм // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 6А. С. 169-174. DOI: 10.34670/AR.2021.73.61.018

Ключевые слова

Общество, либерализм, государство, либерально-идеологическая ориентация.

Введение

Кризис 30-х годов прошлого столетия переориентировал идеи социального либерализма, в экономическую теорию кейнсианства основанной на теории рыночной экономики в укреплении государственного строя. «Новые» либералы окончательно отвергли принципы «манчестерского либерализма» и не приняли идеи социалистической формы правления в государстве. Одновременно с кейнсианством появилось новое направление неолиберализм, основу которого в экономических отношениях составлял принцип свободной конкуренции, допускающий частичное вмешательство государства в экономические отношения.

Основная часть

Отличие в идеологиях кейнсианства и неолиберализма заключается в следующем:

- 1) представители кейнсианства полагают, что государство обязано регулировать важные сферы экономических отношений, неолиберализм выступает за частичное вмешательство государственных органов власти в исключительных случаях;
- 2) кейнсианская модель устанавливает активную инвестиционную деятельность, участие государства в закупках товаров и оказания услуг, «жесткая» налоговая политика и т. д., неолибералы выступают за рыночную экономику и стабильную ценовую политику.

В различных государствах неолиберальные школы имеют некоторое различие. В связи с этим, представители данного направления делали неоднократную попытку выработать единую научно-практическую концепцию. Первый международный форум по унификации основных принципов неолиберализма прошел в 1938 году в Париже, получивший в последствии название «коллоквиумом Липпмана». Эта конференция утвердила общие принципы неолиберализма, которые сводились к следующему:

- соблюдение правил свободной конкуренции;
- приоритет частной собственности перед другими формами собственности;
- законодательная поддержка функционирования конкурентной среды на свободном рынке и т. д.

Неолибералы отстаивали позицию, согласно которой считали обязанностью государства разрабатывать и внедрять общий план экономического развития на ближайшую и последующую перспективу. По их мнению, в экономических отношениях государство должно выступать равноправным участником экономических отношений наряду с другими участниками свободного рынка. Одной из приоритетных задач государства должна была стать социальная поддержка тех граждан, которые по своим экономическим возможностям, находятся за «чертой бедности».

Экономическая ситуация сложившаяся в конце XX века определила новые направления в развитии не только экономики, но и скорректировала развитие философских школ и направлений, в том числе и либерализма. Появившиеся в СМИ такие словосочетания, как «нищета либерализма», «конец либерализма» «смерть либерализма», фигурирующие в научных публикациях и газетных статьях создали в общественном сознании определенный негативный стереотип. Эти и другие факторы значительно подорвали авторитет либеральных партий и движений, что явилось «расколом» среди самого либерального движения. Например, японские и австралийские либеральные движения отражают интересы консервативных сил в Европейских государствах. В современной России некоторые авторитаристские движения именуют себя либералами. Демократические силы Германии и Великобритании и социалисты Франции образовали «центристские» либеральные движения. «Левый» либерализм представлен партиями и движениями скандинавских государств. Кроме того, внутри самих либеральных партий «левого», «правого» и «центристского» толка существуют разнообразные направления. Примером может служить СвДП в ФРГ – свою идеологию ориентирует на свободные рыночные отношения и указывают на необходимость приоритетного участия государства в социальных проектах.

В последние годы в философских кругах интересующихся проблемами либерализма возникает полемика о путях и тенденциях развития либерализма как идейно-политического течения. На наш взгляд, актуальной точкой зрения является сборник статей под названием «Упадок или возрождение либерализма?» под редакцией немецкого философа Х. Форлендера. Мыслитель теоретически и практически обосновывал парадоксальное явление либеральной идеологии в обществе. С одной стороны, он указывает на проявление большого интереса к идеям либерализма со стороны научного сообщества, с другой стороны констатирует факт потери авторитета среди избирателей либеральных партий и общественно-политических движений.

Заключение

Таким образом, либерализм, как общественно-политическое течение не потерял своей актуальности и в настоящее время. Несмотря на то, что некоторые направления либерализма имеют низкий общественный рейтинг у политиков и потенциальных избирателей, то среди философов и научной интеллигенции возникает большой интерес к основным принципам, на которых построена вся либеральная идеология. Подводя некоторые итоги можно сделать следующие выводы:

- при недостаточных экономических, социокультурных предпосылках и не совершенстве политической системы в России либерализм как идеология получил теоретическое оформление и практическое применение в обществе;
- проведенный анализ формирования либерализма выявил ряд различных направлений существующих в Европейских государствах имеющих социально-культурную особенность в определенном обществе;
- сегодня сформированы особенности либерально-идеологической ориентации в современной России и государствах «ближнего» зарубежья.
- выявлены причины кризиса либеральной идеологии в некоторых обществах и указаны пути и перспективы в развитии либерализма, как ведущей идеологии в закреплении демократических основ в государстве.

В данной статье не представляется возможным в полной мере выявить позитивные и негативные условия формирования либеральной идеологии в современных государствах, поэтому мы лишь частично обозначили ряд отношений к существующей проблеме.

Библиография

1. Вахитов, Р. Р. Кумир демократии (геополитический взгляд на демократию) / Р. Р. Вахитов // Социально-политический журнал «Восток». - 2010. - №10 (22). - С. 285.
2. Всеобщая декларация прав человека. Принята и провозглашена резолюцией 217 А (III). Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948. - М., 1998. - С. 681.
3. Кравченко, И. И. Либерализм: политика и идеология / И. И. Кравченко // Вопросы философии. - 2006. - № 1. - С. 3-14.
4. Льюкес, С. Равенство и свобода // Современная политическая теория. Составитель Д. Хэлд. - М.,: Notabene, 2001. - р. 309.
5. Макаров, Н. В. Русский либерализм конца XIX – начала XX века в зеркале англо-американской историографии / Отв. ред. В. В. Шелохаев. - М.: Памятники исторической мысли, 2015. - 392 с.
6. Рыжков, В. Либерализм в XXI веке. Современные вызовы свободе и новые либеральные ответы. - М. Мысль. 2019. - 371 с.
7. Мак-Грил, Ян. Великие мыслители Запада // Серия «Академия». Перевод с англ. В. Федорина. - М.: КРОН-ПРЕСС, 1999. - 656 с.
8. Пантин, В. И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. - М., 1997. - С. 89.
9. Петров, И. И. Новый либерализм для России: уроки западных дискуссий / И. И. Петров // Вопросы философии. - 2011. - № 4. - С. 99.
10. Согрин, В. В. Либерализм в России: перипетии и перспектива / В. В. Согрин. - М.: Магистр, 1997.
11. Травин, Д. Европейская модернизация: в 2 кн., Кн. 1 / Д. Травин. О. Марганя. - М.: ООО "Издательство АСТ"; - СПб: Тегга Fantastica, 2004. - С. 885.
12. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Текст / Ю. Хабермас. - М.: Издательский центр АCADEMIA. 2009. - С. 192.
13. Щагин, Э. М. Новейшая отечественная история XX - начало XXI века. Текст / Э. Щагин. в 2-х кн. Под ред. Щагина Э. М. 2-е изд., испр. и доп. - М.: 2008. - Кн.1. - 655 с., Кн. 2. - 560 с.
14. Lloyd Ambrosius E. Woodrow Wilson and the American Diplomatic Traditions: the Treaty Fight in Perspective. Cambridge University Press, 1987. - p. 399.
15. Zhuravskaya, E. V. Incentives to Provide Local Public Goods: Fiscal Federalism, Russian Style // Journal of Public Economics. - 2010. - Vol. 76. - № 3. - p. 44.

Modern Society and Liberalism

Magomed Kh. Kilyaskhanov

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Representative of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Republic of Tajikistan,
734003,67, Lev Tolstoy Str., Dushanbe, Tajikistan;
e-mail: gurbo4073@gmail.com

Elena V. Grishai

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
350000, 128, Yaroslavskaya str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: ev-grishay@mail.ru

Natalia E. Medvedeva

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Control and Investigation Department of GSU SK
Russia in the Moscow region,
129081, 19 Molodtsova str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Medvedeva_ne@mail.ru

Dmitry V. Skvortsov

Candidate of Law, Associate Professor,
Doctoral student,
Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute,
357108, 17, Mira Boulevard, Nevinnomyssk, Russian Federation;
e-mail: 773622kor@mail.ru

Alexander N. Korsakov

applicant,
Adygea State University,
385016, 208, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: alxkors@mail.ru

Abstract

The article provides a brief analysis of the formation of liberalism, an attempt is made to identify the main positive and negative conditions for the formation of liberal ideology in modern states.

In the middle of the XX century, "social liberalism" and "neoliberalism" were developed with already existing economic theories and schools. The ideas of neoliberalism were embodied in such

directions as: freedom and equality; the interests of society and the individual; the relationship between the state and civil society.

In this regard, a dilemma arises in political and scientific circles as to how to consider the real development of liberalism as a "crisis" or a "revival" of socio-political trends. A historical digression in the development and formation of liberalism as a socio-political ideology shows its positive and negative sides, since liberalism has a large number of forms and directions.

For citation

Kilyaskhanov M.Kh., Grishai E.V., Medvedeva N.E., Skvortsov D.V., Korsakov A.N. (2021) *Sovremennoe obshchestvo i liberalizm* [Modern society and liberalism]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (6A), pp. 169-174. DOI: 10.34670/AR.2021.73.61.018

Keyword

Society, liberalism, state, liberal-ideological orientation.

References

1. Vakhitov, P. P. Idol of democracy (a geopolitical view of democracy) / P. P. Vakhitov // Socio-political magazine "Vostok". - 2010. - №10 (22). - P. 285.
2. Universal Declaration of Human Rights. Adopted and proclaimed by resolution 217 A (III). General Assembly of December 10, 1948. - M., 1998. - p. 681.
3. Kravchenko, I. I. Liberalism: politics and ideology / I. I. Kravchenko // Questions of philosophy. - 2006. - No. 1. - pp. 3-14.
4. Lyukes, S. Equality and freedom // Modern political theory. Compiled by D. Kheld. - M.: Notabene, 2001. - p. 309.
5. Makarov, N. V. Russian liberalism of the late XIX - early XX century in the mirror of Anglo-American historiography / Ed. V. V. Shelokhaev. - M.: Monuments of Historical Thought, 2015. - 392 p.
6. Ryzhkov, V. Liberalism in the XXI century. Modern challenges to freedom and new liberal responses. - M. Thought. 2019. - 371 p.
7. Mcgril, Jan. The Great thinkers of the West // The Academy series. Translated from the English by V. Fedorin. - M.: KRON-PRESS, 1999. - 656 p.
8. Pantin, V. I. Cycles and waves of modernization as a phenomenon of social development. - M., 1997. - p. 89.
9. Petrov, I. I. New liberalism for Russia: lessons of Western discussions / I. I. Petrov // Questions of Philosophy. - 2011. - No. 4. - p. 99.10.
10. Sogrin, V. V. Liberalism in Russia: the twists and turns Vista / Vladimir Salgreen. - M.: Magistr, 1997.
11. Travin, D. European modernization: in 2 vol., KN. 1 / D. Travin. O. Margania. - M.: OOO "IZDATEL'stvo AST".; - St. Petersburg: Terra Fantastica, 2004. - S. 885.
12. Habermas, J. Democracy. The mind. Morality. Text / Y. Habermas. - M.: Publishing Center ACADEMIA. 2009. - p. 192.
13. Shchagin, E. M. The latest domestic history of the XX - the beginning of the XXI century. Text / E. Shchagin. in 2 books. Ed. Shchagina E. M. 2nd ed., ispr. and dop. - M.: 2008. - Book.1. - 655 p., Book 2. - 560 p.
14. Lloyd Ambrosius E. Woodrow Wilson and the American Diplomatic Traditions: the Treaty Fight in Perspective. Cambridge University Press, 1987. - p. 399.
15. Zhuravskaya, E. V. Incentives to Provide Local Public Goods: Fiscal Federalism, Russian Style // Journal of Public Economics. - 2010. - Vol. 76. - № 3. - p. 44.

УДК 100.1:316.37

DOI: 10.34670/AR.2021.64.51.019

Политическая власть: теоретический анализ сущности и содержания понятия**Зенин Константин Анатольевич**кандидат социологических наук, доцент,
докторант,Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт,
357108, Российская Федерация, Невинномысск, бульвар Мира, 17;

e-mail: 5094977@mail.ru

Тисовский Роман Романовичкандидат социологических наук, доцент,
докторант,Ессентукский институт управления, бизнеса и права,
357600, Российская Федерация, Ессентуки, ул. Ермолова, 2;

e-mail: tisrom@mail.ru

Ишунин Владимир Андреевич

Соискатель,

Ессентукский институт управления, бизнеса и права,
357600, Российская Федерация, Ессентуки, ул. Ермолова, 2;

e-mail: 7543688@mail.ru

Лункашу Юрий Виорелович

начальник кафедры специальных дисциплин,

Краснодарский университет МВД России,
350000, Российская Федерация, Краснодар, ул. Ярославская, 128;

e-mail: lunk-777@mail.ru

Гребенюк Диана Валерьевна

Соискатель,

Адыгейский государственный университет,
385016, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;

e-mail: gd46325@mail.ru

Аннотация

В данной статье автор анализирует существующие в научной среде формы познания и трактовки понятия «политической власти» как неотъемлемого элемента общественной жизни. Особое внимание в статье уделяется анализу социальной теории возникновения

политики как формы осуществления власти, а также выделяются существующие научные направления изучения соотношения понятий «власть», «политика», «политическая власть».

Политическая власть представляет собой интерес для изучения трёх основных областей научного знания: юридического, социального и, конечно же, политического – в силу своего исторического и организационного значения для современного общества. Термин «политическая власть» часто встречается в нормативно-правовых источниках, научных документах, публицистике, активно используется в кругах журналистов и государственных деятелей.

Однако власть в общем её понимании представляет собой решающий для социальных процессов общества фактор, в то время как политику мы можем рассматривать как её вид, если говорить о дифференциации власти по методам и средствам осуществления, или как её функцию, говоря собственно о способах осуществления власти в конкретном обществе. Политика сама по себе произошла от власти, что доказывается тем фактом, что ни в одном законодательстве мы не найдём официального признания политической власти.

Для цитирования в научных исследованиях

Зенин К.А., Тисовский Р.Р., Ишунин В.А., Лункашу Ю.В., Гребенюк Д.В. Политическая власть: теоретический анализ сущности и содержания понятия // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 6А. С. 175-181. DOI: 10.34670/AR.2021.64.51.019

Ключевые слова

Политическая власть, политика, власть, общество, теория, путь развития.

«Самое трудное искусство – это искусство управлять»

К. Вебер.

Введение

Исторический путь мирового общества прошёл через множество стадий. Менялись границы государств, экономические формы деятельности, один общественный строй сменял другой, трансформировалась культура, забывались традиции, на смену им приходили новые, религиозные представления искажались, менялись, преобразовывались. Неизменным для нашего мироустройства осталось одно – испокон веков более сильные принуждали более слабых к подчинению и выполнению их приказов. Так мы можем в самой грубой форме дать определение политической власти – наверное, одному из самых древних понятий, ведущих свою историю из античного мира до наших дней, практически не изменив изначальной сущности.

Основная часть

Власть как таковая представляет собой способность влиять на волю и действия людей тем или иными способами. Власть может быть связана с авторитетом, физической силой, экономическими благами, социальным положением, интеллектуальным превосходством.

Политическая власть в своём содержании представляет собой более узкое понятие, сущность которого мы рассмотрим далее. Однако мы не можем отрицать тот факт, что политическая власть является разновидностью власти как феномена общественной жизни.

Рассматриваемый термин берёт своё начало в Древней Греции, мире олимпийских богов, мифических героев и первых философов. Именно здесь берёт начало термин «политика» (греч. *πόλις*). Античный мир представлял собой самоорганизацию общества в виде полисов – независимых городов-государств, и именно здесь сформировалась методология управления городской элитой низшими слоями населения. Изначально термин «политика», введённый в обиход Аристотелем приблизительно в IV веке до н.э. обозначал именно искусство управление полисом. Однако мы можем констатировать, что сама по себе политическая власть появилась задолго до рождения философа как отдельная область социальной жизни человека, но при этом значительно позже, чем экономические отношения, и ещё позже понятия о добре и зле – мораль.

Современная наука располагает следующими теориями о происхождении политики:

- теологическая;
- антропологическая;
- биологическая;
- психологическая;
- социальная;

Авторский подход к анализу понятия «политическая власть» заключается в приоритет изучения именно последней из перечисленных теорий, при признании положительных и отрицательных сторон других. Однако нам представляется целесообразным говорить о политической власти как о продукте неолитической революции и эволюции общества, которая заключается в усложнении социальных связей, развитии социальной стратификации. Проследим исторический путь появления и развития политической власти с точки зрения социальной теории:

- 1) Происходит активный рост населения, человек развивается умственно и психически, что приводит к более продуктивным темпам усложнения его деятельности;
- 2) Развитие экономических отношений от обмена и собирательства к натуральному производству, что неминуемо ведёт к формированию частной собственности;
- 3) Специализация деятельности по экономическим отраслям; рост независимости отдельных личностей или слоёв населения, социальных групп, формируемых по признаку имеющих в их власти экономических благ;
- 4) Возникновение возможности у наиболее сильных личностей занять привилегированное положение в обществе;
- 5) Дальнейшее расслоение общества по имущественному признаку, возникновение социального неравенства и социальных конфликтов;
- 6) Подконтрольность всего общества одному лидеру или группе (элите);
- 7) Возникновение необходимости установление определённых правил поведения и взаимоотношений между людьми, в целях регуляции общественных процессов и их контроле.

Таким образом, мы можем сказать, что политическая власть формируется в условиях, когда традиции, обычаи и мораль (как преемственные методы регуляции общества) утрачивают возможность влиять на общественные процессы и поведение людей и не могут больше служить инструментом разрешения возникающих социальных конфликтов. Политика в данном случае как разновидность общественной власти выступает как регулятор возможных решений

различных проблем общества. Здесь прослеживается явная связь с процессом возникновения и развития государства – организационной формы осуществления политической власти и жизни людей.

Таким образом, соединяя понятия *политика* и *власть* мы получаем следующее определение политической власти – это искусство управления, заключающееся в праве и возможности использовать имеющиеся средства и методы в целях реализации определённых установок и взглядов. Политика не осуществима без использования власти. Политическая власть обладает определённым масштабом распространения, всегда вызывает в обществе конкурентность и может привести к возникновению конфликтных ситуаций, а также даёт своим обладателям право на использование имеющихся в обществе средств и методов для её распространения и удержания.

Политическая власть приводит к развитию не только самой политической системы, но и государственного аппарата общества.

В ходе развития научной и философской мысли предлагались различные определения политики: общее «царское искусство», заключающееся во владении совокупностью конкретных (ораторским, военным, судебным и т. д.), умение «оберечь всех граждан и по возможности сделать их из худших лучшими» (Платон), знание о правильном и мудром правлении (Макиавелли), лидерство государственного аппарата или влияние на это лидерство (Макс Вебер), борьба классовых интересов (Карл Маркс).

Используется термин «государственная власть» (особенно характерно для демократических государств, в которых сложился политический плюрализм и система многопартийности), которая признаётся как верховная и основная для определённого государства, распространяющего свою власть на конкретную территорию. Каждая партия в данных условиях имеет собственную политическую власть и возможность осуществлять её различными методами, но приравнять её к государственной при существовании в стране демократии партия не способна.

Однако это не означает, что политическая власть не может стать государственной. Это возможно при авторитарном или тоталитарном режиме осуществления власти в стране при господстве одной партии (политического лидера). Такая ситуация сложилась, к примеру, в СССР, в котором поддерживалась введённая К. Марксом традиции отождествления государственной и политической власти.

Таким образом, мы можем выделить следующие направления к определению понятия «политическая власть»:

1. Отождествление политической и государственной власти;
2. Отрицание равенства между политической и государственной властью;

Государственная власть - это верховная власть, закреплённая в конституции демократического государства с многопартийной системой. Но вопрос: как они между собой соотносятся остается нерешённым и может стать предметом дальнейших исследований. (Один из вариантов: государственная власть как разновидность политической власти).

3. Порождение политической власти общей политикой;

4. Политическая власть есть определяющее воздействие политических субъектов, подчинение воле (политической воле).

5. Политическая власть реализуется через убеждение и принуждение. Важным условием является их единство (взаимосвязь и взаимозависимость) и баланс.

Таким образом, мы постарались проанализировать понятие «политическая власть» с точки зрения его основных признаков, а также через призму родственных понятий: «власти» и

«политики».

Исторический путь развития политической власти в человеческом обществе прошёл длинную дистанцию, однако до сих пор в научных кругах существуют различные трактовки данного понятия. При этом сущность термина, которую определили философы, жившие ещё до нашей эры, осталась практически неизменной. Мы можем констатировать, что политическая власть в своём содержании не претерпела существенного влияния происходящих в мире глобальных изменений, но приобретала новые признаки, углубляющие её значение для общества, скрепляя их более тесными связями.

Несмотря на то, что между политической и государственной властью (хотя в кругах учёных и существует точка зрения, настаивающая на их отождествлении и равенстве) мы всё же не можем говорить о полной идентичности данных понятий в контексте демократического строя, который на данный момент существует в нашем государстве.

Заключение

Неоднозначность изучаемого понятия, его междисциплинарность и использование во многих, смежных и порой противоположных, отраслей общественной жизни утверждает, что политическая власть, несмотря на многолетний опыт изучения, представляет интерес для научного познания, что также подтверждается развитием общества. Современный глобализационные процессы не могут не задевать сферу осуществления власти тем или иным способом. Возможно, в недалёком будущем мы будем рассматривать сущность политической власти с учётом её изменений в контексте глобализации жизни мирового сообщества.

Библиография

1. Алексеев, А. Н. Методологические и методические проблемы контент-анализа / А. Н. Алексеев. - М., 1973. - 362 с.
2. Арапов, Н. А. Идея поддержания доверия субъектов права государством и ее связь с конституционным правом России / Н. А. Арапов // Известия ВУЗов. Правоведение. - 2014. - № 2 (313). - С. 35.
3. Беленкова, О. А. Социосинергетика о взаимосвязи управления и самоорганизации в социальных системах / О. А. Беленкова // Вестник Башкирск. ун-та. - 2012. - № 4. - С. 36.
4. Валуйсков, Н. В. Сущность государства в статусе органов государственной власти / Н. В. Валуйсков // Молодой ученый. - 2017. - №3. - С. 435-437.
5. Власова, Т. В. Теория государства и права / Т. В. Власова. - М.: Книга по Требованию, 2018. - 226 с.
6. Выдрина, О. В. «Философский и культурно-исторический контексты определения понятия власти» // Вестник Томского государственного университета. - 2009. - № 322.
7. Григоренко, Б. Ю. Доверие к власти как фактор социально-политической активности молодежи: социокультурный аспект: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Григоренко Борис Юрьевич. - Москва, 2013. - 157 с.
8. Гудков, Л. Отношение к правовым институтам в России / Л. Гудков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 2000. - № 3. - С. 36.
9. Демиденко, Г. Г. История учений о праве и государстве. - Харьков: Право, 2008 - 432 с.
10. Егоров, И. А. Проблемы становления государственной власти в обществе / И. А. Егоров // Молодой ученый. - 2016. - № 3. - С. 688-690.
11. Малько, А. В. Теория государства и права. - Москва: КНОРУС, 2012. - 400с.
12. Степаненко, Р. Ф., Лягин, К. А. Основные направления современной правовой политики России. В сборнике: Инновационные подходы к системе высшего профессионального образования / Материалы итоговой научно-практической конференции преподавателей и аспирантов. Под ред. Ф. Г. Мухаметзяновой. - 2015. - С. 382-386.
13. Попов, В. Особенности системно-теоретической проблематики власти в социологии Т. Парсонса, Н. Лумана и Р. Мюнха // Социологическое обозрение. - 2008. - № 2.
14. Чернова, Э. Р. Государственная власть и методы ее осуществления / Э. Р. Чернова // Стерлитамакский филиал БашГУ Россия. - Стерлитамак. - 2017. - С. 1-8.

Political power: theoretical analysis of the essence and content of the concept**Konstantin A. Zenin**

candidate of sociological Sciences, associate Professor,
PhD student,
Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute,
357108, 17, Mira Boulevard, Nevinnomyssk, Russian Federation;
e-mail: 5094977@mail.ru

Roman R. Tisovsky

candidate of sociological Sciences, associate Professor,
doctoral student
Essentuki Institute of Management, Business and Law,
357600, 2, Ermolova str., Essentuki, Russian Federation;
e-mail: tisrom@mail.ru

Vladimir A. Ishunin

Applicant,
Essentuki Institute of Management, Business and Law,
357600, 2, Ermolova str., Essentuki, Russian Federation;
e-mail: 7543688@mail.ru

Yuri V. Lunkashu

Head of the Department of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
350000, 128, Yaroslavskaya str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: lunk-777@mail.ru

Diana V. Grebenyuk

Candidate,
Adygea State University,
385016, 208, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: gd46325@mail.ru

Abstract

In this article, the author analyzes the existing forms of cognition and interpretation of the concept of "political power" as an integral element of public life in the scientific environment. The article pays special attention to the analysis of the social theory of the emergence of politics as a form of exercising power, and also highlights the existing scientific directions of studying the relationship of the concepts of "power", "politics", ye "political power".

Political power is of interest for the study of three main areas of scientific knowledge: legal, social and, of course, political - due to its historical and organizational significance for modern society. The term "political power" is often found in regulatory and legal sources, scientific documents, journalism, and is actively used in the circles of journalists and statesmen.

However, power in its general understanding is a decisive factor for the social processes of society, while we can consider politics as its kind, if we talk about the differentiation of power by methods and means of implementation, or as its function, speaking in fact about the ways of exercising power in a particular society. Politics itself originated from power, which is proved by the fact that we will not find official recognition of political power in any legislation.

For citation

Zenin K.A., Tisovsky R.R., Ishunin V.A., Lunkashu Y.V., Grebenyuk D.V. (2021) Politicheskaya vlast': teoreticheskii analiz sushchnosti i soderzhaniya ponyatiya [Political power: a theoretical analysis of the essence and content of the concept] *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (6A), pp. 175-181. DOI: 10.34670/AR.2021.64.51.019

Keyword

Political power, politics, power, society, theory, development path.

References

1. Alekseev, A. N. Methodological and methodological problems of content analysis / A. N. Alekseev. - M., 1973. - 362 p.
2. Arapov, N. A. The idea of maintaining the trust of subjects of law by the state and its connection with the constitutional law of Russia / N. A. Arapov // *Izvestiya VUZov. Jurisprudence.* - 2014. - № 2 (313). - P. 35.
3. Belenkova, O. A. Sociosynergetics on the relationship of management and self-organization in social systems / O. A. Belenkova // *Bulletin of Bashkirsk. un-ta.* - 2012. - No. 4. - p. 36.
4. Valuiskov, N. V. The essence of the state in the status of state authorities / N. V. Valuiskov // *Young scientist.* - 2017. - No.3. - pp. 435-437.
5. Vlasova, T. V. Theory of State and Law / T. V. Vlasova. - M.: Book on Demand, 2018. - 226 p.
6. Vydrina, O. V. "Philosophical and cultural-historical contexts of the definition of the concept of power" // *Bulletin of Tomsk State University.* - 2009. - № 322.
7. Grigorenko, B. Y. Trust in power as a factor of socio-political activity of youth: socio-cultural aspect: dis. ... cand. Social sciences: 22.00.06 / Boris Grigorenko. - Moscow, 2013. - 157 p.
8. Gudkov, L. Attitude to legal institutions in Russia / L. Gudkov // *Monitoring of public opinion: economic and social changes.* - 2000. - No. 3. - p. 36.
9. Demidenko, G. G. History of the teachings on law and the state. - Kharkiv: Pravo, 2008 - 432 p.
10. Egorov, I. A. Problems of the formation of state power in society / I. A. Egorov // *Young scientist.* - 2016. - No. 3. - pp. 688-690.
11. Malko, A.V. Theory of State and law. - Moscow: KNORUS, 2012. – 400 s.
12. Stepanenko, R. F., Lyagin, K. A. The main directions of modern legal policy of Russia. In the collection: Innovative approaches to the system of higher professional education / Materials of the final scientific and practical conference of teachers and graduate students. Edited by F. G. Mukhametzyanova. - 2015. - pp. 382-386.
13. Popov, V. Features of the system-theoretical problems of power in sociology by T. Parsons, N. Luhmann and R. Munch // *Sociological Review.* - 2008. - No. 2.
14. Chernova, E. R. State power and methods of its implementation / E. R. Chernova // *Sterlitamak branch of BASHGU Russia.* - Sterlitamak. - 2017. - pp. 1-8.

УДК 100.1:316.37

DOI: 10.34670/AR.2021.64.81.020

Вопросы актуальности сущностных характеристик философии власти

Гришай Владимир Николаевич

доктор социологических наук, профессор,
профессор,
Ессентукский институт управления, бизнеса и права,
357600, Российская Федерация, Ессентуки, ул. Ермолова, 2;
e-mail: vngprof69@gmail.com

Сыпачев Сергей Владимирович

кандидат социологических наук,
докторант,
Ессентукский институт управления, бизнеса и права,
357600, Российская Федерация, Ессентуки, ул. Ермолова, 2;
e-mail: sypachev@mail.ru

Зенин Константин Анатольевич

кандидат социологических наук, доцент,
докторант,
Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт,
357108, Российская Федерация, Невинномысск, бульвар Мира, 17;
e-mail: 5094977@mail.ru

Попова Татьяна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент,
помощник начальника академии (по международному сотрудничеству),
руководитель группы международного сотрудничества,
Академия управления МВД России.
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8;
e-mail: tvp.tvp@bk.ru

Аннотация

В материалах статьи рассмотрены современные свойства управленческой деятельности, исследуются признаки, которые позволяют отличать власть от других общественных явлений. Представлены варианты философского обоснования сущностных характеристик власти, властных предписаний для общества и государства.

В сущностных характеристиках власти, во властных предписаниях, в соответствующих коммуникациях формируется и раскрывается особый род деятельности человека, обращённой к сознательной, интеллектуальной, проектной и ценностной

составляющим. Соответственно атрибутивные основания сущностных характеристик власти включают социально-инженерные, инструментальные, нравственные, морально-волевые, функциональные установки и концепции.

В соответствии с установками теории власти, правовое государство рассматривается в таком статусе, когда государственная власть и законодательство развиваются в динамике равноправного партнерства по условиям качества правовой организации государства. Внутренние и внешние признаки правового государства приоритетно описываются в философии по условиям реализации основных прав человека и гражданина.

В современных условиях остро встала проблема определения и оценки параметров социальной справедливости, обновления и переоценки сущностных характеристик взаимоотношений по критериям равенства и неравенства.

Для цитирования в научных исследованиях

Гришай В.Н., Сыпачев С.В., Зенин К.А., Попова Т.В. Вопросы актуальности сущностных характеристик философии власти // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 6А. С. 182-188. DOI: 10.34670/AR.2021.64.81.020

Ключевые слова

Философия, история, государство, общество, медиация, власть, управление.

Введение

В современной философии достаточно широко представлены исследования процессов политики, управления, организации и распределения власти и соответствующих полномочий. Определяются современные свойства управленческой деятельности, исследуются признаки, которые позволяют отличать власть от других общественных явлений. Соответственно выделение отдельных структурных элементов властипозволяет соотносить власть со средствами её осуществления, различать функции власти и управления. Такой подход позволяет содержательно оформить представления о перспективных моделях деятельности власти. Прежде всего сформулировать вопросы для процессов формирования политических интересов, организации и ориентации связей между социальной структурой общества, экономикой, научным прогнозированием и культурой, процессами приобщения индивидов к существующим нормам восприятия власти и управления. То есть в сущностных характеристиках власти теоретическая абстракция должна совмещаться с предельно точной системой категорий, позволяющих предложить научно обоснованные ответы на актуальные для данной темы вопросы.

Основная часть

Существенный вклад в разработку проблемы внесли работы Н.И. Азарова, Г.А. Белова, А.К. Белых, Ф.М. Бурлацкого, Ю.Е. Волкова, А.А. Галкина, О.В. Гелих, В.Г. Каленского, Н.М. Кейзерова, Д.А. Керимова, А.И. Королева, Л.Т. Кривушина, А.Г. Лашина, Л.С. Мамут, В.С. Манешина, Г.П. Орлова, В.И. Разина, И.М. Степанова, Ю.А. Тихомирова, В.А. Туманова, А.А. Федосеева, Г.Х. Шахназарова и других. Внимательный анализ большого количества источников позволяет предположить, что в ряду других проблем социальная философия обращена к

постановке и выбору вариантов решения комплексной задачи соединения процесса познания с исследованием конкретных типов организации власти.

Содержательно власть опирается на различные проявления в механизме её развития. Сущностные характеристики этого феномена предполагают насилие и узаконенное принуждение, наказание и поощрение, управление, анализ и контроль, сотрудничество и противостояние. Однако, несмотря на оригинальность и многогранность представленной картины, приоритетной сущностной характеристикой власти в современном обществе и государстве остаётся соотношение легитимности и нелегитимности.

Как пишет А.В. Тихонов: «Исследование связи системы управления с социокультурным и общим уровнем социально-экономического развития регионов позволяет нам не только объяснять существующие различия в темпах социокультурной модернизации, но и делать выводы о расхождениях в оценках населением работы властных структур и о состоянии локальных противоречий. Наши выводы сводятся к тому, что причины неудавшихся административных реформ в РФ, чреватых усугублением раскола в стране и регионах, носят системный характер и что для их разрешения требуется учет специфики социальных механизмов регулирования отношений между властью и населением ...»¹.

Предметная актуальность власти закрепляется узаконенным руководством, лидерством, авторитетом её носителей и выразителей.

Власть невозможна без моделирования, признания и соблюдения иерархии подчинения. Однако в современных условиях важной сущностной характеристикой власти становится комплекс взаимосвязанных элементов, в составе которого определяются следующие обязательные форматы:

- развитие последовательного демократизма в идеях правового государства;
- признание и соблюдение принципа суверенитета народа как источника власти в государстве и обществе;
- научное обоснование социальных характеристик правового государства, специфики, исторических особенностей основных и административных институтов власти;
- развитие комплекса правовых идей философии о сущности приоритета разделения властей,
- формирование и юридическое обоснование условий и установок в сфере правовой защиты граждан от нарушения их прав и гарантий возмещения ущерба, нанесённого публичным учреждением;
- признание и развитие идеи правового государства и дальнейшее развитие гуманитарной ориентации для системы ценностей социума.

В исследованиях современных авторов содержится следующее предположение, - «...Как противодействие этому вызову появился другой: редукция неопределенности с помощью цифровой обработки информации посредством систем искусственного интеллекта – цифровизация всей жизни: экономики, социальных отношений, культуры, самого человека ...»². Соответственно мы полагаем, что в философские трактовки сущностных характеристик власти

¹ Тихонов А.В. Раскол в современном российском обществе: общество vs власть // Философские науки. 2019. Т. 62. № 8. С. 68-83.

² См.: Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3 (8): Цифровая культура. - URL: [https://culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2012/IJCR_03\(8\)_2012.pdf](https://culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2012/IJCR_03(8)_2012.pdf).

необходимо вводить понятия конструктивизма, модернизационных заимствований, социального напряжения, деформации социума. Вопросы актуальности сущностных характеристик философии власти дополняются новыми значениями, взаимно переплетаются в новых концепциях развития общества и государства.

В модернизационных эффектах вариативность общественного сознания по отношению к феноменальности сущностных характеристик власти обращена к аспектам централизации и децентрализации государственного управления. Смена приоритетов оценки и переоценки зависит от субъективных и объективных факторов, от условий реализуемых установок современной политики, экономики, духовности и культуры. Как пишет в одной из своих работ И.Н. Сиземская: «Культура есть основание «социального проживания» человека в истории, и потому обращение к ней имеет первостепенное значение для понимания механизмов, посредством которых осуществляется принятие прошлого и преодоление конфронтации с ним. На переломе эпох накопленный культурный опыт становится своеобразным заложником всех происшедших в обществе изменений: иницируя появление и развитие дуальных духовно-ценностных оппозиций, он дает новый импульс массовой творческой энергии, обращенной к общественным переменам, и одновременно сдерживает это движение»³.

Таким образом институциональные рамки отдельных цивилизаций и конкретного общества обращены к проблемам синхронизации и структурирования коллективного сознания в историческом времени. Философские смыслы повседневной жизни дополняются многообразием видов научного знания, духовности, искусства, информационных зависимостей.

Институциональные установки социальной философии прямо обращены к актуальным смыслам конструктивного потенциала власти и управления. Особую значимость получают медиативные практики. Потенциал исторически складывающихся общественных идеалов и нравственных ориентаций открывает дополнительные возможности как для обсуждения сущностных характеристик власти в философии, так и для выдвижения актуальных новаторских идей.

Заключение

В качестве вывода отметим, что философское осмысление власти, политики, государства, гражданского общества, позволяет выявить их глубинную сущность, общеисторический характер, предложить правила научной систематизации. По совокупности традиций и новаций любая социальная система, как и модусы восприятия власти не достигают уровней абсолютного упадка. На каждом новом этапе цивилизации общественное сознание сохраняет ценностные установки предыдущих эпох. В свою очередь философская картина мира наиболее доказательно раскрывает возможности проектируемого социума и власти.

Библиография

15. Андреева, Г. М. Психология социального познания / Г. М. Андреева. - М., 1997. - 355 с.
16. Арапов, Н. А. Идея поддержания доверия субъектов права государством и ее связь с конституционным правом

³ Сиземская И.Н. Идея цикличности как парадигма объяснения и моделирования исторической реальности // Философские науки. 2019. Т. 62. № 8. С. 41.

- России / Н. А. Арапов // Известия ВУЗов. Правоведение. - 2014. - № 2 (313). - С. 35.
17. Аристотель. Сочинения. - М., 1983. - Т. 4. - С. 378-379.
 18. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта России (социокультурная динамика России). - Новосибирск: Сибирский хронограф. 1998.
 19. Бергер, П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. - М., «Медиум», 1995. - 357 с.
 20. Валиев, И. Н. Динамика стереотипов социального взаимодействия в условиях реформируемого общества: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Валиев Ильдар Накипович. - Казань, 2006. - 138 с.
 21. Грановский, Т. Н. Идея всеобщей истории. Статьи. Тексты. - М.: ИВИ РАН, 2006.
 22. Новикова, Л. И., Сиземская, И. Н. Российские ритмы социальной истории. - М.: ИФ РАН, 2004.
 23. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. Пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева. Под ред. М. С. Ковалевой. - М.: Аспект Пресс, 1998. - 270 с.
 24. Ситаров, В. А. Соотношение ценностей и потребностей личности в современном обществе / В. А. Ситаров, Л. В. Романюк // Знание. Понимание. Умение. - 2016. - № 4. - С. 124-130.
 25. Тихонов, А.В. Раскол в современном российском обществе: общество vs власть // Философские науки. 2019. - Т. 62. - № 8. - С. 68-83.
 26. Федько, Т. И. Гражданское общество в системе социально- экономического регулирования / Т. И. Федько, А. И. Мерцалова // Синергия. - 2016. - № 1. - С. 76-88.
 27. Фукуяма, Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма. Пер. с англ.; под общ.ред. А. В. Александровой. - М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. - 358 с.
 28. Хайек, Ф. А. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Ф. А. Хайек. - М.: ИРИСЭН, 2006. - 644 с.
 29. Ясперс, К. Смысл и назначение истории. - М.: Политиздат, 1991.

Questions of relevance of essential characteristics of the philosophy of power

Vladimir N. Grishai

doctor of social Sciences, Professor,
Professor,

Essentuki Institute of Management, Business and Law,
357600, 2, Ermolova str., Essentuki, Russian Federation;
e-mail: vngprof69@gmail.com

Sergey V. Sypachev

candidate of sociological Sciences, associate Professor,
doctoral student

Essentuki Institute of Management, Business and Law,
357600, 2, Ermolova str., Essentuki, Russian Federation;
e-mail: sypachev@mail.ru

Konstantin A. Zenin

candidate of sociological Sciences, associate Professor,
PhD student,

Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute,
357108, 17, Mira Boulevard, Nevinnomyssk, Russian Federation;
e-mail: 5094977@mail.ru

Tatiana V. Popova

PhD in law, associate Professor,
assistant to the head of the Academy (for international cooperation),
head of the international cooperation group,
Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia,
125993, 8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: tvp.tvp@bk.ru

Abstract

In the materials of the article, the modern properties of managerial activity are considered, the signs that make it possible to distinguish power from other social phenomena are investigated. The variants of the philosophical justification of the essential characteristics of power, power prescriptions for society and the state are presented.

In the essential characteristics of power, in the power prescriptions, in the corresponding communications, a special kind of human activity is formed and revealed, addressed to the conscious, intellectual, project and value components. Accordingly, the attributive bases of the essential characteristics of power include socio-engineering, instrumental, moral, moral-volitional, functional attitudes and concepts.

In accordance with the principles of the theory of power, the rule of law is considered in such a status when state power and legislation develop in the dynamics of an equal partnership under the conditions of the quality of the legal organization of the state. The internal and external signs of the rule of law are prioritized in philosophy according to the conditions for the realization of basic human and civil rights.

In modern conditions, the problem of determining and evaluating the parameters of social justice, updating and revaluation of the essential characteristics of relationships according to the criteria of equality and inequality has become acute.

For citation

Grishai V.N., Sypachev S.V., Zenin K.A., Popova T.V. (2021) Voprosy aktual'nosti sushchnostnykh kharakteristik filosofii vlasti [Questions of the relevance of the essential characteristics of the philosophy of power] *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (6A), pp. 182-188. DOI: 10.34670/AR.2021.64.81.020

Keywords

Philosophy, history, state, society, mediation, power, management.

References

1. Andreeva, G. M. Psychology of social cognition / G. M. Andreeva. - M., 1997. - 355 p.
2. Arapov, N. A. The idea of maintaining the trust of subjects of law by the state and its connection with the constitutional law of Russia / N. A. Arapov // *Izvestiya VUZov. Jurisprudence.* - 2014. - № 2 (313). - P. 35.
3. Aristotle. Works. - M., 1983. - Vol. 4. - pp. 378-379.
4. Akhiezer, A. S. Russia: criticism of the historical experience of Russia (socio-cultural dynamics of Russia). - Novosibirsk: Siberian Chronograph. 1998.
5. Berger, P. Social construction of reality / P. Berger, T. Lukman. - M., "Medium", 1995. - 357 p.
6. Valiev, I. N. Dynamics of stereotypes of social interaction in the conditions of a reformed society: dis. ... cand. philos.

- Sciences: 09.00.11 / Valiev Ildar Nakipovich. - Kazan, 2006. - 138 p.
7. Granovsky, T. N. The idea of universal history. Articles. Texts. - M.: IVI RAS, 2006.
 8. Novikova, L. I., Sizemskaya, I. N. Russian rhythms of social History. - M.: IF RAS, 2004.
 9. Parsons, T. System of Modern Societies / T. Parsons. Translated from English by L. A. Sedova and A. D. Kovaleva. Edited by M. S. Kovaleva. - M.: Aspect Press, 1998. - 270 p.
 10. Sitarov, V. A. Correlation of values and needs of the individual in modern society / V. A. Sitarov, L. V. Romanyuk // Knowledge. Understanding. Skill. - 2016. - No. 4. - pp. 124-130.
 11. Tikhonov, A.V. Split in modern Russian society: society vs power // Philosophical Sciences. 2019. - Vol. 62. - No. 8. - pp. 68-83.
 12. Fedko, T. I. Civil society in the system of socio-economic regulation / T. I. Fedko, A. I. Mertsalova // Synergy. - 2016. - No. 1. - pp. 76-88.
 13. Fukuyama, F. The Great gap / F. Fukuyama. Translated from English; under the general editorship of A.V. Alexandrova. - M.: LLC "Publishing House ACT": CJSC NPP "Ermak", 2004. - 358 p.
 14. Hayek, F. A. Law, legislation and freedom: modern understanding of liberal principles of justice and politics / F. A. Hayek. - M.: IRISEN, 2006. - 644 p.
 15. Jaspers, K. The meaning and purpose of history. - M.: Politizdat, 1991.

УДК 1

DOI: 10.34670/AR.2021.53.97.021

Игра как принцип мышления в литературе Борхеса

Королева Ксения Аркадьевна

Аспирантка,
Институт философии РАН,
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, 12с1;
e-mail: ksenia.koroleva@gmail.com

Аннотация

Данная статья посвящена анализу понятия игры в литературном наследии Борхеса. Принцип конструирования литературных миров Борхеса мы называем игровым. Данный тезис можно понимать в нескольких смыслах. При рассмотрении работ аргентинского писателя мы выявляем три аспекта игрового мышления. Анализируя генеалогию эстетической сущности понятия игры, мы приходим к пониманию игры как особого принципа мышления. Так, игра понимается как способ познания. Второе значение игры для конструирования литературных миров Борхеса заключается в его обращении к структурам, организованным по принципу игры – сочетающих в себе структурный детерминизм и имеющих в своем основании возможность контингентности. При рассмотрении конструкций игрового типа мы обращаем особое внимание на проблематику времени и приходим к выводу о том, что Борхес отходит от линейного понимания темпоральности, в связи с чем в статье отдельным образом рассматривается соположенность возможных миров (или, в терминах Ж. Делеза, «несовозможных событий»). Наконец, мы рассматриваем понимание игры в контексте постмодернистского романа, где наличие вариативности представленных сюжетных развилок в рамках одного литературного произведения позволяет читателю участвовать в со-производстве смысла при выборе магистрального нарратива или же способа прочтения.

Для цитирования в научных исследованиях

Королева К.А. Игра как принцип мышления в литературе Борхеса // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 6А. С. 189-195. DOI: 10.34670/AR.2021.53.97.021

Ключевые слова

Игра, философия игры, Борхес, постмодернизм, литературная игра, герменевтика игры.

Введение

В данной статье мы ставим своей целью выявить значение понятия игры для конструирования литературных миров аргентинского писателя Хорхе Луиса Борхеса, творчество которого неоднократно становилось предметом рефлексии многих философов и мыслителей. Используя понятие «игрового мышления», мы рассмотрим функционирование игры как принципа организации множественных миров постмодернистского романа, способа выстраивания со-производства смыслов с читателем и, что представляется наиболее интересным, способа познания.

Игра как принцип эстетики: герменевтический подход

Для того чтобы выявить основы «игрового мышления», о котором мы будем говорить более подробно в контексте творчества Борхеса, обратимся к генеалогии понятия игры в немецком идеализме, в которой оно из используемого в обыденном языке определения деятельности человека переходит на уровень особого принципа.

В немецкой классической философии понятие игры выступает важным инструментом, который вводится мыслителями в эстетическую плоскость и постепенно приобретает вид способа познания. В «Критике способности суждения» Кант вводит понятие «свободная игра», занимающее важное место в его представлении об эстетике, задающее линию размышлений об игре как об эпистемологическом принципе. Именно «свободная игра познавательных способностей», делающая возможной эстетическое суждение вкуса, ведет к постижению нерационального [Кант, 1994, 111-112].

Говоря о человеческой познавательной способности, Кант указывает на известного рода двойственность, принадлежность человека к двум мирам: чувственному и интеллигибельному. Игровой деятельности, как известно, присуще выстраивание активности в двух планах: игрок пребывает одновременно в действительности и игровом виртуальном пространстве, с присущими обоим сферам определенными правилами. Ключевым моментом для игры становится освоение, выстраивания двух линий поведения параллельно и умение переключаться между этими двумя планами.

Схожий «медиальный» процесс лежит в основе созерцания искусства: воспринимающий субъект переключается между действительностью, в которой он пребывает, и пространством произведения искусства. Определенный параллелизм между игрой и искусством, в общем виде, выстраивается так же по основанию отсутствия конечной цели у этого рода деятельности: игра играется ради захваченности самим процессом игры, а прекрасное созерцается ради эстетического удовольствия.

Фридрих Шиллер развивает эти идеи и выражает свое представление об эстетическом через принцип игры. Для разрешения проблемы дуализма человеческой природы в поисках принципов нравственного воспитания личности, он находит выход в создании третьего вида, восстанавливающего единство человека. Человеческой природе присущи два противоборствующих импульса – чувственного побуждения, исходящего из материального мира (Stofftrieb) и рационального, индивидулирующего (Formtrieb)¹. Третьим импульсом

¹ «Оба побуждения нуждаются в ограничении... первое — чтобы оно не вмешивалось в область законодательства, второе — чтобы оно не проникло в область ощущений» (письмо 13)

движения духа, призванным примирить противоречие между «естественным» и «рациональным» началом человека, становится побуждение к игре (Spieltrieb), лежащее в основе творчества: «...игра делает [человека] совершенным и сразу раскрывает его двойственную природу» [Шиллер, 1957, 301].

Эстетическая сущность игры по-новому преломляется у Гадамера в связи с отказом от субъективного значения игры, которое прослеживалось в работах Канта и в его рецепции Шиллером. В работе «Истина и метод» понятие игры онтологизируется, перестает исходить из перспективы играющего субъекта. Так, у Гадамера игра раскрывается как самостоятельная модель, в которой нет субъекта игры в привычном смысле: игра подразумевает способ бытия самой игры, воплощение которой осуществляется через втягивание в себя игроков, «играет сама игра» [Гадамер, 1988, 148].

Исходя из кратко рассмотренной нами эволюции понятия игры в немецкой классической философии, можно говорить о том, что игровой принцип мышления предполагает попытку примирения противоположных импульсов и поиск некоего медиального инструмента познания, который позволяет постигать иррациональное. С другой стороны, медиальность игрового принципа выражается в переключении установок и переходе от действительности, в которой существует субъект, к игровой реальности.

Игра в литературном мире Борхеса

Принцип конструирования литературных миров Борхеса можно было бы назвать игровым. Данный тезис можно понимать сразу в нескольких смыслах. Во-первых, Борхес вводит в свои рассказы структуры, организованные по принципу игры – с одной стороны, с присущим им детерминизмом, а с другой, парадоксальным образом функционирующие благодаря возможности случайности.

«В борхесовском «театре в театре» невозможно установить ту грань, за которой жизнь не превратилась бы в сон. Эта модель напоминает барочную игру мнимостей, в которой границы между реальностью и видимостью размыты и обоюдно иллюзорны. Но поскольку у Борхеса все сущее приравнено к работе сознания, в его текстах нет барочного драматизма и мучительных антиномий» [Беликова, 2015, 60].

Примером такой конструкции выступает лабиринт в одной из самых обсуждаемых работ аргентинского автора, в рассказе «Сад расходящихся тропок».

В самом тексте этого рассказа Борхес демонстрирует работу принципа организации текста как игровой структуры, в данном случае лабиринта: «Видимо, однажды Цюй Пэн сказал: „Я уйду, чтобы написать книгу“, а в другой раз: „Я уйду, чтобы построить лабиринт“. Всем представлялись две разные вещи; никому не пришло в голову, что книга и лабиринт — одно и то же» [Борхес, 2005, 141]. Не будет лишним предположение, что в приведенной цитате автор напрямую говорит о своем же тексте в рамках этого текста и демонстрирует собственный способ обращения с ним.

Работа по созданию множественных миров в рамках единого текста позволяет Борхесу подступиться к проблематике времени, разрабатывая ее в логике принципа игры. В отличие от традиционного нарратива, где повествование разворачивается в рамках линейно протекающего времени, в «Саду расходящихся тропок» создается особая реальность, конструирующая собственный временной резервуар. По сюжету, как известно, Цюй Пэн создает роман, в котором множатся и переплетаются, накладываясь друг на друга различные возможности развития

сюжета – бесчисленность временных рядов. Герой романа выбирает все представленные ему возможные линии-«тропки» одновременно.

Подобно тому, как в процессе игры происходит переключение на «реальность игры» с ее собственным временем, ускользающим от законов действительности, в рассказе выстраивается безвременное пространство, в котором возможно единовременное столкновение со смертью героя в одной главе и сохранение его жизни в другой. Такое «безвременье» может быть обусловлено игрой игры саму в себя.

Так, роман Цюй Пэна становится бесконечным, а его мир не подчиняется логике единого времени и, следовательно, традиционного нарратива. Процесс производства «расходящихся тропок» определяется примерно так же, как это происходит во время игры, когда игроки на ходу уточняют или переопределяют правила, по которым разворачивается игровой процесс.

Крайне интересным кажется обратить особое внимание на небольшой рассказ Борхеса «Лотерея в Вавилоне». В нем повествование идет от имени жителя древнего Вавилона (Вавилон оказывается наделен фантастическими чертами), который повествует об устройстве своей страны. Примечательным аспектом рассказа является то, что он содержит в себе элементы философского эссе, в рамках которого Борхес делает ряд интересных замечаний, относящихся к теории игр.

Социальная организация описываемого общества тотально подчинена случаю, розыгрышу, имеющему форму лотереи. Первоначально, речь шла о крайне примитивной форме лотереи: «цирюльники в обмен на новые монеты давали квадратики из кости или пергамента с начертанными на них знаками. Разыгрывали их при полном свете дня: счастливыцы получали, по чистому произволу случая, чеканные серебряные монеты» [Борхес, 2005, 114].

Однако со временем розыгрыш стал расширяться. Так, в лотерею была добавлена возможность серьезного проигрыша, подразумевавшего выплату существенного штрафа, что в итоге привело к увеличению значимости происходящего розыгрыша и к повышению степени вовлеченности общества в игру. Конечной фазой организации данного общества стало то, что практически все аспекты жизни и смерти жителей Вавилона оказались подчинены постоянному разыгрыванию, притом число конкретных актов розыгрыша стало приближаться к бесконечности.

«В действительности число жеребьевок бесконечно, ни одно решение не является окончательным, все они разветвляются, порождая другие. Невежды предположат, что бесконечные жеребьевки требуют бесконечного времени; на самом же деле достаточно того, чтобы время поддавалось бы бесконечному делению, как учит знаменитая задача о состязании с черепахой» [Борхес, 2005, 118].

Представляется, что именно самовоспроизводимость процесса розыгрыша и бесконечность производимых операций распределения случайностей в данном случае приводит к подрыву логики линейного времени. Линейное понимание времени требует картины мира, в которой есть последовательно разворачивающаяся череда причин и следствий, подчиненных закономерностям и законам, но не броску игральные костей.

Более того, в описанном Борхесом мире отсутствует возможность адекватной реконструкции исторического процесса – все возможные свидетельства подвержены влиянию случайности: «Палеографический документ, откопанный в храме, может оказаться продуктом вчерашней жеребьевки или жеребьевки столетней давности. Ни одна книга не издается без разночтений в каждом из экземпляров. Переписчики приносят тайную клятву пропускать, интерполировать, искажать. Применяется также прямой обман» [Борхес, 2005, 118].

Описанная картина еще раз отсылает нас к представлению об «играющей в саму себя игре». В представленном фантастическом обществе все выступают в качестве участников бесконечного количества розыгрышей. Разделение на тех, кто участвуют в лотерее и организует ее оказывается размытым, неким образом единственным полноправным субъектом игрового процесса оказывается процесс игры сам по себе.

Хотя в тексте и упоминается некая таинственная Компания, модерлирующая процесс лотереи, однако степень ее реального участия в разворачивающемся процессе и сам факт действительного существования покрыты тайной. Таким образом, в представленном рассказе игра онтологизируется, функционирует как фундаментальный принцип реальности, и тем самой, единственной адекватной моделью мышления и включения себя мир становится позиция игрока — практически религиозная готовность отдаться воле судьбы и принять все возможные последствия разыгрываемых случайностей распределения благ и невзгод.

Игровое мышление в литературе постмодернизма

Наличие единовременно присутствующих событий, состоящих друг с другом в дизъюнктивном логическом отношении, отсылает к проблематике выбора в монадологии Лейбница. Однако стратегия Борхеса состоит в подрыве единого, абсолютного времени и переходе к мышлению о сети сходящихся и параллельных времен. Вместо метафизического основания – фигуры Бога, выбирающего лучший из возможных миров, в литературных мирах Борхеса царит контингентность и возможность выбора всего сразу.

«Стоит герою любого романа очутиться перед несколькими возможностями, как он выбирает одну из них, отметая остальные; в неразрешимом романе Цюй Пэна он выбирает все разом. Тем самым он творит различные будущие времена, которые в свою очередь множатся и ветвятся» [Борхес, 2005, 142].

О сети бесчисленных временных рядов романа-лабиринта-сада можно говорить как о невозможных событиях, которые распределяются в плоскости текста как сингулярные точки [Делез, 2011, 153-155]. Коммуникация невозможных событий подчинена «свободному принципу игры» – броску кости, при котором в процесс производства сюжета входит контингентность, присущая постмодернистскому роману.

Для Борхеса как для автора, традиционно причисляемого к постмодернистскому течению в литературе, игровой принцип конструирования романа организует со-участие читателя в производстве нарратива. Наличие представленных возможностей позволяет читателю выбрать один из невозможных миров, рассматривать его магистральный и, тем самым, участвовать в расстановке акцентов и выборе исхода. В этом состоит еще один аспект «игрового мышления» в работах Борхеса.

Игровой принцип работы с текстом перенимает и развивает земляк Борхеса, Хулио Кортасар, – его роман «Игра в классики» организован таким образом, что читатель может выбрать последовательность чтения имеющихся в работе глав: «Эта книга в некотором роде – много книг, но прежде всего это две книги. Читателю представляется право выбрать одну из двух возможностей» [Кортасар, 1986, 26]. В зависимости от того, придерживается ли читатель линейного способа расположения глав, предпочитает ли порядок, предложенный самим автором, или придумывает собственный альтернативный способ, история перестраивается в соответствии с выбранной логикой.

Заключение

Итак, мы продемонстрировали, каким образом в литературных произведениях Хорхе Луиса Борхеса преломляются различные стратегии интерпретации игрового опыта, и то, какое место они занимают в его творчестве и мышлении. Артикулируем три ключевых аспекта.

Во-первых, для Борхеса практика игры выступает в качестве эпистемологического принципа – игра трактуется им в качестве универсальной модели ориентации в структуре окружающего мира и выстраивания жизненных практик.

Во-вторых, Борхес конфигурирует ряд своих собственных произведений в качестве своего рода литературной игры, предлагаемой читателю, для которого процесс чтения становится сродни поиску пути сквозь лабиринт.

В-третьих, Борхес предвосхищает постмодернистские интерпретации игры, разрабатывая проблематику из-себя развивающегося, самовоспроизводимого игрового опыта.

Библиография

1. Беликова Е.В. Метафизика «Чудесной реальности» Х.Л. Борхеса // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 2 (20). С. 57-61.
2. Борхес Х.Л. Собрание сочинений: в 4 т. СПб.: Амфора, 2005. Т. 2. 847 с.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
4. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011. 472 с.
5. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с.
6. Кортасар Х. Игра в классики. М.: Художественная литература, 1986. 573 с.
7. Шиллер Ф. Статьи по эстетике // Собр. соч.: в 7 т. М.: Художественная литература, 1957. Т. 6. 794 с.

Play as a thinking principle in Borges' literature

Kseniya A. Koroleva

Postgraduate,
RAS Institute of Philosophy,
109240, b. 1., 12, Goncharnaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ksenia.koroleva@gmail.com

Abstract

This article analyses the notion of play in the works of Borges. We call the principle of the construction of Borges' literary worlds a play principle. This thesis can be understood in several dimensions. When examining the works of the Argentinean writer, we identify three aspects of play thinking. Analyzing the genealogy of the aesthetic essence of the notion of play, we come to the understanding of play as a specific principle of thinking. Thus, play is understood as a way of cognition. The second meaning of the play for the construction of Borges' literary worlds lies in his appeal to structures organized on the principle of the play — combining structural determinism with the possibility of contingency in its basis. When considering play-type constructions, we pay particular attention to the problematic of time and come to the conclusion that Borges departs from a linear understanding of temporality, whereby the article deals separately with the juxtaposition of possible worlds (or, in the terms of J. Deleuze, “incompatible events”). Finally, we consider the

understanding of play in the context of the postmodern novel, where the variability of presented plot developments within a single literary work allows the reader to participate in the co-production of meaning when choosing the main narrative or the way of reading.

For citation

Koroleva K.A. (2021) Igra kak printsip myshleniya v literature Borkhesa [Play as a thinking principle in Borges' literature]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (6A), pp. 189-195. DOI: 10.34670/AR.2021.53.97.021

Keywords

Play, philosophy of play, Borges, postmodernism, literary play, hermeneutics of play.

References

1. Belikova E.V. (2015) Metafizika «Chudesnoi real'nosti» Kh.L. Borkhesa [The metaphysics of J.L. Borges. The Marvelous Reality]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya* [Human Science: Humanitarian Studies], 2 (20), pp. 57-61.
2. Borges J.L. (2005) *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected Works in 4 vols.]. St. Petersburg: Amfora Publ. Vol. 2.
3. Cortázar J. (1986) Igra v klassiki [Hopscotch]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.
4. Deleuze G. (2011) *Logika smysla* [The Logic of Sense]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ.
5. Gadamer H.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filosofskoi germenevtiki* [Truth and Method: Foundations of philosophical hermeneutics]. Moscow: Progress Publ.
6. Kant I. (1994) *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of Judgment]. Moscow: Iskusstvo Publ.
7. Schiller F. (1957) Stat'i po estetike [Articles about aesthetics]. In: *Sobr. soch.: v 7-mi t.* [Collected Works in 7 vols.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ. Vol. 6.

УДК 130.3: 796.011.2

DOI: 10.34670/AR.2021.39.50.022

Социокультурные модели проявления духовного здоровья в аспекте спортивной деятельности

Бирюков Игорь Леонидович

аспирант кафедры философии, права и гуманитарных наук
Армавирский государственный педагогический университет
352900, Российская Федерация, Армавир,
ул. Розы Люксембург, д. 159
e-mail: birukoff26@gmail.com

Аннотация

Вследствие наметившегося разворота мысли к теологии, в постсоветском пространстве, рубежи, проходящие между философскими и теологическими концептами, претерпевают значительные изменения. При таком понимании можно говорить об их тождестве, сохраняя методологические различия. Одной из актуальных тенденций в современной науке является формирование и развитие социокультурных моделей духовного здоровья общества и индивидуума. Особый интерес представляет проблематика теоретического исследования и осмысления духовности в спортивной деятельности. Исследуется феномен духовного здоровья методом исторической ретроспективы и аналогии спортивной деятельности и аскезы как ценности.

Мировоззренческая парадигма духовного здоровья представляет собой не только концепты или идеи в виде готовых форм, но прежде всего сам процесс их выработки, включая их дальнейшее распределение и потребление в социуме, а также многообразные взаимные отношения, которые формируются между людьми в процессе их духовной деятельности. В контексте русской религиозной философии ценностные ориентации становятся основой для формирования нравственных идеалов и постановки жизненных целей, для сохранения духовного здоровья. В социокультурных моделях западной религиозной философии история является областью раскрытия способностей человека, способствующей объединению интеллектуальных, нравственных добродетелей в аспекте теологии. Феномен спортивной духовности становится актуальной тенденцией в современной науке, являясь фактором формирования и развития социокультурных моделей духовного здоровья общества, индивидуума и аскезы как ценности.

Для цитирования в научных исследованиях

Бирюков И.Л. Социокультурные модели проявления духовного здоровья в аспекте спортивной деятельности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 6А. С. 196-202. DOI: 10.34670/AR.2021.39.50.022

Ключевые слова

Духовность, духовное здоровье, спортивная деятельность, философия спорта, спортивная духовность, русская религиозная философия.

Введение

Автор ставит задачу обозначить методологические основы исследования феномена духовности здорового человека и здорового общества. Духовное здоровье как мировоззренческая парадигма включает в себя и спортивную деятельность, духовное здоровье рассматривается в данном контексте как целостность и устремленность к высшему. Автором предпринимается попытка определить сущностные характеристики духовной жизни в модели спортивной деятельности. Комплексное осмысление духовности в современной жизни российского общества в философско-теологическом ракурсе, его анализе и роли в человеческой или, тем более, в спортивной жизнедеятельности, раскрыто недостаточно. Уже давно появилась необходимость обратить более пристальное внимание на эту проблематику.

Для того чтобы разобраться в вопросе взаимосвязи духовного здоровья и спортивной деятельности, следует рассмотреть вопрос о личностном мировоззрении. Руководствуясь мировоззренческой парадигмой христианской культуры, таким основанием, несомненно, выступает сакральное начало. Бог является первообразом человека, соответственно, человек - образ Божий и он "логосен", являясь сотворённым образом Логоса.

Духовное здоровье как мировоззренческая парадигма

Полемика о научном характере духовных аспектов в спортивной деятельности возникает вследствие того, что в размышлениях относительно становления личности имеются различные мнения. Взаимосвязь этих аспектов мышления, - теоретического и практического, - устраняет это разногласие, но создает иную проблему, автономная ли наука? В этом случае автор выступает за интеграцию экспериментального и нормативного, синтез практического и философского подходов, поскольку эти подходы будут не взаимоисключающими, а дополняющими друг друга.

Логика требует определиться с понятием духовности, ответить на вопрос о том, чем будет являться духовность в мировоззренческой парадигме духовного здоровья индивида? Автору близко определение, в котором Дух - это высшая способность человека, позволяющая ему стать источником смыслополагания, а также личностное самоопределение и осмысленное преобразование действительности, открывающее возможность дополнить природное основание индивидуального и общественного бытия миром моральных, культурных и религиозных ценностей, играющих роль руководящего и сосредоточивающего принципа для других способностей души [Новая, 2010]. Таким образом, дух является некой предрасположенностью человека к духовности, а духовность — это проявление Духа в своем активном пребывании в жизнедеятельности, и соответственно в спортивной деятельности индивида.

Опираясь на эти дополнения, можно сказать, что духовность не атрибутивна, отличается от духа и проявляется по-разному, формируя свои виды и типы, например внутренняя (самосовершенствование) и внешняя (действия и поступки, обладающие духовным контекстом). Внутренняя духовность проявляет себя в саморазвитии, самосовершенствовании, поэтому именно на этом свойстве и акцентируется внимание в определении свойств данного феномена. Позитивное воздействие на субъекты, в результате которого происходит повышение общего уровня духовности акцепторов, будет характеризоваться как духовность внешняя, при которой право, мораль, философия или культура становятся ее проявлением [Амирханов, 2011, 14].

В общем понимании, духовность — это "интенция человека к вечным ценностям; а также способ человеческого бытия, где системообразующая функция будет определяющей в единстве структурирования личностной психофизиологической и социокультурной жизни, как основы преемственности поколений, в поддержании человеческого способа жизни" [Исаков, Голдин, 2017, 60]. Такое определение хорошо описывает контекст понимания в соотношении определения спортивной духовности. Данное понимание соотносится с определенным ценностным подходом и особой ролью психологических и социокультурных кодов.

Мировоззрение состоит в притязаниях различных ценностных форм духовной культуры, норм поведения, целей и ценностей и представляет собой совокупность вечных и истинных представлений о мире. Как таковое мировоззрение — это потребности человека каждый день удовлетворять психологическую потребность искать ответы на разнообразные вопросы, беспокоящие людей, как связи между созерцанием и интеллектуальным развитием [Krasnodębski, 2014, 161-172]. Становится очевидным, что исследования в области социальных и религиоведческих наук многое теряют, анализируя действительность, если игнорируют фактор взаимовлияния этих двух сфер социальной реальности. Человек, в своей сущности, "интроспективен", другими словами, обращён в мир духовного, который внутри него творчески и эмоционально насыщен, и только потом он задействован в пространстве экономики и техники [Узлайнер, 2020, 103-108]. Он начинает интерпретировать мир, наделяя все происходящее вокруг него смыслами, исходя из феноменологии индивидуального и общественного сознания внутри определенной религиозно-духовной традиции [Кушхова, Атабиева, Виндижева, 2014, 1762].

Исходя из вышеперечисленных построений, можно обозначить спортивную духовность как особую форму внутренней духовной жизни индивида. Она основывается на спортивной деятельности, влияющей как на окружающую реальность, так и на внешнюю социальную духовность. Здесь векторы дальнейшего формирования личности находятся не в одной, а в нескольких плоскостях, поскольку зависят от многих факторов. Они формируют мировоззренческую позицию индивида, отражающую его религиозно-философские воззрения на мир. Весьма важно при таком контексте спортивной духовности применять принцип общего блага, являющимся как благом сообщества, так и благом отдельного человека. На этом основывается персоналистическое воспитание, когда педагогика базируется на философии, призывая к гуманизму и трансформации мышления.

Духовное здоровье в контексте русской религиозной философии

В XX веке русская философская мысль обозначает и обосновывает различные методологические принципы, происходящие из природы объективных, общечеловеческих ценностей, которые в свою очередь апеллируют к религиозным основаниям. В практическом аспекте возвращение духовности — это одна из главных идей в наследии русской религиозной философии. В трудах В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина отражается идеальный и абсолютный характер ценностной сферы, определяющийся через духовность и имеющий божественное происхождение.

Ценностные ориентации имеют первостепенное значение, являясь ступенями перехода духовности в спортивную деятельность. В понимании совершенствования телесности можно обратиться к аксиологическим доминантам Владимира Соловьева. Относительно понимания спортивной деятельности Соловьев особо подчеркивает, что духовное преобладание над плотью

будет обязательным условием для сохранения и умножения нравственного достоинства индивида. А принципы аскетического делания становятся принципами духовного самосохранения, борясь с плотскими влечениями, превращающими человека в худший вид животного, что, несомненно, будет зло [Соловьев, 1990, 151,153; Красицкий, 2009, 153-155].

Приобретенную в правильном воздержании власть Духа над плотью, называемую силой воли, индивид может применять для целей безнравственных. В этом смысле сильная воля, завоеванная спортивной деятельностью посредством только механической работы мышц, по мысли В.С. Соловьева, становится злою. Индивид подавляет свою низшую животную природу лишь для того, чтобы после тщеславиться или гордиться своей телесностью как наивысшей силой. И такая победоносность духа, безусловно, не есть добро. Форма аскезы, которая пробуждает и освобождает дух от страстей плотских и постыдных, чтобы еще более крепко связать его различными страстями, есть ложная или же безнравственная аскетика.

В работах И.А. Ильина, можно увидеть, что волевое начало становится определяющим в выборе между духовным и плотским. В его понимании Дух является более совершенной частью души в нравственном отношении. Его можно охарактеризовать как способность к бескорыстной любви и самоотверженному служению, поскольку дух есть дар свободы. Дух мыслится как нечто совершенно естественное для человека, при котором духовное следует выбирать, находясь в самопознании и поиске, а не призывая его извне [Ильин, 1993, 56]. Для философа жить — это творить, реализовать объективные ценности и правду. Особенное значение имеет тот факт, что Ильин объединял философию не только с духовностью исследователя, а главным образом с духовной жизнью народа.

В отличие от Ильина, Н.А. Бердяев уделял большое внимание страданию и рассматривал его как первичный акт творчества, который всегда есть акт освобождения и преодоления. В нем пребывает переживание силы, в котором путь творческий ассоциируется с жертвенностью и страдательностью. Он всегда являет собой освобождение от разнообразной подавленности, при которой творческое жертвенное страдание никогда не станет самой подавленностью [Бердяев, 1989, 306-307; Суханова, 2007, 145]. В философии тренировочного процесса это положение проявляется особенно отчетливо.

Социокультурные модели духовности в западной религиозной философии

Применяя метод диалектической теологии, можно проследить присутствие сакрального и Божественного в истории спортивной деятельности. Один из немецких теологов и культурологов, ведущий представитель религиозно-исторической школы - Эрнст Трёлч, обозначает явление врожденного иррационального как "религиозное а priori". Сознание априорно синтезирует и воспринимает религиозные феномены. Мир Божественного (Мировой Разум) сокрыт в религиозном а priori, а при наличии надлежащих условий, проявляется в актуальном опыте человека. Находясь под влиянием баденской школы и неокантианства, Трёлч видит в религиозных ценностях базовое интегрирующее социальное начало. "Сокровенно действующее в бессознательной глубине единого человеческого духа движение божественного гарантирует постоянно поступательное развитие всей религиозной истории" [Troeltsch, 1922]. Он считал религиозный дух одним из значимых факторов в историческом процессе, ничем не уступающим факторам социальным или экономическим. Согласно Трёлчу, кризисные явления христианского мировоззрения вызваны расширением зоны воздействия современной науки. Он воспринимает христианство как неразрывное влечение в ткань

мировой истории. Следуя пути апологетики, Трёлч желает применить и упорядочить христианское учение в контексте всеобщей религиозной истории [Troeltsch, 1969].

В основополагающих положениях томизма находится обоснование принципов гармоничного сочетания веры и разума, религии и науки, их ценностного содержания и преобладания теологии над философией. В произведениях теоретиков экзистенциального неотомизма Ж. Маритена и Э. Жильсона, прослеживаются основополагающие моменты этого культуроцентристского изменения. В их трудах соединяются концепты будущего современной культуры с возрождением влияния религиозно-нравственных ценностей. Синтез идеи "града земного" и "града Божьего" открывает возможности продуктивного воздействия гуманизму постренессанса и христианским ценностям на социокультурные модели духовного здоровья. Стало быть, с точки зрения неотомизма, формирование духовности в человеке, обладает рациональным и социальным характером одновременно [Бирюков, Похилько, 2018, 38-39]. Духовное здоровье по мысли св. Максима Исповедника, призвано «переформировывать душу», благодаря прямому воздействию духовного смысла [Максим, 1993, 63]. В своих философских умопостроениях представители религиозной западной философии минувшего века также на первое место выдвигали тезис о необходимости изменений в религиозном сознании общества.

В свою очередь, теолог Р. Бультман обозначает два модуса восприятия реальности: неподлинный и подлинный [Бультман, 2004, 25]. В первом значении, атлет определяет свое бытие и существование как неподлинное, противясь мыслям о проигрыше как смерти. Подлинный модус существования наделяется верой и надеждой, на пути не отречения, а становления, в жизни будущей, как личностной победы. Прослеживая роль культовой практики, в аспекте спортивной духовности, можно обозначить символический аспект проигрыша как смерти. Человек находится перед выбором и является временным "заложником" личностного земного бытия» и «своего существования», находясь в поле «эсхатологии» и спортивной психологии.

В аспекте духовного здоровья это отражается в факторах оптимистической надежды, способствующей развитию индивидуальных и социальных качеств, стрессоустойчивости или же улучшения восстановительных процессов. Эсхатологический образ будущего, наполненный позитивным смысловым содержанием, дарует и сообщает человеку внутреннюю свободу. Мысли о смертности (проигрыше) действуют как проклятие на человека, существующего в неподлинном модусе личностной экзистенции. Если же, человек, выбирает подлинное существование своего бытия, то относительно спокойно воспринимает неизбежность своей смерти и жизненный путь, живя с осознанием, того, что это рано или поздно произойдет или случится [Карнаухов, 2015, 217].

Заключение

Таким образом, мировоззренческая парадигма духовного здоровья представляет собой не только концепты или идеи в виде готовых форм, но прежде всего сам процесс их выработки, включая их дальнейшее распределение и потребление в социуме, а также многообразные взаимные отношения, которые формируются между людьми в процессе их духовной деятельности. В контексте русской религиозной философии ценностные ориентации становятся основой для формирования нравственных идеалов и постановки жизненных целей, для сохранения духовного здоровья. В социокультурных моделях западной религиозной философии история является областью раскрытия способностей человека, способствующей объединению

интеллектуальных, нравственных добродетелей в аспекте теологии. Феномен спортивной духовности становится актуальной тенденцией в современной науке, являясь фактором формирования и развития социокультурных моделей духовного здоровья общества, индивидуума и аскезы как ценности.

Библиография

1. Амирханов А.Ю. Концептуальные подходы к анализу духовности // Вестник адыгейского государственного университета. 2011. С. 13-22.
2. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. 608 с.
3. Бирюков И.Л., Похилько А.Д. Мистицизм и предельные состояния в спорте как вид социальной рациональности // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2018. №2 (1). С. 29-40.
4. Бультман Р. Избранное: Вера и понимание. М.: РОССПЭН, 2004. 752 с.
5. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М.: Рарогъ, 1993. 448 с.
6. Исаков Н.В., Голдин П.Ф. Духовность человека (в аспекте концепции – «духовная безопасность») // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2017. №2. С. 58-66.
7. Карнаухов И.А. Диалектическое противостояние моделей постклассического протестантизма // Теория и практика общественного развития. 2015. С. 215-217.
8. Красицкий Я. Бог, человек и зло. Исследование философии Владимира Соловьева. М.: «Прогресс-Традиция», 2009. 447 с.
9. Кушхова А.Ф., Атабиева З.А., Виндижева А.О. Социально-философский анализ духовной жизни общества // Современные проблемы науки и образования. 2014. С. 1762.
10. Максим Исповедник, мч. Творения. Кн. 2: Вопросыответы к Фалассию. М.: Мартис, 1993. 352 с.
11. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: «Мысль», 2010. Т. 1. 721 с.
12. Соловьев В.С. Оправдание Добра. Нравственная философия. М.: Мысль, 1990. Т. 1. 671 с.
13. Суханова Н.А. Свобода, духовность и нравственность в русской религиозной философии // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. М., 2007. С. 143-148.
14. Узлайнер Д. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М.: «Институт Гайдара», 2020. 416 с.
15. Krasnodębski M. Uprawa intelektu jako wyzwanie dla współczesnego wychowania. Warszawa, 2014. Ss. 161-172.
16. Troeltsch E. Die Absolutheit des Christentums und die Religionsgeschichte. München/Hamburg, 1969.
17. Troeltsch E. Zur religiösen Lage, Religionsphilosophie und Ethik». Tübingen «Gesammelte Schriften», 1922.

Socio-cultural models manifestation of spiritual health in the aspect of sports activities

Igor L. Biryukov

Postgraduate student of the Department of Philosophy,
Rights and Humanities
Armavir State Pedagogical University
352900, 159, str. Roses Luxembourg, Armavir, Russian Federation;
e-mail: biirukoff26@gmail.com.

Abstract

Due to the emerging reversal of thought to theology, in the post-Soviet space, the frontiers passing between philosophical and theological concepts undergo significant changes. With this understanding, you can talk about their identity, while maintaining methodological differences. One of the actual trends in modern science is the formation and development of sociocultural models of the spiritual health of society and the individual. Of particular interest is the problem of theoretical

research and understanding of spirituality in sports activities. The phenomenon of spiritual health is investigated by the method of historical retrospective and the analogies of sports and asksua as values.

The ideological paradigm of spiritual health is not only concepts or ideas in the form of ready-made forms, but above all the process of their development, including their further distribution and consumption in society, as well as the diverse mutual relationships that are formed between people in the process of their spiritual activity. In the context of Russian religious philosophy, value orientations become the basis for the formation of moral ideals and setting life goals, for the preservation of spiritual health. In the socio-cultural models of Western religious philosophy, history is an area of disclosure of human abilities, contributing to the unification of intellectual, moral virtues in the aspect of theology. The phenomenon of sports spirituality is becoming an actual trend in modern science, being a factor in the formation and development of socio-cultural models of the spiritual health of society, the individual and asceticism as a value.

For citation

Biryukov I.L. (2021) Sotsiokul'turnye modeli proyavleniya dukhovnogo zdorov'ya v aspekte sportivnoi deyatelnosti [Socio-cultural models manifestation of spiritual health in the aspect of sports activities]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (6A), pp. 196-202. DOI: 10.34670/AR.2021.39.50.022

Keywords

Spirituality, spiritual health, sports activities, sports philosophy, sports spirituality, Russian religious philosophy.

References

1. Amirkhanov A.Yu. Conceptual approaches to spiritual analysis Bulletin of the Adygei State University. 2011. P. 13-22.
2. Berdyaev N.A. Freedom philosophy. The meaning of creativity. M., 1989. 608 p.
3. Biryukov I.L., Pokhilko A.D. Mysticism and the limit states in sports as a type of social rationality // Bulletin of the Armavir State Pedagogical University. 2018. №2 (1). P. 29-40.
4. Bultman R. Favorites: faith and understanding. M.: Rossman, 2004. 752 p.
5. Ilyin I. A. Axioms of religious experience. M.: Rarog, 1993. 448 p.
6. Isakov N.V., Goldin P.F. Human spirituality (in the aspect of the concept - "spiritual security") // Bulletin of the Moscow Humanitarian and Economics. 2017. №2. P. 58-66.
7. Karnukhov I.A. Dialectic confrontation of models of post-classical Protestantism // Theory and Practice of Public Development. 2015. P. 215-217.
8. Krasitsky Ya. God, man and evil. Study of the philosophy of Vladimir Solovyov. M.: "Progress-Tradition", 2009. 447 p.
9. Kushhova A.F., Atabiyeva Z.A., Vindizheva A.O. Socio-philosophical analysis of the spiritual life of society // Modern problems of science and education. 2014. P. 1762.
10. Maxim Confessor, MCH. Creations. Kn. 2: Questions to Falassia. M.: Martis, 1993. 352 p.
11. New philosophical encyclopedia: at 4 t. M.: "Thought", 2010. T. 1. 721 p.
12. Solovyov V.S. Justification of good. Moral philosophy. M.: Thought, 1990. T. 1. 671 p.
13. Sukhanova N.A. Freedom, spirituality and morality in Russian religious philosophy // Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation. M., 2007. P. 143-148.
14. Nodener D. Postsekulyan turn. How to think about religion in the XXI century. M.: "Gaidar Institute", 2020. 416 p.
15. Krasnodębski m. Cultivation of intellect as a challenge for contemporary education. Warsaw, 2014. SS. 161-172.
16. Troeltsch E. "The absoluteness of Christianity and the religious history» - Munich / Hamburg, 1969.
17. Troeltsch E. «To the religious situation, religious philosophy and ethics» - Tubingen "collected fonts", 1922.

УДК 572.026

DOI: 10.34670/AR.2021.70.15.023

Кант и проблема Covid в контексте антропологии критического идеализма

Гильманов Владимир Хамитович

Доктор филологических наук, доцент,
профессор института гуманитарных наук,
Балтийский федеральный университет,
236041, Российская Федерация, Калининград, ул. А. Невского, 14;
e-mail: gilmanov.wladimir@rambler.ru

Прихожая Лилия Ивановна

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент института гуманитарных наук,
Балтийский федеральный университет,
236041, Российская Федерация, Калининград, ул. А. Невского, 14;
e-mail: lilia.uni@mail.ru

Аннотация

В статье предпринимается попытка связать проблему Covid с метафизическими началами естествознания в контексте философии трансцендентального идеализма Канта. Вопрос о причине Covid-пандемии рассматривается в свете актуализированного Кантом спора между медицинским и философским факультетами. Исходя из положения Канта о том, что способность идей чистого разума свидетельствует об особом статусе человека как цели в плане природы, Covid трактуется как злоеший сигнал об отказе природы от «одномерного человека», порождающего онтические предикаты и поэтому не «достойного жизни». Указывается на необходимость реабилитации этико-теологической телеологии Канта с ее исходным положением о том, что только человек может быть конечной целью деятельности природы. Обращаясь к Кантовым размышлениям о теории эфира, или теплорода, автор приходит к выводу, что, согласно ходу мыслей Канта, центр силы синтетического единства физических элементов находится не в физическом мире, а в метафизике человеческой природы, которая, однако, поражена «изначальным злом». В этой связи подчеркивается актуальность «категорического императива» Канта, согласно которому Covid оценивается как повод для «последней честности» человечества в необходимом признании того, что онтические предикаты современного объективистского принципа реальности с его наивно догматическим доверием эмпирическому опыту не могут решить онтологическую задачу закона свободы в целом и освобождения от глобальных угроз, включая Covid, в частности.

Для цитирования в научных исследованиях

Гильманов В.Х., Прихожая Л.И. Кант и проблема Covid в контексте антропологии критического идеализма // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 6А. С. 203-212. DOI: 10.34670/AR.2021.70.15.023

Ключевые слова

Covid, Vehikel, жизненная сила, чистый разум, душа, физикотеология, этикотеология.

Введение

Появление пандемии вируса Covid внесло значительные изменения не только в жизнь современного общества, но и в мышление людей. Появилась необходимость осмыслить причины данного явления в различных планах, в том числе в философском. Одним из ученых, к трудам которых разумно обратиться в этой связи, является немецкий мыслитель Иммануил Кант.

В современном немецком языке слово Vehikel в своем узком значении используется для обозначения старого изношенного автомобиля. В своей первой «Критике...» Кант использует метафору Vehikel в значении «транспортное средство», пытаясь донести до читателя смысл суждения «Я мыслю». В оригинале это: Ich denke... das Vehikel aller Begriffe [Кант, 1998, 341]. В классическом русском переводе Н.О. Лосского метафора Vehikel опущена и заменена эквивалентом «связующее звено для всех понятий вообще» [Кант, 1994, т. 3, 302]. То есть кантовский Vehikel обозначает чистое Я как основу мышления, как «субъект», который, не будучи ни вещью (Ding), ни простой субстанцией, ни силой, есть логическое, трансцендентальное единство сознания, обуславливающее познание и сопровождающее всякое представление. В этом «сопровождении» со стороны «Я мыслю» как «транспортного средства» для вещей внешнего и внутреннего мира в их трансцендентальной видимости для «Я» эти вещи попадают в зависимость от качества их «схватывания» (Apprehension), обусловленного, в свою очередь, состоянием апперцепции. В трансцендентальном схематизме Канта это «схватывание» обуславливает характер восприятия чувственной реальности, то есть выступает по сути как трансцендирование «Я» в его созерцании к тому, что должно облечься в чувственное, исходящее и вовне, и внутрь, которое «посредством этого Я, или Он, или Оно (вещь)... представляет не что иное, как трансцендентальный субъект мысли = x, который познается только посредством мыслей, составляющих его предикаты...» [Кант, 1994, т. 3, 305]. В этой связи Кант стремится создать канон чистого разума, который призван к тому, чтобы сохранить «поле чистого созерцания» [Хоружий, 2010, 123].

Кант выделяет тот горизонт трансцендентальной дедукции, в котором достигается чистый синтез чистого созерцания и чистого мышления априори. В этом синтезе важно учесть то, что выделяет Хайдеггер в своей работе «Кант и проблема метафизики»: при трансцендентальной дедукции созерцание как восприятие должно облечься в чувственное, чтобы быть воспринятым. Так же и чистое мышление как возможность чистого познания должно в своем содержании завершить процесс исхождения из апперцепции в «очувствливание» (Versinnlichung) чистых понятий [Heidegger, 1965, 87-88].

По Канту, всякое учение о духах (пневматология) есть «греза» метафизики, несущая опасность ложных надежд, поскольку лишена возможности какого-либо чистого познания. При этом Кант признается, что склонен настаивать на существовании нематериальных сущностей в мире и отнести к их разряду свою душу [Кант, 1994, т. 2, 215]. Кроме того, философ допускает мысль о том, что «духовное начало внутренне присуще материи, с которой оно связано, и влияет оно не на силы, устанавливающие соотношение между элементами, а на внутренний принцип их состояния» [там же, 216], что подводит его к вопросу о связи этих внутренних принципов элементов как их центров сил, воспринимаемых во внешнем опыте и, соответственно, связи этих

центров с средоточием их синтеза как множества с единством.

Что же или кто, по Канту, отвечает за правильность «идеи группы», или точнее – идеи множества [Кант, 1994, т. 1, 517]? В его системе трансцендентального идеализма ответ только один – Я-Vehikel как «связующее звено». Covid как симптоматика серьезного заболевания «множества» в свете этой логики – следствие того, что имеет отношение к современной коннотации немецкого слова Vehikel, обозначающего устаревший автохлам: «Я мыслю» как Vehikel, то есть «как связующее звено для всех понятий вообще», стал негодным «транспортным средством»! Более того, речь вполне может идти о том, что, игнорируя Кантово предупреждение о радикальном зле в человеческой природе, современное «Я мыслю» стало переносчиком тех трансцендентальных амфиболий, которые влекут не только человечество, но и природу к «неестественному концу всего сущего». В одном из примечаний в своей работе «Конец всего сущего» Кант пишет: «Естественным (формальным) называется то, что с необходимостью возникает по законам определенного порядка (в том числе и морального, а не только физического). Ему противостоит неестественное, которое может быть либо сверхъестественным, либо противоестественным. То, что необходимо возникает из природных причин, можно определить как материально-естественное (физически необходимое)» [Кант, 1994, т. 8, 211]. Если посчитать Covid противоестественным явлением, то современная пандемия есть признак восстания физически необходимого естественного природного состояния против неестественного Vehikel, которому необходим срочный когнитивный и морально-психологический ремонт.

Человек в «плане природы» в понимании Канта

Вопрос о причине Covid-пандемии изоморфен вопросу Земмеринга «об органе души» как «об известном принципе жизненной силы в животных организмах, который со стороны одной только способности восприятия называется *непосредственными* органами чувств, а со стороны объединения всех восприятий в определенной части мозга – *центральный* органом чувств (*sensorium commune*)» [Кант, 1994, т. 8, 219]. В конечном итоге, этот вопрос, имеющий отношение и к Covid, «может вызвать спор двух факультетов... – *медицинского*, к ведению которого относятся анатомия и физиология, и *философского*, к ведению которого относятся психология и метафизика» [там же]. То есть речь идет о споре двух принципов – эмпирически-онтического и метафизически-онтологического и, соответственно, о сущности сознания как «*sensorium commune*», как «когнитивного вчувствилища». Современная когнитология в сотрудничестве с нейронауками исходит из того, что сознание является эпифеноменом материи мозга. Утверждается, что Я есть функция от внутреннего произвола нейронов и синопсов, информирующих Я о характере разыгрываемой ими пьесы. То есть не Я мыслю, а природная физика мыслит Мной «при активации и распространении активации по узлам нейронной сети» [Панкранц, 1997, 87]. В одной из последних фундаментальных работ, посвященных гносеологической программе Канта и нейронауке, утверждается примерно то же самое [Бажанов, 2019, 81]. Определенную близость к метафизической программе Канта демонстрируют некоторые современные мыслители, среди которых выделим известного философа Маркуса Габриэля, автора книги со знаменательным названием «Я не есть мозг. Философия духа для XXI века» [Gabriel, 2016].

В свете критического идеализма Канта в мире есть лишь один род существ, чья каузальность телеологична, то есть направлена на цели и вместе с тем так устроена, что закон, по которому эти существа должны определять себе цели, представляется им самим как необусловленный и

независимый от природных условий, а необходимый сам по себе. Отказ от каузальной ответственности человека и растворение его в игре феноменальной природы означает в свете Канта когнитивное самоубийство. Кант последовательно настаивает, что должно этот «не эмпирический закон» рассматривать как «данный», как «единственный факт чистого разума, который провозглашается таким образом как первоначально законодательствующий разум (*sic volo, sic iubeo*)» [Кант, 1994, т. 4, 410]. Сознание этого основного закона дано нам «как априорное синтетическое положение», как «неоспоримый факт», доказывающий то, что именно в связи с этим законом нас «природа хотела», дав «человеку разум и основывающуюся на нем свободную волю» [Кант, 1994, т. 7, 14].

Не есть ли Covid зловещий сигнал, что природа больше не хочет этого «одномерного человека» и что «разум, решительно поднимающий человека над уровнем животного», способен понять: именно человек, «собственно, является целью природы и... ни одно живущее на земле существо не может с ним в этом соперничать» [Кант, 1994, т. 8, 77]? И если цель не достигнута, то природа вынуждено переходит в динамику «неестественного конца всего сущего»! Кант склоняется к мнению, «что природа беспокоилась вовсе не о том, чтобы человек жил хорошо, а о том, чтобы он сам достиг такого положения, когда благодаря своему поведению он станет достойным жизни» [Кант, 1994, т. 8, 15]. Неужели эпидемия коронавируса свидетельствуют о том, что современный тип человека стал не достойным жизни?

Дизъюнкция двух «корон»

В связи с рассуждениями Канта о человеке как цели в плане природы неизбежно возникает дизъюнкция, примечательным образом коррелирующая с фонетической и семантической символикой названия патогенного возбудителя Covid – *корона*-вирус: имеется в виду его созвучие с исходным значением слова «корона» (венец), со множеством ассоциаций, начиная от представления о человеке как «венце эволюции» и вплоть до «тернового венца» Иисуса Христа, коронованного в претории Пилата. Эта дизъюнкция «короны» касается того, что затронуто Кантом уже в его первой работе «Об истинной оценке живых сил», в которой начинающий мыслитель, опираясь на метафоры Лейбница, рассуждает о «мертвых» и «живых» силах [Кант, 1994, т. 1, 51-82]. В телеологии и эсхатологии Канта эта дизъюнкция должна быть сформулирована так: каждый человек в своем «Я мыслю» является *Vehikel* или «мертвых» или «живых» сил, что ведет к признанию факта: Covid – это не только и не столько проблема физиологии и биологии, которую призвана решать медицина; это – прежде всего, проблема «несовершеннолетнего разума», отказывающегося действовать «согласно определенному плану природы». Кант верит в нашу способность понять и решить эту задачу этого, заключенную в диалектике чистого разума: сознание человека есть конечная остановка, к которой прибывают как динамические силы природы в их способе восприятия со стороны разума, так и те формы мышления, каковые необходимы для того, чтобы обеспечить возможность опыта эмпирической системы физического мира. Не «только то, что мне дано эмпирически, но и то, что я вкладываю в чувственные представления объектов» [Heidegger, 1965, 111], создает первичный физико-теологический круговорот феноменального и ноуменального миров. До конца жизни Кант был убежден, что «начинать следует не с объекта, а с опыта субъекта и с того, что этот опыт может содержать» [Кант, 1994, т. 8, 648].

Усилия мыслителя были посвящены прежде всего тайне эфира, или теплорода (см. в этой связи [Луговой, 2019]). В своих неутомимых размышлениях Кант вынужден признать связь теплорода как *materia prima*, лежащей в основе всех элементов природы, первопричины всех

движущих сил, с тайной опыта субъекта: «...Единство объективно в отношении движущей материи, но и субъективно в отношении совокупного единства принадлежащих к одному опыту представлений» [Кант, 1994, т. 8, 649]. Уже в «Критике чистого разума» Кант определяет: в трансцендентальной видимости чистого разума сходятся силы материи как субстанции во внешнем пространстве и сознание человека как следствие их восприятия; одновременно как итог своего внутреннего самопознания, сводимого к первоначальной апперцепции. В поздний период своего творчества Кант уже не может отказаться от этико-теологической телеологии с ее исходным положением о том, что «только в человеке, и в нем только как субъекте моральности, мы находим безусловное законодательство в отношении целей, что только и делает его способным быть конечной целью, которой телеологически подчинена вся природа» [Кант, 1994, т. 5, 278]. Но по причине «изначального зла в человеческой природе» исполнение морального закона требует «категорического императива»: «Поступай так, как если бы максима твоего поступка посредством твоей воли должна была стать всеобщим законом природы» [Кант, 1994, т. 4, 196]. Covid – одно из горьких проявлений того, что человек бросил природу на произвол судьбы, совершая одновременно предательство в отношении своей эссенциальной сущности. В свете теории теплорода заражение природной водно-воздушной материи вызвано тем, что мы перестали «остерегаться амфиболии, превращающей идею в мнимое представление об объекте» [Кант, 1994, т. 3, 378].

Кант о локальном присутствии души

В дискурсе критического идеализма Канта с его теорией чистого разума проблема Covid – это, прежде всего, проблема «нечистого разума», и это является поводом для того, чтобы в споре факультетов медицинский научился уважать философский. Кант, предлагая понимать душу как «лишь способность суммировать данные представления и создавать единство эмпирической апперцепции (*animus*), а не субстанцию (*anima*) в ее полностью различной от материи природе» [Кант, 1994, т. 8, 220-221], выдвигает гипотезу, «что душа в эмпирическом мышлении, т. е. в разъединении и соединении чувственных представлений, основывается на способности нервов разлагать воду в желудочках мозга на первичные элементы и, таким образом освобождая в соответствии с их различием тот или иной элемент, вызывать различные ощущения» [там же, 222-223]. Динамический подход в отношении проблемы связи души в эмпирическом мышлении с центральным органом чувств (*sensorium commune*) также побуждает Канта к мысли о теплороде. Исходя из необходимости метода «химического разложения» при исследовании вопроса «о *месте* души», Кант пишет, что вода «в ходе пневматических опытов делится на две составные части воздуха. Каждая из них, в свою очередь, содержит, помимо своей основы, еще некое тепловое вещество, которое тоже, вероятно может быть разделено природой на световую и какую-либо иную материю» [там же, 222]. Кант здесь, помимо всего прочего, предвосхищает теорию кварков, создает логику динамического, а не атомистического, принципа, ведущую к осознанию того, что пандемия обусловлена не природными, а метафизическими причинами, то есть губительным воздействием основного центра сил в сознании, связанного с органом души, на центры сил природных элементов. Патологическое зерно в опыте, обусловленное «изначальным злом в человеческой природе», побуждает Канта и его читателя, размышляющего о причине Covid, задуматься о том, «чтобы освободить наше понимание от оков опыта и от рамок исследования одной лишь природы настолько, чтобы оно могло по крайней мере видеть перед собой открытой сферу, содержащую лишь предметы для чистого рассудка, не достижимые ни для какой чувственности» [Кант, 1994, т. 4, 129]. В отношении человека это

отражается в нарушении физиологического эпистаза и усилении гипостаза, проявлениями чего являются сопровождающие Covid гипосмия, то есть понижение или полная потеря обоняния, и застойные процессы в кровообращении – тромбозы. Сам физиологический термин «гипостаз» связан с известным еще с античности понятием «гипостазирования», означающим наделение самостоятельным бытием какой-либо идеи. Если исходная идея ложна, то ее гипостазирование приведет к нарушению природного осциллятора. В растительном мире, например, это отражается в разрушении аллелопатии – динамической организации взаимодействия растений друг с другом, в результате которой происходит выделение ими в окружающую среду органических веществ, например, антибиотиков, фитонцидов и др. Аллелопатия будто подтверждает положение Канта о том, что ее заданная природой цель – это человек! Гипостаз означает подавление нормального гена в нормальной диплоидной клетке неаллельным ему геном. Какая сила нарушает аллели, которые, как известно, расположены в одинаковых локусах гомологичных хромосом, определяя нормальное физиологическое функционирование организма, включая иммунитет? Эта сила связана у Канта с «метафизическими началами естествознания» и его положением о том, что «возможно двоякое учение о природе – *учение о телах* и *учение о душе*, причем первое рассматривает *протяженную* природу, а второе – *мыслящую*» [Кант, 1994, т. 4, 248]. В этом плане проблема Covid идентична той задаче об «органе души», которая, по словам Канта, «носит не только физиологический характер», но «в рамках пространственного отношения души к органам мозга» проявляет себя как «задача метафизики» [Кант, 1994, т. 8, 223]. Кант признает, что «требуемое от метафизики решение вопроса о месте души ведет к невозможной величине (V-2)» [там же, 224], однако считает, что ее «динамическое присутствие» есть как раз то, что физиолог изучает как ее «локальное присутствие».

«Благая весть» Канта

В своих поисках Кант, казалось бы, близок к тому, что пытается объяснить Иисус в ночной беседе с Никодимом: «Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ин 3: 5). Несмотря на понимание «религии в пределах только разума» и дистанцированное отношение ко всякой пневматологии и учениям о духе, Кант в поисках априорных принципов перехода от метафизических начал естествознания к физике вынужден обращаться к тайне духа. Он пишет: «Дух (*mens*) придан душе человека благодаря разуму, с тем чтобы он вел жизнь, соизмеримую не только с механизмом природы и с ее технически-практическим, но и с морально-практическим законом, а также с самопроизвольностью *свободы*. Этот жизненный принцип <...> изначально и непосредственно исходит из идей *сверхчувственного*, а именно свободы, и из морального категорического императива, в котором она раньше всего является не просто (как, например, математика) добрым инструментом (орудием для любых целей), то есть средством, а таким учением, следовать которому есть *само по себе долг*» [Кант, 1994, т. 8, 250-251]. В этом определении нельзя не заметить скрытого упрека Канта в отношении «добротного инструмента», который без регулятивного принципа категорического императива может стать инструментом обслуживания радикального зла в человеческой природе.

Даже ироничная аллюзия на Евангелие в названии процитированной работы «Благая весть...» невольно демонстрирует, насколько реалистично чистая душа Канта в своей надежде на чистый разум относится к тому, что он называет математической механизацией и что нашло отражение и в трактате «К вечному миру». В начале «Благой вести...» Кант, упоминая

античного философа-стоика Хрисипа [Кант, 1994, т. 8, 246], достаточно ясно дает понять, на какой дух как «животворящий принцип в человеке» [Кант, 1994, т. 7, 255] он рассчитывает: это – дух, способный гипостазировать то, что, с одной стороны, заключено в идее свободы, а с другой, связано с единственным «внутренним чувством», посредством которого «душа может воспринимать саму себя» [Кант, 1994, т. 8, 223] в эмпирическом опыте своего локального присутствия – это моральное чувство!

В попытке связать причину коронавирусного патогенеза с априорными основаниями перехода от метафизических начал к физике мы подошли к очень драматичному признанию того, что ход мыслей Канта побуждает к следующему выводу: причиной биофизического патогенеза является патология души, нечистая психология, заражающая мир смертью. Ведь чистая психология представляет собой «мыслящую субстанцию как принцип жизни в материи, т. е. как душу и как основание одушевленности; одушевленность, ограничиваемая духовностью, дает [понятие] бессмертия» [Кант, 1994, т. 3, 304]. Кант – один из немногих, кто глубоко постиг идею патологической несвободы, которую легко спутать с иллюзией новой чувственно-романтической свободы. В одной из своих Кантовых медитаций это понял Фридрих Гельдерлин, который в письме к брату Карлу отмечал: «Кант – Моисей нашего народа» [Гельдерлин, 1969, 497]. Однако в ситуации глобального мира, пораженного помимо Covid и другими опасными болезнями, Кант есть серьезный всеобщий повод для возврата к проблеме исходной субстанции и пониманию субстанциального иммунитета. Ведь душа как субстанция [Кант, 1994, т. 3, 304] есть величина не постоянная: она «может превратиться в ничто если не путем деления, то путем постепенного ослабления (*remissio*) ее сил...» [Кант, 1994, т. 3, 311].

По Канту, ложь есть «величайшее нарушение долга человека перед самим собой, рассматриваемого только как моральное существо (человечество в его лице)» [Кант, 1994, т. 6, 471]. Неужели Covid не станет поводом для «последней честности» человечества и понимания того, что оно поражено нарастающей силой радикального зла, что ему необходимо вернуться к вопросу Канта «Что такое человек?» и понять: онтические предикаты современного объективистского принципа реальности с его наивно догматическим доверием эмпирическому опыту не могут решить онтологическую задачу свободы? Неужели мы не признаем того факта, что история Нового времени есть не что иное, как «опыт о болезнях головы», следствием чего являются психологические и биофизические пандемии? Неужели в ситуации отпадения от динамической организации онтологии естественного добра мы не услышим призыв Канта: «Несмотря на отпадение, заповедь: мы должны стать лучше, не ослабевая, звучит в нашей душе. Следовательно, мы должны также и *мочь* сделать это...» [Кант, 1994, т. 6, 47]?

Заключение

Кант изменил философский взгляд на мир, что признали уже его современники. Однако последствия этого изменения по-разному отразились в различных сферах культуры и философии. Особую значимость Канта следует искать в его критической философии как в том типе общественного сознания, который отвечает за дисциплину мышления и поступка. Кант исключительно важен в современной культуре как главный апологет философской максимы: учиться мыслить значит учиться жить, поскольку бытие убивается ложной мыслью...

Опасность такого убийства со всей очевидностью проявляется сегодня, поскольку современный мир проявляет чудовищное высокомерие к сокровенной сути Кантова просвещения с его идеалом необходимости «практического расширения чистого разума» как в политике, так и в науках о природе. В контексте критической системы Канта проблема сознания

ставится не только как философская, но и как физическая, что весьма актуально сегодня, поскольку в современном дискурсе фундаментальной науки динамическая парадигма, согласно которой акты познания и наблюдения не влияют на природу реальности, дополняется информационной, предполагающей, что любая деятельность, в том числе когнитивная, не только влияет на биофизическую реальность, но и формирует ее. Недооценка этого очевидно проявляет «герменевтическую проказу» сциентистской методологии, ставшей одной из причин усиления не только социально-политического, но природного катастрофизма, включая угрозу глобальных пандемий.

Не настало ли время каждому из нас задуматься о состоянии своего сознания и о переводе своего Vehikel в автомастерскую категорического императива с тем, чтобы эта сомнительная «колымага» не разбилась вдребезги в противоестественном конце всех вещей «на гигантском кладбище человечества» [Кант, 1994, т. 7, 11]. Крупнейший биолог и ботаник, ученый-материалист В.Ф. Купревич, серьезно занимавшийся различными теориями и гипотезами долголетия и противодействия смерти, утверждает: «Придумав смерть, природа должна подсказать нам и пути для борьбы с нею» [Купревич, 1993, 347]. В контексте рассмотренной проблемы «Кант и Covid» парафразой утверждения Купревича должен стать вывод: «Придумав Covid, природа должна подсказать нам, что Кант – один из тех, кто может подсказать нам пути для борьбы с ним»!

Библиография

1. Бажанов В.А. Мозг – культура – социум: Кантианская программа в когнитивных исследованиях. М.: Канон+, Реабилитация, 2019. 288 с.
2. Гельдерлин Ф. Сочинения. М.: Худ. лит., 1969. 543 с.
3. Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Чоро, 1994.
4. Купревич В.Ф. Долголетие: реальность мечты // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 345-351.
5. Луговой С.В. Магистерская диссертация И. Канта «Об огне» и трансформация его представления об эфирной материи // Кантовский сборник. 2019. Т. 38. № 2. С. 7-30.
6. Панкранц Ю.Г. Коннекционизм // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1997. С. 87-89.
7. Хоружий С.С. Фонарь Диогена: Критическая ретроспектива европейской антропологии. М., 2010. 683 с.
8. Gabriel M. Ich ist nicht Gehirn. Philosophie des Geistes für das 21. Jahrhundert. Berlin: Ullstein Buchverlage, 2016. 349 p.
9. Heidegger M. Kant und das Problem der Metaphysik. F.a.M., 1965. 318 p.
10. Kant I. Werke (in 6 Bnd.) Hrsg. von Wilhelm Weischedel. Sonderausgabe, 1998.

Kant and the Covid problem in the context of the anthropology of critical idealism

Vladimir Kh. Gil'manov

Doctor of Philology, Professor,
Professor at the Institute of Humanities,
Baltic Federal University,
236041, 14, A. Nevskogo str., Kaliningrad, Russian Federation;
e-mail: gilmanov.wladimir@rambler.ru

Liliya I. Prikhozhaya

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor at the Institute of Humanities,
Baltic Federal University,
236041, 14, A. Nevskogo str., Kaliningrad, Russian Federation;
e-mail: lilia.uni@mail.ru

Abstract

The article attempts to link the Covid problem with the metaphysical principles of natural science in the context of Kant's philosophy of transcendental idealism. The question of the cause of the Covid pandemic is examined in the context of the dispute between the medical and philosophical faculties, actualized by Kant. Based on the position of Kant that the ability of ideas of pure reason testifies to the special status of man as a goal in the plan of nature, Covid is interpreted as an ominous signal about the rejection of nature from “one-dimensional man”, which generates ontic predicates and therefore is not “worthy of life”. The author points out the need to rehabilitate Kant's ethical-theological teleology with its initial position that only man can be the ultimate goal of nature's activity. Turning to Kant's reflections on the theory of the ether, or caloric, the author comes to the conclusion that, according to Kant's line of thought, the center of force of the synthetic unity of physical elements is not in the physical world, but in the metaphysics of human nature, which, however, is afflicted with “primordial evil”. In this regard, the relevance of Kant's “categorical imperative” is emphasized, according to which Covid is assessed as a reason for the “last honesty” of humanity in the necessary recognition that the ontic predicates of the modern objectivist principle of reality, with its naive dogmatic trust in empirical experience, cannot solve the ontological problem of the law of freedom in in general and liberation from global threats, including Covid in particular.

For citation

Gil'manov V.Kh., Prikhozhaya L.I. (2021) Kant i problema Covid v kontekste antropologii kriticheskogo idealizma [Kant and the Covid problem in the context of the anthropology of critical idealism]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (6A), pp. 203-212. DOI: 10.34670/AR.2021.70.15.023

Keywords

Covid, Vehikel, vitality, pure mind, soul, physicotheology, ethicotheology.

References

1. Bazhanov V.A. (2019) *Mozg – kul'tura – sotsium: Kantianskaya programma v kognitivnykh issledovaniyakh* [Brain, Culture, Society: The Kantian Program in Cognitive Research]. Moscow: Kanon+, Reabilitatsiya Publ.
2. Gabriel M. (2016) *Ich ist nicht Gehirn. Philosophie des Geistes für das 21. Jahrhundert*. Berlin: Ullstein Buchverlage.
3. Heidegger M. (1965) *Kant und das Problem der Metaphysik*. F.a.M.
4. Hölderlin F. (1969) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Khud. lit. Publ.
5. Kant I. (1994) *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected works: in 8 volumes.]. Moscow: Choro Publ.
6. Kant I. (1998) *Werke (in 6 Bnd.)* Hrsg. von Wilhelm Weischedel. Sonderausgabe.
7. Khoruzhii S.S. (2010) *Fonar' Diogena: Kriticheskaya retrospektiva evropeiskoi antropologii* [The Lantern of Diogenes: A Critical Retrospective of European Anthropology.]. Moscow.
8. Kuprevich V.F. (1993) Dolgoletie: real'nost' mechtly [Longevity: the reality of a dream]. In: *Russkii kosmizm: Antologiya filosofskoi mysli* [Russian cosmism: Anthology of philosophical thought]. Moscow: Pedagogika-Press Publ.
9. Lugovoi S.V. (2019) *Magisterskaya dissertatsiya I. Kanta «Ob ogne» i transformatsiya ego predstavleniya ob efirnoi*

materii» [Kant's master's thesis "On fire" and the transformation of his concept of etheric matter]. *Kantovskii sbornik* [Kant's collection], 38, 2, pp. 7-30.

10. Pankrants Yu.G. (1997) Konneksionizm [Connectionism]. In: *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [A Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow: MSU.

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

- 1) заголовок (название) статьи;
- 2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);
- 3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;
- 4) аннотация (авторское резюме);
- 5) ключевые слова;
- 6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;
- 7) список использованной литературы в алфавитном порядке;
- 8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

- книги;
- статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;
- диссертации и авторефераты;
- нормативные акты;
- электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

- архивы;
- неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> или <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои коррективы, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

title (name);

author (s): the surname, first name, patronymic (in full);

author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;

annotation (author's abstract);

key words;

the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;

list of references;

Items 1-5 and 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

- informative (be free of common words);
- original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);
 - substantive (to reflect the main content of an article and research results);
 - structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);
- "English-speaking" (written in high-grade English);
- **volume from 150 to 250 words.**

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

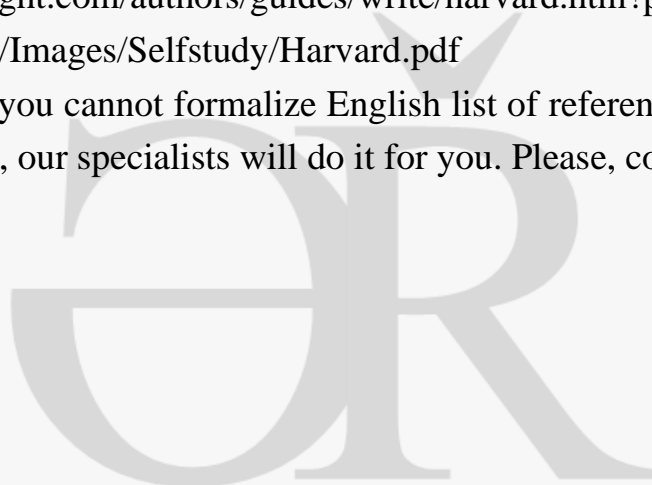
The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> or <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Culturology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.

Our services

In addition to the scientific journals publishing the "ANALITIKA RODIS" publishing house provides a wide range of services.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house provides services for publishing scientific articles, monographs, author's theses and books. Manuscripts coming to us subject to proof-reading and editing by publisher's specialists, provided that authors

are able to evaluate the results and make corrections, add comments and suggest additions at any stage before publishing.

Technical design of the "ANALITIKA RODIS" publishing house includes makeup, design layout, design of covers and illustrations.

Our specialists provide assistance in the design of scientific works – from articles to dissertations according to GOST standards, Higher Attestation Commission or precise scientific organizations, as well literary and scientific editing and proofreading.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house has extensive scientific relations with national and foreign scientists and organizations.

